

ПАНТЕОНЪ.

VI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

I. ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ. <i>Н. И. Кроля.</i>	1 — 6
КАКЪ ПОЛНЫ БЛАЖЕНСТВОМЪ.	
СРЕДЬ СЕЛЬСКОЙ ТИШИНЫ.	
ДИКТЕРАДА.	
МУЗА.	
II. ГАЙКА. Повѣсть <i>Н. Кожановской.</i> (<i>Часть вторая и послѣдняя</i>).	7 — 74
III. ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ. <i>Н. П. Грекова.</i>	1 — 6
КОЛОКОЛА.	
ЧТО ЗА ВЕЧЕРЪ ПЕЧАЛЬНЫЙ.	
ЛАНДЫШЪ.	
КОГДА НЕЖДАННАЯ УТРАТА.	
IV. ЖИЗНЬ И ИЗОБРѢТЕНІЯ <i>Джемса Уатта.</i>	7 — 52
V. СЪВЕРНАЯ АМЕРИКА ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ. <i>Соч. Шарль Олиффа.</i>	
Часть третья и послѣдняя.	1 — 46
VI. НЫНѢШНЯЯ ЛЮБОВЬ. Повѣсть.	47 — 74
VII. СКАЗОЧНИКЪ. Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ. <i>Грицки Григоренко</i>	75 — 98
VIII. С О В Р Е М Е Н Н О Е.	
I. ЛИТЕРАТУРА: Джонъ Китсъ и современная англійская поэзія. II. ИСКУССТВА: Вокальная музыка во Франціи. (<i>Статья вторая и послѣдняя</i>). III. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ: Мехиканское правосудіе. (<i>Разсказъ путешественника</i>). IV. АНЕКДОТЫ, МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ИЗВѢСТІЯ: Излишняя аккуратность или маленькіе недостатки великой добродѣтели. — Слава. — Цвѣточница въ Пале-Рояль.	1 — 78

ЖЕРТВА МЩЕНІЯ. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Переведенная съ французскаго *Дмитріемъ Ленскимъ*. 1 — 56

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. МУЗЫКА: *Кадриль* на лучшіе мотивы изъ оперы Верди «*Трубадуръ*». Соч. *Ф. Гунтл.*

2. ПОРТРЕТЪ: перваго композитора русскои духовной музыки *Бортнянскаго*.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ № 5. ОТСУТСТВУЮТ

3. МУЗЫКА: *Токатина*. Соч. *Гензельта*

4. ПОРТРЕТЪ капельмейстера и композитора *Йоганна Штрауса*.

II-9.
12-101.

О П

ПАНТЕОНЪ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Кони.

8028 7083

ТОМЪ XXVII.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

1856.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградск. Центральн.
БИБЛИОТЕКА
Менделѣевъ
ТЕАТРЪ БРАТЪ

ПАМЯТНИКЪ

ГЛАВЪ

ИЗДАВАНІЮ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 1 Декабря 1856 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

ВМЪ
С. С. С. С.

ВЪ ТИПОГРАФИИ

А. ДМИТРІЕВА

1856

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРІЕВА.

I.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. КРОЛЯ.

I.

Какъ полны блаженствомъ съ нимъ наши условныя встрѣчи.
Цалуя, онъ любить начать и оканчивать рѣчи.
И жарко, и долго, и нѣжно, и страстно, и жадно
Любуется мною, покровы сорвавъ безпощадно.
И съ робкою нѣгой къ нему прижимаясь любовно,
Я маю въ восторгѣ и сердце такъ бьется неровно.
Часы незамѣтно надъ нами бѣгутъ какъ мгновенья.
Я знаю свою красоту, — не боюсь сравненья.
И съ цѣлю ль природа меня наградила тѣмъ кладомъ,
Чтобъ цвѣтъ мой поблекнулъ ни чьимъ необласканнымъ взгля-
домъ.

Нѣтъ, правду онъ шепчетъ, склонясь къ моему изголовью,
Что женщина только прекрасна бываетъ любовью.
Но женскій инстинктъ прибѣгать научаетъ насъ къ средствамъ:
Власть надъ мужчинами мы укрѣпляемъ кокетствомъ.

Вся разомъ я другу не дамся, — а только по части
 Красы довѣряя, вѣрнѣй распалю въ немъ страсти.
 То прелестью персей чарую, то ножкой разутой; —
 И если порою онъ проситъ помедлить минутой,
 О, я не рѣшаюсь, — и знаю не буду въ потерѣ, —
 Назавтра онъ раньше придетъ постучаться у двери.

 II.

Средь сельской тишины и средь градскаго шума,
 Меня томить одна крушительная дума:
 Боюсь, что врасплохъ послѣдній въ жизни разъ
 Уларить надо мной неотразимый часъ.
 Да не застигнетъ онъ меня съ невѣждой гордымъ,
 Ни въ полночь одного въ раскаяннн нетвердомъ;
 Не встрѣчу я его болѣзнями томимъ,
 Въ безумьи, оргіяхъ или порывахъ гнѣва;
 Но въ цвѣтѣ силъ умру, и веселъ и любимъ,
 На персяхъ у тебя, возлюбленная дѣва.
 Когда уста мои къ твоимъ прилипнуть жарко,
 И буду я въ очахъ твоихъ блаженство пить, —
 Пусть явится тогда завистливая парка,
 И мнѣ безжалостно обрѣжетъ жизни нить.

III.

ДИКТЕРАДА.

Что проѣтъ тебѣ, подруга?
Что-то скучно намъ вдвоемъ.
Развѣ спѣть о томъ, какъ друга
Поджидала я тайкомъ.

Аль о томъ, какъ въ часъ условный,
Я съ тревогою любовной,
На свиданье, въ первый разъ,
Ночью въ садъ къ нему кралась.

Воздухъ запахомъ душистымъ
Утомлялъ и раздражалъ.
Другъ подъ топодемъ тѣнистымъ,
По условью, ожидалъ.

Въ чащѣ роши полусонной
Соловей свисталъ влюбленный; —
Робкій путь же въ тишинѣ,
Освѣщали звѣзды мнѣ.

Страсти властію могучей
Другъ мнѣ чувства оковалъ;
Тополь зеленью пахучей
Насъ какъ сѣткой покрывалъ.

Помню просьбы, помню ропотъ
 Поцалуи, нѣжный шопотъ,
 Сердца трепеть, слабый крикъ,
 Весь блаженства сладкій мигъ.

Помню часъ потомъ разлуки,
 Первый совѣсти укоръ,
 Стыдъ позора, сердца муки,
 Взоры дѣвственныхъ сестеръ.

Но лишениемъ покоя,
 И позоромъ и молвою,
 Всѣмъ смогу я пренебречь
 За блаженство этихъ встрѣчъ.

IV.

МУЗА.

(*Θ. П. Чумакову*).

Не цѣломудренной весталкою, бывало,
 Отъ головы до ногъ увитой въ покрывало,
 Она являлась мнѣ въ полночные часы;
 Но въ полной роскоши всей женственной красы,
 Въ прозрачной туникѣ царицей вакханалій,
 Безъ пояса и безъ докучливыхъ сандалій.

До пять струилась прядь ея волнистыхъ косъ,
 На головѣ сіялъ вѣнокъ душистыхъ розъ, —
 И съ упительной улыбкой нѣжныхъ губокъ,
 Мнѣ предлагала дщерь веселья полный кубокъ; —
 И Вакха даръ живой глотая ю-чиста,
 Я дѣву цаловалъ въ горячіе уста; —
 Когда жъ хмѣль пробивалъ ланить моихъ румянецъ,
 Пускался вмѣстѣ съ ней въ какой-то рѣзвый танецъ; —
 Пока на мягкой одрѣ Кипридой чтимыхъ травъ,
 Куана, маковъ, розъ, не упала стремглавъ.
 И здѣсь-то дѣва мнѣ въ соблазнахъ женской ласки,
 Бывало, грѣшныя нашептывала сказки.
 Но бережно отъ всѣхъ хранилъ я въ тайнѣ ихъ;
 Боясь, что скромный слухъ встревожитъ страстный стихъ,
 Иль эротической картины смыслъ игривый
 Невольно возмутятъ чело красы стыдливой.
 Прошли года, — а вотъ, въ борьбѣ заботъ и дѣлъ, —
 Лѣтами юнъ, — душой я рано устарѣлъ;
 А дѣва вѣрная мнѣ все не измѣняла, —
 Лишь рѣже посѣщать мой скромный утолъ стала.
 Но кто бъ ее узналъ? — гдѣ дѣлся прежній видъ,
 Веселье бурное и яркій цвѣтъ ланить, —
 Лукавое очей манящихъ выраженье,
 И формъ полунагихъ роскошныя движенья?
 Потупленъ скромно сталъ ея стыдливый взглядъ;
 Простая туника теперь ея нарядъ; —
 Скрываютъ станъ и грудь завистливья складки, —
 Не вьются волосы въ роскошномъ безпорядкѣ;
 На свѣжной бѣлизнѣ дѣвичьяго чела
 Гирлянда розъ давно надѣта не была, —
 И поясъ обвился вокругъ талии ревнивой;
 А обувь грубая, сокрывъ ноги красивой
 И формы чудныя и свѣжность наготы,
 Не дразнить болѣе причудливой мечты.
 Все измѣнилось: скромнѣе стали встрѣчи,
 И взгляды холоднѣй и холоднѣе рѣчи,
 А искренность? увы, — ой нѣтъ въ пожатии рукъ.

Предметомъ ибсенъ сталъ общественный недугъ,
 Къ началамъ кореннымъ стремленье, жизнь народа,
 Да неизмѣнная во всемъ всегда природа.
 Но есть мгновенія... и, мнится, не остылъ
 Въ прелестной скромницѣ вакханки прежній нылъ; —
 Вдругъ пробуждаются въ ней давнiе порывы,
 Веселье прежнее гетеры прихотливой; —
 Тогда она покровъ съ чела стыдливый рветъ,
 И снова весела, и пляшетъ и поетъ;
 Вдругъ будто прошлое припомя, страстно взглянетъ
 И въ пляску бурную меня съ собою манитъ.
 И въ изумленiи тогда я узнаю,
 Подругу прежнихъ лѣтъ веселую мою,
 Смотрю, не выдержу, бросаюсь къ ней на шею,
 Кружуся съ ней, пою и снова молодѣю.

Июль 1856 г.

Село Коралово.

ГАЙКА.

ПОВѢСТЬ Н. КОХАНОВСКОЙ.

Часть вторая.

II.

Трудно положить, чтобы человек, и не вовсе тонкий, всегда именно желал того, что онъ показываетъ видъ и говоритъ, что желаетъ. Болѣе или менѣе, понемногу сбывается известная блестящая фраза: что языкъ намъ преимущественно данъ, чтобы скрывать наши мысли, а не выражать ихъ.

Это маленькое размышленіе невольно пришло мнѣ по поводу вопроса: точно ли молодой Людмилъ Павловичъ такъ хотѣлось ѣхать къ ея благодѣтелямъ, что не могли остановить ее явная несостоятельность ея экипажа, ни рядъ очень послѣдовательныхъ и вѣроятныхъ опасеній, могущихъ возникнуть изъ того? Это рвеніе оказывается немножко подозрительнымъ: точно ли оно истекаетъ

изъ одного сильнаго побужденія сердца? Между тѣмъ какъ предметъ обусловливался такимъ образомъ: не ѣхать значило уронить себя во мнѣніи цѣлой Сороковки, потерять почти десять процентовъ изъ всеобщаго уваженія, непреминуемо долженствовавшаго быть поколеблему подобными толками: не ѣдетъ что-то пани воеводша къ своимъ большимъ господамъ? Видно, насъ тамъ не очень жалуютъ: что въ прошломъ году были; а теперь и посидѣть дома захотѣли? «И панъ Мокрый, и сама пани Швачка сейчасъ разъ бы спросили и въ другой переспросили объ этомъ... И кромѣ того, какъ не летѣть, какъ не ѣхать? Мила, какъ рыбка, окунется въ родной живой водѣ, узнаетъ что новаго, что случилось въ томъ свѣтѣ, который давался и не дался ей, и къ тому рояль Лихтен-таля въ пространной залѣ, всѣ роды журналовъ и Лена эту зиму провела въ Петербургъ, — сколько рассказовъ! и что какъ носить? въ чемъ измѣнился фасонъ платьевъ? Какія теперь модныя шляпки... О, какъ не летѣть, какъ не ѣхать! И затѣмъ — какъ ѣхать? Судите сами: на эти рассказы о балахъ, о выѣздахъ, о торжествахъ Лены, что отвѣчать, когда та спроситъ: «а ты рассказывай, говори, Мила.» Что Мила цѣлый годъ, только и знай, сидѣла у низенькаго окна за пальцами? что въ туманѣ и безъ тумана плоской широтою облегалась ее степь? Что просились слезы въ глаза? проносились какія-то урывчатые мысли?.. И какое дѣло Ленѣ до нихъ и что можетъ быть общаго между сороковской барышнею и богатой красавицею большаго свѣта? И зачѣмъ ѣхать, и къ чему ѣхать? Чтобы занимать то мѣсто въ парадной гостиной, которое ассигновано воспитанницамъ, или какой нибудь дальней бѣдной родственницѣ? А Мила? Она въ своей Сороковкѣ уже такъ привыкла къ местному почету первенства, такъ отвыкла отъ этихъ маленькихъ уколовъ полувниманія, полупренебреженія съ милостивымъ благоволеніемъ.

Мила еще не ѣхала, а уже думала о томъ, какъ хорошо будетъ возвращаться! А ѣхать было надобно, чтобы не оказаться неблагодарною, непомнящею благодарній и это именно такъ: что пани воеводша повела бы дочь за руку, если бы не случилось на чемъ поѣхать. И

наконецъ самая процедура этого путешествія что за несносная тягость! На полтора дня сожматься, затиснуться въ брику; сорокъ верстъ ѣхать безпредметной степью; взъѣзжая на нее, Ерема закидываетъ на мѣдный столбикъ у козелъ возжи, достаетъ изъ кармана трубочку и начинаетъ курить. «Такъ оно себѣ, пусть такъ,» одобряетъ пани воеводша. «Пусть лошадки сами пройдутся.» И лошадки идутъ, помахивая хвостами и головами; зачесется ухо у которой, она преспокойно останавливается и начинаетъ его потирать о дугу и оглоблю; товарищи къ ней понемногу ржать, какъ бы спрашивая: что? очень чешется? «Оставь ее. Ерема; пусть почесется,» говоритъ пани воеводша. Вначалъ это страшно смѣшило Милу; потомъ ей становилось досаднымъ; наконецъ вывело ее изъ терпѣнія. «Помилуйте! кто такъ ѣздитъ?» спрашивала она. «Мы, коротко отвѣчали ей.» И слава Богу, что это только мы, а никто болѣе.

И наконецъ тоже слава Богу, что и возвратное путешествіе, къ началу котораго такъ тяжело въ затаенномъ сознаниі обращалась мысль, подходило уже къ концу. Миновали ту безотрадную степь, спустились отъ нея подъ гору; слѣдовало только версты на три проѣхать лугомъ между огромныхъ торфяныхъ кочекъ, подняться потомъ въ большую пологую гору, усаженную коренастыми пнями, зазеленѣлыми и кудрявыми отъ молодыхъ погоновъ и между нихъ словно бѣлыя мурашки распозлились по взгорью, а это ходило стадо испанскихъ овецъ; и вотъ, взъѣзжая въ гору, направо подъ широкимъ темнѣющимъ садомъ и двѣ трубы дома Алексѣя Леонтьевича; а уже отсюда верстъ осьмнадцать, двадцать и Сороковка.

— Эхъ, поди ты! Да прійдется въ Остабной почевать; не доѣдемъ, Мила, говорила пани воеводша.

И это было болѣе чѣмъ вѣроятно. Совсѣмъ уже вечерѣло, или по крайней мѣрѣ становилось очень сумрачно. За тучами нельзя было опредѣлить: совершенно ли сѣло солнце, или оно только садилось, проводя узенькую золотистую каемку на окраинѣ неба? Лиловатый мимолетный отблескъ едва вспыхивалъ и погасалъ въ медленно идущихъ, тяжелыхъ тучахъ. Онѣ весь день облегали небо и дождь сильный шелъ, и теперь еще рѣзкій сѣверо-

восточный вѣтеръ «москаль,» какъ его называютъ по Малороссіи, вырываетъ изъ тучъ крупныя холодныя капли и бьетъ ими въ залубенѣлую кожу, застегнувшейся на всѣ фартуки, на всѣ свои ремешки и застѣжки, брики. При поднятомъ переднемъ фартукѣ, Дашѣ не оставалось возможности сидѣть подъ нимъ и она нашлась очень довольною прилечь и совсѣмъ заснуть, положила голову къ колѣнамъ барышни. Барышня оставалась постоянно молчаливою отъ холода, въ темнотѣ закуноренной брики, спустивъ вуаль и въ неприятномъ положеніи челоуѣка въ дорогѣ, когда дорогу испортилъ дождь и темнѣетъ, москаль въ уши дуетъ и надобно добираться до какого нибудь ночлега. «Не въ пору мы, душа моя, выѣхали. Хотя бы намъ на гору поскорѣе выбраться... Ухъ! кочки растолкали бока, а?» на новомъ толчкѣ привскрикнула пани воеводша. Голосъ у нея оборвался; а ей показалось, что это Мила что-то говорить ей. «А?» спросила она. Но Мила безотвѣтно молчала.

Не холодомъ скрѣпило молодыя губы; а скрѣпили ихъ такія мысли, что какъ пройдутъ онѣ надъ бровями и слѣдомъ морщинка поползетъ надъ ними. Она потомъ сойдетъ и разгладится; но для будущаго уже начало есть.

Мила, слово будетъ слишкомъ широко, чтобы сказать: она любила; но первое пробужденіе чувства, эту робкую нѣгу, несознающую ни надеждъ, ни желаній сладость тихо приливающей жизни къ сердцу, ихъ ощущала Мила. И подъ какимъ пленительнымъ представленіемъ это сказалося ей! Старшій сынъ О...скихъ блестящимъ образомъ окончилъ науки въ одномъ изъ высшихъ заведеній столицы; два года онъ не былъ дома. Татьяна Николавна, какъ страстно любящая, радостная и гордая своимъ сыномъ мать, и какъ женщина, любившая всѣ случаи торжественности и пышныхъ представленій, положила устроить ему блистательную встрѣчу. Онъ долженъ былъ пріѣхать лѣтнимъ поздравимъ вечеромъ. Заданъ былъ балъ, созваны гости, фасадъ дома освѣщенъ; Лена и Мила, предназначенныя къ главной роли, въ бѣлыхъ бальныхъ костюмахъ; ихъ шестнадцатилѣтнія головки пышно увиты свѣжими розами, на столѣ приготовленъ зеле-

ный лавровый вѣнокъ и всѣ ждуть радостнаго вѣстника, когда она прискачетъ сказать: ѣдетъ, ѣдетъ! И вотъ онъ ѣдетъ... Съ задушаемымъ крикомъ радости бросается къ нему съ ступеней крыльца мать, обнимаетъ его отецъ; юноша входитъ въ сіяющій залъ и на порогѣ роднаго дома встрѣчаютъ его двѣ молоденькія дѣвушки, въ бѣломъ, въ дышущихъ свежимъ ароматомъ розахъ и надѣваютъ ему на голову лавровый вѣнокъ. «Стань на колѣно,» шепнула ему мать и онъ, улыбаясь, сталъ передъ ними на одно колѣно. Одна изъ нихъ ему родная сестра, другая почти тоже сестра, выросшая въ семьѣ его; юноша растроганный крѣпко обнялъ ихъ обѣихъ вѣстѣ и, пылко цѣлуя, поцѣловалъ ихъ милыя лица. И что ему этотъ балъ и чужіе люди? Онъ хочетъ быть съ *своими*. Онъ увелъ ихъ въ садъ, обнялъ ихъ обѣихъ за талии и, прохаживаясь по широкимъ аллеямъ, въ отдаленномъ сіяніи сверкающаго окнами дома, подъ музыку, которая передивами несетъ къ нимъ, онъ говоритъ имъ, рассказываетъ, ласкаетъ ихъ обнаженныя руки. Какъ сестрѣ Ленѣ, онъ и Милѣ почти говоритъ *ты*. «Одинъ лавръ,» осматриваетъ онъ свой вѣнокъ: «чтобы немного примѣшать мирта, Мила? «цѣлуетъ онъ ея руку и наклоняетъ къ нимъ свой свѣтлый радостію, прекрасный юношескій лобъ, чтобы онѣ поцѣловали его... Такая пльнительная страница читалась въ свѣтломъ представленіи Милы. Когда теперь вечеромъ подѣхали къ дому и въ освѣщенномъ окнѣ вдругъ Милѣ показался онъ, у нея занялось дыханіе... «А! вы, mademoiselle Мила! неожиданное явленіе,» бралъ онъ протянутую къ нему руку. «Mais comme elle se gante bien,» посмотрѣлъ онъ любопытно на руку или на перчатку. На завтра онъ былъ споленъ занять собою, своими гостями; но быть въ его присутствіи дѣлало удивительно хорошенькой Милу. «Вы посмотрите, право,» указывала на нее гостямъ Татьяна Николавна. «Она хорошеетъ тамъ, въ своей... какъ ея?.. Мила!» подставляла ей щеку Татьяна Николавна. «А, mademoiselle Мила! да какъ вы милы!» Набрелъ онъ печально на Милу, сидѣвшую подъ деревомъ на маленькой скамейкѣ. «Я не прошу даже позволенія сказать это вамъ...» И эта властительная полунебрежность тона!

Сълъ онъ къ ней на скамейку и хотѣлъ взять руку; Мила крѣпко взялась ею за сукъ дерева. «Что это? какъ вы одичали, Мила, въ своей Сороковкѣ... Маменька забываетъ всегда, гдѣ вы живете; а я, видите, помню. Скажите: развѣ мы чужіе? Даже одинъ учитель французскаго языка у насъ съ вами былъ!» Мила что-то отвѣчала и пошла къ дому. Ей хотѣлось немножко заплакать; но она не заплакала... Пусть этимъ усилимъ и возмужала она къ жизни; но теперь, сидя въ закупоренной брикѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ, въ такой унылой обстановкѣ горькаго разочарованія молодой мечты, чѣмъ, думала, утѣшить себя, чѣмъ вознаградить, Мила?..

.... Ай! ой! Господи... отцы мои!.. Тру! стой! остановитесь... Ерема! Мила! ой... что съ нами? Пантелей! падаемъ... Поднимайте, спасайте... Ай, барышня, ай! въ ровъ валимся ай, ай, ай! перевернулись... Ахъ, Боже мой! это гайка...

Всѣ эти восклицанія вмѣстѣ и одно наперерывъ другаго, вырвались изъ брики, носились вокругъ брики; сдерживали лошадей. Что такое, что? Вхали тихо въ гору и вдругъ задъ брики началъ однимъ колесомъ будто отходить, подаваться въ бокъ, въ бокъ-ай! что дѣлается? и расшатнулась, падая брика, только не въ ровъ, какъ вопила съ просонья Даша, а среди ровной дороги. Последнее восклицанье о гайкѣ объясняетъ все.

Именно; это была гайка, какъ предсказывалъ Алексѣй Леонтьевичъ и какъ, менѣе всѣхъ крича, ушибенная въ правый локоть и почти задушаемая навалившимися на нее подушками и узлами, проговорила Мила. Здѣсь только ей пришло въ голову, что пріѣхавши къ О...скимъ, она забыла позаботиться о своей брикѣ; мать не знала ничего; а Еремей, по пословицѣ, только про себя разумѣй,—и теперь вотъ спала гайка!

Вѣроятно, то, чѣмъ она была подвернута, стерлось въ дорогъ и, могло быть, что и самая дорога лугомъ по кочкамъ и толчкамъ окончательно развертѣла гайку; только брика страшно накренилась. Желѣзная ось съ размаха на полчетверти вошла въ разрыхляющую землю и надобно было удивляться, что къ одной бѣдѣ не приключилась другая: не сломалась ось, выдерживая на себѣ брику и

весь грузъ брики. Но здѣсь спѣшили отстегнуть фартуки; старый Пантелей, не жалѣя послѣднихъ зубовъ, грызъ не подающіеся ремешки и застѣжки. Высвободилась пани воеводша и первымъ дѣломъ перекрестилась; Милу на руки принялъ Пантелей изъ брики, цѣлуя размахивающіеся рукавчики ея бурнуса; чтобы успокоить барышню, или извиниться въ бѣдѣ передъ нею, онъ и самъ не зналъ и, для облегченія сердца, обругалъ совою Дашу.

— Не подѣ часъ мы выѣхали... Мила, Господь съ тобой! другъ ты мой, мы тебя задавили... Какъ же тебя называть, старый! спрашивала Ерему пани воеводша. Что ты это съ нами сдѣлалъ? Вѣкъ ѣздилъ, того не было. Дурную дорогу по лугу переѣхалъ; на хорошей было намъ головы посломалъ!

Пани воеводша, не осмотрѣвшись, еще не знала настоящей причины паденія; а Ерема, находя излишнимъ отвѣчать, шелъ по дорогѣ назадъ, тыкая въ землю кнуртомъ, отыскивая гайку.

— Что ты тамъ батька своего ищешь? Простительно осердясь, спрашивала пани воеводша.

Но собственный ея, одинъ короткій взглядъ на запрокинувшуюся брику, на колесо, которое, откатясь, лежало близъ дороги, объяснилъ ей что такое ищутъ и что надобно всѣми мѣрами искать.

— Пантелеюшка! Даша! голубчики мои, такая надъ нами бѣда стряслась! идите и вы къ Еремѣ, ищите. Здѣсь недалеко гдѣ нибудь гайка спала... Мила, простудишься ты, дитя мое. Стань за лошадьми, чтобы тебѣ не на вѣтрѣ быть. Успокойся, золото мое дорогое! только бы тебѣ не ушибло; а это еще не ни вѣсть какая бѣда—найдемъ гайку.

Но что-то не рано ли обнадеживала пани воеводша насчетъ гайки. Конечно, гдѣ ей болѣе быть, какъ не на дорогѣ и не могло колесо много проѣхать безъ гайки; но Ерема уже изъ вида скрылся, сошелъ совсѣмъ подѣ гору; а стало еще не начелъ гайку и, по слѣдамъ его, Даша и Пантелей шли и все шли дальше, не возвращались; а совсѣмъ уже темнѣеть...

— Охъ! что-то мудреное съ ними дѣется! Куда они такъ

далеко идуть? Здѣсь поблизу гдѣ нибудь гайка, пошла сама пани воеводша.

Мила, чувствуя свою вину, не возражала, что она остается одна при лошадахъ и опрокинутой бричкѣ и хотя бы какой нибудь прохожій, или проѣзжій, случился! Въ ихъ положеніи онъ и мало могъ бы помочь имъ; но все одинъ видъ челоуѣка имѣеть что-то облегчительное... Черезъ дорогу начали перегонять овецъ; старый чабанъ, опершись на свою герлыгу, посмотрѣлъ издалека на брику. «Чьи вы?» Спросила Мила. «Алексѣя Леонтьевича,» погнала стадо.

... Пани воеводша, запыхавшись, шла.

— Нѣту, Милочка! нѣту, дитя мое! И что намъ дѣлать? нѣту.

— «Маменька! куда же ей было дѣваться?»

— Одно слово: нѣту!..

И Даша пришла, и Пантелей пришелъ, и Еремей пришелъ—нѣту, что хотите.

При самомъ взѣздѣ на гору была рывина, полная воды и толчекъ большой. Тамъ, по всей вѣроятности, должна была соскочить гайка и колесо еще могло держаться потому, что сей часъ подъемъ въ гору шелъ косоюромъ на противоположную отъ колеса сторону и оно, не свертываясь, могло итти, пока не взѣхали на ровную дорогу; здѣсь въ нѣсколько оборотовъ колесо должно было соскочить... Такъ ли оно точно было, или какъ иначе? Можетъ статья, гайка попала и въ траву, что довольно высокая была при дорогѣ; можетъ быть, она лежала и на самой дорогѣ, запавши въ грязь и въ сумеркахъ не могли разглядѣть? Но только теперь, когда по дорогѣ перешло тысячи полторы овецъ и взгрузило ее своими острыми копытцами, искать на дорогѣ чего нибудь другаго, кромѣ комовъ замѣсившейся грязи, было совершенно напрасно.

— Что намъ на свѣтъ приходится дѣлать? Вѣдь совсѣмъ ночь...

Еремей и Пантелей поднимали брику и надѣли колесо на ось.

.... Мила, я думаю писать къ Алексѣю Леонтьевичу. Что намъ тутъ дѣлать?

— «А! нѣтъ, маменька! Богъ съ вами. Что же намъ Алексѣй Леонтьевичъ сдѣлаетъ?»

— Все-таки мужская голова не то, что наши женскія: что нибудь онъ намъ да нагадаетъ. Гайку ли, совѣтъ ли какой дастъ.

— «Нельзя ли какъ нибудь безъ гайки ѣхать?.. Маменька! къ чему мы призовемъ Алексѣя Леонтьевича? Что ему здѣсь дѣлать!—и безъ него досадно.»

— Да уже твоя досада не въ счетъ, коротко отвѣчал а мать.

— «Но вѣдь намъ надобно гдѣ нибудь почевать? Что же мы будемъ стоять здѣсь, ждать его? Можетъ быть, его дома нѣтъ. Пойдемте лучше какъ нибудь пѣшкомъ до Остабной.»

— Что такое говорить, что и слушать... Не договорила пани воеводша... Она, видите, пойдетъ пѣшкомъ по грязи, по такому вѣтру! да какъ ты думаешь тутъ близко?

— «Шесть верстъ, панночка, мое сердце!» Проговорилъ жалобно Пантелей.

— Хотя бы кто на волахъ ѣхалъ, говорила пани воеводша: я бы васъ посадила съ Дашею на возъ и отправила бы къ матушкѣ отца Тимофѣя; а то никого не видать, ни души христіанской!.. Пантелей! ступай (отпрягай лошадь что здѣсь, нечего думать)—къ Алексѣю Леонтьевичу, что вотъ такъ и такъ скажи: такое намъ несчастье; что я ему просьбу мою посылаю; пусть онъ намъ помощь свою дастъ, какую знаетъ.

— «Маменька милая! право... Да нельзя ли намъ какъ нибудь ѣхать?»

— Сядь въ брику, дитя мое; не стой на мокромъ мѣстѣ... Оставь мать дѣлать; она лучше знаетъ.

Поскакалъ Пантелей; глаза всѣхъ провожаютъ его...

Въ самомъ дѣлѣ, почевать приходится посреди дороги! Хотя бы въ степь куда, къ стогу сѣна подвернуть было можно, такъ никуда податься нельзя, колесо спадетъ. И невпріятность Миль такая, что она себѣ глаза закрывала рукою,—увидѣть Алексѣя Леонтьевича! онъ будто напророчилъ эту бѣду; просить его объ одолженіи... «Вотъ и происшествіе!» скажетъ онъ, котораго она желала; непремѣнно подсмѣетъ ей. Мила была достаточно огорчена

и еще рука болѣла, иззябла она. Сильное безпокойство, котораго она еще не испытывала, возрасло въ ней до степени грустнаго нервнаго страданія.

— «Даша! потри мнѣ, душенька, ноги,» въ совершенно наступившей темнотѣ, тихонько просила она. «Ноги у меня совсѣмъ нѣмѣютъ.»

И лошади пани воеводши, какъ ни любили покой, а начали уже не стоять на мѣстѣ; предрогли онѣ. Еремей подтянулъ возжи... вдругъ одна изъ лошадей весело заржала и другая за нею; на голосъ ихъ третья отозвалась имъ издали. Фырканье и сильный галопъ ея послышались всѣмъ и темный силуэтъ всадника и лошади быстро выросталъ, и показывался передъ глазами.

Хотя не было такъ темно, чтобы вблизи не различить, кто такой ѣдетъ, да и не такимъ горячимъ, сильнымъ махомъ шла лошадь, чтобы можно было предположить, что это сухія и нетвердыя колѣнки Пантелея сжимали ей бока; но пани воеводша, слышавши, что ржала ея лошадь и не всматриваясь ни во что болѣе: «Пантелеюшка!» спрашивала ѣздока: «что ты, что привезъ намъ?»

— Это Алексѣй Леонтьевичъ! сказала Мила.

— «Я, я!» подскакивалъ онъ въ галопъ, безъ сѣдла, на лошади пани воеводши. Дай Богъ здоровья вамъ, Людмила Павловна! что ваши глазки въ темнотѣ меня узнали... Я чуть услышалъ, крикнулъ, чтобы запрягали лошадей; прочь долой Пантелея! чтобы онъ съ моими пріѣзжалъ и самъ сюда ѣду, не доѣду, «спрыгнулъ съ лошади Алексѣй Леонтьевичъ...» Что будемъ дѣлать? Гайка! Здравствуйте... Богъ съ вами! не безпокойтесь... что такое?» отвѣчалъ онъ на извиненія пани воеводши въ ея ошибкѣ.

— Алексѣй Леонтьевичъ! Бога ради, дайте намъ гайку! съ серьезнымъ огорченьемъ сказала Мила. У нея едва ли не слезы были на глазахъ.

— «Людмила Павловна!» перешолъ къ ней на сторону Алексѣй Леонтьевичъ. «Вѣрьте Богу, что я отцу родному не хотѣлъ бы такъ... какъ всей душою готовъ для васъ, что вамъ угодно. Но вѣдь гайка не такое дѣло; она не приладится съ одной оси на другую... Извольте, я на вашихъ глазахъ перепробую вамъ всѣ свои гайки; но,

Людмила Павловна, извольте знать: бричка ваша немножко давняя, нынче уже ни такой толшины осей, ни гаекъ такихъ нѣтъ.»

— Родной нашъ! что же намъ дѣлать? Пригадайте. Вѣдь темнота какая и вѣтеръ съ ногъ человѣка рветъ.

— «Катерина Логвиновна! пани воеводша! я пригадалъ нельзя лучше, не отгадайте только вы,» сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Когда я вамъ отъ отца и матери человѣкъ знаемый и дружбу мы съ вами не этого года ведемъ, и самъ я по себѣ не зазорный какой показываюсь вамъ, осчастливьте меня, заплатите за всѣ тѣ разы, что я несчетно бываю у васъ, пожалуйста переночевать ко мнѣ! Вѣдь все равно вамъ ѣхать, никуда нельзя ѣхать. Одинъ я поблизу; не ночуете же вы среди дороги? А завтра мой кузнецъ гайку вамъ сдѣлаетъ, или мы эту по видному отыщемъ... Весь домъ мой къ всепокорнымъ вашимъ услугамъ и я самъ, я, приказывайте мнѣ! Катерина Логвиновна, осчастливьте меня и вы, Людмила Павловна... Вотъ и лошади мои прѣехали.»

— Алексѣй Леонтьевичъ! начала пани воеводша и не находила она, какъ ему сказать: что будь она одна, она бы съ дорогой душою; но дочь съ нею ночевать къ неженатому человѣку... Что заговорять въ Сороковкѣ!..

Алексѣй Леонтьевичъ стоялъ безъ картуза... Мила назвала его по имени и уже по одному голосу можно было судить, что такое происходило въ ней? Какая тревога!

— Мы и безъ того доставляемъ вамъ всевозможныя безпокойства—пожалуйста, налѣньте вашъ картузь, чтобы вы еще не простудились.

— «Только о картузь вамъ угодно было мнѣ сказать, Людмила Павловна?»

— Нѣтъ-съ... Я хочу просить васъ, Алексѣй Леонтьевичъ, не быть на насъ въ претензіи—извините, что намъ хочется поскорѣй быть дома.... Мы вамъ такъ благодарны за ваше предложеніе.

— «Что вамъ, Людмила Павловна, во что бы то ни стало хочется отдѣлаться отъ него?... Извольте, какъ же вы приказываете?»

— Я не приказываю, Алексѣй Леонтьевичъ—не имѣю на

7083

то никакого права,—не зная, чѣмъ смягчить ему свой отказъ, протянула Алексѣю Леонтьевичу руку Мила;—но маменька, и убѣдительно просимъ: нельзя ли намъ на этихъ лошадяхъ, что вотъ пришли и въ вашемъ экипажѣ доѣхать до Сороковки? Вы насъ премного обяжете.

— «Людмила Павловна! вѣрьте мнѣ, что я не такъ только говорю; а говорю честнымъ словомъ: будь у меня дома, не въ починку отданъ крытый экипажъ, я бы первое—что не довелъ васъ до непріятности просить меня и десять разъ предложилъ бы его вамъ. Но по такой ли погодѣ, въ вашей шляпкѣ и лоскуточкахъ, которые вы—извините-съ—замѣсто теплаго носите на плечахъ, осьмнадцать-двадцать верстъ проѣхать ночью на дрожкахъ и еще дождь срывается? Ваша ручка, которую вы мнѣ пожаловали, какъ застылая въ моей рукѣ... Накушайтесь у меня чаю.—Ну, согрѣйтесь немного и потомъ, если вамъ угодно будетъ ѣхать хоть въ полночь, лошади мои вамъ будутъ готовы.»

Мила, въ нерѣшительности, побѣжденная и нѣтъ, обратилась къ матери спросить ее: какъ ей будетъ угодно?

— «Катерина Логвиновна!»...

— Алексѣй Леонтьевичъ, родной нашъ! мы вамъ столько безпокойствія всякаго нанесли, что—что и дѣлать? Коли ваша милость, берите насъ.

— «Насилу-то — слава тебѣ, Господи! Допросился радости... Самсонъ!» живо распорядился Алексѣй Леонтьевичъ: «подѣзжай ближе, ближе... ловчье... Смотри въ оба!»...

Заднее колесо пролетокъ стало у самой брички.

«Катерина Логвиновна, пожалуйста! Боже, благослови! и Богъ васъ люби... Не безпокойтесь, садитесь смѣло; лошади не шелохнутся... Людмила Павловна! если бы вамъ было угодно, я бы васъ просто на рукахъ перенесъ.»

— Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе! Меня и такъ сегодня Пантелей на рукахъ носилъ.

— «Какъ вамъ угодно—все какъ совершенно вамъ угодно, Людмила Павловна! Прикажете васъ поддержать немного? Вы бы прямо переступили въ дрожки.»

Мила такъ и сдѣлала.

— «Теперь, ребята, слушай: есть тормась у брички? спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ... Счастлива ты, Ерема,» шепнулъ онъ: «что видишь кучеромъ у пани, а не у пана— была бы тебѣ гайка!»

— Тормась есть, медленно отвѣчалъ Ерема.

— «Затормасить колесо безъ гайки и за нами шагомъ... Трогай, Самсонъ!»

Алексѣй Леонтьевичъ сталъ на рессорахъ позади дрожекъ. Милѣ показалось, что они въ минуту доѣхали къ дому, хотя разстояніе было съ версту: такъ она желала бы на возможно дальшее время отдалить отъ себя это появленіе въ домъ къ человѣку, которому она—вѣтъ и двухъ недѣль— какъ отказала въ рукѣ и теперь, по самой пошлой случайности, какъ въ романахъ бываетъ, въ-за дрянной гайки, она ѣдетъ найти у него пристанище—Господи мой! ночевать къ нему въ домъ и онъ, какъ хозяинъ, нѣкоторымъ образомъ, будетъ имѣть ее въ своей власти и какими торжествующими взглядами въ его волѣ подарить ее! «Бываютъ происшествія, горько себѣ говорила Мила: но не такія оскорбительныя— чтобы они не унижали того, съ кѣмъ случаются»... Если бы не вѣтеръ, который дулъ и вывѣтривалъ дождевую влагу и росу на поляхъ и увѣтахъ, и холодомъ—высушалъ глаза, Мила съ каплями слезъ на рѣсницахъ ступила бы на порогъ этого дома.

Лошади пронеслись въ широкіе растворенные ворота.... Мила ничего не видѣла и не хотѣла видѣть что и какъ было въ дворѣ? Она только, слышала шумъ и колыханье деревьевъ близкаго сада. Хозяинъ видимо былъ увѣренъ, что онъ привезетъ къ себѣ гостей: изъ всѣхъ оконъ той части дома, которая выходила на подъѣздную галлерею, широкими бѣлыми полосами простирался свѣтъ. Въ немъ съ рѣзкой картинностію вдругъ выступили, остановившіяся подъ крыльцомъ, буланья съ разметанными вѣтромъ на сторону и на другую гривами, въ полусвѣтѣ дикимъ звѣремъ, а не лошадьми, выглядывающія въ-за густаго напередѣ вихра волосъ, которымъ забросало и засыпало имъ на половину морды и глаза. Бѣлая съ пятнами, большая собака съ крыльца бросилась, ласкаясь, къ Алексѣю Леонтьевичу; человѣкъ сѣвшилъ вынести свѣчу и вѣтромъ задумо ее...

— «Поди прочь, Турка! отстань, не до тебя, Турка!» говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, принимая съ дрожекъ своихъ гостей и первой Милѣ пришлось ступить на это освѣщенное крыльцо.

Она приостановилась пообождать мать и видѣла въ окнахъ, какъ нѣсколько большихъ и дѣтскихъ головъ, мужчинъ и женщинъ, принавши лицами къ стекламъ и заслоняя себѣ свѣтъ руками, высматривали съ напряженнымъ вниманіемъ, приплюснувъ носы, ихъ любопытный прїездъ и даже указывали на нее пальцемъ. Милѣ показалось, что и лакей появившійся вновь со свѣчею, съ какой-то нахальностію отворялъ ей дверь и просилъ ее пожаловать.... Это извѣстно: надобно только увѣрить себя, что видишь что нибудь, что бы Богъ знаетъ чего ни показалось!

— «Пожалуйте, Людмила Павловна! милости прошу васъ», подтверждалъ слова своего лакея Алексѣй Леонтьевичъ. «Катерина Логвиновна, вотъ сюда-съ, прямо... Такіе мы съ вами давніе прїатели и вы не знаете, какъ у меня дверь отворяется. Насилу Богъ привелъ... Самоваръ! самоваръ живѣ!» Хлопотливо приказывалъ Алексѣй Леонтьевичъ, на минуту отлучаясь изъ залы.

По старинному, благочестивому обычаю отповъ, пани воеводша, какъ вошла въ домъ, три раза къ образамъ перекрестилась и поклонилась.

— Гдѣ же вы, добрый нашъ, ласковый хозяинъ?— обратилась она съ предорогой простотою и искренностію.

— «Здѣсь, здѣсь!» шель Алексѣй Леонтьевичъ.

— Дайте же мнѣ поздороваться съ вами въ вашемъ дому—чтобы и углы свои домашніе слышали, какъ хозяину здоровья и счастья желаютъ... Богъ святой вамъ въ помощь на домашнемъ быту! Здравствуйте, родной мой! здравствуйте, Алексѣй Леонтьевичъ! И не думалось мнѣ, не гадалось у васъ гостѣй быть.

Но что было дѣлать Милѣ? Она не молилась къ образамъ и неужели еще ей было здороваться съ хозяиномъ въ его дому? Пройшла бы она въ гостиную; но кто знаетъ, гдѣ у неженатаго челоуѣка положено быть его гостинной? Она видѣла двѣ полуотворенныя комнаты и, боясь попасть въ кабинетъ, стояла среди залы и мяла въ нерѣшительности завязки своей шляпки.

— «Я все заставляю васъ ждать... Простите, Людмила Павловна. Такая мнѣ новость—счастье великое принимать васъ,» отворилъ широко обѣ половинки двери въ боковую линію комнатъ Алексѣй Леонтьевичъ. Домъ, какъ видно, былъ довольно великъ, строенный еще прежнимъ помѣщикомъ.

Миля рада была мѣсту: опуститься на диванъ и оставаться тамъ по возможности въ тѣни, не выказываясь на глаза и сама она не смотрѣла никуда. Показалось ей, когда она входила, что должно быть Алексѣй Леонтьевичъ большой охотникъ до картинъ потому, что стѣны будто пестрѣли ими; но надъ мѣстомъ, гдѣ она сѣла, стояло большое зеркало, она даже не замѣтила его и не посмотрѣлась въ него. Сняла свою шляпку и здѣсь же положила ее возлѣ себя на диванъ: какъ бы ей покойнѣе было окружить себя своими вещами. Но это уединеніе между шляпкою и скинутыми перчатками продолжалось всего нѣсколько минутъ.

— Какъ прикажете, Катерина Логвиновна? спѣшилъ предложить чай Алексѣй Леонтьевичъ. Какъ вамъ угодно чай кушать? Сюда ли пусть подають самоваръ, или тамъ намъ будутъ разливать?...

Пани воеводша, однажды превозмогши странность такого положенія: быть ли, не быть ли у Алексѣя Леонтьевича, явиться къ нему съ дочерью и призвавъ себѣ на увѣреніе свою достаточную гордость и достоинство (что она здѣсь порока никакого не находитъ, случай такой пришелся, а случаями Богъ владѣетъ—пусть въ Сороковкѣ хоть Лазаря поють)—пани воеводша вступила въ свое полное расположеніе духа. Ея чинная свобода и важность, и веселость такая величавая просіяли въ ней... И въ самомъ дѣлѣ, какъ было не чувствовать удовольствія? Люди столько лѣтъ знаютъ другъ друга и отцы ихъ жили братьями, увѣрились они одинъ въ одномъ, что никому ихъ въ свѣтѣ не разувѣрить — и вотъ привелось такимъ случаемъ нечаяннымъ побывать у пріятеля своего дорогаго! Катерина Логвиновна ото всѣхъ слышала (мужчины, кто изъ Сороковки бываетъ, всѣ говорятъ), что живетъ онъ прекраснѣйше какъ отъ ста душъ другой не поживетъ такъ и порядкомъ всякимъ у него въ домѣ не налюбуеться. Теперь пани

воеводша все увидѣла своими глазами и наиболѣе того. «Какіе покои барскіе!» Осматривала она. «Софы и кресла, всякія *небели*... Куда ни поворотись, такое тебя пріятство встрѣчаетъ. Коверъ по гостиной и занавѣски цвѣтами большими съ листьями; на картинки глаза разбѣгаются.... Умѣть мой пріятель родной пожить, какъ ему Богъ послалъ чѣмъ», не завидуя, а можетъ быть, немножко вздыхая при мысли.... искренно радовалась довольству своего друга пани воеводша; а что насчетъ чая отвѣчала она:

— «Такъ нѣтъ же, Алексѣй Леонтьевичъ! подружески вамъ сказать, какъ пріятелю: не люблю я разлитого за глазами чая. Коли мое слово не противъ вашего станеть, пожалуйста-велите, пусть намъ лучше сюда подадутъ. Людмила Павловна разольетъ намъ чай и еще комната отъ самовара тепломъ пройдетъ.»

— Безпокоить Людмилу Павловну... безпокойно взглянулъ на диванъ Алексѣй Леонтьевичъ.

Разумѣется, та должна была отвѣчать: что какое же безпокойство? ей очень пріятно.

— «Да хотя бы и безпокойство было, что жъ такое? Пусть она заплатитъ чѣмъ нибудь за ваше гостепрѣимство.»

Мила почти поднялась съ дивана...

— «Нѣтъ, Катерина Логвиновна: что касается до платы, такъ это мнѣ самая величайшая плата, что я имѣю удовольствіе принимать васъ», сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

Приказано было подавать сюда чай и Мила съѣла разливать его. Она должна была пересѣсть на кресло передъ круглый столъ; мать заняла ея мѣсто на диванѣ; слѣва придвинулся понемногу къ столу Алексѣй Леонтьевичъ. Самоваръ такъ славно примѣнившійся къ условіямъ русскаго быта, такой шипунъ, кипунъ—шипѣль и кипѣль; Алексѣй Леонтьевичъ отослалъ челоуѣка и взялся самъ прислуживать что будетъ нужно. Показалось ему, что нужно опустить занавѣски, чтобы холодомъ не тянуло отъ оконъ на сидѣвшую Людмилу Павловну—и опустил онъ ихъ. Турка лапою отворилъ дверь изъ залы и сколько тамъ сильно ни шептали ему: «Турка! Турка! куда ты? Сюда, басурманъ!» Но басурманъ, рослый и величавый, какъ только можетъ быть величава лягавая породистая собака, вошелъ

и сталь, поднявъ одну лапу, посреди гостиниой. Онъ будто чуюль незнакомую ему дичь.

— «Ваша собака дѣлаеть на насъ стойку», сказала Мила, находя неприличнымъ вовсе молчать и показывать хозяину, что дуешься на него въ его собственномъ домѣ.

Людмила Павловна только хотѣла казаться чрезвычайно усталою, въ чемъ много было и правды—и оттого серьезною и молчаливою; но на лицѣ само собою показывалось, что она была сильно разстроена и смущена. Она нехотя, чуть улыбнулась своимъ словамъ.

— Вамъ, Людмила Павловна, можетъ быть, неприятно? Я вышлю Турку, подвядся—было Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Нѣтъ, пожалуйста, не безпокойте себя и никого изъ своихъ. Если кому не надобно здѣсь быть, то вѣрно не Турку... Такъ его и зовуть: Турка» что бы сказать еще нѣсколько словъ, спросила Мила: «Или онъ вѣроятно Турокъ?»

— Нѣтъ-съ, Людмила Павловна, такъ онъ и есть Турка, (чрезвычайно внимательный и какой вѣжливый! но тоже совсѣмъ серьезный: такъ, что Алексѣй Леонтьевичъ ни подшутилъ, ни засмѣялся ни одного раза; говорилъ онъ умѣря свой полный голосъ и только Людмила Павловна не замѣчала, какая нѣжная забота владѣла имъ). — Видитесь: Турка, продолжалъ Алексѣй Леонтьевичъ: какъ я его досталь, назывался монплезиръ, или монпарусинъ какой-то... Я подумалъ такъ: зовешь собаку и не знаешь, какъ ее зовешь? а, Катерина Логвиновна, изволите помнить: когда батюшка изъ турецкаго похода пришелъ и собаку такую лягавую привезъ? Ее и прозвали Турка—вотъ, Людмила Павловна, я и своей далъ такую кличку: Турка.

— «Турка», машинально повторила Мила и довольна была, что могла замолчать, занявшись разливаньемъ чай.

Пани воеводша съ Турки обратила разговоръ на своихъ овецъ, которыя она предполагала купить: и какъ, и почему она ихъ купила, и когда дѣло будетъ посылать за ними—и что же вы, Алексѣй Леонтьевичъ, сигарку свою не курите? И закурилъ Алексѣй Леонтьевичъ сигарку, и затихалъ, выкипая, самоваръ. Мила разливала густой струею по чашкамъ чай и прекрасный его запахъ ласкалъ тонкое обонянье Милы, когда она нечаянно подвядла глаза

и увидѣла противъ себя въ зеркалѣ всю прекрасно отразившуюся комнату съ затворенными дверьми, съ опущенными занавѣсками въ ихъ яркомъ узорѣ—чайный столъ, Алексѣя Леонтьевича, въ дыму сигары наклонившагося къ столу и себя, распоряжающуюся чаемъ, розовую, разогрѣвшуюся отъ самовара—въ маленькомъ чепчикѣ, который она, снимая шляпку, позабыла снять... У Милы вся кровь пришла къ лицу; вспыхнувъ, она устремила глаза на Алексѣя Леонтьевича, боясь и ожидая повстрѣчать его дерзкій взглядъ, готовая отразить его.... Мила не находила мысли на то чувство, которое волновало и оскорбляло ее.

— Вамъ что-то угодно, Людмила Павловна? съ такой предупредительной заботою спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Ничего... Какъ однако становится тепло...»

Мила спѣшила открыть свою молодую голову, свою дѣвичью косу и бросила чепчикъ на диванъ къ шляпкѣ.

Алексѣй Леонтьевичъ почти сейчасъ вышелъ на нѣсколько времени изъ комнаты.

— Какъ живетъ прекраснѣйше, Мила! сказала пани воеводша.

— «Я устала, маменька.»

— Тебѣ говоришь одно, а ты другое.

Мила молчала.

Вошелъ Алексѣй Леонтьевичъ; приняли чай. Чтобы избавить себя какимъ нибудь занятіемъ отъ участія въ общемъ разговорѣ, Мила подозвала Турку и начала ласкать его и разстилатъ у себя на колѣнахъ его атласистыя великолѣпныя уши. «Славный Турка!» говорила она, наклоняясь къ нему; но умный взглядъ животнаго искалъ ласки въ ея глазахъ и подозрительнѣе ревнивца слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Милы... Турка зарычалъ и отошелъ.

— «Это совершенное несчастье!» думала Мила, оставаясь на краю дивана одна въ этой гостиной, гдѣ ей было тѣсно и душно, какъ никакому чижу въ его клеткѣ. «И часа полтора ожидать ужина, ждатель...» Но Мила не окончила мысленнаго перечня всего, что еще ей приходилось ждать.

— Людмила Павловна! всталъ къ ней на одинъ шагъ Алексѣй Леонтьевичъ. Извините меня... смѣю предложить

вамъ: вы изволили довольно устать... Просить васъ обож-
дать ужина—не смѣю. Какъ вамъ угодно? Можетъ быть,
вамъ угодно послѣ дороги покой имѣть?

Мила обратила глаза по направленью взгляда Алексѣя
Леонтьевича и встрѣтила въ противоположныхъ отъ залы
дверяхъ свою Дашу, которая только что не присѣдала,
рисуюсь въ своемъ появленіи.

— «Я вамъ благодарна, родной мой — Богъ видитъ за
безпокойствіе ваше», сказала пани воеводша. «Она мнѣ
только что жаловалась... Поди, Мила. Здѣсь, знаете, дорога
такая, съ ранняго утра ѣдемъ, дождь поливаетъ; а тутъ,
помилуй Господи! перепугъ вѣдь: гайка-то наша!»

— Я точно очень устала, сказала Мила, отказываясь
отъ предлагаемой ей присылки ужина и она была почти
за дверьми, когда пани воеводша воротила ее и, по обычаю,
перекрестила на сонъ грядущій.

— Слава Богу! Веди меня скорѣе, Даша, скорѣй! Зат-
воряй плотнѣе за собою двери... Куда? шепотомъ, тороп-
ливо говорила и спрашивала Мила, проходя узенькую изъ
гостиной комнату.—Здѣсь, что ли?... Смотрѣла она на
дверь прямо.

— «Сюда-съ... Т. е. право, барышня-съ, мы здѣсь на
удивленіе. Какія намъ, я вамъ скажу-съ, приготовленія..»

— Прочь! прочь! — войдя въ комнату и покраснѣвъ,
сильно заговорила Мила.—Съ чего ты взяла давать мнѣ
все чужое? Подай мнѣ мое! Я не хочу другаго—слышишь?
Я этого не хочу!

Дашѣ предстоялъ трудъ вновь убирать постель барышнѣ,
развязывать свои дорожныя узлы; но она столько щебетала!
восхваляла шелковое одѣяло, удивлялась, какъ это не
хотѣть его? что надобно было удивляться, какъ Мила не
отвѣчала ни слова. Но оказавъ довольно своей власти въ
большемъ, она великодушо находила, что здѣсь достаточно
невниманія.

— «Готово-съ..»

— Это еще что? спросила Мила, встрѣтивъ за легонькими
ширмами на столикѣ банку съ вареньемъ и здѣсь же блюдечко
и десертную ложку.

— «Это-съ? спѣшила ей отвѣчать ея горничная... Алексѣй
Леонтьевичъ спрашивали: можетъ быть, вы любите, отходя

на сонъ, чѣмъ нибудь полакомиться? Я сказала что очень любите-сь — что еще какъ мы у О-скихъ жили, старая барыня привезутъ, бывало, варенья или пирожковъ какихъ, я такъ приготовлю, чтобъ англичанка рыжая своими аспидными глазками не видала и вы все съ Еленой Васильевною въ постеляхъ кушаете-сь.»

— Но ты забыла вспомнить, что тамъ намъ почти ѣсть не давали? Съ ума ты сошла, Даша?

— «Этого я, право, барышня, не знаю; только у насъ въ Сороковкѣ не по комъ и съ ума сойти.»

— Бога ради—ну! я тебя прошу, Даша! не слушала далѣ Людмила Павловна. Если любишь меня, отдай это варенье тому, кто тебѣ его далъ; не трогай его! Пусть оно какъ было, такъ и примутъ его отъ меня. Я не хочу, чтобы думали, что я его ѣла... Даша, пожалуйста! сдѣлай для меня это.

— «И вотъ какъ-сь, барышня, сдѣлаю», отвѣчала съ пафосомъ Даша. «Я оставлю ложку и блюдечко здѣсь, чтобы вы сами видѣли и понесу-сь банку; а уже руками, извините-сь, я помужичью не могу», извинялась съ достоинствомъ Даша.

Людмила Павловна хотѣла разомъ окончить всѣ эти мелкія тревоги, заснуть: но малѣйшій шорохъ за стѣною— что нибудь чуть уловимое слуху пробуждало все ея вниманіе. Какъ маленькія дѣти, думая избавиться отъ воображаемыхъ страховъ, натягиваютъ себѣ на голову одѣяло, такъ она прятала свою голову подъ подушку, чтобы ничего не слышать и съ этимъ вмѣстѣ напряженно прислушивалась: слышитъ ли она что нибудь? точно ли она ничего не слышитъ? Она уловила всѣ малѣйшіе звуки, которые могли долетѣть къ ней, когда тамъ ужинали за тремя дверями: дребезжащій стукъ тарелки, металлическій звонъ ножа; одного голоса Алексѣя Леонтьевича Мила никакъ не могла различить, не подозрѣвая вовсе, что это онъ нарочно такъ умѣрялъ его, чтобы не обезпокоить сна... И это напряженное бдѣніе почти столько же истомило Людмилу Павловну, какъ всѣ случившіяся происшествія. Жизнь съ недавняго времени стала сильно сказываться ей своими мелкими волненіями, какой-то тревожащей мыслью безъ

определенной мысли—и Мила заснула только под шепотъ молитвы матери.

На другой день... Мы такъ привыкли ко всему; а новый день? Кто можетъ сказать, что занимающійся лучезарный день вотъ то и это именно свершить и принесть намъ? Съ закатомъ солнца будемъ ли мы неизмѣнно тѣ же и все наше въ насъ то же, чѣмъ мы были и что было въ насъ при его восходѣ?...

Но новый сіяющій день довольно долго не свѣтилъ тихому пробужденію Милы. Она спала, какъ снятъ отъ усталости, послѣ дороги и безпокойствъ, не слишкомъ заботясь о наступающемъ днѣ, который что особеннаго можетъ принести имъ? Такъ думаютъ.—Но послѣднее не примѣнялось къ Людмилѣ Павловнѣ. Она была очень озабочена, просіявшимъ ей въ открытыя окна днемъ. «Что это? Можно ли не разбудить?» говорила она. «И маменька оставила, ушла, гдѣ же маменька?» спрашивала она Дашу. Отвѣтъ былъ: что онѣ уже вакушались чаю и пошли осматривать хозяйство съ Алексѣемъ Леонтьевичемъ. «Какъ же ты не разбудила меня?» спрашивала барышня. Но Даша открыто извинялась своей совѣстливостію: что Алексѣй Леонтьевичъ, уходя, такъ ее просили не беспокоить, оставить поживать, пока барышня сами проснутся, что Дашѣ совѣстно было не исполнить, когда насъ такъ просятъ. «А для меня ты забыла оставить сколько нибудь твоей совѣстливости?» спѣшила одѣться Мила, чтобы, по возвратѣ съ хозяйственнаго осмотра, не застали ее неготовую.

— «Можно ли такъ заспать? На что это похоже? Какъ будто я рада, что расположилась здѣсь?» вошла она, тихая и розовая, въ гостиную...

Никого не было; лежала ея шляпка на диванѣ и на столѣ готовъ былъ весь чайный приборъ. За самоваромъ видно заботливо слѣдили, потому что онъ кипѣлъ, какъ сей часъ поданный.

«Дашенька!» воротилась назадъ Людмила Павловна. «Бога ради, скажи, чтобы все принимали—я не хочу, ничего не хочу!» не пошла Мила далѣе той узенькой комнаты, которая находилась передъ гостиною.

Здѣсь во всю стѣну подъ окномъ, выходящимъ въ садъ,

былъ устроенъ турецкій диванъ съ подушками на обѣ боковыя стѣны, у дивана разостланъ грузинскій пестрый коверъ и два кресла по сторонамъ — болѣе и стола не было. Но еще меньшимъ въ два раза была бы совершенно довольна Мила.

Нельзя было влюбоваться ея тихой женственной прелестью. Что вчера волновало ее такъ гнѣвно, то на утро въ чувствѣ души осталось тоже. Но почь ли, смягчая, утишила его? день ли его благотворно осіялъ и проглянулъ въ эту смуту, умѣрилъ гордость переносимаго, раздражающаго чувства униженія до тихаго задумчиваго смущенія? Только тонкій инстинктъ женственности, вызванный обиднымъ, страннымъ положеніемъ Милы, утративъ въ ней вчерашнюю рѣзкость и порывы — тѣмъ не менѣе — но еще полнѣе, несравненно тонѣе, какъ бы какимъ паромъ обливалъ всю ея милую граціозную особу. Людмила Павловна тихо ступала, съ нѣжной робостью будто сторонясь ото всего; никуда она не смотрѣла своимъ застѣнчивымъ, не любопытствующимъ взглядомъ. Нѣжно розовенькая, съ полукрытыми рдѣющими губками, которыя ежеминутно какъ бы хотѣли что-то сказать и въ прозрачномъ смущеніи не сходило съ нихъ краткое слово — Мила была, какъ никогда ей не удавалось быть милѣе. Въ простенькомъ холстинковомъ платьѣ сидѣла она на турецкомъ диванѣ, легко касаясь его такою тихою, доброю Милою; какъ бы она затаилась въ уголокъ ото всего міра и немножко она здѣсь размышляетъ...

Если бы окно въ садъ не было открыто, Людмила Павловна не коснулась бы его своей рукою. (Пусть все, что ни есть вокругъ нея, остается, какъ оно есть. Она не даетъ себѣ права подвинуть въ этомъ домѣ стулъ хотя на волосъ). Но въ открытое не ею окно, на нее сильно вѣяло майское послѣднее утро, пропитанное вчерашнимъ ливнемъ, еще съ грядями тучъ, какъ рамою, по краямъ горизонта; но весь глубокій куполь неба сіялъ своею чистотою.

Мила совсѣмъ оборотилась къ окну и подперлась на него рукою. Этотъ садъ, котораго шумъ лѣсной она вчера слышала, помятый миновавшей бурей, обронивъ нѣсколько вѣтвей и осыпавъ много листа, не колыхаясь теперь стоялъ темный, съ просвѣтами какъ пятнами, западающими въ

его глубокую сѣнь—превосходный садъ! совсѣмъ задичалый, безъ изиѣженныхъ цвѣтовъ—коренастые, порѣпавшіеся стволы и вѣтви какъ стволы и тучами листья!

«Что за видъ долженъ былъ быть вчера, подь бурей, когда расколыхался садъ по всему своему широкому склону!» думала Людмила Павловна, слѣдя за мощной игрою дневнаго лучезарнаго блеска по зазубринамъ отклонявшихся вѣтвей, недвижныхъ и безшелестныхъ, какъ очарованныхъ подь тихую красоту утра... И это очарованіе блеска солнца вошло невыразимо въ душу Милы; задумала ее могучая игра жизни въ его лучахъ...

..... подь яснымъ блескомъ солнца...
Здѣсь челоѣкъ, живымъ влекомый чувствомъ,
Играюще всесильнаго мгновенья!

Людмила Павловна все чутко слышала въ своей душѣ и въ тихомъ домѣ, и по налегшей тишинѣ надь мощнымъ зеленымъ садомъ—все чуть слышимое она какъ бы осязала его. Въ душѣ у нея была какая-то тихая прозрачность какъ поверхность яснаго озера, ждущая серебрянаго удара весла, чтобы съ легкими брызгами разсѣчь ее и указать ея свѣтлую, открывшуюся глубину. Въ саду у самыхъ оконъ и совсѣмъ заплѣненного лѣсными кустами балкона свирестѣли маленькія сѣренкія птички съ острыми ноготками. Цѣпляясь ими за молодые поросли, онѣ роняли, какъ бисеринки, свою маленькую живую трель; по дому все было тихою полною жизненною тишиною рабочаго утра... Но вотъ наконецъ что-то слышала Мила, провела рукою по лбу и немножко заслонила ею глаза; но она сейчасъ же открыто смотрѣла ими съ тѣмъ же мягко застѣнчивымъ взглядомъ, по встрѣчающимъ съ достоинствомъ, что такое ему хочетъ явиться? Когда на порогѣ изъ гостиной появился Алексѣй Леонтьевичъ:

— Съ добрымъ днемъ, Людмила Павловна, будьте здоровы!

— «Здравствуйте»... не назвала по имени Мила. «И прекрасный день послѣ вчерашняго.»

— Сыро еще очень. Не вредно ли будетъ, что окно... хотѣлъ притворить...

— «Нѣтъ, оставьте; я не боюсь простуды. — Извините, что я на первомъ словѣ сей часъ же предлагаю вамъ два вопроса.»

— Сколько вамъ угодно, Людмила Павловна, совсѣмъ вошелъ въ эту узкую комнату и сѣлъ въ кресло у дивана Алексѣй Леонтьевичъ.... Сдѣлайте ваше одолженіе.

— «Первое: куда вы дѣвали мою маменьку? Я слышала, что она пошла съ вами; а потомъ — гайка, Алексѣй Леонтьевичъ?» Смотрѣла въ окно Мила.

И Алексѣй Леонтьевичъ, кажется, радъ былъ душевно, что она на него не смотрѣла: потому что онъ самъ такъ смотрѣлъ на эту милоотворотившуюся отъ него головку, хотѣвшую немножко улыбнуться при словѣ: гайка и закраснѣвшую, поворотившую на вѣтеръ свои вспыхнувшія румяныя щечки.

Мила, не получая вдругъ отвѣта, оборотилась.

— Съ маменькой вашей, Людмила Павловна, мы обошли все мое хозяйство, были на пасѣкѣ-съ (а пасѣга моя вонъ за садомъ подъ горою, гдѣ дымокъ выходитъ); я же пошелъ сюда, мнѣ нужно было распорядиться; а тамъ рои началъ выходить—маменька ваша осталася.

— «А другое?» тихо спросила Мила.

— Другое? Все идетъ, какъ слѣдуетъ; не безпокойтесь, куютъ. Я самъ чуть-свѣтъ былъ два раза въ кузнь.

— «Но если вы сами рано такъ безпокоились, то уже должно быть готово?»

— Не совсѣмъ, Людмила Павловна. Сдѣлаютъ одну гайку, легко можетъ быть другая спадетъ: такъ позвольте, пусть всѣ четыре сдѣлаютъ.

Замолчала Мила.

— «Какъ хорошъ вашъ садъ!»

— Скучный, Людмила Павловна.

— «Это грѣхъ про него сказать.»

— Задичалъ, какъ старый холостякъ. Заниматься я имъ не занимаюсь, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ — недлячего. Гулять по немъ у меня некому: самъ я каждый день въ полѣ нагуляюсь. Лѣто пройдетъ, я и разъ пять въ него не загляну.

— «Но не для одной прогулки—какъ отсюда далеко ваша пасѣга? не видно, чтобы маменька шла,» смотрѣла

Мила—«развѣ здѣсь нельзя бы было почему стоять вашей пасѣкѣ?»

— Не настоящее мѣсто для пасѣки, Людмила Павловна.

— «Этотъ садъ не мѣсто?» немножко удивилась Мила.

— Да-съ; разросся не въ мѣру, темень—пчела въ немъ будетъ лѣнивая: не видя солнца, засыпаться будетъ, не рано вставать и рано въ улей садиться.

— «Я полагала, что я по-крайней-мѣрѣ одно знаю въ хозяйствѣ,» съ наивной искренностію сказала Мила: что пчела уже непременно любить лѣсъ; а выходитъ, что я того не знала: какой лѣсъ?

— Не знаете вы одного, такъ много знаете другаго—это все равно. Всякой свое знаетъ, что ему Богъ далъ.

— «А маменька нѣтъ...» сказала Мила.

— Я разумѣю, Людмила Павловна, въ чемъ остановка, или задержка есть: роевъ много стало выходить. Вчера былъ день пасмурный и сегодня имъ ходъ большой—такъ и занялась Катерина Логвиновна. Это же ея такое любимѣйшее занятіе.

— «Кажется, оно и ваше тоже, Алексѣй Леонтьевичъ? Безъ сомнѣнія, вы желаете быть при томъ, какъ рои выходятъ и маменька тамъ... Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйте себя нимало ради меня. У меня есть книга и работа, я займусь.»

— Т. е., Людмила Павловна, это выходить такъ: чтобы я шелъ себѣ подальше.

Мила замаялась въ отвѣтъ на минуту.

— «Я не буду понимать смысла вашихъ словъ, Алексѣй Леонтьевичъ,» сказала она: «и очень жаль, что вы его нашли въ моихъ словахъ. Я просто предлагала вамъ: если угодно, пойти на вашу пасѣку и маменька же тамъ—вамъ будетъ гораздо пріятнѣе. Мы васъ такъ странно, тяжело обезпокоили, что по крайней мѣрѣ въ отношеніи себя собственно, я хотѣла бы избавить васъ отъ церемоніи заниматься мной, какъ настоящей гостьей.»

— Людмила Павловна! а если вмѣсто церемоніи здѣсь вся моя душа? Я Бога милосердаго не знаю, какъ благодарить, что Онъ меня привелъ видѣть васъ въ моемъ домѣ—какой же мнѣ еще болѣе дорогой гостьи ждать?

— «Повѣрьте, что маменька... я, Алексѣй Леонтьевичъ...»

мы (перебирала слова, какъ клавиши, прежде нежели сказала Мила)—въ свою очередь чрезвычайно благодарны вамъ останемся навсегда, что вы не приняли за большой трудъ...»

— Что такое, Людмила Павловна?

— «Все, чѣмъ—я говорю—мы обезпечили васъ.»

— Вамъ угодно повторять... замолкъ на этомъ словѣ Алексѣй Леонтьевичъ. Людмила Павловна! бываетъ такой часъ съ человѣкомъ, какъ будто самъ Богъ его за руку приводитъ на него... Такъ и меня будто Онъ привелъ къ такому великому часу.

— «Я не понимаю васъ, Алексѣй Леонтьевичъ! И вамъ не зачѣмъ мнѣ говорить объ этомъ. Всякой нашъ часъ, мы знаемъ, что онъ въ рукъ Божіей!

— Пусть же и мой будетъ въ Его Святой Рукѣ!... Людмила Павловна! хотя вы и изволите знать, о чемъ такомъ я говорю вамъ—думаю говорить; но мое дѣло не хоронится при такомъ разѣ, а сказать вамъ честно и прямо...

— «Но это не честно и не благородно, Алексѣй Леонтьевичъ!» выросла на мѣстѣ въ пылкомъ негодованіи Мила «говорить мнѣ въ вашемъ домѣ, куда я приведена такимъ случаемъ... Вамъ стыдно! Вы, стало, думаете, что это даетъ вамъ право—что меня можно заставить выслушивать теперь, хочу ли я, или не хочу того!»

— Богъ съ вами, Людмила Павловна! Успокойтесь, родная. Ничего у меня такого и въ головѣ не было. Просто я началъ, какъ говорится: что за хозяина въ домъ и углы его говорятъ—выслушайте меня.

Въ голосѣ убѣдительномъ Алексѣя Леонтьевича, въ чудесной простотѣ его была правдивость неотразимая, въ этомъ словѣ: *родная*—такая искренность сердца, что Мила сама не понимала, какъ это вдругъ въ ней все утихло.

— «Что мнѣ выслушивать, Алексѣй Леонтьевичъ?» сказала она съ застѣнчивой доброю необходимостію выговорить непріятное, тяжелое слушателю... «Я уже слышала разъ. Избавьте себя и меня.»

— Нѣтъ, Людмила Павловна: по воду простая женщина ходитъ въ день сколько разъ; а то человѣку не хотѣтъ попытать дважды своего счастья? Не стоилъ бы онъ и счастья!... Отказали вы мнѣ разъ и правы были; подѣломъ

я тыкву съѣлъ—не начинать бы было такимъ образомъ. Я все маменькѣ вашей рассказывалъ, какъ оно случилось. но теперь—всталъ Алексѣй Леонтьевичъ—я передъ вами всей душою и своимъ лицомъ, Людмила Павловна, не посла шлю: Богъ милосердый велѣлъ человѣку искать себѣ жену по сердцу—Людмила Павловна! я человѣкъ не молодой, но и не старъ—простой, не злой человѣкъ; честность и Богъ у меня въ душѣ есть—угодно вамъ пожаловать меня великимъ счастьемъ: быть мнѣ по сердцу дорогой, милой моей женою, Людмила Павловна?

— «Алексѣй Леонтьевичъ! я, право... выслушайте меня..» бралась за голову Мила, смятенная и что сказать, и какъ отказать не находила... «Благодарить васъ за честь, которую вы мнѣ оказываете, я васъ искренно, отъ души моей благодарю! Я даже готова радоваться этому случаю, что онъ мнѣ даетъ возможность извиниться передъ вами въ томъ вѣтреномъ, пустомъ словѣ, которое, я увѣрена, вы мнѣ простили: потому что я чувствую, что вы очень добры; но, Алексѣй Леонтьевичъ, чтобы вы сами увидѣли, убѣдились—позвольте вамъ немного показать... (Мила говорила совершенно искренно, одушевленно, съ маленькой остановкою, чтобы легче выразить то, что могло быть жесткаго въ ея словѣ) тамъ ли вы ищете, Алексѣй Леонтьевичъ, гдѣ бы вы могли найти ваше достойное счастье?»

— А почему же не тамъ, Людмила Павловна?

— «Потому... потому наконецъ, Алексѣй Леонтьевичъ, что вы вправъ ожидать отъ жены, которую вы изберете себѣ, всего, чѣмъ вы богаты сами—тѣхъ положительныхъ, прекрасныхъ достоинствъ, которыхъ у меня вовсе нѣтъ.»

— А развѣ я не могъ бы подѣлиться, Людмила Павловна, съ вами, коли у меня ихъ такъ много?

— «Вы очень добры», немножко лукаво отвѣчала Мила. «Но, безъ сомнѣнія, вы хотите имѣть очень разумную, хорошую хозяйку, которая бы вполне согласовалась съ вами—умѣла бы не только сохранять ваши интересы, но и сама еще, можетъ быть, сильно работать въ нихъ;— я вовсе не хозяйка, Алексѣй Леонтьевичъ! У меня ничего нѣтъ такого, что вы имѣете полное право цѣнить: я не умѣю

ни считать по насамъ талекъ; ни разбирать ихъ — ни, къ вашему удовольствію, ходить самой въ погребъ и навязать на поясъ ключи. Я не умѣю дѣлать никакихъ настоекъ — ни сушить, ни солить грибовъ... я даже ихъ не ѣмъ, Алексѣй Леонтьевичъ!»

— Такъ я все это умѣю, Людмила Павловна, и грибы охотно ѣмъ, разсмѣлся Алексѣй Леонтьевичъ, и Мила, какъ ни силалась не улыбаться, а улыбку насилу при исчисленіи своихъ несовершенствъ... Но вамъ еще что-то угодно мнѣ сказать? Поговорите же, Людмила Павловна; а послѣ уже позвольте, я буду говорить.

— «Ничего; я только хотѣла замѣтить на ваши слова: что тѣмъ, кажется, хуже для жены, если мужъ все будетъ знать, а она — ничего.»

— А почему, позвольте спросить, хуже, а не лучше оно: что мужъ будетъ дѣлать и поконить...

— «И примется учить, Алексѣй Леонтьевичъ... Позвольте мнѣ, я немножко подумаю. Я хорошо понимаю эту мысль; но какъ бы прямѣе ее выразить?... Будемте говорить такъ: хотя бы вы, Алексѣй Леонтьевичъ — по добротѣ своей вы сейчасъ начнете учить меня и, безъ сомнѣнія, приметесь за это очень ревностно. Я не говорю, чтобы я вовсе не захотѣла понимать васъ; но всякій новый предметъ — его такъ трудно обнять съ перваго раза и такой еще неслишкомъ интересный — хозяйство... Сколько невольныхъ ошибокъ и случайностей! Вы такіе свѣдущіе въ своемъ предметѣ, Алексѣй Леонтьевичъ — достанетъ ли у васъ снисходительности на полное незнаніе вашей ученицы? Сегодня вы останетесь недовольны ею, завтра она — недовольна вами; вы, какъ учитель, захотите удвоить ревности поучить, а мнѣ неравно придетъ охота полѣниться... Алексѣй Леонтьевичъ! я восемь лѣтъ училась въ чужомъ домѣ и подъ очень ревностнымъ надзоромъ: я испытала, какъ это легко и какъ оно услаждаетъ молодую жизнь. Общія ошибки не могутъ такъ пугать: потому что онѣ невольно располагаютъ къ взаимной снисходительности; но гдѣ ошибки будутъ выпадать всѣ на долю одного и одного... Позвольте! пусть я лучше останусь поучиться исподоволь у своей маменьки; она не хлопочетъ ревностно учить меня.

...«Да и... Алексѣй Леонтьевичъ! говорила Мила такимъ прекраснымъ тономъ разсудительности и искренности, съ примѣсю немножю — вы сами увидите чего — и зачѣмъ вамъ, Алексѣй Леонтьевичъ, въ ваши покойныя лѣта хотѣть принимать на себя этотъ трудъ ученья? Вы сами создали себѣ очень выгодное, прекрасное положеніе, обладаете хорошими средствами, вамъ стоитъ только захотѣть, и вы получите все готовое и лучшее... Вотъ Настенька Алешкова — прекрасная хозяйка! и она же съ лѣтства пользовалась вашимъ замѣтнымъ расположеніемъ. Что я передъ нею? Ничего болѣе, какъ слабый, избѣженный ребенокъ и еще съ маленькимъ капризомъ, Алексѣй Леонтьевичъ: не хотѣть вовсе, чтобы взрослые считали его такимъ и думали играть съ нимъ, какъ съ своею куклой... Алексѣй Леонтьевичъ! я должна слишкомъ уважать васъ, чтобы сказать то, что я говорю: есть пора надеждъ и стремленій сердца и пора разсудка, — позвольте мнѣ надѣяться, что я еще въ той поръ, когда могу вступить въ домъ, не потому только, что тамъ недостаетъ хозяйки, а что меня призоветъ туда другое, болѣе высокое чувство того, кто пожелаетъ назвать меня своей женою... Я все кончила.»

— И теперь мнѣ начинать, Людмила Павловна... Такъ это вы думаете, что я такъ только, — подперся на колѣно рукою Алексѣй Леонтьевичъ: чтобы запасть на старость женой и чтобы хозяйка у меня въ домѣ была, пристаю къ вамъ? Ничто мнѣ, Людмила Павловна, хозяйка, когда я самъ не лѣнивъ, не то за двухъ, за трехъ схожйничая; да вотъ душа счастья просить... Вы, можетъ быть, думаете: гдѣ ему, неучу такому, полюбить меня? Онъ и что любовь-то есть не понимаетъ!..

— «Алексѣй Леонтьевичъ! я никогда такъ не думала», сказала Мила.

— Покорно васъ благодарю, коли вы не думали.

— «Но развѣ вы?... Это въ самомъ дѣлѣ?...» мягкимъ, неопредѣленнымъ шепотомъ выговаривала Мила...

— Людмила Павловна! спросите прямо: любилъ-ли я васъ? И я вамъ скажу: ей Богу, любить и по сію минуту душа моя не нарадуется на васъ... Я вамъ все расскажу, — некуда было подвигать кресла, но Алексѣй Леонтьевичъ

двинулъ его къ дивану. — Это я васъ, Людмила Павловна, въ жизнь свою другую люблю.

— «Другую! это очень любопытно», вмигъ обнаружилась полной женщиной Мила. «Кому же это вы измѣнили, Алексѣй Леонтьевичъ, ради меня? Не Настенькѣ-ли?»

— Никому я не измѣнялъ, Людмила Павловна. — Вы знаете мою жизнь трудовую, какъ я начиналъ ее, — серьезно, съ правотою мысли и чувства видно было, что говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Давно было, Людмила Павловна. Душа моя безъ закрывки передъ вами и посмѣетесь вы — воля ваша. Любилъ я и какъ оно, то есть, чудно со мною сталося... Былъ я въ первый разъ на Дону, извѣстно вамъ по какимъ своимъ причинамъ, человѣкъ новый и молодой я еще тогда былъ; ѣду степью верхомъ и самъ я, такъ сказать, не знаю, куда ѣду. Сказали мнѣ, что по хуторкамъ можно товара скупить. Забѣлѣлось мнѣ и сверкнуло озерно вдали; выѣзжаю я широкой балкою — и домикъ стоитъ, и такой себѣ тихонькій хуторочекъ въ двѣ хатки приютился наль озерцомъ! Лошадь ходитъ недалеко по лужку и заржала ко мнѣ, и больше никого не вижу, ни души. Заѣхалъ я съ задней стороны поселка, подѣзжаю къ озерцу, камень большой положенъ съ берега, лежитъ, чтобы видно хорошо было мыться; напоилъ я съ камня лошадь и здѣсь же закинулъ поводья за лозовый кустъ — иду, направился къ дому; выхожу изъ-за угла къ крылечку... а на крыльцѣ сидитъ женщина-казачка, какъ всѣ онѣ ходятъ, въ пестромъ колпачкѣ, наклонилась, закрыла себѣ глаза бьюмой рукою и такъ она плачетъ, такими слезами льется, что, Людмила Павловна, я вамъ и сказать не могу!

Не говорилъ съ минуту Алексѣй Леонтьевичъ.

— Стою я передъ нею и она ничего не видитъ, не слышитъ; плачетъ, не переставая, не отнимаетъ руки отъ лица; упала она себѣ почти на колѣна; руки такія бѣлыя, на обѣихъ ихъ серебряныя, что казачки носятъ, запыстья узорныя, во всемъ она шелковомъ и все то ей не на радость, плачетъ, какъ словно съ душой разстается! Не знаю, какъ я ей то слово вымолвилъ: что нѣту ли у нихъ скота продажнаго? Она, ничего не говоря мнѣ, только подняла руку и махнула ею мнѣ: «ступай, дескать, иди, человѣкъ»

добрый! Не трогай меня!» И залилась еще пуще слезами... У меня, Людмила Павловна, свѣтъ въ глазахъ заступился. Господи! Красота какая и слезы такія горькія, о чемъ она плачетъ? Стою я и не знаю, куда итти; да уже конь заржалъ, такъ я будто пробудился. Иду отъ нея и ноги меня не несутъ, останавливаюсь поглядѣть — она все плачетъ, закрываясь рукою, и поѣхалъ я, гляжу назадъ — сидитъ на крылечкѣ и плачетъ; и не видать мнѣ стало ея, воротился я съ дороги, она не переставаячи, не глядитъ на свѣтъ Божій и плачетъ... И будто всю душу мою взяли эти слезы! Распрашивать о ней некого. Ничего я не узналъ. Годъ прошелъ, не позабуду ея; гдѣ бы я ни былъ, чтобы я такого ни дѣлалъ — сидитъ какъ зачка передо мною и плачетъ, машетъ мнѣ рукой. На другой годъ, вотъ я вошелъ съ Скорняковымъ въ часть гуртъ воловъ купить; поѣхалъ я и тянетъ меня, силою тянетъ понавѣдаться въ тѣ мѣста: что тамъ такое? «Неужто и теперь плачетъ она?» думаю, и ѣду я, Людмила Павловна, не доѣду. Приѣхалъ на радость, пусть хуторочекъ, не живутъ въ немъ; покинуто все. Озерцо-то будто на лужокъ расплескалося, пообросло осокой оно; изъ домика окна повынута и аистъ на немъ гнѣздо свилъ. Въѣхалъ я въ дичь такую непочатую; лошадь моя по высокому бурьяну шерохаεται; прошелся я вокругъ, ни, ни, ничего! На крылечко солнце яркое свѣтитъ, да гадина степная ползеть... Воротился я къ своему коню, припалъ ему на гриву, распростился. Цвѣтите вы, цвѣты алые, гдѣ капали ея слезы горькія... Вотъ такая, Людмила Павловна, моя любовь была: безъ счастья себѣ, безъ доли, безпривѣтная, безотвѣтная! только душу молодую какъ въ полонъ заплѣнила и радостью ни единой не подарила. Тосковалъ я года три съ нею.

Многое, очень многое чувствовалось Милѣ подъ этотъ простой и сильный рассказъ любви, заронившейся въ душу слезою и ничего непринесшей, кромѣ слезы. Какая поэзія, Боже мой! какая поэзія совершается въ жизни съ человѣкомъ и какъ просто! Только она тогда не поэзія, а плоть и кровь его, и горячія слезы чаще всего... Но между всѣмъ этимъ у Людмилы Павловны мелькала мысль: что Сороковка же не вовсе неправa была, какъ ходили слухи, была

казачка и была она въ жизни Алексѣя Леонтьевича , только не совсѣмъ такъ , какъ о ней говорили .

— «Вы кончили?» тихо отозвалась Мила .

— Кончилъ , Людмила Павловна... Заплѣнили меня эти слезы , что за ними свѣта Божьяго я не видѣлъ ; работалъ и отдыха мнѣ не было . Нароботался я вдоволь и нѣтъ того приволья душѣ , какъ оно думалось : какъ вотъ то и другое получу я , что то легко и хорошо мнѣ будетъ ! И неправда все вышло , Людмила Павловна , и скука къ тому такая пришла ! Получилъ я вчетверо больше , чѣмъ я желалъ и всего у меня довольно стало , да счастья не попало... И то есть , Людмила Павловна , говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ : что это въ человѣкѣ дѣется такое , только Бога гнѣвить . Недовольство у меня такое зародилось , что все мнѣ и вполонину не мило . Кажется , такъ бы и воротилъ горемычные тѣ года , какъ съ одною тысячею я бился и въ степи подъ повозкою спалъ ! Кажись , тамъ-то и настоящая жизнь была и счастье было , такого гдѣ теперь и взять ? Смотрю я : и жениться бы мнѣ пора , волосъ сѣдой пробивается ; да какъ же такъ я женюсь , мудреное дѣло : сидѣлъ человѣкъ , всталъ и женился , какъ воды напился ? Не приберу я себѣ по сердцу желанной... Чтожь , хотя и Настенька ? Всѣмъ она дѣвушка хорошая , ни въ чемъ ее покорить нельзя ; какъ словно она меньшая сестра мнѣ , такъ я ее ото всей души люблю ; да не то оно , не ладится къ сердцу . Ну , мы и женимся , что же здѣсь лучшаго-то , хорошаго выйдетъ ? Она будетъ хозяйничать и я буду хозяйничать , и все у насъ одно и то же хозяйство , прахъ его бери , оно мнѣ и одному надоѣло !

И замолчалъ Алексѣй Леонтьевичъ ; махнулъ онъ рукой , задумался немного и точно будто что хорошее душу ему повеселило : такъ у него какимъ-то радостнымъ , яснымъ заиграло лицо .

— Какъ увидѣлъ я васъ самое-первое въ церкви , Людмила Павловна , заговорилъ онъ . Вхожу въ Храмъ Божій , поютъ : *аллилуйя , аллилуйя!* помолился я святымъ образамъ , нѣтъ ! такъ меня будто и тянетъ посмотреть въ сторону . Взглянулъ , Господи , Боже мой ! думаю : что оно , такое худенькое , бѣленькое , показывается такое легонькое , что на одной рукѣ его за тридцать земель занесешь ; а поглядишь , сердце не на мѣстѣ ! . И глядѣлъ я на васъ , Людмила Пав-

ловна, долго глядѣль; глазъ моихъ не отведу и такъ оно показалось мнѣ: вотъ-то моя голубка бѣлая припорхнула! Вотъ она, суженая моя, желанная, здорова была! Стоялъ я передъ намѣстнымъ образомъ Спасителя и поднялъ къ нему глаза, молюсь въ душѣ: «Господи, Царю мой! дай Ты мнѣ волю и козлы, и вся скоты польскіе, возьми всего на половину; только пожалуй мнѣ эту бѣленькую»... Я бы за васъ, Людмила Павловна, и все до послѣдняго отдалъ: не чтобы было чѣмъ лелѣять васъ, молилъ у Бога милосердаго оставить мнѣ половинку... А! Людмила Павловна! не переставала говорить Алексѣй Леонтьевичъ: человекъ я неученый, не могу вамъ рассказать того, какъ-то вдругъ мнѣ легко и хорошо безо всего на сердцѣ стало и все мнѣ милое такое у Бога на свѣтѣ показалось! А какъ я заговорилъ съ вами, да вы улыбнулись мнѣ, такъ мнѣ будто солнце какое другое съ неба выгаянуло, лучи свои показало и самъ я прѣхалъ домой, все себѣ улыбаясь, не знаю чего. И повидать-то мнѣ васъ, послушать, какъ вы слово тамъ ваше маленькое скажете, такъ это мнѣ счастье полное! И сытъ я, доволенъ, какъ будто обуть, одѣтъ имъ, весело хожу. По хозяйству всему ревность ко мнѣ такая приступила; точно будто я все вновь начинаю, готовлю; для васъ бы это я все готовилъ, Людмила Павловна; думка у меня такая жила.

А какая думка жила у Милы, когда она, не поднимая вовсе глазъ на Алексѣя Леонтьевича, но оборотивъ къ нему свое нѣжное лицо, развѣтающее краскою и живымъ волнениемъ, слушала его и не прерывала?

— Забзажаетъ ко мнѣ, Людмила Павловна, нашъ предводитель, истинно хорошій человекъ. При большомъ собраньи посмотрѣть на него, такъ видно, что — человекъ; а когда одинъ съ нимъ останешься, онъ еще лучше. Сидимъ мы ротъ именно здѣсь съ нимъ, сигары закурили. «Хорошо у васъ все, очень хорошо», говоритъ онъ мнѣ; да одно не хорошо, отчего я не женюсь, спрашиваетъ. Вотъ я ему и объявляю, Людмила Павловна, что и какъ. Все о васъ въ подробности рассказалъ ему. Выслушалъ онъ меня внимательно до конца и говоритъ: «Дай Богъ, Алексѣй Леонтьичъ; только — говоритъ — послушайте моего совета: ведите вы это дѣло скорѣе, не откладывайте. Эти молоденькія дѣвушки (извините, Людмила Павловна), говоритъ, на первыхъ порахъ имъ

только бы чепчикъ поскорѣ надѣть; но что послѣ дѣвочки, говорить, не смотреть на насъ нашими глазами и до разныхъ нашихъ достоинствъ имъ дѣла нѣтъ»... У меня, Людмила Павловна, передъ вами и достоинствъ никакихъ нѣтъ; но, то есть, онъ меня въ такую тревогу и сомнѣніе привелъ. «Спѣшите», говорить... Только онъ уѣхалъ, я вслѣдъ ему велѣлъ запрягать лошадей, ѣду, совсемъ готовъ вашей маменькѣ предложеніе сдѣлать, но увидѣлъ я васъ, Людмила Павловна, и посмотрѣлъ на вашу улыбку, такъ мнѣ будто показалось, что я и васъ хочу украсть и улыбку эту милую у васъ украсть... «Не хочу!» сказалъ я самъ себѣ. «Пусть будетъ, что Богъ дастъ, не хочу я неправого счастья.» И такъ я положилъ себѣ, Людмила Павловна: коли не будетъ находится вамъ другаго жениха, не сватать и мнѣ васъ, какъ годъ минетъ, чтобы вы, моя голубка бѣлая, подъ крылышкомъ матери родной осмотрѣлися, обозналися и коли быть счастью, чтобы было оно вольной волею, разумомъ и охотою.

Мила тихо поднялась.

— Куда же вы это идете? Что я вамъ здѣсь разобиднаго такого сказалъ, что вы и дослушать меня не хотите? огорчился сильно Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Я васъ слушаю», тихо и внятно сказала Мила и опять сѣла на диванъ.

— Я васъ цѣлый годъ не сваталъ,—не чувствовалъ самъ, какъ пересѣлъ тоже на диванъ Алексѣй Леонтьевичъ. Вы теперь не дитя молодое; вы какъ есть въ полномъ разумѣ и въ своей волѣ, готовящаяся быть жена молодая человѣку, кому Богъ васъ судилъ на святое счастье: разсудите вы теперь долю мою. Люблю я васъ, Людмила Павловна, то есть, такъ люблю, какъ больше любить, пусть любятъ васъ Божьи ангелы!.. Да взгляните же вы на меня! Посмотрите вы, какъ человѣкъ на васъ не насмотрится, не налюбуется... Людмила Павловна! мнѣ будто мой домъ просіялъ съ тѣхъ поръ, какъ вы вошли въ него, не выходите, моя заря ясная, моя прекрасная!.. Богъ вамъ судья, Людмила Павловна! а коли итти, берите за собою и мое счастье: не вы, такъ никто! Жилъ и свѣкую бобылемъ. Дорогая моя!.. И словъ для васъ нѣту... полюбите вы теперь немножко меня; а послѣ, я знаю, вы меня

полюбите... Людмила Павловна! разсудите же вы судьбу мою.

Мила почти вздрогнула, и когда она поднялась съ дивана, она вовсе не хотѣла уходить; а это было внутреннее сильное движеніе, невольно высказавшееся движеніемъ наружнымъ. Мила, какъ ступила шагъ впередъ по невидимому пути и послѣ, напрасно стараясь увеличить разстояніе на диванѣ между собою и Алексѣемъ Леонтьевичемъ, которое безпрестанно уменьшали его одушевленіе и сила горячей, прямой, выливающейся изъ души его рѣчи, Людмила Павловна, можетъ быть, во избѣжанье, чтобы ея руки не очутились неожиданно въ жаркой сильной рукѣ, оперлась ими обѣими на полоконникъ и скрыла въ нихъ свое лицо, когда вопросъ Алексѣя Леонтьевича раздался у нея почти надъ самымъ ухомъ.

Мила осталась, какъ была, неподвижною, прижимая сильнѣе руки къ своей головѣ.

Проходила не одна минута, а двѣ, три... пять минутъ проходило нерѣшительности и полного молчанія.

— Людмила Павловна!

— «Маменька...» одно слово проговорила Мила.

— Нѣтъ, не маменька! Слово маменькино у меня есть, лишь бы было ваше. Говорите, рѣшайте, Людмила Павловна.

Мила томительно для себя и для другаго молчала; одна сѣренькая птичка тоненько свирестѣла подъ окошкомъ.

— Людмила Павловна, разсудите же вы судьбу мою.

— «Алексѣй Леонтьевичъ! у меня все звенить въ ухахъ; я едва ли что понимаю,» почти сквозь слезы проговорила Мила... «Я слышу, къ вамъ ѣдутъ... къ вамъ кто-то прѣхалъ,» живо сказала она.

И точно съ двора пронесся стукъ колесъ и громко заржала лошадь.

— Это я знаю: Скорнякова лошадь ржетъ. Что же, Людмила Павловна?

Мила сжала руки, такъ, что онѣ у нея слегка по суставамъ хруснули.

— «Къ вамъ идутъ, Алексѣй Леонтьевичъ... пришли въ залу. Подите... дайте мнѣ... я подумаю... послѣ...»

— Не пойду, Людмила Павловна! Алексѣй Леонтьевичъ притворилъ дверь изъ гостиной въ комнатку.

Напрасно посетитель въ залѣ легонько покашливалъ и мѣрно расхаживалъ, видимо вызывая къ себѣ хозяина. «Не пойду, Людмила Павловна,» говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. «Пока не узнаю судьбы своей, не пойду!»

Мила, припавъ у окна на одну руку хотѣла было что-то сказать; но сильная краска, жарко выступающая и слезы не давали ей вымолвить слова. Алексѣй Леонтьевичъ, вставшій, чтобы затворить дверь, сѣлъ къ ней на диванъ.

— О чемъ же вы плачете? отъ какого горя? взялъ онъ другую ея руку. Миѣ горе, Людмила Павловна, поднесъ онъ ея руку къ своимъ влажнымъ глазамъ; а вамъ-то что? Не плачьте; сердца не надрывайте.

Мила сильнѣе плакала.

— Грѣхъ, Людмила Павловна, томить человѣка между жизнью и смертью, говорите!

Людмила Павловна блѣдная встала. Ея живая краска сбѣжала съ лица и только на немъ слезы остались не отертыя.

— «Спрашивайте,» сказала она.

Кажется, Алексѣй Леонтьевичъ былъ остановленъ этой рѣшимостію.

— Что миѣ у васъ спрашивать, Людмила Павловна? Я все уже переспросилъ.

— «Спрашивайте,» тише сказала Мила.

— Сядьте, Людмила Павловна! не стойте такъ, будто передо мною... Простите меня. Я будто чѣмъ огорчилъ васъ! самъ былъ огорченъ и въ сильномъ смущеніи необъяненно чѣмъ-то растроганъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Отчего вы меня не спрашиваете? почти шепотомъ проговорила Мила.»

Ея рѣшимости нестало отъ этого замедленія и она сѣла на диванъ.

— Не буду спрашивать, Людмила Павловна, сильно взволнованно отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Скажите миѣ, что вы сами скажете... Вы чѣмъ-то миѣ какъ огнемъ разжигаете душу. Коли вы миѣ счастье дадите, такъ дайте же, дайте! отворотилъ онъ въ сторону голову, чтобы стекли его горячія слезы и протянулъ обѣ руки.

Мила смотрѣла ему въ лицо...

— «Не дѣлайте такъ, какъ дѣти,» тихо сказала она, «что просять и не беруть.»

Алексѣй Леонтьевичъ всталъ, какъ выросъ. Смотрѣлъ онъ на Милу съ такимъ восторгомъ, съ такимъ невѣрющимъ себѣ безмолвнымъ счастьемъ, что она, краснѣя улыбнулась, и слезы у нея наступили въ глаза; наконецъ она протянула ему свою ручку.

— Голубъ мой бѣлый! первое слово, которое выговорилъ Алексѣй Леонтьевичъ и затѣмъ это былъ цѣлый потокъ простыхъ нѣжныхъ наименованій... Алексѣй Леонтьевичъ сѣлъ возлѣ Милы, взялъ обѣ ея руки и сильно прижалъ ихъ къ своей головѣ. «Вѣдь она сѣдая, Людмила Павловна, какъ же ты будешь ласкать ее своей молодой ручкой?» былъ онъ осиленъ своимъ волненъемъ, растроганъ, умиленъ несказанно... «Ласкай ее, голубка моя, горлинка моя тихая!» ласкалъ онъ у себя на головѣ руки Милы, пожимая ихъ. «Моя сѣдина честная, не позорная; честь твоя—моя трудовая сѣдина.» И Мила тихо приласкала поцѣлуемъ эту сѣдую голову, которая впрочемъ вовсе не была такъ сѣда, а только на вискахъ съ маленькою просѣдью. «Но маменька! маменька!» какъ бы спрашивая, повторяла Мила...

А между тѣмъ посѣтитель въ залѣ, не болѣе громкимъ, но болѣе частымъ покашливанъемъ и постукиванъемъ сапога-о-сапогъ, выражалъ ясно, если не нетерпѣнiе, то свое довольно долгое терпѣнiе.

— «Васъ ждутъ, Алексѣй Леонтьевичъ,» краснѣя замѣтила Мила, и кромѣ того, ей хотѣлось немного остаться одной.

Алексѣй Леонтьевичъ шелъ и не шелъ изъ комнаты; глаза его оставались назади; но проходя еще гостиную, онъ громко заговорилъ:

— А! Матвѣй Ивановъ Скорняковъ! добро пожаловать! Большимъ гостемъ будешь... Ну, извини, братъ! радостно, откровенно говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ уже въ залѣ: извини, не погнѣвайся, что маленько прождалъ. Такое, другъ, дѣло кончалъ, что, не то тебя, прiятеля дорогаго, и отца роднаго не грѣхъ заставить подождать... Обии-

мемся-ка, да поцѣлуемся: Богъ счастье чловѣку далъ; да такое счастье, что и не угадать твоей бородѣ, будь она и подлиннѣе, какъ есть!

Обнялся, поцѣловался Алексѣй Леонтьевичъ; обѣ свои руки положилъ на плеча Матвѣя Иванова и усадилъ его.

— «Оно-съ извѣстная часть,» маленечко улыбался тотъ, утираясь послѣ обниманья то такъ рукою, ладонью, а то еще оборотомъ руки. «Супротивъ-съ вашего слова, Алексѣй Леонтьевичъ: что мала-де борода невеличка, не красноперая птичка, гдѣ вошь не пройдетъ, тамъ мышь прошмыгнетъ.»

— И очень... отвѣчалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Только гдѣ твоей мыши-то узнать, Матвѣй Ивановъ, что мнѣ Богъ послалъ! Что вотъ я, идучи къ тебѣ, да невѣсту свою покинулъ, а?... А? звучно повторялъ отголосокъ тихаго дома... И стѣны на-радости хозяина съ нимъ одно говорятъ, замѣтилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Что пожаловалъ? зачѣмъ Богъ принесъ? По дѣлу какому, или такъ гостемъ погостить? На-радости и недругъ братъ; а ты мой пріятель, самъ знаешь, какой! обнялся опять Алексѣй Леонтьевичъ.

Въ немъ, какъ говорится, душа расходилась. Радости его нуженъ былъ широкій русскій просторъ и открытое, ея полное выраженіе. Но Матвѣй Ивановъ Скорняковъ не удовлетворялъ въ этомъ случаѣ Алексѣя Леонтьевича.

Что за умная, осторожная, себя и свое знающая, не суеть гдѣ не мѣсто ей, сидѣла на плечахъ голова у Матвѣя Иванова вмѣстѣ съ синей его, неизносимой чуйкой, такъ это надобно честь отдать русскому чловѣку! Мы довольно знаемъ его отношенія къ Алексѣю Леонтьевичу; и Скорняковъ не то, чтобы когда зазнался, или величаться сталъ; никогда онъ не думалъ поставить себя на равную ногу съ Алексѣемъ Леонтьевичемъ. «Вы-съ изволите быть дворяне-съ; ваша честь, господа; а мы-съ знаемъ свое, мелкота купецкая.» А эта мелкота сбывала одного сала тысячь на тридцать пять серебромъ. Смиреніе ли это было, или такая высокая жизненная мудрость: сознать свое положеніе; и какъ ни скромно оно, а имѣть силу съ простымъ, стойкимъ чувствомъ достоинства выносить его и не желать принять на себя ничего больша-

го. Только Скорняковъ почти не садился безъ особаго приглашенія Алексѣя Леонтьевича. И теперь, прѣхавши въ домъ и зная одно, что хозяинъ въ комнатахъ, но почему-то не выходитъ къ нему, Матвѣй Ивановъ, знавшій этотъ домъ, какъ свой собственный, не пошелъ однако никуда; а ходилъ себѣ по залѣ, скромно покашливая и легонько постукивая сапогомъ. Природа русская, довольно щедрая въ этомъ отношеніи, обидѣла Матвѣя Иванова насчетъ его изжелта-русой бородки — жиденькая она, некрасовита была. И этотъ недостатокъ до-того выставлялся на его значительно умномъ лицѣ, что бородка Матвѣя Иванова стала непремѣнной шуткой всякаго, кто имѣлъ довольно права пошутить съ Скорняковымъ. И съ этимъ простонароднымъ русскимъ умѣньемъ принимать шутку и самому отшутить ее, Скорняковъ велъ постоянную потѣшную игру на словахъ, очень иногда давая чувствовать правду того, что рѣдкая борода тѣмъ больно хороша, что не застилаетъ ума. Но Матвѣй Ивановъ, по своей чинной почтительности и строго соблюдаемому такту не могъ отвѣчать широко изливающейся радости Алексѣя Леонтьевича, и они заговорили о дѣлахъ, что маленько капитадецъ у Скорнякова въ лишкѣ остался, такъ онъ думаетъ его въ домашній оборотецъ пустить: захватить ленку ли, сѣмени, или пшенички, и зная, что у Алексѣя Леонтьевича не безъ того, прѣхалъ понавѣдаться.

А Мила? Вставши притворить дверь за Алексѣемъ Леонтьевичемъ, она и не садилась, стояла посреди комнаты, смутно рѣшая: точно ли все то съ нею случилось, что случилось? Въ этомъ не было ни раскаянія, ни сожалѣнія; но такая неносящая имени, захватывающая дыханье тревога и замиранье сердца, что Мила почти упала въ кресло. Нервы, бѣдныя нервы! о которыхъ Мила съ дѣтства такъ много слышалась отъ Татьяны Николаевны, теперь она испытывала ихъ на себѣ. Волненье, въ такой силѣ овладѣвшее Алексѣемъ Леонтьевичемъ, его восторженность держали Милу въ напряженномъ состояніи бодрости и силъ, которыхъ у нея и на половину не было. До сихъ поръ она владѣла собою; но теперь, когда она осталась одна, настоящее состояніе ея силъ взяло свое. Склонивъ голову, неподвижная и совсѣмъ блѣдненькая

сидѣла въ креслѣ Мила. Свѣжій вѣтерокъ помогъ ей. Какъ созпательно-тихо принимала она на умиленное сердце свершившуюся судьбу свою! Мила чувствовала, что она увлечена живымъ чувствомъ и это увлеченье покоряло ее, эти простыя слова, голосъ ихъ; эта прямота, сила, — и Мила, вѣжно-стыдливая, находила, что не можетъ противиться этой силѣ. Она почти протянула руки къ начинавшему шумно шелестить своей густой зеленой листвою саду, какъ-бы прося принять ее, такъ неожиданно вступающую подъ его могучее осыненье.

У двери появился Алексѣй Леонтьевичъ.

Хотя онъ вовсе не зналъ обычая легонькимъ стукомъ предувѣдомить о себѣ, прежде нежели войти; но собственное чувство почтительной вѣжности остановило его у порога притворенной двери, за которою была его милая голубка невѣста.

— Вы затворились, Людмила Павловна. Позвольте войти къ вамъ?

Мила дала свое маленькое односложное согласіе.

Вошелъ Алексѣй Леонтьевичъ. Онъ уже вполне совладалъ съ восторженнымъ, смятеннымъ состояніемъ своихъ чувствъ и былъ обычнымъ Алексѣемъ Леонтьевичемъ; только сіянье глазъ, широко раскрытые зрачки, какъ у сокола, и на лицѣ эта полнота жизни, проведенная кистью великаго художника—счастья, сказали бы всякому, что съ этимъ человекомъ совершилось что-то очень прекрасное.

— Людмила Павловна! я къ вамъ за дѣломъ.

— «А маменька? Пошлите, я прошу васъ,» немного застѣнчиво попросила Мила.

— Сейчасъ, сію минуту! — Воротился въ залъ Алексѣй Леонтьевичъ и отдалъ приказаніе человѣку пойти на пастьку и отыскать, просить пожаловать Катерину Логвиновну.—За дѣломъ, Людмила Павловна,—шелъ онъ назадъ, поспѣвая. Здѣсь вотъ намъ съ вами какое дѣло находится, потиралъ онъ въ большомъ удовольствіи руки: потрудитесь, если вамъ угодно, въ залъ пожаловать.

— «Зачѣмъ въ залъ?»

— За дѣломъ же, Людмила Павловна.

— «Вы находите?» не возражая болѣе, поднялась-было Мила.

— Что я нахожу, Людмила Павловна? присѣлъ возлѣ и улыбался, глядя ей въ лицо Алексѣй Леонтьевичъ. Вѣдь, вы были правы не на шутку, говоря, что я сейчасъ примусь ревностно учить васъ! Пожалуйте-ка въ залъ похозяйничать, торгъ вести; купецъ хорошій дожидается.

— «Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Пусть будетъ это шуткою. Увольте меня, Алексѣй Леонтьевичъ. Я ничего не знаю и не имѣю никакого права... Позвольте мнѣ нехотѣть.»

— Вотъ тебѣ на, Людмила Павловна! позволить вамъ не хотѣть!.. Какъ же это никакого права? спрашивалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Вѣдь вотъ же есть право, есть? и онъ поцѣловалъ разъ и другой ея руку... А что вы не знаете? Изъ этого прямо и слѣдуетъ ученье; здѣсь и моя ревность подѣломъ... Пожалуйте, моя голубка несмѣлая, радость моя дорогая! что вы засидѣлись въ этой каморкѣ?

Мила оказалась совершенно слабою, неэнергической женщиною, которая не умѣетъ поставить на-своемъ, и вошла въ залу объ-руку съ Алексѣемъ Леонтьевичемъ.

— Ну-ка, любезнѣйшій! вотъ когда мы начнемъ торгъ торговать... Людмила Павловна! покорнѣе прошу васъ полюбить и жаловать пріятеля моего большаго. Это Скорняковъ, Матвѣй Ивановъ.

Раскланялся разъ и въ другой, отступая назадъ Скорняковъ.

— Прикажите ему, Людмила Павловна, сѣсть, заговорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Онъ поклонами испишетъ всю залу. Садись, садись, сдѣлай одолженіе.

— «Пожалуйста, садте,» съ застѣнчивой пріятливостію сказала купцу Мила, сама садясь, куда подвелъ ее Алексѣй Леонтьевичъ.

— Вотъ когда мы всё усѣлись (я и постою возлѣ васъ, Людмила Павловна), Матвѣй Ивановъ, пріятель мой! чтобы ты на покупкѣ, случаемъ, не обманулъ меня, старика, знаешь, плохаго, — привелъ я сюда, видишь какую, молодую хозяйку. Вотъ уже она съ тобою поторгуется.

— «Очень-съ пріятнось,» всталъ улыбаясь, и раскланываясь Скорняковъ, стирая широкой ладонью свою плутоватую улыбку.

— Посмотрите, Людмила Павловна, какъ эта борода

улыбается! Онъ заранѣе рассчитываетъ съ насъ барыши взять.

— «Да нѣтъ-съ, милость ваша, Алексѣй Леонтьевичъ! что же такое-съ барыши? Деньги-съ. А говорится вѣдь: уговоръ-съ пуще денегъ.»

— Ну, ну! къ чему ты приговариваешься?

— «Слово-съ тутъ недалекое-съ. Что же милость ихъ, чтобъ въ извѣстность было, сами изволятъ по продажѣ, насчетъ эвтого дѣла позаняться и супротивъ, т. е. вмѣшательства ненастоятъ-съ?»

— А! понимаю, пріятель! улыбался Алексѣй Леонтьевичъ. Тогда увидимъ: настоятъ, или ненастоятъ.

— Что же такъ-то въ обиду будетъ молодой барынь? Т. е. ихъ милость, будто онѣ сами неизвѣстны въ эвтомъ дѣлѣ, что имъ со стороны указъ давать.»

— Начинай-ка, начинай свое дѣло! полно разговоры вести. Вишь съ чѣмъ онъ подъѣзжаетъ! чрезвычайно былъ доволенъ Алексѣй Леонтьевичъ, что шутка его хорошо поддерживалась. Людмила Павловна, онъ покупаетъ ленъ и пшеницу; а у меня въ кабинетѣ и обрашки есть. Я вамъ привесу; потрудитесь показать ему... Солнышко васъ досадное беспокоить, проходя мимо, опустилъ стору Алексѣй Леонтьевичъ.

Черезъ минуту онъ воротился и принесъ обрашки на тарелкахъ.

— Гдѣ ленъ, гдѣ пшеница, вы уже, Людмила Павловна, не беспокойтесь. Скорняковъ самъ разбереть.

— «Я и сама знаю,» улыбаясь, подняла глаза Мила. «Вотъ это ленъ» и она, сверхъ ожиданія Алексѣя Леонтьевича, указала не на пшеницу.

— Ну, что же ты, Скорняковъ? подступай, братецъ! смотри, торгуй... Вишь какая тебѣ продавщица случилась: и ленъ со пшеницею различить умѣеть! смѣлся, распотъшень былъ Алексѣй Леонтьевичъ.

Подступилъ Скорняковъ. Мила съ полной естественностию начинала разыгрывать въ этой маленькой комедіи свою прелестную роль улыбающагося смушенія.

— Вотъ это-съ пшеничка-съ и ленокъ, что продавать изволите-съ?

— «Алексѣй Леонтьевичъ продаетъ,» ища себѣ опору,

протянула через плечо свою руку къ Алексѣю Леонтьевичу Мила.

— Такъ-съ. А партія какая-съ примѣромъ-съ будетъ?

— «Партія?» остановилась на словѣ Мила. «Право... какая партія?»

— Партія-съ льну и пшеницы: яровая все, аль озимой есть часть.

— «Яровая,» сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, разрѣшая недоумѣніе о партіяхъ.

«Партія пшеницы въ пятьсотъ четвертей; а льну партія поменьше — двѣсти пятнадцать четвертей.»

— Такъ-съ. Кушь ничего-съ. Цѣна-съ? изволите сказать-съ?

Скорняковъ обращалъ вопросъ къ Миль.

— «Тринадцать съ полтиною,» подсказалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— Ленку-съ это такая цѣна?

— «Да, льну... Нѣтъ, пшениць, пшениць!» поправляла свою ошибку Мила.

— А ленокъ почемъ положить-съ изволите?

Выслушавши хорошо и уже получая навикъ, Мила прямо подняла свои хорошенькіе глазки на Скорнякова и сказала твердо:

— «Пять рублей.»

— Такъ-съ; ассигнаціями, плутовато замѣтилъ Скорняковъ.

— «Съ ума ты сошелъ, пріятель? Людмила Павловна, поучите его: онъ уже и льна со пшеницею не разберетъ. Пять рублей ему ассигнаціями лень!»

— Серебромъ-съ, т. е. выходитъ; не потрафилъ маленечко, усмѣхаясь забавно, раскланивался Скорняковъ. Что же такъ-съ, дороговько, сударыня, будетъ-съ? Этакихъ-съ и цѣнъ не слыхать: чтобы ярая пшеница на тринадцать съ полтиною. Уже и новой-то недалечко ждатель-съ: родимая зеленѣетъ въ полѣ. Ленокъ-то-съ четыре рублика-съ для знакомства вашей милости.. пожалуй, и съ полтинкой-съ, куда ни шло, можно дать; а только не извольте беспокоить-ся: цѣнъ-съ такихъ больно хорошихъ не слыхать-съ.

Напрасно Мила поворачивала голову и взглядывала въ

сторону Алексѣя Леонтьевича: онъ презабавно молчалъ, оставляя ее дѣйствовать собственными средствами.

— «Какія же цѣны слышать?» поневолѣ спросила, входя въ свою роль Мила.

— Вотъ-съ, какъ я милости вашей докладывалъ, переступалъ съ ноги на ногу, поглаживая свою бородку Скорняковъ: лень, т. е. на четыре рублика съ полтинкой серебра, т. е. это оно выходитъ-съ: пятнадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ на ассигнацію; а пшеница, ужъ намъ-де не извѣстныя ли цѣны пшеницъ? Рублика на три тамъ съ чѣмъ нибудь, аль-бо безъ чего нибудь, чтобы, т. е. безобидно, въ аккурать дѣло вести.

Милу слово *безобидно* очень тронуло. Ей показалось, что въ самомъ дѣлѣ обираютъ бѣднаго Скорнякова.

— Да и очистка-съ пшенички, продолжалъ тотъ, ворочая по тарелкѣ рукою и пересыпая зерно, сами изволите видѣть-съ (хотя Мила ровно ничего не видѣла): земляца есть и куколекъ-съ пропрыгиваетъ, на вашу милость сошлюсь.

— «Землица! А въ чемъ бы ты это не нашелъ землицы, кабы сталъ искать?» оборвался Алексѣй Леонтьевичъ. А самъ-то ты, молодецъ, что?»

— Да оно-съ, Алексѣй Леонтьевичъ, въ точность такъ; противъ этого спору не имѣется, широко озарился своей улыбкою Скорняковъ. И писаніе т. е. говорить-съ: «земля еси и въ землю пойдеси.»

Смѣялся и Алексѣй Леонтьевичъ.

— «Ну, такъ что жъ ты рассказываешь, что земляца въ пшеницѣ есть? Людмила Павловна будьте такъ добры, сбавьте ему по полтинѣ съ пшеницы для перваго знакомства, какъ онъ вамъ рѣчь свою умную говорилъ. А что въ полѣ-то пшеница зеленѣетъ — эхе, хе! пусть онъ ее отвѣдаетъ.»

Торгъ пошелъ оживленнѣе.

Матвѣй Ивановъ всеми купеческими увѣреньями завѣрялъ, что только для ихъ милости уваженіе онъ такое дѣлаетъ, т. е. ни для кого опричь; что ленокъ въ самомъ Одестѣ на четыре рублика съ полтинкой будетъ-съ; и кончилъ тѣмъ, что какъ бы отчаянно махнулъ рукою и, развѣ для почину, рѣшился заплатить по четыре рубля

семидесяти пяти копѣекъ серебромъ; на пшеницѣ онъ былъ счастливѣе и купилъ ее по двѣнадцати ровно ассигнаціями.

— «Кончено!» сказала очень довольная окончаньемъ Мила.

— Какъ кончено, Людмила Павловна, помилуйте! А деньги получить, сосчитать, записать ихъ? Нѣтъ, пожалуйста... сюда, указывая на кабинетъ Алексѣй Леонтьевичъ. Тамъ счеты и книги первыя самъ готовы...

Повели бѣдную Милу въ кабинетъ и Скорняковъ вступилъ туда за нею.

Ничего не могло быть милѣе и граціознѣе ея бѣленькой стройной фигурки между двухъ довольно суровыхъ, по виду загорѣлыхъ мужчинъ, обступившихъ ее, и въ этой дѣловой комнатѣ, гдѣ стоялъ большой темный шкафъ, висѣли по стѣнамъ сѣти на куропатокъ; лежалъ, растянувшись на окнѣ, Турка и сидѣла Мила въ большомъ кожаномъ креслѣ. Дали ей въ руки счеты и Алексѣй Леонтьевичъ, ревностно показывая считать, такъ близко наклонился къ ней, что его не вовсе сѣдые волосы затрогивали ее розовую, разгорѣвшуюся щечку. Мила не знала, куда дѣваться ей. Въ чудесномъ смущеніи отклонялась, краснѣла и готова была встать, когда замѣтилъ Алексѣй Леонтьевичъ:

— Людмила Павловна! извините, Бога ради... Ей Богу! нечаянно! и онъ брался съ улыбкою обѣими руками за свою голову... Готовъ отдать на отсѣченіе... Пожалуйста, простите. Ей Богу, душой не виноватъ. Вотъ извольте же скинуть косточки... выпрямился, стоялъ, не наклоняясь, за кресломъ Алексѣй Леонтьевичъ... Не тѣ, Людмила Павловна.. тѣ, что у васъ десять, вотъ сотни, что, я говорилъ, означаютъ.. Не туда, не такъ-съ... Нѣтъ-съ! сюда...

— «И никуда!» сказала Мила, двинувъ по счетамъ рукою такъ, что перемѣнила все и встала, оборотясь къ Алексѣю Леонтьевичу съ нѣжной улыбкою почти умоляющаго смущенія.

— И ничего, Людмила Павловна! Богъ съ вами. Ну, не захотѣли вы считать—и дѣлу конецъ. Вы изволите только сѣсть. Кто здѣсь такой есть, чтобы неволить васъ? Я бы поцѣловалъ вашу ручку, еслибы зналъ, что вы не гнѣваетесь. Озабоченъ былъ Алексѣй Леонтьевичъ этимъ роб-

кимъ смущеннымъ взглядомъ, обратившимся къ нему Матвѣй Ивановъ! ну, братъ, поскорѣй дѣло веди... Людмила Павловна, онъ и безъ счетовъ давно смекнулъ, что ему платить слѣдуетъ. Поживѣе, братъ; какая у тебя тамъ сумма выходитъ?

— «Зачѣмъ вы хотите торопить такъ?» сказала Мила.

А между тѣмъ Скорняковъ свѣрялъ по счетамъ: точно ли ему ту сумму приходится платить, которую онъ смѣкнулъ въ головѣ. Сумма приходилась точно та.

— Ну-ка, Матвѣй Ивановъ! хоть я тебѣ, другъ, какъ себѣ самому вѣрю, но ты знаешь, деньги счетъ любятъ, протянулъ руку за счетами Алексѣй Леонтьевичъ.

Скорняковъ далъ высчитать самому Алексѣю Леонтьевичу, и когда тотъ, проворно метнувъ по счетамъ, готовъ былъ выговорить, Матвѣй Ивановъ сказалъ, что слѣдуетъ получить отдѣльно за ленъ и что за пшеницу, и потомъ свелъ общій итогъ на сумму двухъ тысячъ семисотъ двадцати одного рубля и сорока одной копѣйки серебромъ.

— Такъ, сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ. Давай же деньги, Матвѣй Ивановъ, давай братъ, да не засаленными ассигнаціями, а давай чистымъ золотомъ: чтобы въ золотыя ручки не обидно было взять... Людмила Павловна! если вашъ трудъ былъ торговаться, то и награда ваша деньги получать. Скорняковъ! высыпай скорѣй твое золото. Никогда оно еще не приходило въ лучшія ручки... Больше! сколько есть сыпъ; ты у меня еще овецъ возьмешь... Золото, золото! Людмила Павловна! можетъ быть только свое первое золото я получалъ съ такимъ удовольствіемъ и золото будто подорожало, какъ перешло чрезъ ваши ручки.

А оно переходило такимъ образомъ, что Мила, вовсе не соображая и не думая считать, едва видѣла, что было передъ нею и отодвигала отъ себя обѣими руками звонко падающіе червонцы на уголь стола, гдѣ присѣлъ на широкомъ диванѣ Алексѣй Леонтьевичъ, не прикасаясь къ нимъ. Червонцы слагались въ неправильную, рассыпающуюся кучку и, казалось, одинъ Скорняковъ, если и считалъ-то, считалъ ихъ про себя и никому другому не было дѣла до нихъ. Алексѣй Леонтьевичъ говорилъ то, что говорилъ онъ, душа его говорила и бѣлая ручка, ка-

жется, заступила ему глаза, что онъ и не видалъ яркаго золота; а между тѣмъ онъ все отлично видѣлъ.

— «Извольте-съ получить недодачи,» сказалъ Скорняковъ, протягивая къ нему черезъ столъ свою широкую ладонь, на которой онъ умѣстилъ нѣсколько ассигнацій и кучку мелочи серебра, «недодачи-съ: золотца-съ нехватило.»

Алексѣй Леонтьевичъ взялъ въ руки ассигнаціи и не взглянулъ будто на нихъ, ни на мелочь, что была при нихъ.

— Все? спросилъ онъ.

— «Недочету нѣту-ти-съ», сказалъ Скорняковъ, какъ-то особенно пристально останавливая свой веселый взглядъ въ глазахъ Алексѣя Леонтьевича.

— А недочетъ есть, пріятель! Ошибся на 15 к. сер. Хоть перевѣрь, посмотри.

— «Нѣтъ уже, Алексѣй Леонтьевичъ и перевѣривать не надобно... Т. е.» въ пріятномъ изумленіи разводилъ руками Скорняковъ «милости вашей въ Государственномъ Казначействѣ милліоны считать: чтобы у Царя-батюшки пророну въ казнѣ не было! Голова т. е.»... не зналъ, что сказать. Встряхивалъ своей головою Матвѣй Ивановъ. «Т. е. я нарочно такую штуку задумалъ: что-молъ Алексѣй Леонтьевичъ? вонъ онъ-того... т. е. проронить, или не проронить?»

Не проронилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Его вѣрный, сообразительный взглядъ и въ минуту большаго одушевленія служилъ ему.

— Отчего жъ бы это я проронилъ? спросилъ онъ, улыбаясь очень довольно и положилъ руку на спинку кресла, гдѣ сидѣла Мила. Ошибся, Матвѣй Ивановъ! я еще никогда такъ хорошо не видѣлъ и не слышалъ всего... Дай Богъ здоровья вамъ, Людмила Павловна. Что вы какъ будто пригорюнились? Улыбнитесь мнѣ, ненаглядная моя, дорогая!

Алексѣй Леонтьевичъ не понималъ того стѣсненія, которое чувствовала Мила въ своемъ странно новомъ положеніи и еще въ присутствіи посторонняго лица.

— «А! маменька идетъ!» чрезвычайно краснѣя, поднялась она съ мѣста.

Но это была большая ошибка. Входила ключница мѣрными шагами въ кабинетъ; взяла связку ключей и вышла.

— Счастливо вамъ оставаться, Алексѣй Леонтьевичъ! Ваша милость про овечки проговорить изволили-съ?

— «Продаю, продаю... готовить завтрак!» приказывалъ ключницѣ Алексѣй Леонтьевичъ... «Бери, Матвѣй Ивановъ! Потрудился я, поработалъ для-ради денегъ; пришла и ихъ пора — пусть же онѣ позабавятъ мое счастье! Обѣ отары хоть сейчасъ бери, т. е. до осени пусть у меня походятъ», взглянулъ на Скорнякова Алексѣй Леонтьевичъ... Что ты на меня такъ плутовски посматриваешь? замѣтилъ онъ.

— Оно-съ ничего... Отчего бы не взять? Наше дѣло, почему не взять-съ?... того... не улыбался, а съ прищуриною утиралъ свои губы Скорняковъ; да, Алексѣй Леонтьевичъ, нагульцу-съ на овцахъ маленечко не будетъ-съ.

— «А!» поднесъ руку ко лбу Алексѣй Леонтьевичъ. «Ну, братъ, послѣ потолкуемъ... Борода!» улыбался Алексѣй Леонтьевичъ. «Довольно съ тебя, что прежніе разы съ нагульцемъ бралъ, и безъ нагульцу возьмешь.»

— Просимъ прощенія на семь разѣ, неоставленія, низко раскланялся Скорняковъ и вышелъ.

Спрашиваешь себя: что за цѣль была у Алексѣя Леонтьевича дѣлать Милу свидѣтельницею и соучастницею этого торга и продажи, полученія денегъ? Кажется, здѣсь не было никакой цѣли; а единственно переполненное чувство пошло черезъ край и заранѣе всѣмъ дѣлилось съ Милою; звало ее на семейный совѣтъ, на великое дѣло домашняго быта, продажи и торга, любуясь въ ней какъ бы уже настоящей молодою хозяйкой. Надобно было видѣть, когда въ тиши, оставшись одинъ съ нею въ кабинетѣ, какимъ онъ прекраснымъ, долгимъ взглядомъ задумавшагося въ себѣ самомъ счастья и нѣжности тихой и свѣтлой смотрѣлъ на нее! То Алексѣю Леонтьевичу показалось будто въ комнатѣ душно (Мила немножко неровно, прерывисто дышала), онъ отворилъ окно, то будто опять вѣтеръ сильно потянулъ — хотѣлъ онъ затворить его...

— Нѣтъ, оставьте, прошу васъ... А маменьки все нѣтъ!

— «Позвольте, Людмила Павловна; не безпокойтесь. Я пойду, еще пошлю», вышелъ и скорыми шагами назадъ вошелъ Алексѣй Леонтьевичъ... «Людмила Павловна!» сѣлъ онъ такъ на диванъ, что могъ положить на спинку ея креселъ свою мужественную руку. «Вы думаете: куда это вы въ такую комнатку зашли, гдѣ вы вѣкъ не бывали? А вы, повѣрьте мнѣ, здѣсь годъ цѣлый живете и для того,

Людмила Павловна, не прошло, чтобы вы, ровно какимъ воздухомъ, не провѣялись здѣсь? Вотъ сѣти, что я куропатокъ ловлю, и нѣтъ той клѣточки въ старыхъ сѣтяхъ, изъ которой бы не глядѣли на меня ваши ясные глазки! Бывало, зимой, запропащусь сюда на цѣлый вечеръ, забьюсь какъ кротъ въ свою нору и огня себѣ не велю давать; а вы мнѣ будто свѣтомъ какимъ по стѣнамъ отражаетесь, радость моя отъ Бога взятая!»

— Дайте мнѣ воды...

Милѣ почти становилось душно отъ глубокаго волненія, которое возбуждала въ ней эта чудная рѣчь, сильная простотою сердечнаго краснорѣчія.

— Не говорите мнѣ такъ, тихо сказала Мила. Надобно быть слишкомъ достойной, чтобы выслушивать васъ.

— «Кого это? меня? Да вы и не видите меня, невѣста моя милая! Старъ я, не хотите вы взглянуть на меня.»

Мила всѣмъ лицомъ оборотилась къ Алексѣю Леонтьевичу, подняла глаза и посмотрѣла прямо на него.

— «Ну, подите же вы сюда, дорогая моя! Посидите рядомъ со мною, поговоримъ мы... Моя голубка бѣлая.

Алексѣй Леонтьевичъ нечаянно толкнулъ столъ, и нѣсколько червонцевъ, звеня и прыгая скатилось на колѣна къ Милѣ.

— «Вотъ еще!» весело обрадовался онъ. «Не стумѣли побольше упасть», захватилъ Алексѣй Леонтьевичъ полную руку...

— Что вы дѣлаете? Я не хочу, не возьму...

Мила поднялась съ дивана и червонцы, упавшіе ей на колѣна, покатались по полу.

— Алексѣй Леонтьевичъ! я перейду на кресло, если вы не разожмете вашей руки.

— «Людмила Павловна! да чего вы будто испугались? гнѣваетесь будто на то?»

— Ничего... Дайте мнѣ лучше ту руку, которой вы держите деньги. Бросьте ихъ!

— «Хорошо; да что же это такое?... Что, моя возлюбленная? И Богъ нашими приношеньями Ему, копѣечной свѣчкой не пренебрегаетъ; а здѣсь человекъ тудился отъ молодости до сѣдыхъ волосъ въ головѣ,» показывалъ

съ улыбкою свои сѣдые волосы Алексѣй Леонтьевичъ— «дождался человѣкъ того счастья, чтобы отъ своего труда подѣлиться ему съ милой своей, дорогою; а милая, невѣста дорогая на полъ бросаетъ и глядѣть не хочетъ... Не обижай меня, дитя мое!» тихо сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ, наклоняясь на ухо къ Милѣ.

Она не знала, что отвѣчать ему.

— Послѣ, Алексѣй Леонтьевичъ! ваша воля будетъ; но теперь... деньги... Я вовсе не пренебрегаю... Алексѣй Леонтьевичъ! сказала съ рѣшимостію Мила: неужели вы не боитесь, что это будетъ похоже, будто вы заплатили за меня.

— «Вотъ что! не боюсь я того, Людмила Павловна. Счастье у Бога человѣку не продажное и самъ я не Турка какой, не куплю себѣ жены; да и не заплатишь ни чѣмъ за эти свѣтлые глазки», сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ... Чтобы сора здѣсь никакого не было, Людмила Павловна хотите вы утѣшить меня-старика?

Кажется, Алексѣй Леонтьевичъ не безъ умысла упоминалъ такъ часто о своей старости и сѣдинѣ, чтобы Милѣ не приходила охота самой вспоминать о томъ.

«Такъ я говорю: утѣшить меня-старика... Молчите вы, Людмила Павловна... т. е. порадовать меня, какъ молодаго?»

— Хочу, открыто улыбаясь, сказала Мила.

— «Возьмите-же горсточку позабавиться для моей радости. Людмила Павловна! и хохоль вашъ простой тѣшить свою невѣсту орѣшками, или пряничками какими; а я же называюсь панъ, панна моя милая! Пусть это будутъ мои орѣшки *каленые* Людмила Павловна, если не съ *Москвы привезенные*, такъ отъ москаля полученные.»

Мила весело улыбалась, смотрѣла еще веселѣе въ лицо Алексѣя Леонтьевича; но не дѣлала никакого движенія получить орѣшки.

— «Вамъ и не надобно самимъ беспокоиться. Еще протягивать ручку и брать... Вотъ у васъ въ платьецѣ кармашекъ раскрылся немного...»

И горсть червонцевъ сыпнулась въ кармашекъ Милы, прежде, чѣмъ она успѣла тому воспротивиться.

— «Людмила Павловна!» сей часъ же заговорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: «знаете ли вы, что вѣдь не васъ

однѣхъ тамъ у васъ, по сосѣдству, призываетъ Господь къ великому дѣлу замуства. Вѣдь и Настенька выходитъ замужъ.

— Не за Гальченка ли? спросила Мила. Такъ часто объ этомъ говорили.

— «За него и это теперь навѣрное. Люблю я этого Гальченка,» сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ.

— И они, кажется, давно любятъ другъ друга, замѣтила Мила.

— «Очень, Людмила Павловна; да недостаточность такая горькая по рукамъ и ногамъ связываетъ. Ни съ той, ни съ другой стороны не за что взяться.»

— А теперь какъ же? Кто этотъ Гальченко?

— «Все также,» махнулъ рукою Алексѣй Леонтьевичъ. Онъ при казначействѣ служить... Ума-разума много, да денегъ нѣтъ.—Надобно было конецъ какой положить этому дѣлу: вѣдь оно лѣтъ пять ведется. Голубушка моя Настенька! что она сердцемъ переболѣла!... Я вамъ, Людмила Павловна, расскажу, какъ я первое-наперво узналъ этого Гальченка» и какая-то забавная, замысловатая нечаянность и недоумѣние начинали рисоваться въ чертахъ у Алексѣя Леонтьевича.

...«Ѣду я изъ города; а надобно вамъ сказать, говорилъ онъ, что тамъ въ городѣ я слышалъ, смѣхъ такой по людямъ ходить: что не старый молодого, а молодой да повезъ стараго сватать въ нашу Сороковку и еще на своей невѣстѣ. Ничего я не знаю, кто это? какъ? Тогда еще я не очень былъ въѣзжъ въ нашу Сороковку; Ѣду и забылъ про все, вдругъ слышалъ я кто-то поетъ... Ни впереди, ни позади по дорогѣ никого нѣту; а чудно поетъ! Въ сторонѣ ярушка небольшая съ кустами—показывается, будто тамъ поетъ. «Стой, Самсонъ!» говорю: «пойду». — Даже влучи, я останавливаюсь — чудно человѣкъ поетъ! Вижу: на кустахъ чернѣетъ что-то развѣшанное; подхожу ближе—сюртукъ, какъ служащіе носятъ съ выпушкою, брошень, повисъ лапами... Удивленіе меня беретъ. Сидитъ человѣкъ въ ярушкѣ и какой малый славный! молодой да черные кудри сами завиваются; наклонилъ онъ голову

безъ шапки, подперся рукою и вѣдь какъ онъ плачетъ и
ату пѣсно поетъ:

Ой у поли кривыченька
Обрубленная —

(и самъ Алексѣй Леонтьевичъ немного запѣлъ)

Е у мене дивчинонька
Возлюбленная.

Полуштофъ передъ нимъ и стаканчикъ на травѣ стоятъ...
Увидѣлъ онъ меня—указываетъ молча на полуштофъ: пей,
дескать! а самъ плачетъ и поетъ:

Ой у поли кривыченька
Дѣ голубъ купався;
Е у мене дивчинонька,
Що я женихався.

Я знаю то, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: не перерывать
стать человекѣку пѣсною, чтобы меня подчивать? Налилъ я
себѣ стаканчикъ и выпилъ. Онъ, не переставая, поетъ:

Ой у поли кривыченька
Волы воду пьютъ;
Уже жъ мою дивчиноньку
Къ винчанью вѣдутъ...

И опять указываетъ мнѣ на полуштофъ... Я и то-таки
знаю, что у насъ въ Малороссіи по первой ничего не
дѣлается — налилъ я себѣ другую чарку, выпилъ. «Къ
винчанью вѣдутъ», заливается онъ горькими слезами, поетъ:

Одинъ ведѣ за рученьку,
Другій за рукавъ;
Третій стоитъ, сердце болитъ —
Любитьъ та й не взявъ!...

Т. е., какъ души своей онъ въ это слово не положить! Жаль мнѣ его крѣпко стало.—«Горе поеть, горе и плачетъ», сказалъ я ему. «Оно же, проклятое горе и скачетъ», вдругъ какъ поднимется онъ — «танцуй!»... Что жъ, Людмила Павловна? Смѣхъ сказать: пустились мы съ нимъ; кусты вокругъ насъ ломаются, листья летятъ; а мы носимся другъ передъ другомъ. Сначала подъ пѣсни, а потомъ поумаялись, только—ту, ту, ту! ту-ру-ру! ру-ру-ру! наигрываемъ на губахъ. Утомились мы до послѣднихъ силъ; повалился онъ на траву, говоритъ: «Будеть! Напласялось чертово горе.» Вотъ это, Людмила Павловна, былъ Гальченко.—Видивши, что нѣтъ ему способовъ жениться на Настенькѣ и мать ея плачетъ, говоритъ ему: чтобы онъ не томилъ бѣдную, не клалъ напрасно на дѣвушку худой славы—рѣшился онъ прискаты ей жениха. «Отдамъ свою Настеньку», сказалъ онъ: «своими руками отдамъ. Пусть живетъ покойна при достаткѣ.» И отыскалъ онъ ей какого-то богатенькаго старичка, вотъ-то и повезъ его, чтобы свадьбу сейчасъ сыграть и музыку самъ нанялъ, хотѣлъ онъ отплясать Настенькину свадьбу на славу. Распоряжался на сговорахъ всѣмъ, подчивалъ гостей и будто ничего ему, и весело; но когда посадили Настеньку за столъ и съ нею рядомъ сѣлъ... Не стерпѣлъ Гальченко. Ушелъ онъ, куда глаза глядятъ и не помнить, какъ изъ Кутковъ вышелъ и это онъ верстъ шесть по дорогѣ прошелъ; зашелъ къ шинкаркѣ, она повѣрила ему въ долгъ—чтобы съ горя напиться и не журиться; такъ, нѣтъ! лютое горе и хмѣль не беретъ.—Вотъ я его и взялъ къ себѣ, т. е. не горе, Людмила Павловна — помидуй Богъ! а Гальченка.»

— А Настенька?

— «А съ Настенькой милость Божія вышла.—И Настенька еще крѣпилась, какъ на глазахъ Гальченко былъ. Можетъ и не вѣрила, глядя на него, что съ нею такое совершается? А какъ увидѣла, что Гальченка нѣтъ и ищутъ его, не отыщутъ—не смогла она; залилась слезами и она плачетъ, и мать, глядя на нее, плачетъ; подчуютъ жениха. «А что-то вы мнѣ горькое даете», сказалъ онъ прямо, честная душа. «Не пьются мнѣ пани-матерь ваши слезы.... Люди добрые!» говоритъ гостямъ: «не хочу я

завязать свѣтъ молодой дивчинѣ. Пусть ей Богъ помогаетъ на ея счастье! Отступаюсь я и чѣмъ издержался, всѣ мои подарки пусть ей на веселье... Музыка, играй! Потанцуемъ, любяе братья, что не загубили молодой дивчины.» Старикъ, какъ пустился въ плясъ и притопываетъ; да вѣдь пиръ какой пошолъ, куда веселѣе, чѣмъ на сговорахъ былъ! Осталась Настенька опять своему Гальченкѣ.»

Помолчалъ немного Алексѣй Леонтьевичъ и Мила молчала.

— «Вотъ это безъ васъ, Людмила Павловна, прѣзжаетъ онъ ко мнѣ.» «Дядя!» говоритъ: «дай денегъ на свадьбу.» «А, племянникъ! чѣмъ отдавать будешь?» спрашиваю я. Мать смотрѣла, смотрѣла на нихъ—на ихъ любовь да на безпомощье и говоритъ: «Бери ты у меня ее, чтобы она мнѣ пѣсень жалобныхъ не пѣла.» Людмила Павловна!...

Алексѣй Леонтьевичъ молча взялъ со стола, говоритъ:

— «Откройте мнѣ вашъ кармашекъ.»

Мила открыла его—и ни слова болѣе не было сказано между ними.

Алексѣй Леонтьевичъ постукивалъ въ маленькомъ разумьи ногою; потомъ взялъ одну ручку Милы и другую, сложилъ ихъ у себя на ладони, прикрылъ другой своей рукою и началъ рассказывать Милѣ свои предположенія, какъ онъ поведетъ дѣла: что теперь онъ опять живо примется за нихъ и о Гальченкѣ мысль ему приходитъ: взять его къ себѣ, пустить въ эти дѣла; голова не плохая и можно поручиться, что человекъ пойдетъ.. но далѣе пани воеводша шла, поспѣвая къ дому.

Теперь, смотря, какъ высоко было солнце, она и сама видѣла, что позамѣшкалась она и не примѣтила, какъ время ушло. Но причина къ тому была слишкомъ уважительная. Въ первый еще разъ пани воеводша видѣла богатое степное хозяйство, которое ей извѣстно было въ мелочи, маленькое, недостаточное, здѣсь въ полномъ довольствѣ и полногѣ всего—не вымѣренное на нѣмецкую нитку; а простое, широкое русское хозяйство. Пасѣнка почти въ тысячу ульевъ, раздѣленная на три пасѣнки съ образами Изосима и Савватія, даже съ костью лошадиной головы при входѣ и съ дѣдами одинъ другаго хмуриѣе и бородастѣе, привела пани воеводшу въ несравненное состояніе удовольствія

и веселости духа; а когда пригрѣло солнце и зашумѣли рои, пошла играть пчела и надъ пасѣками синій воздухъ помутился, и слившійся гулъ пошелъ по окрестности, когда живые золотистые комы осѣвшихъ роевъ разгнѣздились по вѣткамъ и началась ни съ какой утѣхой несравнимая для пчеловода забота убирать рои, тогда пани воеводша, по собственному ея выраженію, встала бы и легла здѣсь! Но явился первый посланный звать ее. Оставивъ его при себѣ, она, по его же приглашенію, зашла и на другую пасѣку, гдѣ пасѣчникомъ сидѣлъ дѣдъ посланнаго и тамъ немного позамѣшкала. Затѣмъ еще въ кузницу завернула пани воеводша и своими глазами удостовѣрилась, что гайки всѣ готовы; потомъ она шла въ гору между разсыпанными стадами овецъ; проходила гумно—поставленные въ рядъ амбары и такая мысль сильно расходилась въ ея головѣ и замедляла ея шаги: «Господи, Боже мой! все это могло бы быть ея, принадлежать ей! Куда ни взглянешь... Дитя мое, дитя мое! межъ пальцевъ упустила ты свое счастье!»

Должно быть, въ разсѣяніи отъ этой мысли, пани воеводша зашла въ домъ съ задняго крыльца. Прошла скорѣе въ комнату, гдѣ ночевали онѣ—нѣтъ дочери, и въ гостиной—нѣту; входитъ пани воеводша въ залъ.

— Мила! гдѣ ты, что тебя нигдѣ нѣту? Алексѣй Леонтьевичъ!

Дверь изъ кабинета немного только не была притворена; Алексѣй Леонтьевичъ, поспѣшая, отворилъ ее.

— «Здѣсь, Катерина Логвиновна. Пожалуйста».

Пани воеводша, съ яркаго свѣта, не совѣмъ зорко обзрѣвала предметы въ комнатѣ, гдѣ наполовину была спущена стора,

— Маменька! съ робостію подошла Мила, цѣлуя руку матери и по какому-то безотчетному чувству положила ее себѣ на голову.

— «Что ты, дитя мое?—здравствуй!—будто нездорова? Я велѣла сей часъ запрягать, ѣдемъ... Ну, Алексѣй Леонтьевичъ, можно вамъ честь такую отдать: хозяйство, такъ хозяйство! Пасѣка—кажись, я бы сама у васъ на пасѣкѣ пасѣчницей сѣла».

— Милости просимъ, Катерина Логвиновна! — съ непо-

нятной для нея улыбкою говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ, усаживая ее на диванъ. — Вотъ и хорошо выходитъ: пока вы на пасѣкѣ были, а мы здѣсь медь сварили.

— «Продали что?» сказала пани воеводша, видя на столѣ деньги. Мила, ты бы пошла, дружечекъ, чтобы Даша тамъ поживѣе собиралась, пора.

Мила и пошла было; но только ступила разъ и стала, не двигаясь, у конца стола.

— «Какой же вы это, Алексѣй Леонтьевичъ, медь сварили?» съ своей отъѣнно-чинной, деликатной шутливостию спросила пани воеводша. Не будете ли и насъ на сливанье звать?»

— По пословицѣ, Катерина Логвиновна: что на сливаньи и медь пьютъ. Истинно такъ: заьемъ и ворота заьемъ... нѣтъ! мы еще лучше сдѣлаемъ: растворимъ ихъ на весь мѣръ, на всю нашу Сороковку!

— «Да что же это у васъ за пиръ такой великій, Алексѣй Леонтьевичъ?»

— Истинно великій, Катерина Логвиновна; Людмила Павловна мнѣ свое слово дала.

— «Что-о? Алексѣй Леонтьевичъ?» во весь свой большой ростъ поднялась пани воеводша.

«Мила, что такое?»

— Исполнилось то, Катерина Логвиновна, что мы съ вами желали; слово мнѣ дала Людмила Павловна.

Мила робко, смущенно приблизилась. Она-было хотѣла сказать матери почти то же, что сказалъ Алексѣй Леонтьевичъ: что она исполнила ея желаніе; но чувствуя, что въ минуту исполненія у нея не было о томъ мысли, она не умѣла солгать.

— Да, маменька... одно сказала она.

— «Да, дитя мое. Твоя добрая воля.»

— Но ваша, маменька, ваша воля?...

Этотъ жаркій, повторенный вопросъ былъ вызванъ потой сильнаго огорченія въ голосѣ пани воеводши и такой кроткой, задушаемой скорби сердца, что Мила подняла на мать слезами наполншіеся глаза и сложила передъ нею руки, какъ на молитву.

— Катерина Логвиновна! подступилъ встревоженный

Алексѣй Леонтьевичъ. — Что это такое? Скажите, Катерина Логвиновна, что вы съ нами дѣлаете?

— «Скажу, Алексѣй Леонтьевичъ. — О чемъ вы меня спрашиваете?»

— О томъ, Катерина Логвиновна: вы мнѣ свое согласіе оказали, лишь бы была воля Людмилы Павловны; а теперь...

— «Теперь я, Алексѣй Леонтьевичъ, не оказываю вамъ своего согласія. Коли вамъ нужда какая до моего согласія, такъ у меня свой домъ, хотя не великъ, да есть... Не хочу я, Алексѣй Леонтьевичъ, чтобы вамъ во снѣ то невзначай приснилось: что до вашего порога приходила я къ вамъ называться моей дочерью...»

— Катерина Логвиновна! пани воеводша!

— «Такъ, Алексѣй Леонтьевичъ. Хотя вы и богаты, да наша честь при насъ и дочь мнѣ моя замѣсто богатства... Чтобы вы подъ иной часъ не подумали, Алексѣй Леонтьевичъ: что осмотрѣлись мы больно скоро, что вамъ отказъ дали и, не дожидаясь, вторично будетъ ли отъ васъ искательство объявлено — на что вамъ труды задавать? мы и сами къ вамъ явились. Гайка у насъ сломалася или потерялася; такъ-то ей и потеряться пришлось у воротъ вашего дома! Мать дочку переночевать завезла; а дочка безъ матери слово дала.»

Это было единственное жестокое слово, которое пани воеводша вымолвила противъ дочери.

— «Алексѣй Леонтьевичъ! всѣ мы грѣшныя люди, всѣ называемся человѣки. И на меня случись подобное послышать и я бы своимъ языкомъ не умолчала, сказала—и въ Сороковкѣ всѣ вольны говорить. Такъ уже, государь мой, будетъ съ насъ одной Сороковки... Мила, бери свою шляпку; я слышу, лошадей подаютъ... Уже сдѣлайте одоженіе, примите нашу чувствительную благодарность за безпокойствіе ваше.»

— Катерина Логвиновна! что же это такое? Вы мнѣ отказъ даете, что ли?

— «Благодарность мою вамъ, Алексѣй Леонтьевичъ, приношу за гостепрѣимство, что вы оказали... Ты готова, Мила? Счастливо вамъ съ Богомъ оставаться.»

— Нѣтъ, Катерина Логвиновна! позвольте... Людмила

Павловна! развѣ я отступлюсь отъ васъ?... Такъ когда же мнѣ, пани воеводша, прикажете прїѣхать въ вашъ домъ?

— «Гости у меня, Алексѣй Леонтьевичъ, всегда бывають, когда ихъ благорасположеніе ко мнѣ есть... Идемъ, Мила. Кланяюсь вамъ, государь мой.»

— Хорошо, сударыня; такъ я же буду завтра съ зарею... Извините, пани воеводша; я знаю, что не могу обезпokoить васъ: вы встаете раньше зари.

И пани воеводша не сказала даже обычнаго: милости просимъ. Мила была уничтожена словами матери—огорчена, оскорблена; она садилась въ брику и почти не видѣла брики, не подняла глазъ на Алексѣя Леонтьевича и уѣхала такъ.

Какъ выросла хорошая пани воеводша! Низкій верхъ стародавней брики не могъ, казалось, вмѣстить высоко поднятую голову и гордыя черныя брови дугою выставлялись наружу—впередъ вся повывдвинулась пани воеводша. Кто бы встрѣчный сказалъ, что подъ этой осанисто-гордой посадкою затаилась скорбная печаль сердца, огорченье невыдаваемого, про себя захороненнаго чувства: что дочь, дитя родное, не утѣшила, а дважды на томъ же оскорбила мать! и того мало: слухъ какой межъ народа пойдетъ; вольны люди всего надуматься...

Такое горькое горе горевала пани воеводша и ни слова она не сказала дочери. Конечно. Она уже говорила и разсужденіе долгое вела, совѣты свои материнскіе изъясляла; а теперь замолчала пани воеводша. Мила не могла оцѣнить того, не знакомая существенно съ окружающею ее дѣйствительностію, какихъ пожертвованій и усилій, мелкихъ назойливыхъ хлопотъ по хозяйству стоила она матери—стоили ея красивыя ленточки, башмачки, перчаточки. А чего стоили эти заботливыя крѣпкія думы съ подушкою! Что не досыпала мать, гадая сердцемъ о судьбѣ ея! Какъ она клала земные поклоны!... Ничего того не разсуждала, къ лицу причесанная, къ лицу одѣтая Мила, читая французскую книжку. И одной той награды ждала себѣ пани воеводша—и даже не награды, а просто материнскаго счастья: когда придетъ судьба ея дочери, посудить-порядить, какъ говорится—совѣтъ благой раздѣлить: что вотъ такъ-моль и такъ, дитя мое; замужство—великое дѣло, и прочее другое... И ничего того не вышло!

Осиливая свою скорбь, не желая выдать тѣни горделиваго огорченія, пани воеводша, обыкновенно молчаливая въ дорогѣ, теперь заговаривала съ дочерью: что вотъ и мужикъ ѣдетъ, и мельница стоитъ, и луговина какая большая...

Грустно, трогательно было на нее смотрѣть, когда она пріѣхала домой и хотѣла бы озаботиться чѣмъ къ завтрашнему дню—и заботы никакой не оставалось ей! Въ ихъ отсутствіи домикъ былъ выбѣленъ и полы чисто вымыты; заказала на завтра пироги пани воеводша и вотъ ея все попеченье о сговорахъ дочери! Но дочь?...

Чего она до сихъ поръ не понимала, на чѣмъ не останавливала легкой молодой мысли, то все она теперь больно почувствовала. Какія крупныя слезы въ глазахъ замѣтила бы пани воеводша, если бы она не всторону глядѣла, а посмотрѣла бы въ лицо своей Милы! Новость ощущеній сердца вносить большое измѣненіе въ самую глубину насъ и какъ ново представляются намъ, въ просвѣтленіи новыхъ чувствъ, знакомые, вовсе не новые предметы! Это колыханье большихъ Вербовскихъ вербъ невыразимымъ чувствомъ умиленія всколебало грудь Милы — родной, уютный домикъ, отъ крова котораго она уже отказалась... Другой домъ и не эти, ея отцомъ и матерью, всѣмъ родомъ взлѣбанныя, вербы наклонятся надъ нею и другихъ деревьевъ листь густой зашумитъ надъ головой ея! Мила была въ слезахъ. Но другая тягость еще томилъ ее: это—золото въ карманѣ.

Слова матери трубою звучали въ ухахъ у ней—и сказать ей, что у дочери есть деньги—что ей далъ ихъ и она ихъ взяла... У Людмилы Павловны словъ не находилось. Пошла она. Рѣшимость сосредоточеннаго въ себя самой чувства и дѣйствія шла съ нею ея легкой, непріостанавливаемой походкою. Мила не оборачивалась и не видѣла, какъ долго, съ безмолвнымъ, скорбнымъ вопросомъ: куда идетъ она? провожала ее глазами пани воеводша.

Перешла она Лисью-балку и скрылась за нею. Игги одной, день вечерѣетъ; собаки за каждымъ возомъ возвращаются съ поля; но Людмила Павловна шла, не останавливаясь и шла прямо въ Кутки. Она знала Настеньку потому только, что нельзя было въ Сороковѣ не знать

другъ друга; но она никогда не была у нея и Настенька только въ церкви подходила, краснѣя, поклониться паннѣ воеводинѣ. Въ своемъ полузабытѣи, сосредоточивая вниманіе на томъ, что внутренно занимало ее, Мила прошла и не замѣтила мало проторенную дорожку, поворачивавшую въ Кутки. Она шла далѣе низомъ но-надъ ихъ огородами и вишневыми садиками, когда заунывная протяжная дѣсенка остановила ее. «Настенька!» сказала Мила себѣ самой. Она перешла черезъ заросшіи земляной окопъ и раздвигая вѣтви и кусты, пробиралась на голосъ дѣсенки. «Думаетъ ли Настенька, что я иду къ ней? что я несу ей?» подумала Мила. И эта мысль заронила въ ней другую: подкрасться къ Настенькѣ и посмотрѣть издали: нѣтъ ли на лицѣ у человѣка какой примѣты близкаго, подходящаго къ нему счастья? Не просіяваетъ ли оно въ невольной улыбкѣ, или въ чемъ нибудь свѣтломъ въ глазахъ?... Судя по Настенькѣ, кажется, нѣтъ.

Три повислыя вѣтвями, понаклонившіяся вербы стояли въ затихши неподвижномъ; четвертая отломлена была отъ нихъ бурей и лежала поперекъ чистой полянки. На стволѣ ея сидѣла Настенька. Не отводя глазъ отъ работы, видно присѣдая окончить ее, пока догарала заря, Настенька щипала воротъ мужской рубашки... Въ темномъ ситцевомъ платкѣ, съ позавявшими пунсовыми маками въ черныхъ волосахъ—простая, милая дѣвушка—красавица на зоркіе молодецкіе глаза, сидѣла Настенька, задумчивая безъ печали и счастливая безъ большой радости—и привычка ли къ безвеселью, къ тоскливой жалобѣ сердца выводила эту заунывную, все на долю плачущуюся тихую дѣсенку? Мила сама не зная, чѣмъ растроганная, зашла со стороны и прижала Настенькѣ на плеча обѣ свои руки. Настенька живо оборотилась. Можетъ быть, и не того рода поцѣлуй она ожидала встрѣтить и приняла его въ несказанномъ удивленіи.

— Панна воеводина! не вѣря себѣ, проговорила она.

Она хотѣла-было встать, но Мила не допускала. Перевѣсься Настенькѣ черезъ плечо, она ей улыбалась своею хориценькой улыбкою.

— «Настенька милая!» заговорила она. «Я не хочу васъ томить; не буду васъ заставлять угадывать: какъ и зачѣмъ

я пришла? Вы поцѣлуйте меня. Я вамъ радость большую принесла.»

Сама цѣловала Настеньку Мила, обвивая ей шею нѣжной рукою.

— «Вы, безъ сомнѣнія, слышали Настенька разсказъ Алексѣя Леонтьевича: какъ Богъ дастъ, то и въ руки подастъ? Посмотрите, какая правда. Господь прямо въ руки даетъ вамъ», опустила Мила свою руку въ карманъ и посыпала на колѣна въ Настенькѣ жаркое, яркое, засверкавшее золото.

— «Еще! вотъ и еще, берите все... Я не сама себя, Настенька, сыпала это золото; но съ какимъ удовольствіемъ я обѣими руками достаю его вамъ! Берите все, чтобы у меня ничего не оставалось... Я не хочу! оно все ваше»..

Можно судить, до чего разрослось изумленіе Настеньки; но безмолвная, никакимъ рѣзкимъ словомъ не выражая, что чувствовала, она только попеременно быстро взглядывала на увеличивающуюся у себя на колѣнахъ кучку золота и переводила взглядъ большихъ страстно-нѣжныхъ глазъ на лицо Милы. Когда Мила передала все и, обыскивая у себя въ карманѣ, нашла еще одинъ червонецъ и положила его въ колѣна, Настенька, какъ ребенокъ, заплакала навзрыдъ.

— «Настенька моя дорогая! о чемъ же плакать?»... Мила рада была случаю самой поплакать...

И я не передамъ вамъ граціозной нѣжности двухъ молодыхъ дѣвушекъ, въ слезахъ и улыбающихся другъ другу! Мила цѣловала Настеньку въ лобъ и поправляла ей ея красные маки.

— «Вы посмотрите на меня», сказала она съ пѣррительной стыдливостію. «Не кажусь ли я вамъ, Настенька, такой же невѣстой, какъ и вы?»

— Алексѣй Леонтьевичъ! угадала Настенька. Какъ я рада! слегка прихлоннула она въ ладони и, наклоня къ себѣ на грудь Милу, молча цѣловала ея полузакрытыя глазки, ея нахучіе волосы, ... съ улыбкою посмотрѣла — и поцѣловала ея улыбающіяся губки.

— «Это онъ черезъ меня переслалъ вамъ; а вашъ Гальченко, Настенька? Покажите мнѣ его.»

Но Гальченка не было въ Сороковкѣ. Мила не совсѣмъ связною, ласкающей рѣчью объяснила Настенькѣ предположенія Алексѣя Леонтьевича насчетъ Гальченка; просила отъ нея поклониться Гальченку, сказать ему, что она знаетъ его пѣсенку: *Ой, у доли крыльченька* и попросить его спѣть ей—и затѣмъ обѣ дѣвушки видѣли, что имъ пора разстаться—что у доли уже совсѣмъ потемнѣло. Не успѣла одна изъ нихъ подумать, какъ ей будетъ идти, какъ другая собралась провожать ее. Чтобы не брать съ собою сокровища, онѣ захоронили его въ кусты и рука въ руку, бѣгомъ пустились черезъ лугъ и на Лисью балку. Въ виду своихъ вербъ Мила остановилась и игривымъ, летучимъ поцѣлуемъ разсталась съ Настенькою. Оглянувшись, она увидѣла, что Настенька стоитъ на томъ же мѣстѣ, чтобы видѣть, какъ дойдетъ Мила—и Мила побѣжала домой, чтобы не заставлять долѣе ждать Настеньку.

— А гдѣ-съ это вы, барышня, были?

Вопросъ остался безъ отвѣта. Барышня входила въ домъ и къ ней возвращалось тяжелое чувство ея положенія въ отношеніи къ матери.

Не зная, чего можетъ ожидать она и что ее встрѣтитъ, Мила медленно, тихо ступая, вошла въ комнату.

Самоваръ на столѣ уже совсѣмъ потухалъ; давно прошла обычная пора чай пить—объ этомъ только здѣсь вспомнила Мила. Пани воеводша пасмурная сидѣла за самоваромъ и при входѣ дочери подняла руку къ чайнику—только, ничего болѣе. Мила сѣла къ столу.

— Маменька! сказала она, не вынося молодымъ, пылкимъ сердцемъ этого молчанія... Маменька! и вы не спрашиваете, гдѣ я была и откуда пришла такъ поздно?

— «Не зачѣмъ, дитя мое. Была ты, гдѣ хотѣла—ненадо. Когда дѣти малыя, мать за руку водить; а выростутъ дѣти—сами пойдутъ.»

— Но, маменька! спросите меня, гдѣ я была...

Мила съ слезами на глазахъ готова была стать на колѣна.

— ... Спросите меня только—и я вамъ все расскажу! Я все сдѣлаю, что вы хотите... Маменька! хотите? Я откажу Алексѣю Леонтьевичу. Скажите мнѣ.

— Кушай свой чай, дитя мое...

Наутро Мила почти бѣжала изъ дома. Никогда она не вставала такъ рано и опять, хотя неумышленно, а жестоко оскорбила мать. Когда та готовилась, какъ чинъ вѣдигъ къ приѣму жениха; думала на послѣ-обѣда посылать гостей звать и чахлы съ кресель снимала, Мила одѣлась просто во всегдашнее свое будничное платье. «Будто ей мать ничего лучшаго доставить не могла!» но не сказала дочери, чтобы она переодѣлась, пани воеводша. А у дочери такой туманъ налегъ на молодые глаза, что она не видѣла, куда она шла и не думала, зачѣмъ она шла? И остановилась только тогда, когда ее придержало что-то: это въ Лисьей балкѣ терновый сучекъ зацѣпилъ ей за платье. Въ маленькой тѣни и въ цвѣтахъ кругомъ увидѣла себя Мила. Ея любимый синій барвинокъ — наклонилась она къ нему, протянула руку, чтобы сорвать и не сорвала цвѣтовъ, а заплакала Мила. Долго ли, коротко ли? да она наплакалась; а тѣмъ временемъ птичка нацѣлась въ кустарникъ. Птичку вспугнуло ржанье съ звонкимъ топотомъ бѣгущаго коня; Мила сама встрепенулась и стала къ сторонѣ за терновый кустъ, полагая, что возможно будетъ проѣхать и не разглядѣть ее. Лошадиный топотъ настигалъ и въ одиночку запряженный конь на-рысяхъ внесся въ Лисью балку.

— А, а, а! Стой буланый, стой!

Алексѣй Леонтьевичъ ѣхалъ одинъ на бѣговыхъ дрожкахъ. Бросивъ вожжи, онъ потянулся обѣими руками за терновый кустъ.

— Людмила Павловна, пожалуйте! Что такъ рано встали? Цвѣточки рвали?

Мила съ невольной улыбкою показала свои пустыя руки, въ которыхъ ни одного цвѣточка не было.

— Такъ чтожъ такое? Вы сами цвѣточекъ, зорко взглядывался въ нее Алексѣй Леонтьевичъ—начто вамъ цвѣточки? Добрый день, Людмила Павловна! хорошій день.

Будь Алексѣй Леонтьевичъ болѣе свѣтскій человекъ, онъ бы давно соскочилъ съ дрожекъ; но онъ только свѣсилъ съ нихъ и протягивалъ руки.

— «Позвольте, Алексѣй Леонтьевичъ», съ граціозной серьезностію сказала Мила.—Я была вчера у Настеньки»

— Были? спросилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Хорошо-съ, Людмила Павловна. И вы сами были?

— «Сама и одна была.»

— Прекрасно! Т. е. такъ оно хорошо, Людмила Павловна, что—или вы меня поцѣлуйте, или я васъ на старости лѣтъ поцѣлую.

Мила уклонилась отъ обоюднаго предложенія.

— «Я все отдала, Алексѣй Леонтьевичъ,» сказала она.

— Все? Многонько немножко, остановился Алексѣй Леонтьевичъ. Ну, да какая нужда? У васъ, Людмила Павловна, больше осталось... Ваша воля; вы, какъ хотѣли, такъ и распорядились—какая нужда! Пошли вамъ Богъ здоровья—и только. Что объ этомъ и говорить нечего!... А о чемъ другомъ вы мнѣ не скажете? засматривалъ Алексѣй Леонтьевичъ въ недавно плакавшіе глазки Милы и ближе, потихоньку приводилъ ее къ своимъ дрожкамъ и положилъ ей руку къ себѣ на плечо... И спрашивать, Людмила Павловна, ненадобно?

— «Ненадобно», съ улыбкою сказала Мила.

Помолчали немножко.

— Чтожъ? сядете, Людмила Павловна? ъдемъ. Заросите вы ваши ножки по дорожкѣ.

Милѣ не пришло въ голову отказать. У благодѣтелей она ѣздила немного верхомъ и припомнила эту штуку, чтобы съумѣть легко и ловко присѣсть на узенькой досточкѣ, которая предлагалась ей.

Алексѣй Леонтьевичъ былъ чрезвычайно доволенъ.

— Веселье мнѣ какое, Людмила Павловна! Я провезу васъ... Эхъ, ты, буланый! чувствуешь ли, честь какая тебѣ оказывается?... Садитесь же, Людмила Павловна, хорошохонько—вотъ передо мною. Мѣстечко вамъ есть. Милости просимъ.

Мила весело улыбалась веселой улыбкѣ Алексѣя Леонтьевича и своей мысли ѣхать на бѣговыхъ дрожкахъ.

Сѣла она.

— И прекрасно! безподобно оно. Словно птичка легонькая, вспорхнула... вотъ только бы платье ваше—сбо-

рочки, эти оборочки не понали въ колесо; ну, да мы ихъ уладимъ, говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ: присоберемъ немножко—можно?

— «Можно.»

— Ну, и ладно; хорошо теперь. Слава Богу... Поставьте ваши ножки на мой сапогъ; повѣрьте ему, не тяжело будетъ. — Ей, ей, Людмила Павловна! Говорятъ, что люди есть — будто ияъ мѣръ тѣсенъ; а мнѣ, ей Богу! ненадо мѣра шире теперашняго.

— «Ълмте же, Алексѣй Леонтьевичъ».

— Да куда намъ спѣшить, Людмила Павловна? вѣдь это я въ другой разъ наѣзжаю на Лисью балку. Наѣхаль въ первый — тишь такая кругомъ стоитъ! только перепела по степи проснулись. Думаю: прѣбду я, поднимется суета; неравно разбудятъ васъ, Людмила Павловна—нѣтъ! поворачивай, буланый, назадъ! Пустились мы съ нимъ маяться въ степь; исколесили ее вдоль и поперегъ... Мудрѣнь тотъ будетъ, забавно качнуль головою Алексѣй Леонтьевичъ — кто бы захотѣлъ распутать мои слѣды. Будь въ лѣсу, сказали бы: лѣшій кружилъ челоувѣка туда и сюда.

Смѣялся Алексѣй Леонтьевичъ.

— Вѣдь такая оказія, Людмила Павловна — Богъ васъ любви! что вы мнѣ надѣлали. Не спится мнѣ цѣлую ночь, я жмурю глаза, а они не жмурятся. Совѣстно передъ людьми. Брожу, какъ словно я деньги по ночамъ караюлю. Вышелъ на дворъ; Самсонъ мой непробудно спитъ и еще изъ особеннаго усердія отворилъ конюшню и прямо на дверяхъ легъ, чтобы кто не вывелъ лошадей; а я въ конюшню вошелъ и лошадь вывелъ безъ того, чтобы Самсонъ мой рукой ворохнулся! Запретъ я сэмъ и поѣхаль.

Алексѣй Леонтьевичъ увидѣлъ маленькій сухой листокъ, занесенный какимъ-то случаемъ на волосы Милы — не посмѣлъ онъ рукою его снять и съ какой нѣжностью и заботой, подувая тихонько, сдулъ его! Солнце взошло и начинало уже ударять; но Мила не чувствовала того: потому что Алексѣй Леонтьевичъ наклонялся немного и при-

водилъ свою голову въ то и другое положеніе, чтобы тѣнь отъ него защищала Милу.

— Нѣтъ, ѣдемъ, Людмила Павловна! сказала онъ. Здѣсь на васъ и листъ падаетъ, и солнце васъ сжеть, ѣдемъ... Съ Богомъ! Трогай, добрый конь!

Конь тронулъ; но дорога въ ярочкѣ, между кустарниковъ была выѣзжана большими колеями и еще необходимо попорчена недавнимъ дождемъ. Узенькій ходъ бѣговыхъ дрожекъ не приходится по широкому, выѣзжанному слѣду воловьего воза. Заскочивъ однимъ колесомъ въ глубокую колею, дрожки поднимались другой своей стороною и совсѣмъ становились на бокъ.

— «Ай!» легонько вскрикнула Мила.

— Ничего, Людмила Павловна. Это дорога такая. Вотъ мы сейчасъ переѣдемъ.

— «Алексѣй Леонтьевичъ! ай!»

Лошадь стала.

Усмѣхаясь этой пріостановкѣ, Алексѣй Леонтьевичъ опять потронулъ лошадь.

На этотъ разъ Мила рѣшилась не вскрикивать, что-бы тамъ ни было, чтобы лошадь болѣе не останавливалась; но лошадь стала.

Случилась маленькая исторія, бывающая на узкихъ дорогахъ нашихъ проселковъ.

На поворотѣ пзъ-за кустовъ, лошадь голова на голову столкнулась съ другою лошадыю. Ъхалъ навстрѣчу мужичекъ... Обнюхавъ неожиданную сосѣдку, буланый горло, какъ бы съ презрѣніемъ тряхнулъ своей львиной гривой и подался назадъ. Разъѣхаться было бы довольно мудрено, если бы лица были неуступающія другъ другу; но хохоль хотя медленно, а своротилъ свою лошадь на терновый кустъ и такимъ образомъ очистился маленькій проѣздъ для пана. Но разстояніе было черезчуръ невелико и встрѣтиться такъ близко съ человѣкомъ, и не заговорить съ нимъ и еще на зарѣ такого счастливаго дня, было дѣломъ совершенной невозможности для Алексѣя Леонтьевича.

— Здоровъ булъ, человѣкъ добрый! сказалъ онъ.

— «Здоровы булы, пане,»

— Промѣняй намъ—спасибо тебѣ—кумушку на ястреба.

— «А можетъ, пане, еще придачи дадите?»

Надобно удивляться врожденной находчивости малороссіянина, при которой онъ никогда не потеряется; а неизмѣнно важно и медленно скажетъ вамъ свое слово.

— Дадимъ... Людмила Павловна, какъ вы скажете? старался съ улыбкою заглянуть ей въ глаза Алексѣй Леонтьевичъ... Вотъ промѣняй намъ, человиче, свою лошадь на нашу.

Чтобы понять забавную остроту этого предложенія, надобно было видѣть, что за кляча предстояла на вымѣнѣ гордаго буланого коня!

— Чтожъ, человиче? не везетъ, — говорилъ Алексѣй Леонтьевичъ. Все шла моя лошадь хорошо; а вотъ — показывалъ онъ обѣими руками — и немного будто тягости взялъ, да не везетъ. Вотъ хоть самъ посмотри.

Алексѣй Леонтьевичъ пустил лошадь. — Держа объ вожжи раздѣльно, онъ протягивалъ руки довольно далеко впередъ, представляя тѣмъ вѣрную опору для Милы. Куда бы ни пошатнулась она — назадъ, или впередъ — готовою была сильная рука поддержать ее; но при этомъ Алексѣй Леонтьевичъ, сводя руки, долженъ былъ неминуемо притянуть вожжи и лошадь останавливалась.

Такъ было и теперь.

Лошадь, порываясь, подалась впередъ. Изъ колеи въ колею ее должно было поворотить, чтобы миновать заднія колеса телѣги, невошедшія въ кустарникъ. При этомъ толчекъ былъ такъ силенъ, что Мила въ испугъ искала рукою ухватиться за руку Алексѣя Леонтьевича и онъ тихонечко придержалъ ее за талию; лошадь стала.

— Людмила Павловна, извините! послѣдній толчекъ. — Чтожъ, человиче? обратился Алексѣй Леонтьевичъ. Видишь, не везетъ!

— «Не везетъ же, пане, не везетъ... Она счастье ваше великое везетъ — нехай съ Богомъ везетъ!»

И повезъ буланый...

Пани воеводша, совсѣмъ припараженная, въ чепцѣ, распорядилась при старой «бабусѣ» (мыли тамъ какую-то посуду), когда топотъ буланого коня заставилъ ее повернуть голову — у нея руки опустились... **Заколыхайте вы, Вербовскія вербы, думу пани своей!**

II.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Н. П. ГРЕКОВА.

КОЛОКОЛА.

Вездѣ, вездѣ звучать колокола,
И далеко ихъ гулъ призывный слышно,
Вездѣ огни, и небеса такъ пышно
Ночь теплая звѣздами убрала,
Ужъ въ воздухѣ запахло весною...
Нароль летѣть къ заутренѣ толпою.

Я слушаю — и на душѣ моей
 Какъ будто все внезапно просвѣтлѣло,
 Какъ будто все, чѣмъ здѣсь она болѣла
 Непробудимымъ сномъ заснуло въ ней,
 Какъ будто вдругъ лана ей жизнь другая,
 И я крещусь, колоколамъ внимая.

Христось воскресь! О, въ душу глубоко
 Ложатся эти сладостные звуки —
 Въ ту душу, гдѣ живетъ тоска разлуки
 И отъ которой радость далеко
 Они сливаютъ грусть воспоминанья
 Съ отрадою святаго упованья.

И я пойду молиться въ Божій храмъ,
 И я скажу: мои земные братья,
 Христось воскресь! и всѣмъ мои объятя
 Открою я, и все прощу врагамъ;
 Съ души сотру безумныя химеры...
 Душѣ больной нужна отрада вѣры...

И горячѣй я въ этотъ день прижму
 Къ груди моей всѣхъ близкихъ мнѣ и милыхъ,
 И тѣхъ, которые ужъ спятъ въ могилахъ,
 Мечтой сзову я къ сердцу моему, —
 И закипятъ воспоминанья грезы,
 И выступятъ непрошенныя слезы...

1856 г.

II.

* * *

Что за вечеръ печальный и дурной:
Ставни рвутся, стучать и гремѣть,
Въ домѣ ходятъ все грустные лица,
И вездѣ свѣчи тускло горятъ!

И вездѣ, и на всемъ замѣчаютъ
Слѣдъ недавней утраты глаза:
Въ каждомъ словѣ слышно, въ каждомъ звукѣ
Затаенная въ сердцѣ слеза.

Разойдутся по комнатамъ разнымъ,
А ведутъ разговоръ объ одномъ:
Какъ онъ былъ и уменъ, и какъ много
Было чувствъ горячаго въ немъ.

И одна только комната въ домѣ
День и ночь остается пуста,
Только няня старушка заходитъ
Помолиться въ нее иногда.

Всю осмотрить ее, все припрятать,
Что найдетъ: отъ тетрадки ль листокъ,
Карандашъ ли — надъ ними поплачетъ,
И садится опять за чулокъ.

Только молвить: ахъ, соколъ мой ясный!
Улетѣлъ ты отъ насъ, улетѣлъ!
Не твои закрывать бы мнѣ глазки,
Да ужъ видно Господь такъ хотѣлъ.

Грустно! грустно!... а вьюга все воетъ
 И наноситъ сугробъ на сугробъ;
 И въ мечтахъ неотступно мелькаютъ
 Рѣзвый мальчикъ, могила и гробъ.

Февраль, 1856 г.

III.

ЛАНДЫШЪ.

Изъ всѣхъ цвѣтовъ взлелѣянныхъ весной
 Милѣе всѣхъ мнѣ ландышъ бѣлоснѣжный,
 И красотой своею пѣжной,
 И дѣвственной своею чистотой.

Любимецъ грезъ и первенецъ весны,
 Онъ съ пѣсню соловья свой запахъ разливаешь,
 И также какъ она на душу навѣваетъ
 Какіе-то ласкающіе сны.

Но мнѣ не суждена въ немъ доля вѣшнихъ грезъ,
 Онъ будитъ грустное во мнѣ воспоминанье;
 Мнѣ слышится тоска въ его благоуханьи,
 На листьяхъ его сверкаютъ капли слезъ;

Все кажется, влетенъ въ вѣнокъ онъ гробовой,
Благоухающій, во всемъ своемъ разцвѣтѣ;
Все кажется, къ груди безчувственной въ букетъ
Прижать онъ мертвою рукой.

1854 г.

IV.

* * *

Когда неожиданная утрата
Подруги, сына, или брата
Насъ тяжелой скорбью поразить,
Тогда въ тоскѣ невыразимой
Весь міръ, и зримый, и незримый,
Душа въ свой трауръ облачить;
И тяжело она страдаетъ,
И все тогда, что видимъ мы,
Какъ будто изъ могильной тьмы
Намъ милый образъ вызываетъ.
А думы черныя межъ тѣмъ,
Какъ воронья надъ трупомъ вьются;
И слезы долго, долго льются,
Неосушаемы ничѣмъ.

Такъ часто осенью ненастной
Вдругъ исчезаетъ солнца лучъ,
И скрывши блескъ лазури ясной,
Несутся стаи темныхъ тучъ,

Несутся съ бурей и дождями,
 Надъ обнаженными полями,
 И за собою въ небесахъ
 Отъ міра долго солнце прячуть,
 Какъ будто все грустятъ и плачуть
 О тепломъ лѣтѣ и цвѣтахъ.

Апрѣль, 1856 г.

VI

Несутся съ бурей и дождями,
 Надъ обнаженными полями,
 И за собою въ небесахъ
 Отъ міра долго солнце прячуть,
 Какъ будто все грустятъ и плачуть
 О тепломъ лѣтѣ и цвѣтахъ.

Несутся съ бурей и дождями,
 Надъ обнаженными полями,
 И за собою въ небесахъ
 Отъ міра долго солнце прячуть,
 Какъ будто все грустятъ и плачуть
 О тепломъ лѣтѣ и цвѣтахъ.

ЖИЗНЬ И ИЗОБРѢТЕНІЯ

ДЖЕМСА УАТТА.

Въ лѣтописяхъ науки замѣчательнъ любопытный случай: первоначальныя біографіи наиболѣе прославленныхъ людей древней Англіи написаны непремѣнными секретарями французской Академіи Наукъ. Такимъ образомъ біографія Ньютона, составленная Фонтенеллемъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія была единственною; въ настоящее время подобная біографія Сера Вилліама Гермеля, написанная Араго. Жизнеописанія Пристлея, Кевендиша и Сера Іосифа Бэнкса составлены Кювье; жизнь Джемса Уатта и исторія изобрѣтеній его сдѣлались извѣстными въ Англіи по панегирику Араго, читанному имъ въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ въ декабрь 1834 года и переведенному въ 1839 году на Англійскій языкъ Джемсомъ Мюйрадомъ (James Muirhead). Мюйрадъ обогатилъ переводъ свой значительнымъ запасомъ интересныхъ примѣчаній и особымъ прибавленіемъ. Сочиненіе Араго, по краснорѣчивому своему изложенію и вѣрной оцѣнкѣ изобрѣтеній и ума Уатта, возбуждало всеобщій интересъ въ Англіи; но полной біографіи великаго изобрѣтателя, въ которой подробно была бы изложена исторія его лицомъ, имѣвшимъ

для того необходимые источники и знакомымъ съ обстоятельствами жизни Уатта, также съ обычаями и законами страны, которые содѣйствовали или препятствовали развитію его генія, до сихъ поръ еще не было *.

Этотъ недостатокъ пополненъ нынѣ довольно удачно, родственникомъ Уатта, Мюйрадомъ, который издалъ біографію въ 3-хъ томахъ **. Въ первомъ томѣ этого сочиненія описана на 300 страницахъ жизнь великаго изобрѣтателя; во второмъ заключается переписка его съ разными лицами; въ 3-мъ помѣщено подробное описаніе всѣхъ изобрѣтеній Уатта, привилегіи, полученныя имъ, также извлеченіе изъ процессовъ, заведенныхъ имъ въ королевскихъ судахъ, для поддержанія своихъ правъ. Сочиненіе Мюйрада украшено портретами Уатта и Матвѣя Бультона и обогащено разными снимками, любопытными документами и 34 рисунками, объясняющими всѣ изобрѣтенія его.

Джемсъ Уаттъ родился въ Гриноуѣ 19 января 1736 года. Дѣдъ его былъ фермеромъ въ графствѣ Эбердинъ и погибъ въ одномъ изъ сраженій Монтроза. Отецъ его, Джемсъ Уаттъ, занимался торговлею разныхъ хирургическихъ снарядовъ и корабельныхъ инструментовъ; въ то же время онъ поставлялъ разные строительные матеріалы; умеръ въ 1782, на 84 году отъ рожденія, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей. Старшій изъ нихъ, Джемсъ Уаттъ, родился такимъ слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, что родители его и не думали обременять сына своего ученіемъ;

* Дарль Бругамъ помѣстилъ краткій, но интересный очеркъ жизни и изобрѣтеній Уатта въ своемъ сборникѣ жизнеописаній ученыхъ мужей въ царствованіе короля Георгія III-го.

** The Origin and Progress of the Mechanical Inventions of James Watt, illustrated by the correspondence of his friends, and the Specifications of his Patents, by James Patrick Muirhead. Esq. 3 vol. London. 1854.

поэтому-то первоначальное образованіе онъ получилъ дома отъ своего отца, хотя по-временамъ и посѣщалъ народную школу въ Гриннокъ. Оставаясь большую часть года въ своей комнатѣ, хворый ребенокъ не имѣлъ руководителя въ выборѣ занятій и способности его должны были развиваться сами-собою. Ему не было еще 6 лѣтъ, какъ однажды увидали его, что онъ, лежа, чертилъ мѣломъ геометрическія фигуры. Молодой механикъ, имѣвшій въ распоряженія своемъ небольшое число орудій, пользовался ими съ необыкновеннымъ искусствомъ и, съ помощію ихъ, чинилъ своимъ товарищамъ игрушки и дѣлалъ новыя. Впослѣдствіи, онъ даже устроилъ электрическую машину, сдѣлавшись предметомъ удивленія и забавъ для друзей его, молодыхъ и старыхъ. Какъ-то вечеромъ, онъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ возлѣ своей теткы, г-жи Мюйрадъ, которая, замѣтивъ его лѣность, сказала ему: «возьми книгу, Джемсъ, и займись чѣмъ-нибудь дѣльнымъ; цѣлый часъ ты то и дѣлаешь, что снимаешь крышку съ чайника; нестыдно ли тебѣ попустому убивать время,—тогда какъ этотъ ребенокъ убивалъ свое время, дѣлая наблюденія надъ сгущаемостью паровъ, вводя чайное блюдечко, или серебряную ложку въ токъ, который исходилъ изъ чайника, а потомъ испытывалъ капельки, образовавшіяся на поверхности фарфора и металла. Тогда же молодой ученый какъ бы предугадывалъ первые проблески той лучезарной идеи, которая была источникомъ, не только собственнаго его обогащенія, но и многихъ тысячъ людей, идея эта—сгущаемость пара въ отдѣльномъ сосудѣ».

Молодой Уаттъ скоро потомъ былъ отправленъ родителями, для поправленія здоровья, на живописные берега Лохъ-Ломонда, гдѣ съ любовью принялся за изученіе растений и минераловъ, въ изобиліи попадавшихъ ему на дорогѣ во время прогулокъ. Пребываніе въ этомъ краѣ было полезно ему и въ томъ

отношеніи, что, имѣя частыя сношенія съ бѣдными Гоглендерами, онъ изучилъ ихъ преданія, баллады и суевѣрныя вѣрованія. Возвратившись въ Гринокъ, онъ предался изученію наукъ болѣе сербзныхъ: химія и химическія изслѣдованія заняли большую часть времени; *математическія начала естественныхъ наукъ*, профессора астрономіи и математическихъ наукъ въ Лейдѣ, Гревзанда, обогатили его разнородными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ всеобщей физики; страсть къ медицинѣ и хирургіи достигла до такой степени, что онъ однажды унесъ въ свою комнату для скальпированія голову ребенка, умершаго отъ неизвѣстной болѣзни. Кажется непонятнымъ, отчего Уаттъ, обладая разнородными познаніями, при очевидной склонности къ литературѣ и поэзіи, въ которыхъ онъ былъ не менѣе силенъ, не избралъ ни одинъ изъ этихъ родовъ исключительнымъ поприщемъ для своихъ занятій. Страсть его къ механикѣ, которою онъ, по обстоятельствамъ, пересталъ нѣкоторое время заниматься, одержали верхъ надъ наукою, литературою и медициною и болѣзненный молодой человекъ, гений котораго еще вполне не развился, удовольствовался на первый разъ скромною долею инструментальнаго мастера и оптика. Ввѣренный попеченіямъ своего родственника, капитана Марра, онъ отправился съ нимъ въ іюнь 1755 года въ Лондонъ. Путешественники ѣхали верхомъ, нигдѣ не перемѣняя лошадей, и достигли Лондона въ 12 дней. Будущій инженеръ и не предполагалъ тогда, что это же самое пространство, благодаря его генію, будутъ проѣзжать въ 12 часовъ. Послѣ долгихъ поисковъ, къ кому поступить въ ученіе, Уаттъ условился наконецъ съ Джономъ Моргономъ, человекомъ честныхъ и благородныхъ правилъ, и былъ взятъ имъ на годъ, съ платою за это 20 гиней. Въ мрачномъ жилищѣ Моргона, куда солнце проникало только изрѣдка, Уаттъ изучилъ въ одинъ годъ искусство дѣлать математическіе инструменты

во всей его подробности и совершенствѣ, какъ только могло требовать того тогдашнее состояніе науки.

Окончивъ въ августѣ 1756 года свое ученіе, Джемсъ Уаттъ, съ запасомъ инструментовъ и орудій, необходимыхъ для открытія мастерской, опять поѣхалъ обратно въ Шотландію верхомъ; а въ октябрѣ онъ былъ уже въ Глазговѣ, куда пригласили его для починки астрономическихъ инструментовъ, порученныхъ въ путешествіе въ Ямайку и завѣщанныхъ Макферланомъ университету. Заслуживъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ этой работы, похвалы всего ученаго факультета, который въ числѣ членовъ своихъ имѣлъ Адама Смита, Іосифа Блака и доктора Роберта Симсона, Уаттъ рѣшился поселиться въ Глазговѣ и открыть въ немъ свою мастерскую; но такъ какъ онъ не былъ уроженцемъ этого города и не принадлежалъ ни къ одной изъ городскихъ корпорацій, то и долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Впрочемъ, молодой ученый, жертва старинныхъ привилегій городскихъ общинъ, скоро нашелъ себѣ безопасное убѣжище въ зданіи самой коллегіи, гдѣ университетъ отвелъ ему мѣсто для мастерской и сдѣлалъ его своимъ оптикомъ и инструментальнымъ мастеромъ. Въ этомъ скромномъ жилищѣ Уаттъ провелъ нѣсколько лѣтъ, приготовляя октанты Гадлея и другіе математическіе инструменты, пока не созрѣли въ головѣ его тѣ великія идеи, которыя быстро вознесли его на верхъ славы и извѣстности.

Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ учениковъ, прославившихъ въ ту эпоху Глазговскій университетъ, находится Джонъ Робисонъ, бывший впоследствии профессоромъ физики въ Единбургской коллегіи. Въ это время началась постройка Макферлановской обсерваторіи, и инструменты, назначавшіеся для нея, было поручено изготовить талантливому Уатту. Робисонъ, съ необыкновенною любовію занимавшійся астрономіею и механическими науками, познакомился въ 1758 съ

ученымъ оптикомъ, и скоро между молодыми людьми завязалась искренняя дружба. Думая встрѣтить въ Уаттѣ не болѣе какъ обыкновеннаго работника, Робисонъ, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, крайне изумился, найдя въ инструментальномъ мастерѣ ученаго, въ полномъ смыслѣ, и хотя онъ считалъ себя довольно сильнымъ въ любимыхъ своихъ занятіяхъ, но не менѣе того самолюбіе его было затронуто познаніями Уатта и въ математическихъ наукахъ. Въ 1759 году Робисонъ вступилъ мичманомъ въ морскую службу, но, разстроивъ въ сдѣланныхъ имъ кампаніяхъ здоровье, онъ, черезъ 4 года, опять возвратился въ Глазговъ къ своимъ привычнымъ занятіямъ и возобновилъ знакомство свое съ Уаттомъ. Робисонъ оставилъ намъ преннтересныя замѣтки объ ученыхъ собраніяхъ, бывавшихъ у великаго инженера. «Всѣ молодые люди, пишетъ онъ, считавшіе себя адептами науки, вмѣнили себѣ въ непремѣнную обязанность быть знакомыми съ Уаттомъ; его домъ былъ мѣстомъ общихъ свиданій. Въ чемъ бы намъ ни встрѣчалась малѣйшая трудность, мы сейчасъ же обращались къ нашему художнику. Разъ уже затронутый, всякій предметъ дѣлался для него рядомъ серьезныхъ наблюденій и мы были уже убѣждены, что онъ до тѣхъ поръ не откажется отъ предложеннаго на его обсужденіе вопроса, пока не разъяснитъ его вполне: или укажетъ его ничтожность, или извлечетъ изъ него результатъ, ясный и существенный. Чего бы ни коснулся у насъ споръ: древностей-ли, языковъ, исторіи естественной, поэзіи, критики, произведеній художествъ, или до работъ, относящихся до инженернаго искусства, военнаго или гражданскаго, Уаттъ никогда ничѣмъ не затруднялся и всегда былъ готовъ поучать насъ. Приходилось-ли прорывать новые каналы, устраивать плотины, снимать планы, словомъ: какого бы рода ни было предпріятіе, приводившееся въ исполненіе въ окрестностяхъ Глазгова, всегда признавали нуж-

нымъ посоветоваться прежде съ Уаттомъ и нерѣдко препоручали ему исполненіе значительныхъ работъ хотя онъ, по существу своему, принадлежали къ категоріи занятій, совершенно новыхъ для него.»

Въ одно изъ этихъ собраній вниманіе Уатта впервые было обращено на паровыя машины. Докторъ Робисонъ первый подалъ мысль приспособить ихъ для движенія экипажей по дорогѣ и для другихъ потребностей; но, отозванный потомъ въ Петербургъ для занятія выгодной должности, онъ принужденъ былъ оставить свою счастливую идею безъ всякихъ послѣдствій. Однако сѣмя было брошено и, попавъ на плодотворную почву, оно скоро созрѣло въ головѣ Уатта. Въ теченіи 1761 и 1762, знаменитый механикъ дѣлалъ уже опыты и построилъ модель самой машины. Робисонъ полагалъ, что, при приспособленіи пароваго двигателя къ движенію экипажей по дорогѣ, цилиндръ должно будетъ помѣстить такъ, чтобы отверстіемъ онъ приходился къ задней части, чѣмъ только и можно было, по его мнѣнію, избѣгнуть употребленія баланса *. И потому, пишетъ Уаттъ, модель моя имѣла два цилиндра изъ жести, чтобы дѣйствовать попеременно, посредствомъ особаго механизма, на зубчатая колеса, прикрѣпленныя къ оси экипажа. Но такъ-какъ модель эта построена была безъ особаго обсужденія сущности дѣла, то она и не могла удовлетворить моему ожиданію. Ктому же встрѣтились намъ новыя затрудненія, а такъ-какъ Робисонъ, равно и я, оба имѣли мы еще другія занятія, и притомъ, ни я, ни онъ, не составили еще тогда точной идеи о настоящихъ началахъ паровой машины, то проектъ этотъ былъ нами оставленъ.»

Въ 1761 и 1762 годахъ Уаттъ дѣлалъ опыты свои

* Мысль свою объ опрокинутомъ цилиндрѣ Робисонъ развилъ въ статьѣ, которую и помѣстилъ въ ноябрѣ 1757 г. въ *Universal Magazine*.

надъ Папиновымъ котломъ, которому онъ придалъ видъ паровой машины, придѣлавъ къ крышѣ котелка насосъ, толщиною въ діаметрѣ на одну треть фута и снабдилъ его прочнымъ поршнемъ и краномъ, для свободнаго пропуска пара и для сообщенія насоса съ воздухомъ. Когда пространство между котелкомъ и насосомъ дѣлалось свободно, паръ входилъ въ сей послѣдній и поднималъ поршень, имѣвшій на себѣ тяжесть въ 15 футовъ, какъ только поршень достигалъ своей высоты, сообщеніе между насосомъ и котелкомъ прекращалось, воздухъ безпрепятственно входилъ въ него, вытѣснялъ паръ и тяжесть, а вмѣстѣ съ нимъ и поршень, сами собою упали. Опыты эти были потомъ нѣсколько разъ повторены и, несмотря на то, что кранъ приходилось всякій разъ открывать рукою, Уаттъ видѣлъ уже средство дѣлать это самую машину, не прибѣгая къ человѣческому пособію. Отказавшись отъ намѣренія построить подобную паровую машину въ большемъ видѣ, изъ опасенія взрыва пароваго котла, отъ невозможности плотно закрывать цилиндры и наконецъ отъ значительной потери пара при движеніи поршня, Уаттъ однако же описалъ ее, въ особыхъ прибавленіяхъ по привилегіямъ, полученнымъ имъ въ 1769 и 1784 годахъ.

Занятія по должности препятствовали Уатту производить дальнѣйшіе опыты и, безъ особаго случая, онъ никогда, безъ сомнѣнія, и не возобновилъ бы ихъ. Въ коллекціи Глазговскаго университета находилась паровая машина Ньюкомена, которую профессоръ Андерсонъ поручилъ починить ему. Онъ исправилъ ее тщательно и добросовѣстно; но эта игрушка стала потомъ для него предметомъ серьезныхъ изученій. Онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что паровой котелъ, по видимому довольно вмѣстительный, давалъ самое незначительное количество пару и не болѣе того, сколько требовалось, чтобы поднять поршень. Напрасно раз-

дували огонь, напрасно кипятили сильнѣе воду и, думая увеличеніемъ количества пара продлить дѣйствіе машины, успѣли только остановить ее. Уаттъ недолго отыскивалъ причину подобнаго недостатка: онъ увидѣлъ, что значительное количество пара терялось и что единственное средство улучшить машину было увеличить производительность пара и уменьшить потерю его, и потому онъ рѣшился сдѣлать паровой котелъ изъ дерева и помѣстить огонь внутри; но послѣ этихъ, а равно и другихъ, принятыхъ имъ предосторожностей, онъ нашелъ, что болѣе трехъ четвертей вводимаго пара онъ сгущался и терялся потомъ при движеніи поршня.

При вторичномъ опытѣ Уаттъ предложилъ себѣ получить пустоту, болѣе совершенную; для этого впрыскивалъ онъ въ цилиндръ большое количество воды, но, замѣтивъ, что и при этомъ способѣ происходила тоже несоразмѣрная потеря пара, онъ счелъ обстоятельство это слѣдствіемъ того, что вода закипаетъ въ пустомъ пространствѣ при температурѣ ниже 100° Фаренгейта. Отъ этого онъ пришелъ къ заключенію, что, при болѣе высокой температурѣ, находящаяся въ цилиндрѣ вода даетъ столько пару, что сей послѣдній въ состояніи будетъ сопротивляться давленію атмосферы. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, онъ нашелъ, при какихъ именно степеняхъ температуры кипитъ вода при различныхъ давленіяхъ, превышающихъ давленіе атмосферы; причемъ онъ замѣтилъ странный случай, который довольно основательно объясняется теоріею доктора Блака о скрытой теплотѣ, а именно, что вода, превращенная въ пары, можетъ 6 разъ согрѣть до 212° Фаренгейта столько колодезной воды, сколько сама вѣситъ, т. е. можетъ согрѣть такой воды до той степени, что перестаетъ сгущать паръ. Имѣя въ виду эти данныя, Уаттъ дошелъ до слѣдующаго заключенія: чтобы получить отъ паровъ возможно большую механическую силу, необходимо, во-первыхъ со-

держатъ цилиндръ въ той же степени тепла, какую имѣетъ паръ, который въ него вводится, и во вторыхъ, когда паръ ужь сгущенъ, то вода, изъ которой онъ образуется и вода, впрыскиваемая въ цилиндръ, должны имѣть 100° Фарен. и даже менѣе. Но способъ, какъ достигнуть этого результата, не въ то же время представился его уму, и только весною 1765 года онъ достигъ великой цѣли своихъ розысканій, отыскавъ способъ *сгущать паръ въ отдѣльномъ сосудѣ*. Вотъ какъ докторъ Робинсонъ рассказываетъ о свиданіи, которое онъ имѣлъ съ Уаттомъ, вскорѣ послѣ того, какъ сдѣлалъ свое великое открытіе.

«Я вошелъ, говоритъ онъ, въ небольшую гостиную Уатта, гдѣ онъ сидѣлъ передъ огнемъ и разсматривалъ маленькій приборъ изъ жести, который держалъ у себя на колѣняхъ. Я началъ съ нимъ говорить что-то о парахъ, о чемъ мы разсуждали въ послѣднемъ нашемъ собраніи. Во все это время Уаттъ не спускалъ глазъ съ огня; приборъ же свой онъ поставилъ на полъ у своего стула. Наконецъ, посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ мнѣ съ необыкновенною живостію: «Вамъ, другъ мой, не зачѣмъ ужь болѣе ломать голову на этомъ! Я сдѣлалъ машину, въ которой не пропадетъ ни одинъ атомъ пару. Да, это будетъ прекрасно...»

При этихъ словахъ Уаттъ съ удовольствіемъ взглянулъ на крошечный приборъ, но увидѣлъ, что я слѣжу за нимъ, онъ толкнулъ его ногою подъ столъ. Я спросилъ его, въ чемъ состоитъ сущность его открытія; онъ отвѣчалъ мнѣ очень сухо и я пересталъ спрашивать, зная, что онъ на меня сердитъ за необдуманнѣйшій мой отзывъ объ одномъ его открытіи, касавшемся машинъ. Сужденіе мое, которое я имѣлъ неосторожность высказать одному моему знакомому, пріѣхавшему для заказа машины, было передано Уатту и очень огорчило его.

Какъ сильно ни желалъ я узнать, въ чемъ состоитъ

открытіе Уатта, но я принужденъ былъ отказаться отъ него на время: въ этотъ вечеръ мнѣ надо было ѣхать за городъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, отправившійся также въ тотъ домъ, предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ экипажѣ и велѣлъ мнѣ ожидать его на бульварѣ. Я пришелъ туда довольно рано и встрѣтилъ тамъ Броуна, задушевнаго пріятеля Уатта, съ архитекторомъ Крегомъ. Завидѣвъ меня, Броунъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Ну что, видѣли вы сегодня Уатта?» — «Видѣлъ, отвѣчалъ я.» — «Онъ сегодня очень веселъ съ своею новою машиною.» — «Да, очень веселъ, отвѣчалъ я.» — Э, Богъ мой, сказалъ при этомъ Броунъ; все дѣло въ сгустителѣ (конденсаторѣ), держите его въ достаточномъ холодѣ и у васъ всегда будетъ пустое пространство, какъ бы великъ ни былъ жаръ въ цилиндрѣ.» Эти слова въ ту же минуту освѣтили мой умъ. Несмотря на то, что я былъ въ большомъ смущеніи, и боялся притомъ своими распросами возбудить подозрѣніе Броуна, я старался однакоже поддержать разговоръ. Я узналъ только, что у него есть особый приборъ, сгуститель, который сообщался съ цилиндромъ и что этотъ сгуститель поливается холодною водою и снабженъ помпою для откачиванія воды, которая съ него стекала. Я узналъ въ то же время, что важнѣйшимъ затрудненіемъ была невозможность пригнать въ совершенствѣ поршень къ цилиндру, для чего предполагали употребить кожу и войлокъ, но какъ то, такъ и другое, не въ состояніи были противиться сильному жару.»

Открывъ начало сгущенія пара въ отдѣльномъ пространствѣ, Уаттъ въ 1768 подалъ прошеніе на выдачу ему привилегіи (патента) на изобрѣтенный имъ способъ уменьшать потребленіе пара и слѣдственно топлива въ огнедѣйствующихъ машинахъ. Просьба его поступила на очередь только въ апрѣлѣ 1770 года. Въ запискѣ его заключалось описаніе трехъ его изобрѣтеній: 1) Усовершенствованной паровой машины.

2) Машины съ высокимъ давленіемъ и 3) Паровой машины съ круговымъ движеніемъ.

Въ то самое время Уаттъ заключилъ условія съ докторомъ Ребукомъ для составленія общества на производство новыхъ, какъ ихъ тогда называли, огнедѣйствующихъ машинъ * Бультонъ, владѣлецъ огромныхъ заводовъ въ Сого, изъявилъ желаніе принять участіе въ дѣлѣ и Уаттъ поспѣшилъ увѣдомить его объ условіяхъ, какія онъ сдѣлалъ съ Ребукомъ. Между тѣмъ Уаттъ задолжалъ очень значительную сумму, которая, вмѣстѣ съ предстоящими издержками, простиралась до 1200 фунтовъ стерлинговъ. Такъ какъ докторъ Ребукъ **, который, по обязательству своему съ Уаттомъ, долженъ былъ заплатить всѣ его долги, выдавать ему деньги для дальнѣйшихъ опытовъ и вообще принять на себя всѣ хлопоты для успѣха ихъ предпріятія, по разнымъ причинамъ не могъ посвятить себя одному этому дѣлу, самъ же Уаттъ былъ совсѣмъ къ тому не способенъ, то мысль имѣть Бултону товарищемъ въ предпріятіи восхищала несказанно изобрѣтателя. Онъ просилъ Ребука предложить Соговскому фабриканту взять третью часть изъ его пая, но если Бультонъ, присовокупилъ Уаттъ, откажется отъ этихъ условій, то, вполнѣдствіи, можно будетъ предложить ему другія, болѣе выгодныя условія.

Въ ноябрѣ 1768 года Уаттъ занялся составленіемъ записки, которую передѣлывалъ три раза, оставаясь всякій разъ недовольнымъ ею; въ декабрѣ того же года онъ окончилъ модель своей машины съ переменнымъ движеніемъ; въ томъ же мѣсяцѣ писалъ ему Ребукъ, что онъ находится въ опасности потерять право собственности на свое изобрѣтеніе и совѣтовалъ

* Огнедѣйствующія машины или помпы Ньюкомена употреблялись въ рудникахъ при недостаткѣ въ водѣ.

** Докторъ Ребукъ имѣлъ въ то время на откупѣ соляные и каменноугольные рудники герцога Гамильтона въ Кинниль.

ему приостановить выдачу привилегіи. Между тѣмъ Бультонъ отклонился отъ всякаго участія въ дѣлѣ.

Въ это же время Уаттъ и его друзья были встревожены извѣстію, что какой-то Мооръ, торговавшій полотномъ, получилъ привилегію на изобрѣтенный имъ способъ двигать экипажи при помощи паровъ. Уаттъ понялъ, что это самый безстыдный подлогъ; онъ писалъ къ своему другу, доктору Смаллю: «Если этотъ господинъ Мооръ можетъ обойтись безъ моей машины, то я не вѣрю, чтобы онъ, для движенія экипажей, употреблялъ паръ. Если же онъ рѣшится на это, то я остановлю его. По быстрымъ успѣхамъ, которые онъ дѣлаетъ, по домогательствамъ его я нахожу его для себя неопаснымъ. Въ свѣтѣ вѣтъ безумія болѣе великаго, безумія, — какъ изобрѣтать. Вотъ ужъ болѣе 5-ти лѣтъ, какъ я работаю, чтобы изобрѣсть машину. Мооръ слышался безъ сомнѣнія о ней и болѣе находчивый чѣмъ я, беретъ разомъ три привилегіи, публикуетъ о себѣ въ газетахъ, нанимаетъ 2000 рабочихъ челоувѣкъ, обогащается и нападаетъ на меня, пользуясь моимъ же изобрѣтеніемъ. Вы совѣтуете мнѣ переѣхать въ Англію, но я не дикій индѣецъ, у котораго, исключая своей особы, ничего болѣе нѣтъ за душою».

Между тѣмъ Бультонъ заказываетъ ему, для употребленія въ Сого, двѣ машины. Уаттъ, который крайне обрадовался случаю возобновить съ нимъ переговоры, обращается къ доктору Смаллю за совѣтами, прося его содѣйствія.

«Если г. Бультонъ, писалъ онъ къ нему, желаетъ имѣть модель моей машины не менѣе 20 вершковъ въ діаметрѣ, то я готовъ служить ему своими совѣтами и содѣйствовать въ дѣлѣ, сколько могу. Онъ можетъ по этой модели построить машину въ размѣрахъ, въ какихъ самъ заблагоразсудитъ; если же потребуется ему что-нибудь другое, то условія мои будутъ самыя ничтожныя и я сочту себя еще обязаннымъ.

Если построенная машина будетъ соответствовать моимъ ожиданіямъ, а онъ, Бультонъ, найдетъ себя недостаточно вознагражденнымъ за труды и издержки, то вправѣ будетъ пользоваться ею до тѣхъ поръ, пока не покроетъ всѣхъ своихъ расходовъ. Я не сомнѣваюсь, что и докторъ Ребукъ охотно изъявитъ свое согласіе на мое предложеніе. Мнѣ очень желалось бы, чтобы Бультонъ и вы, Смалль, вошли въ переговоры съ докторомъ насчетъ вашего соучастія въ предпріятіи*. Но боюсь, не поздно-ли: чѣмъ ближе мы къ успѣху, тѣмъ болѣе онъ (Ребукъ) дѣлается несговорчивъ и неуступчивъ. Съ своей же стороны я убѣжденъ, что въ дѣлѣ этомъ всѣхъ насъ ждутъ вѣрныя барыши. Впрочемъ, докторъ неуступчивъ только въ отношеніи машинъ съ переменнымъ ходомъ; можетъ быть онъ передастъ вамъ половину своего пая на циркуляторъ». «Я рѣшился», пишетъ онъ ему далѣе въ томъ же письмѣ, «если затѣи мои, которыя я довелъ однакоже до возможнаго совершенства, не вознаграждать меня за потерянное время и деньги, — я рѣшился, говорю вамъ, — если въ силахъ буду устоять противъ искушенія, ничего не изобрѣтать болѣе. И притомъ, я не тотъ, что былъ прежде (въ это время Уатту было 33 года), когда, 4 года назадъ, я изобрѣлъ паровую машину и предугадалъ, не имѣя еще модели, всѣ случаи и послѣдствія, потомъ вполне оправдавшіяся на дѣлѣ. Въ ту эпоху меня подкрѣпляла надежда, что я скоро поставлю себя внѣ всякой нужды; тогда я не имѣлъ еще никакихъ сдѣлокъ съ людьми, которые на каждомъ шагу обманываютъ меня. Правда, мнѣ недоставало тогда опытности; но, пріобрѣвъ ее, я узналъ, что такое обманъ. Давно былъ бы я подавленъ имъ, еслибы не поддержала

* Предложенія, сдѣланныя въ первый разъ Ребукомъ, были невыгодны для Бультона и потому тотъ отказался отъ участія, къ крайнему прискорбію Уатта.

меня дружба Ребука. И теперь, когда изобрѣтеніе мое подвигается къ своему концу, я ничуть не ближе къ покою, о которомъ мечтаю, какъ и четыре года тому назадъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, я рѣшился вести свое дѣло до конца и, если оно не вознаградитъ мои усилія, я сброшу тяжесть, которую не въ силахъ ужъ нести.»

Подробности, которыя мы сейчасъ сообщили читателю и самое письмо это раскрываютъ предъ нами печальную картину дѣтства изобрѣтенія, картину нужды и лишеній, перенесенныхъ геніемъ, которому Провидѣніе дало завидный жребій быть благодѣтелемъ не только своей родины, но и всего человѣчества. Геній рѣдко выходитъ изъ уровня нищеты. Въ глубинѣ души его зарождается свѣтлая мысль; онъ принимается за работу, трудится и, сознавая свое великое призваніе, чувствуетъ въ себѣ довольно силъ, чтобы преодолѣть всѣ препятствія на пути, — и что же? — разстроенное здоровье, недостатокъ средствъ, червѣдность, даже нищета въ семействѣ, вотъ конечные плоды его трудовъ и занятій. Въ Глазговѣ только двое, Робисонъ и Блакъ, оба, одни изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ прошлаго столѣтія, вполне оцѣнили Уатта; они восхищались его открытіемъ, во всеуслышаніе провозглашали важность его изобрѣтенія, но помочь ему — не имѣли силъ. Знаменитый механикъ, издержавъ на свой трудъ все, что пріобрѣталъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, увидѣлъ себя наконецъ безъ всякихъ средствъ и съ горестію принужденъ былъ отказаться отъ желанія видѣть свое геніальное открытіе примѣненнымъ къ дѣлу; и великая идея его, не выходя за порогъ кабинета изобрѣтателя, мирно покоилась въ картонахъ, моделяхъ и чертежахъ. Одинъ любопытный иностранецъ, который посѣщалъ въ эту эпоху шотландскаго механика, — не могъ надивиться безпечности англійскаго правительства и особенно адмиралтейскаго совѣта.

Но въ то время, когда англійскій король и его первый министръ совсѣмъ и не подозрѣвали существованія шотландскаго механика, Россійская Императрица Екатерина I дѣлала самыя выгодныя предложенія Робисону и Уатту, чтобы привлечь ихъ въ Петербургъ. Робисонъ не устоялъ противъ искушенія и уѣхалъ въ Россію; Уаттъ же, любя родину, рѣшился жить и умереть въ Англии.

Несмотря на то, онъ не переставалъ совершенствовать свою машину, хотя и не видѣлъ возможности сбыть ее выгодно для себя. Ребукъ, который былъ владѣльцемъ двухъ третей привилегіи, при всемъ своемъ желаніи двинуть впередъ общее ихъ дѣло, не могъ отважиться на столь огромное предпріятіе одинъ, безъ товарищей; однако же, предугадывая большія барыши въ будущемъ, онъ не выпускалъ изъ рукъ право свое на изобрѣтенія Уатта и сему послѣднему стоило большихъ хлопотъ уговорить своего друга передать половину изъ своей части, состоявшей, какъ мы сказали, изъ $\frac{2}{3}$, Бультону. Наконецъ, къ большей радости Уатта, передача эта состоялась и Бультонъ принималъ на себя издержки, сдѣланныя Ребукомъ для устройства и испытанія машины; издержки эти не превышали 1000 фунтовъ стерлинговъ; окончательную сдѣлку Бультонъ долженъ былъ утвердить въ теченіи 12 мѣсяцевъ. Уаттъ былъ въ восторгѣ отъ этого дѣла; онъ видѣлъ въ немъ конецъ своимъ страданіямъ и зарю счастливой будущности.

Между тѣмъ великій механикъ, не имѣя никакой существенной пользы отъ своего изобрѣтенія, принужденъ былъ, чтобы помочь нуждамъ своего семейства, прибѣгнуть къ занятіямъ по части землемѣрной и инженерной. Еще въ 1768 онъ отказался отъ прежняго ремесла своего инструментальнаго мастера, и принялъ должность, болѣе сообразную съ своими познаніями, — состоявшую въ наблюденіи по устройенію канала Форто-Клидскаго. Ему препоручили самое произ-

водство изысканій и нивилировку рѣки Клидъ. «Никогда не принялъ бы я на себя этихъ работъ, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, если бы я былъ въ состояніи извлечь какую-нибудь пользу изъ своей машины; но, по неизвѣстности, въ какой теперь нахожусь, я не могу отказаться ни отъ какого дѣла. Я отказался отъ постройки простыхъ огнедѣйствующихъ машинъ и то потому, что онѣ отвлекали меня отъ занятій по моей паровой машинѣ. Впрочемъ, если въ денежныхъ средствахъ окажется у меня недостатокъ, то я возьмусь и за это дѣло. Я долженъ беречь жизнь, которая, можетъ-статься, будетъ и непродолжительна.

Посвящая большую часть своего времени новымъ занятіямъ, Уаттъ продолжалъ однако же заниматься усовершенствованіемъ своего изобрѣтенія; онъ преимущественно обратилъ свое вниманіе на приисканіе надежнаго средства сберечь пары, препятствуя имъ теряться въ цилиндрѣ. Всякую новую мысль онъ въ ту же минуту примѣнялъ къ образцовой своей машинѣ, поставленной въ Кигнелѣ; это вовлекло его въ любопытную переписку съ докторомъ Смаллемъ, которая знакомитъ насъ съ ходомъ постепенныхъ измѣненій, доведшихъ первоначальное его изобрѣтеніе до той степени совершенства, какое онъ самъ предполагалъ ему дать. Уаттъ извиняется, что большую часть своего времени онъ посвящаетъ занятіямъ по устройству канала: онъ не можетъ отказать людямъ, которые имѣютъ объ немъ столь высокое понятіе, большее, чѣмъ онъ того заслуживаетъ. Онъ находитъ свое существованіе невыносимымъ уже потому, что ему приходится имѣть безпрестанныя сдѣлки со всѣми; обязанность руководить работами 150 человѣкъ поглощаетъ все его время, остальное же отнимаютъ у него мигрени и другія болѣзни. Голова его преждевременно сѣдѣетъ, а онъ ничего еще не приобрѣлъ для своего семейства, и несмотря на то, что его мучатъ со всѣхъ

сторонѣ, онъ находитъ еще время заняться своею машиною.

Въ то самое время, какъ Уаттъ углубляется въ треуголяцію и нивелировку, Бультонъ и Смалль устраиваютъ одну изъ его машинъ, извѣстную подъ именемъ циркулятора, съ желаніемъ примѣнить ее къ проводу судовъ по каналамъ. Уаттъ съ охотою подаетъ имъ разные полезные совѣты и одобряетъ мысль ихъ отказаться отъ конденсатора, и то при томъ только условіи, прибавляетъ онъ, когда паровой котель въ состояніи будетъ выдержать давленіе воды въ 30 футовъ вышины; при этомъ же случаѣ онъ предлагаетъ имъ замѣнить колеса спиральнымъ велосломъ. Однако же разныя препятствія замедляютъ постройку циркулятора. Къ большому еще несчастію Уатта, Бультонъ заболѣлъ, а Ребукъ обанкрутился. Долги послѣдняго, и именно тѣ, которые обезпечивались будущими барышами отъ общей ихъ привилегіи, упадаютъ на несчастнаго изобрѣтателя. Вся надежда его на Бультона и на сдѣлку съ нимъ, но и эту надежду убиваетъ письмо Смалля: «Пока не прищемъ мы другаго плана пустить наше дѣло въ ходъ съ маленькимъ капиталомъ, едвали мы въ состояніи будемъ, какъ велико бы ни было достоинство вашихъ машинъ, отдать, при нынѣшнихъ коммерческихъ обстоятельствахъ, какъ вамъ, такъ и вашимъ изобрѣтеніямъ, должную справедливость.» Наконецъ, ему совѣтуютъ посвятить себя занятіямъ инженера и даютъ почувствовать, что полезнѣе для него будетъ переселиться въ Бирмингамъ и прискаты какую-нибудь должность при завѣдывающемъ работами Бирмингамскаго канала.

По сихъ поръ докторъ Ребукъ упорно отстаивалъ права свои на владѣніе привилегіею обще съ Уаттомъ, какъ представлявшія ему вѣрное средство вернуться изъ запутанныхъ обстоятельствъ, но уже истекло почти 5 лѣтъ послѣ выдачи привилегіи и

онъ теперь съ охотою готовъ продать свою часть всю или большую половину оной. Уаттъ поспѣшилъ увѣдомить о томъ Смалля и Бультона, извѣщая ихъ притомъ, что онъ самъ желаетъ ѣхать въ Англію и занять предлагаемое ему мѣсто. «Я не хочу, пишетъ онъ, оставаться, какъ невольникъ, привязаннымъ къ настоящимъ моимъ занятіямъ, которыя мнѣ опротивѣли и для которыхъ я, исключая своей честности, другихъ способностей не имѣю и теперь упрекаю себя, зачѣмъ я не отказался отъ нихъ прежде.»

Какъ ни щедры и безкорыстны были предложенія, сдѣланныя Уаттомъ доктору Смаллю, они однако же не имѣли успѣха. Докторъ отвѣчалъ ему, что, исключая недостатка въ деньгахъ, встрѣчается препятствіе, не менѣе важное: «Невозможно, писалъ онъ, ни мнѣ, ни Бультону, никому либо другому, честному и благородному человѣку, скупить у двухъ, столь преданныхъ одинъ другому, друзей, то, что, въ настоящую минуту, не имѣетъ на биржѣ никакой цѣны и что, рано или поздно, владѣльцы должны будутъ уступить за цѣну нисшую настоящей стоимости.» Въ заключеніи онъ увѣдомлялъ Уатта, что циркуляторъ его еще не готовъ и что, какъ онъ, такъ и Бультонъ, предлагаютъ ему завѣдывать этою частію предпріятія. Отъ этой новой неудачи Уаттъ не упалъ духомъ; вооружась терпѣніемъ, онъ общалъ своимъ покровителямъ не беспокоить ихъ болѣе, пока не увидится съ ними. «И тогда, писалъ онъ имъ, они должны будутъ выдержать новое нападеніе отъ него, если только они не объявятъ ему, что открытіе его неудобноисполнимо или невыгодно для нихъ. Я готовъ содѣйствовать вамъ во всемъ, какой бы родъ занятій вы ни представили мнѣ: нивеллировку ли, съемку плановъ или по части изобрѣтенія новыхъ машинъ.»

Съ этого времени переписка доктора Смалля принимаетъ оборотъ поэтической; бѣдный докторъ жалуется на смертную скуку. «Въ головѣ моей вертится

десякоко ученыхъ открытій, изъ которыхъ каждое можетъ прославить меня, а два даже обогатить, но я не чувствую въ себѣ достаточно силъ, чтобы привести ихъ въ исполненіе.» Однако же онъ занимается усовершенствованіемъ микроскоповъ и телескоповъ; Уаттъ же посвящаетъ свои досуги на изобрѣтеніе новыхъ инструментовъ и рѣшеніе разныхъ задачъ, относящихся къ астрономіи, общей физикѣ или механикѣ.

Пока Уаттъ ждетъ обѣщаннаго ему мѣста въ Бирмингамѣ, въ Единбургской коллегіи открывается ваканція на кафедру, и докторъ Смалль, соскучивъ всѣмъ, является соискателемъ на открывшуюся должность. Между тѣмъ въ апрѣлѣ 1773 собираются кредиторы доктора Ребука и Бультоны уполномочилъ Уатта скупить полную часть Ребука на ихъ привиллегію; Уаттъ уплатилъ за друга своего 630 фунт. стерл. и обязался сверхъ того, въ случаѣ успѣха ихъ предпріятія выдавать ему извѣстный процентъ изъ барышей.

Итакъ Уаттъ наконецъ достигъ своей цѣли: онъ ужъ въ товариществѣ съ Смаллемъ и Бультономъ. Но радость его была непродолжительна; злой геній судьбы его подстерегалъ уже великаго человѣка. Бультоны не согласились утвердить ихъ сдѣлку подъ тѣмъ предлогомъ, что кредиторы Ребука, имѣвшіе право пользоваться годовыми доходами, которые Уаттъ уступалъ въ пользу своего друга, могли претендовать и на соучастіе въ ихъ товариществѣ. Къ довершенію всего, великаго механика постигло семейное несчастіе. Въ то самое время, какъ онъ, на сѣрерѣ Шотландіи, занимался нивелировкой Каледонскаго канала, жена его, съ которою онъ прожилъ 9 счастливыхъ лѣтъ, умираетъ въ родахъ, оставивъ ему одного сына и трехъ дочерей.

Между тѣмъ Бультоны, несмотря на старанія общихъ ихъ друзей, не давалъ рѣшительнаго отвѣта; Уаттъ страдалъ душевно.

«Ваша скука, писалъ онъ Смаллю, заразительна. Я полагаю, что она, какъ чума, можетъ передаваться въ письмахъ. Я не впалъ еще въ меланхолю, но я лишился уже многого, что привязало меня къ міру и изобрѣтеніямъ моимъ. Вы говорите, что жизнь чело-вѣка должна проходить или въ трудахъ или въ сукѣ; моя же течетъ между обоими берегами. Мнѣ очень хочется съ вами повидаться, чтобы досыта съ вами насмѣяться и наговориться о разныхъ пустякахъ; но у меня на шеѣ такъ много дѣла и притомъ я такъ бѣденъ, что, право, не знаю, когда буду въ состояніи доставить себѣ это удовольствіе.

«Мнѣ опротивѣла Шотландія; я разлѣнился до крайности и что меня особенно пугаетъ, такъ это мысль, что я съ годами становлюсь глупѣе; память измѣняетъ уже мнѣ такъ, что я забываю даже самыя недавнія происшествія. Осужденный на жизнь дѣловую, я не вижу, вѣрьте мнѣ, состоянія, болѣе невыносимаго такъ то, въ которомъ теперь нахожусь.»

Все, что Уаттъ приобрѣлъ въ предъидущій годъ, не превышало 200 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ непріятности, неразлучныя съ занятіями ниже пера, возрастали каждый день, и потому онъ рѣшился или переѣхать въ Англію или прійскать себѣ выгодное мѣсто за границею. Огнедѣйствующія машины не подавали ни малѣйшаго признака жизни; о циркуляторѣ перестали давно и говорить; самъ докторъ Смалль не нашель для друга лучшаго совѣта, какъ написать трактатъ о парахъ.

Весною 1774 года Уаттъ отправился въ Бирмингамъ. Онъ увезъ съ собою, въ видѣ рекомендаціи, планы Каледонскаго и другихъ каналовъ, копія съ своихъ донесеній и разныя чертежи, объяснявшіе его изобрѣтенія. вмѣстѣ съ симъ прекращается и занимательная переписка его съ докторомъ Смаллемъ. Этотъ замѣчательный челоѣкъ умеръ въ Бирмингамѣ въ началѣ 1775 года; онъ былъ основателемъ «Луннаго Обще-

ства», Lunar Society. Странность такого, совершенно въ англійскомъ вкусѣ, наименованія, объясняется тѣмъ, что мѣсячныя собранія этого общества происходили всегда въ полнолуніе, что дѣлалось единственно съ цѣлю доставить членамъ онаго возможность возвращаться домой при лунномъ сіяніи. На митингахъ этого общества обсуждались иногда вопросы высокой важности и нѣкоторыя изъ блестящихъ идей нашего времени впервые узрѣли дневной свѣтъ на вечернихъ собраніяхъ Lunar Society.

Мы уже сказали прежде, что въ 1773 году было сдѣлано Уатту чрезъ Робисона предложеніе переселиться въ Петербургъ; предложеніе это опять возобновили Уатту весною 1775 года, съ предоставленіемъ ему на выборъ должности, сообразной съ его наклонностями и познаніями и съ жалованьемъ по 1000 фунт. стерлинговъ въ годъ. Это предложеніе сдѣлалъ Уатту уже самъ посланникъ русскій въ Лондонѣ, человѣкъ просвѣщенный, который слышался много хорошаго какъ о самомъ изобрѣтателѣ, такъ и его изобрѣтеніяхъ и это дѣлалось тогда, когда лордъ Нортъ, первый министръ короля, не зналъ даже имени Уатта и не слышалъ, въ чемъ состоитъ главное достоинство его машинъ. И правда, какое ему было дѣло до новыхъ открытій, когда всѣ заботы и усилія его были имъ устремлены на то, чтобы какъ можно долѣе сохранить свой портфель. Паровыя машины могли ли раздавить враждебныя партіи, образовавшіяся въ парламентахъ противу министра. Недумано!. Бультоунъ, на совѣсти котораго лежало это предложеніе, такъ какъ онъ самъ, одинъ изъ первыхъ, напѣвалъ на ухо русскому посланнику восторженныя похвалы Уатту, спѣшилъ отклонить его отъ намѣренія ѣхать въ Россію. На помощь къ нему явились друзья великаго механика, а докторъ Дарвинъ, узнавъ, что Сѣверный Медвѣдь намѣренъ завербовать Уатта на службу, писалъ ему: «Знайте, Россія, это новый Какусъ; вы видите

на землѣ слѣды животныхъ , которыя толпами бѣгутъ туда; но ужъ тѣхъ, которыя оттуда возвращались бы, вамъ не видать.»

Между тѣмъ срокъ привилегіи истекалъ; оставалось, для пользованія его, не болѣе 8 лѣтъ, очень мало для столь огромнаго предпріятія и потому Уаттъ и его друзья рѣшились просить парламентъ о продолженіи привилегіи. «Моя огнедѣйствующая машина, писалъ онъ къ своему престарѣлому отцу, идетъ очень хорошо, лучше, чѣмъ прочія мои системы и я надѣюсь имѣть отъ нея значительныя выгоды.» Въ этой надеждѣ онъ отказался отъ предложенія русскаго посланника и подалъ прошеніе въ парламентъ о выдачѣ ему акта. Послѣдствія покажутъ, до какой степени оправдались ожиданія Уатта и достаточно-ли вознаградили его конечный успѣхъ за горе и мученія, которыя вытерпѣлъ въ послѣднее время великій механикъ. При этомъ случаѣ невольно рождается вопросъ, какія были бы послѣдствія для Англіи и самого Уатта, если бы онъ принялъ предложенія Россіи? Для Уатта? Понять легко, онъ избѣжалъ бы страданій, неразлучныхъ въ Англіи со всякою привилегіею, онъ не узналъ бы тѣхъ тревожныхъ мученій, которыя камнемъ лежатъ на душѣ человѣка, имѣющаго процессы; онъ былъ бы богатъ и въ чести. Чтожъ касается Англіи — дѣло другое. Художество и промышленность, наполняющія сундуки Англійскаго Банка золотомъ, которое стекается къ нимъ со всѣхъ концовъ свѣта, пустивъ корни, при содѣйствіи генія Уатта, въ Россіи, упрочились бы въ ней и въ прочихъ государствахъ твердой земли прежде, чѣмъ Англія озаботилась бы ввести ихъ у себя. И тогда, въ великой борьбѣ торговой и мануфактурной промышленности, гордые британцы остались бы далеко позади настоящихъ своихъ соперниковъ или съ трудомъ могли бы выдержать съ ними борьбу; между тѣмъ, какъ безко-

рыстный патриотизмъ Уатта поставилъ ихъ теперь въ главѣ всѣхъ европейскихъ народовъ.

И такъ, великій изобрѣтатель паровой машины поселяется въ Бирмингамъ и дѣлается сотоварищемъ Бультона * на 25 лѣтъ. По смыслу контракта его завѣдыванію предоставлена часть чисто-ученая и механическая, съ правомъ получать третью часть всѣхъ доходовъ; Бультонъ же принималъ на себя всѣ издержки на производство дальнѣйшихъ опытовъ, поставку необходимыхъ матеріаловъ и на хлопоты по исходатайствованію акта. Дѣло двинулось впередъ; заказы стали увеличиваться, требованія на машины поступали къ нимъ даже изъ-за границы. Между тѣмъ возникло соперничество: Смитонъ и другіе извѣстные инженеры пишутъ о разныхъ усовершенствованіяхъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь дѣлается имъ необходимымъ испросить отсрочку на продолженіе привилегіи и ввести въ машины улучшенія, которыя сдѣлали бы всякое соперничество невозможнымъ. Билль возбудилъ самыя жаркія пренія въ парламентѣ. «Дѣло это, писалъ прославленный механикъ къ своему отцу въ маѣ 1775, увѣдомляя его о рѣшеніи парламента, по которому срокъ привилегіи продолженъ имъ еще на 25 лѣтъ, дѣло это стоило намъ большихъ издержекъ и непріятности. Безъ помощи намъ преданныхъ друзей, мы едва ли успѣли бы: мно-

* Прежде еще, чѣмъ образовалось это сотоварищество, Бультонъ имѣлъ мануфактуру въ Сого, недалеко отъ Бирмингама. Эта мануфактура была первая, построенная въ Англіи въ столь огромныхъ размѣрахъ, и теперь еще славится изяществомъ своей архитектуры; на ней производились всякаго рода работы: мѣдныя, стальныя, золотыя, серебряныя, накладнаго серебра: выдѣлывались даже астрономическіе часы и картины на стеклѣ. Въ послѣднія 20 лѣтъ своей жизни, Бультонъ чеканилъ на своемъ заводѣ монету и переливалъ на счетъ англійскаго правительства, всю мѣдную монету, обращающуюся въ соединенныхъ королевствахъ. Монета эта, отличавшаяся чистотою отдѣлки и бережливостію въ металлѣ, — сдѣлала невозможною всякую поддѣлку.

гія изъ самыхъ значительныхъ лицъ Нижней Палаты были враждебны нашему предпріятію.» — «Мнѣ захотѣлось узнать, говоритъ Араго въ своемъ похвальномъ словѣ Уатту, къ какому именно классу общества принадлежали тѣ люди, о которыхъ упоминаетъ великій изобрѣтатель и которые отказали ему въ малѣйшей части богатства, его же геніемъ вызванныхъ изъ ничтожества. Судите о моемъ изумленіи, когда въ главѣ ихъ я нашелъ знаменитаго Борка. И такъ, можно посвятить всего себя глубокомысленнымъ изученіямъ, быть человѣкомъ ученымъ и честнымъ, обладать въ высшей степени ораторскими достоинствами, увлекать своимъ краснорѣчіемъ народныя толпы и палаты, — и въ то же время не имѣть самаго обыкновеннаго — здраваго смысла. «Но г. Араго не зналъ того, что намъ сообщаетъ теперь Мюйридь, что Боркъ противился продолженію привиллегіи единственно по чувству обязанности своей къ одному доврѣителю.

Но какія бы ни были причины оппозиціи, встрѣченной Уаттомъ въ парламентъ, онъ достигъ однакоже своей цѣли: для упроченія своего предпріятія онъ имѣетъ теперь богатаго, честнаго и дѣятельнаго товарища и законное постановленіе правительства. Ему остается только совершенствовать свою машину. Благодаря новой методѣ, принятой Вилькинсономъ дляковки большихъ цилиндровъ, онъ могъ уже построить паровую машину съ цилиндромъ въ 50 футовъ въ діаметръ и ввести значительныя усовершенствованія, которыя дѣлали почти невозможною потерю теплоты въ цилиндрѣ.

Уаттъ принужденъ былъ, по дѣламъ компаніи, предпринимать частныя и продолжительныя поѣздки въ Корнваллисъ, обильный и по сіе время рудами. Знакомя горнозаводчиковъ съ своею паровою машиною, распространяя съ ними коммерческія сношенія, наблюдая за постройкою новыхъ, улучшая старыя ма-

шины, присутствуя на собраніяхъ рудокоповъ и споря съ ними о предметахъ, о которыхъ тѣ не имѣли никакого понятія, онъ не чувствовалъ себя довольно счастливымъ среди людей грубыхъ, въ странѣ дикой и необразованной, гдѣ кочегары съѣдали жиръ, назначаемый для машины. — Съ умноженіемъ дѣлъ увеличиваются и его безпокойства, болѣзни и разныя непріятности. Онъ молитъ Бога возвратить ему покой и избавить его отъ Корнваллиса.

Двинувъ удачно въ ходъ свое предпріятіе, Уаттъ и Бультонъ должны были подумать о мѣрахъ и средствахъ, какія имъ надо было принять, для полученія отъ выгодъ, доставляемыхъ машинами ихъ, законной доли барыша. При этомъ предстояли имъ два средства: или продавать самимъ машины, или быть участниками въ барышахъ, получаемыхъ отъ ихъ машинъ покупателями. Они приняли для своихъ сдѣлокъ послѣднее средство и требовали отъ закащиковъ *третьей части чистоты угля, оставшагося въ сбереженіи при употребленіи каждой машины ихъ.* Самая же машина могла быть изготовлена гдѣ угодно, но только по чертежамъ Бультона и Уатта, которые, съ своей стороны, обязывались, за извѣстную плату, изготовить клапаны и другія механическія части, требующія извѣстной точности. Они, сверхъ того, принимали на себя надзоръ за окончательною постановкою ихъ, должны были, на свой счетъ, въ теченіи года, дѣлать всѣ нужныя исправленія и ручались, что машина, такимъ образомъ построенная, будетъ поднимать на высоту 24 футовъ 20000 куб. футовъ воды, употребляя на то одинъ центнеръ угля. Количество сбереженного топлива должно было выводиться изъ сравненія количества, потребляемаго новою машиною топлива съ количествомъ топлива, потребляемаго прежнеею или другою, извѣстною въ Шотландіи машиною, и третья часть стоимости сбереженного топлива должна уплачиваться имъ монетою,

въ вознагражденіе за чертежи и другія изержки, а равно и за право привилегіи.

Эти столь щедрія условія имѣли самыя блистательныя послѣдствія. Первая машина была построена въ Бедфордѣ въ 1776 году, а въ 1780 — ихъ было ужъ въ дѣйствиіи значительное число въ Корнваллисѣ, одна въ Нюртѣ, во Франціи; въ Парижѣ и Лондонѣ употребляли для подъема воды. — Куда ни вводили эти машины, вездѣ признавали огромное ихъ достоинство; сбереженіе топлива превзошло даже ожиданія самого Уатта. Въ рудникахъ Шась-Уатера (Chase-Water) сбереженіе топлива достигло въ 1778 году такихъ размѣровъ, что владѣльцы рудъ нашли выгоднѣе для себя откупиться отъ контроля, ежегодною платою за это по 700 фунтовъ стерлинговъ; въ 1781 году Уаттъ и Бультонъ получили на свой пай изъ рудниковъ: Польдискіихъ — 1500 фунт. стерлинговъ, а Уиль — Виргинскіихъ 2500 фунтовъ стерлинговъ; изъ этого видно, что сбереженіе топлива для перваго простиралось на сумму 4500, а для втораго на 7500 фунтовъ стерлинговъ.

Впрочемъ самая эта прибыль, доставляемая учредителямъ товарищества ихъ машинами, породила зависть и неудовольствіе въ владѣльцахъ рудъ. Годъ отъ году, съ явнымъ недоброжелательствомъ, выплачивали они слѣдующія учредителямъ суммы и многіе изъ нихъ изыскивали случая нарушить свои обязательства. Другіе же, издержавъ огромныя суммы на устройство ньюкоменскихъ машинъ, просили дозволить имъ употребленіе одного конденсатора. Уаттъ и Бультонъ не могли согласиться на подобную просьбу, такъ какъ опытами они дознали, что средство это не совсѣмъ надежно и имѣло неудобствомъ уже то, что могло бы способствовать къ введенію и распространенію машинъ нисшаго достоинства и вредить репутациі ихъ дома, не принося

притомъ ни имъ самимъ, ни пріобрѣтателямъ достаточнаго вознагражденія.

Это справедливое и основательное сужденіе не могло удовлетворить людей, которые смотрѣли на выплачиваемую ими владѣльцамъ привилегія третью часть, какъ на потерю части своихъ доходовъ, не ставя ни во что собственные свои барыши, доставляемые имъ отъ сбереженія топлива Уаттовскими машинами. — Они не посовѣстились утверждать, что Уаттъ получилъ привилегію только на идею, на совершенно *отвлеченный принципъ*; даже нашлись юрсты, которые обѣщались поддержать ихъ своимъ мнѣніемъ; въ короткое время составилъ заговоръ, имѣвшій цѣлю освободить горнозаводчиковъ отъ обязательствъ ихъ въ отношеніи Бультона и Уатта.

И Уаттъ, съ своей стороны, предвидя бурю, ждалъ ее твердо, совершенно готовый встрѣтить и отразить ее. Въ рукахъ своихъ онъ имѣлъ неопровержимыя доказательства, что изобрѣтеніе его совсѣмъ не комбинація или чистое умствованіе, какъ утверждали его завистники, но существенность, дѣйствительно матеріальная, которая наполнила золотомъ сундуки корнвалисскихъ недоброжелателей его, и эти доказательства были многочисленныя привилегіи его. Съ 1775 по 1785 годъ онъ взялъ 5 привилегій на значительное число разнообразныхъ изобрѣтеній, до чрезвычайности остроумныхъ и высокаго достоинства, всѣ пять послѣдующія изобрѣтенію отдѣльнаго конденсатора. Вторую привилегію онъ взялъ въ 1781 году на придуманныя имъ разныя средства получать непрерывныя круговыя движенія чрезъ переменное прямолинейное движеніе. Въ числѣ этихъ средствъ была остроумная система солнечныхъ и планетныхъ колесъ, примѣненныхъ къ большому числу машинъ, и которыя въ послѣдствіи замѣнилъ Уаттъ рукоятками, хотя онѣ и требовали волановъ (мѣръ) значительной

тяжести. * Въ 1783 году геніальный механикъ взялъ третью привилегію на разныя усовершенствованія въ паровыхъ машинахъ и огнедѣйствующихъ помпахъ, служащихъ къ поднятію воды и для другихъ механическихъ назначеній, а равно на вновь изобрѣтенные механизмы, примѣненные къ этимъ же машинамъ.

Эти новыя изобрѣтенія доставили заводу Сого видимое превосходство предъ другими даже, тогда, когда отдѣльный конденсаторъ былъ вовсе оставленъ; но Уаттъ и въ нихъ видѣлъ еще недостатки и рѣшился продолжать усовершенствованія. Въ 1784 году взялъ онъ четвертую привилегію; въ обозначеніи изобрѣтенныхъ предметовъ описана новая машина съ круговымъ движеніемъ, въ которомъ паровой приборъ, помѣщенный въ плотной жидкости, обращается на шпиль въ слѣдствіе сопротивленія жидкости пару. Далѣе онъ описалъ три разнообразныя формы изыскашаго механизма, извѣстнаго подъ именемъ членобразнаго параллелограма, имѣвшаго назначеніе непосредственно сообщаться съ неуклоняющимся стержнемъ поршня, движущагося по прямой линіи и балансомъ, движущимся вокругъ. ** Въ то же самое

* Примѣненіе рукоятки къ паровымъ машинамъ подало Уатту мысль употребляемую точильщиками при орудіяхъ подпуска; но такъ какъ изобрѣтатель не позаботился о своевременной выдачѣ ему привилегіи, то вѣкъ Штиль, подкупивъ работника, дѣлавшаго модель машины, воспользовался открытіемъ Уатта и получилъ на это привилегію.

** Считая, впрочемъ великій почитатель геніальнаго Уатта, не думая, чтобы параллелограмъ членобразный, могъ бы на самомъ дѣлѣ сообщать круговое движеніе осямъ, и онъ полагалъ, что способъ этотъ никогда не войдетъ въ общее употребленіе и не доставитъ значительнаго сбереженія въ топливѣ. Но въ этомъ случаѣ предположенія его не оправдались. Вотъ въ какихъ словахъ отдаетъ Уаттъ отчетъ о первомъ опытѣ, сдѣланномъ имъ съ параллелограмомъ: «Я самъ удивился вѣрности его дѣйствія. Когда я увидалъ его первый разъ въ дѣлѣ, я ощутилъ точно такое удовольствіе, какъ будто я разсматривалъ открытіе посторонняго чело- вѣка, а не свое собственное.»

время онъ указалъ на разныя способы, какъ примѣнять паровой двигатель къ помпамъ и машинамъ съ переменнымъ движеніемъ, какъ одновременно обращать жернова въ мельницахъ, и дѣйствовать тяжельми молотами; изложилъ потомъ новую методу постройки и употребленія клапановъ; далъ полную систему сдѣляющихся колесъ и наконецъ описалъ механизмъ, примѣненный къ движенію экипажей, * а въ 1785 году онъ получилъ послѣднюю привиллегію на улучшеніе горновъ и печей и на потребленіе дыма. Какъ велико достоинство этихъ изобрѣтеній, можно видѣть изъ справедливой оцѣнки знатока въ этомъ дѣлѣ Араго: «Между всѣми изобрѣтеніями и нововведеніями въ паровыхъ машинахъ, составляющими въ настоящее время, удивительное по своей гармоніи во всѣхъ частяхъ, одно стройное цѣлое, нѣтъ почти ни одного, говоритъ онъ, ни великаго, ни малаго, — которое не истекало бы изъ первоначальныхъ открытій Уатта.»

Приготовившись такимъ образомъ къ борьбѣ, — великій изобрѣтатель съ спокойствіемъ ожидалъ начала дѣйствій. Первый сигналъ подали въ 1792 корнваллскіе горнозаводчики. Между контрафакторами машинъ съ отдѣльными конденсаторами особенно отличился нѣкто Буль, который долгое время былъ у Соговскаго фабриканта кочегаромъ, а потомъ помощникомъ машиниста и слѣдственно имѣлъ достаточно случаевъ присмотрѣться къ ихъ машинамъ. Бультонъ и Уаттъ завели съ нимъ процесъ и въ іюнь 1793 года судъ присяжныхъ (La Cour des Plaid's Communs) рѣшилъ дѣло въ пользу ихъ, причемъ постановилъ, что объ утвержденіи законности ихъ привиллегіи послѣдуетъ особое постановленіе суда. Въ числѣ свидѣте-

* Первую идею объ этомъ примѣненіи подалъ Уатту другъ его, Робисонъ; въ чемъ онъ самъ откровенно признается въ Philosophical Mecanic.

лей, выслушанныхъ со стороны истцевъ, были Делюкъ, Гермель, Робисонъ, Линдъ, Мурдохъ, Ренни и Рамсдэнъ.

И такъ рѣшеніемъ суда присяжныхъ за Уаттомъ упрочены были оригинальность и важность сдѣланныхъ имъ изобрѣтеній; что же касается вопроса о законности привилегіи, то дѣло это затянулось на нѣсколько лѣтъ; Лордъ юстиціи упорно молчалъ, и никто не могъ предугадать, чѣмъ оно кончится. Между тѣмъ дѣло косалось значительныхъ интересовъ для обѣихъ сторонъ; ученые, адвокаты, механики, инженеры и самъ Уаттъ съ душевнымъ трепетомъ ожидали заключеніе суда. Присяжные должны были рѣшить: 1) Имѣла ли привилегія дѣйствительную законность и была ли она продолжена по акту парламента и 2) Признаетъ ли законъ достаточнымъ описаніе, сопровождавшее привилегію. Въ маѣ 1797 года дѣло это вновь было представлено суду и изъ четырехъ членовъ, двое утверждали, что Уаттъ взялъ привилегію для употребленія или продажи новой своей методы, какъ уменьшать потребленіе пара и топлива въ огнетѣвствующихъ машинахъ и что въ особомъ обозначеніи къ привилегіи онъ описалъ нѣкоторыя основныя начала своей методы. Слѣдовательно, говорили они, о способѣ сгущенія и самомъ конденсаторѣ, о чемъ ничего не говоритъ и самъ изобрѣтатель и что описаніе его не сопровождалось никакимъ чертежемъ модели. Въ заключеніе они утверждали, что актъ парламентскій, написанный въ столь же неопредѣленныхъ и общихъ выраженіяхъ, какъ и самое обозначеніе къ привилегіи, предоставлялъ ему только право строить и продавать машины, описанныя въ привилегіи и что эта послѣдняя не заключаетъ въ себя описанія ни одного рода машины. Напротивъ, два другіе члена, изъ которыхъ одинъ былъ самъ главный Лордъ юстиціи Эйре, смотрѣли на вопросъ съ другой точки зрѣнія. По мнѣнію ихъ, описаніе привилегіи было полное, и

не требовало для поясненія особыхъ чертежей, что подтверждають и показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, построившихъ машины по одному описанію, и наконецъ процессы изобрѣтателя съ Булемъ, а потомъ съ Гориблоуэромъ и Мэберли, тоже признанныхъ виновными въ контрафакціи. Что еще болѣе подкрѣпляло ихъ мнѣніе, то это — показаніе профессора Робисона, всѣми уважаемаго по своему безпристрастію и благородству ученаго; онъ объявилъ, что въ бытность его въ Петербургѣ, для осушенія одного бассейна, построена была паровая машина единственно по одному описанію.

Такъ-какъ голоса судей были раздѣлены поровну, то дѣло перенесли на разсмотрѣніе суда высшей инстанціи (a la Cour du Vane du Roi) въ 1798; въ слѣдующемъ году послѣдовало единодушное рѣшеніе суда, признавшее законность привилегіи въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ, по акту парламентскому, дана отсрочка на продолженіе ея. Этимъ же рѣшеніемъ присуждена была противная сторона къ уплатѣ Бультону и Уатту всѣхъ издержекъ и убытковъ, простиравшихся на довольно значительную сумму.

Эта побѣда, какъ должная дань генію и наукѣ, была полная; но она не могла уже имѣть большаго вліянія на будущее существованіе дома въ Сого, такъ-какъ срокъ привилегіи кончался съ 1800 годомъ. Между тѣмъ Бультонъ и Уаттъ, творцы нынѣшней паровой машины, оба достигли уже преклонныхъ лѣтъ и требовали покоя послѣ славныхъ трудовъ своихъ. Они охотно передали все управленіе по дѣламъ и самое заведеніе своимъ дѣтямъ, молодымъ людямъ съ большими дарованіями и способностями. При помощи такихъ людей, какъ Вилліамъ Мурдохъ * и Ольдъ Кумнонъ, они съ большою честію и славою управляли, въ теченіи 40 лѣтъ, торговымъ своимъ домомъ.

* Мурдохъ первый употребилъ газъ для освѣщенія домовъ.

Мы представили здѣсь, въ историческомъ развитіи, очеркъ важнѣйшихъ изобрѣтеній Джемса Уатта, но для полноты его, должны упомянуть и объ открытіяхъ его по другимъ отраслямъ наукъ, не столь важныхъ, какъ первыя, но не менѣе того замѣчательныхъ. Такъ по сознанію людей, каковы: Деви, Генри, Араго, Бругамъ, Дюма, Берцеліусъ, Джефрей, Либихъ и Фаредэй, — новѣйшая химія обязана ему однимъ изъ первыхъ открытій нашего времени, и именно, открытіемъ, изъ какихъ начальныхъ частей составляется вода; хотя славу этого открытія приписываютъ Кевэндишу.

Механическій геній Уатта вполне проявился въ большомъ количествѣ сдѣланныхъ имъ изобрѣтеній. Въ 1765 году онъ изобрѣлъ машину для сниманія перспективы; въ 1770 онъ устроилъ два новыхъ и притомъ очень остроумныхъ микрометра для измѣренія разстояній. Микрометры эти съ большею пользою послужили ему при работахъ по нивиллировкѣ разныхъ каналовъ.

«Каждое засѣданіе Луннаго Общества, говоритъ Араго, представляло Уатту случай блистательно выказать необыкновенное обиліе изобрѣтательности, какою щедро надѣлила его природа». «Мнѣ бы хотѣлось, сказалъ въ одномъ изъ этихъ засѣданій Дарвинъ, имѣть двойное перо или такое перо, которое имѣло бы два очиненныхъ конца, такъ что за одинъ разъ можно было бы имѣть и оригиналъ и копію.» Я надѣюсь найти самое близкое рѣшеніе этой задачи, сказалъ Уаттъ; сегодня ввечеру я подумаю объ этомъ, а завтра сообщу вамъ о результатѣ.» На другой день способъ былъ найденъ и Уаттъ принесъ даже модель прессы. Въ 1780 году онъ взялъ привилегію на этотъ прессъ вмѣстѣ съ Бультономъ и Кейромъ; первый принималъ на себя всѣ издержки по привилегіи, а второй исполненіе работъ. Въ этомъ приборѣ, чернила

вдавливались чрезъ тонкую бумагу, положенную на оригиналь; вязущая жидкость, которою пропитана была бумага, возвращала черниламъ всю ѣдкость ихъ, безъ вреда оригиналу *.

Уатту обязаны тоже изобрѣтеніемъ членообразныхъ трубокъ. Одна компанія, основанная въ Глазговѣ для снабженія города водою, построила на правомъ берегу Клида огромное зданіе и снабдила его сильными паровыми машинами. Между тѣмъ оказалось, что выборъ мѣста былъ неудаченъ: приходилось проводить воду съ лѣваго берега чрезъ трубы, положенныя по дну рѣки, неровному и изрытому; переносить же зданіе на другой берегъ стоило бы огромныхъ издержекъ. Обратились за совѣтомъ къ Уатту. Блюдо гомарь (морскихъ раковъ) подало остроумному механику мысль построить изъ желѣза трубы членообразныя, какъ хвостъ у рака, которыя имѣли бы гибкость и подвижность хвоста. Трубы эти были изготовлены по чертежамъ Уатта и своимъ успѣхомъ вполнѣ оправдали изобрѣтательную находчивость Глазговскаго ученаго.

Неутомимый механикъ изобрѣлъ новую систему постройки желѣзныхъ маяковъ; придумалъ арифметическую машину, которая должна была производить умноженія и дѣленія; но такъ какъ онъ не имѣлъ свободнаго времени заняться усовершенствованіемъ ея, то онъ и оставилъ эту модель безъ послѣдствій **. Последнее время своей жизни онъ посвятилъ на устройство механическаго прибора для воспроизведенія всѣхъ родовъ скульптуры и барельефовъ. Первая идея этого изобрѣтенія пришла ему въ 1802 году, въ бытность его въ Парижѣ; въ 1809 машина его была

* Это остроумное изобрѣтеніе дозволило Уатту имѣть копію со всей своей корреспонденціи.

** Слава изобрѣтенія машины для арифметическихъ исчисленій принадлежитъ безспорно Вэббэджу.

уже готова и онъ далъ ей названіе Полиглиптики; скоро потомъ онъ сдѣлалъ изъ дерева голову Локка въ огромномъ размѣрѣ, и изъ слоновой кости небольшую головку Адама Смита. Впослѣдствіи онъ могъ ужъ высѣкать бюсты изъ мрамора и лѣпить ихъ изъ алебаstra и довелъ изобрѣтеніе свое до такой степени совершенства, что въ 1818 году онъ изготовилъ уже всѣ нужные чертежи и бумаги, для испрошенія привилегіи на свою полиглиптику. Причина, по которой Уаттъ отказался отъ этой привилегіи, — довольно любопытна. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Мюйрадъ: Въ этомъ же 1818 году посѣтилъ Уатта, въ его жилищѣ въ Гитфилдѣ (Heathfield) Брейстеръ (Brewster). Показывая ему скульптурныя работы, произведенныя машиною, почтенный старецъ сказалъ своему гостю, что по сосѣдству съ нимъ живетъ одинъ джентльменъ, который, не имѣя никакого понятія о его изобрѣтеніи, придумалъ точно такую же машину, и предлагалъ ему взять привилегію вмѣстѣ съ нимъ; но что онъ, испытавъ столько неудовольствій и съ прежними привилегіями, теперь, въ столь преклонныхъ годахъ, не отважится на подобное дѣло.

Уаттъ и его ученые друзья нетолько предугадывали скорое изобрѣтеніе пароходовъ, но своими открытіями они проложили имъ даже дорогу. Уаттъ придумалъ спиральный двигатель; еще въ 1786 онъ построилъ въ небольшомъ видѣ паровой экипажъ. М. Эджевортъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, говорилъ въ 1813 году Уатту, что онъ всегда былъ того мнѣнія, что паръ будетъ со-временемъ властелиномъ міра и что наступитъ часъ, когда мы дадимъ отдыхъ почтовымъ лошадямъ.

Прослѣдивъ жизнь Уатта, какъ великаго ученаго и счастливаго изобрѣтателя, бросимъ бѣглый взглядъ на частную его жизнь, какъ человѣка.

Уаттъ женился на своей кузинѣ, Миссъ Миллеръ, въ 1764 году, въ тотъ самый годъ, когда онъ изо-

брѣлъ свой конденсаторъ, слѣдственно, когда онъ предвидѣлъ уже возможность безбѣдно содержать свое семейство. Отъ этого брака онъ имѣлъ одного сына и трехъ дочерей. Сынъ его, тоже Джемсъ Уаттъ, Астонъ Галь, умеръ въ 1848 году холостымъ. Читатель, безъ сомнѣнiя, помнитъ, что въ то самое время, когда инженеръ нашъ занимался въ сѣверной Шотландiи планомъ Каледонскаго канала, онъ былъ отозванъ домой печальнымъ извѣстiемъ, что его жена лежитъ при смерти; возвратившись въ Глазговъ, онъ не засталъ ее въ живыхъ; она умерла въ родахъ сыномъ, который не пережилъ своей матери. Уаттъ былъ неутѣшенъ въ потерѣ любимой подруги, образованный умъ которой, неизмѣнная кротость и веселый характеръ не разъ поддерживали его мужество. Когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ вдовства, онъ заключилъ свое обязательство съ г. Бультономъ, и долженъ былъ переѣхать въ Англiю, Уаттъ вступилъ тогда во второй бракъ съ Миссъ Макъ-Грегоръ, женщиной, во всѣхъ отношенiяхъ, достойной его. Отъ этого брака онъ имѣлъ сына, Григорiя, и дочь, которые оба умерли въ молодыхъ годахъ. Хотя Григорiй Уаттъ имѣлъ также свою долю въ торговомъ долгѣ отца его и Бультона, основанномъ въ 1800 году, онъ мало впрочемъ принималъ участiя въ коммерческихъ дѣлахъ, посвящая всѣ свои досуги наукамъ и литературѣ, преимущественно же химiи и геологiи. И среди этихъ ученыхъ занятiй постигла его тяжкая болѣзнь, чахотка, которая и свела его въ могилу въ октябрѣ 1804 года, на 27 году отъ роду. Мать Григорiя умерла въ 1832 году въ преклонной старости. Потеря сына, подававшаго великiя надежды, была жестокимъ ударомъ старцу. Онъ писалъ къ одному изъ своихъ родственниковъ: «Мы лишились сына, которымъ могло бы гордиться всякое семейство.» Въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ: «У меня нѣтъ ужъ болѣе рвенiя и я потерялъ охоту ко всѣмъ занятiямъ.» Траго-

тельные заботы семейства и друзей едва могли успокоить разбитое сердце великаго челоуѣка.

Единственный сынъ, который пережилъ отца, былъ Джемсъ Уаттъ, родившійся отъ перваго брака съ Миссъ Миллеръ. Онъ вмѣстѣ съ сыномъ Бультона управлялъ торговымъ и мануфактурнымъ заведеніемъ въ Сого; онъ умеръ, какъ мы сказали, въ 1848 году. То былъ челоуѣкъ съ сильнымъ умомъ и непреклоннымъ характеромъ. Въ 1792 году онъ посѣтилъ Парижъ. Поэтъ Вордепортъ и другой еще англичанинъ, Куперъ, присоединились къ Джемсу Уатту и вмѣстѣ съ нимъ стали обычными посѣтителями клубовъ. Въ одномъ изъ этихъ засѣданій произошелъ жаркій споръ между Робеспьеромъ и Дантономъ; противники рѣшились покончить дѣло оружіемъ. Уаттъ, который былъ секундантомъ съ одной изъ враждующихъ сторонъ, успѣлъ примирить враговъ.

Боркъ, вслѣдствіе предложенія Шеридана о прекращеніи возмутительныхъ происковъ, производимыхъ тайно въ Англіи французскими революціонерами, въ рѣчи, произнесенной имъ 4 марта 1792 г., въ Нижней Палатѣ, громовымъ ударомъ разразился надъ бѣднымъ Уаттомъ и другомъ его, Куперомъ. Къ несчастію ихъ, случилось въ Парижѣ слѣдующее происшествіе: довольно значительное число солдатъ были приговорены военнымъ судомъ къ наказанію; но, не смотря на это, въ противность всѣмъ законамъ и приговору Народнаго Собранія, они были освобождены; ихъ привезли въ Парижъ и съ триумфомъ водили по заламъ Собранія. «И въ этой гнусной, отвратительной процессіи, говорилъ Боркъ, два англичанина, Уаттъ и Куперъ, осмѣлились явиться представителями старой Англіи. Они приняли братскія объятія революціонеровъ, и шествовали изъ залы собранія въ залу Якобинцевъ, и тамъ лобызали обрызганныя кровью щеки Марато.»

Но жестокости, которыя вслѣдъ за тѣмъ были произведены во имя свободы въ Парижѣ, излечили молодыхъ людей отъ бреда революціонерной горячки. Робеспьеръ, замѣтивъ перемену въ ихъ обращеніи, успѣлъ опоздрить ихъ и въ рѣчи, произнесенной имъ въ клубѣ Якобинцевъ, назвалъ Уатта и Купера лазутчиками Питта. Молодой человекъ, достойный сынъ геніальнаго отца, движимый негодованіемъ, въ одно мгновеніе взлетѣлъ на трибуну, столкнулъ съ нея свирѣпаго оратора и краткою, но энергическою и одушевленною рѣчью на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ какъ своимъ природнымъ, принудилъ замолчать своего могучаго противника и, возбудивъ всеобщій восторгъ, сошелъ съ трибуны при громѣ рукоплесканій, которыми революціонерное собраніе выказало полную свою довѣренность къ благороднымъ чувствованіямъ британца. Впрочемъ надо было ожидать, что подобное неуваженіе къ одному изъ героевъ французской революціи, не останется долгое время безнаказаннымъ. Джемсъ Уаттъ, узнавъ, что жизнь его находится въ опасности, оставилъ Парижъ и, безъ паспорта, успѣлъ благополучно достигнуть Прованса и оттуда, столь же счастливо, перебрался въ Италію.

Послѣ успѣшныхъ опытовъ Фультона въ Америкѣ и Бея въ Шотландіи для примѣненія паровъ къ мореплаванію. Молодой Уаттъ принялъ самое дѣятельное участіе въ развитіи этой отрасли промышленности. Въ 1814 году онъ купилъ Каледонію, корабль въ 100 тоннъ, замѣнилъ бывшую на немъ машину двумя новыми, каждая въ 14 силъ, и въ октябрѣ 1817 посѣтилъ на этомъ пароходѣ Голландію и даже пускался внизъ по Рейну. Въ слѣдующемъ 1818 году, воз-

* Паровую машину для перваго парохода Фультонъ заказалъ на заводѣ Бультона и Уатта.

вратившись въ Лондонъ, онъ сдѣлалъ на Темзѣ безчисленное множество опытовъ и ввелъ въ машинахъ многія улучшенія. Число машинъ, построенныхъ въ 1854 году въ мастерскихъ Сого, было не менѣе 319, сила которыхъ, въ общей сложности, равнялась 17133, или силъ 52,314 обыкновенныхъ лошадей *.

Хотя жизнь великаго шотландскаго инженера была непрерывною цѣлю трудовъ, обмановъ и потерь, но и въ ней просвѣчивались по временамъ минуты, полныя радости и счастія. Онъ былъ окруженъ преданными ему друзьями: цѣлою семьею прославленныхъ ученыхъ, знаменитыхъ литераторовъ и скромныхъ художниковъ.

Но не Бирмингамъ одинъ цѣнилъ его геній. Королевскія общества ученыхъ въ Единбургѣ и Лондонѣ единодушно признали его своимъ членомъ, первое въ 1784 и послѣднее въ 1785 году. Записка его объ основныхъ частяхъ воды, напечатанная въ Философическихъ запискахъ, поставила его въ близкія сношенія съ главнѣйшими членами обществъ. Знаменитый Кевендишъ, посѣтивъ въ 1785 году Бирмингамъ и Сого, вмѣнилъ себѣ въ обязанность посѣтить Уатта въ скромномъ его жилищѣ, который, съ своей стороны, оплатилъ за это вниманіе посѣщеніемъ Кевендиша, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, въ Парижѣ.

* Пскмочая паровыхъ машинъ, назначаемыхъ для Ангійскаго флота, мастерскія Сого поставили значительное число ихъ для фабрикъ и заводовъ. Бультонъ, сынъ, обнаружилъ въ 1819 году, что одно ихъ заведеніе изготовило въ томъ году Уаттовскихъ машинъ столько, что для одного изготовленія ихъ потребовалось бы болѣе 100,000 лошадиныхъ силъ. Всего же до того времени поставлено для Англіи и Шотландіи не менѣе 10,000 машинъ въ 500,000 силъ лошадиныхъ, или въ 3 или 4 милліона человѣческихъ силъ, и что машины эти доставляли экономіи отъ 3 до 4 милліоновъ франковъ ежегодно.

По приглашенію французскаго правительства, Уаттъ и Бультонъ ѣздили въ 1786 году въ Парижъ для окончательнаго обсужденія сдѣланныхъ имъ предложеній на введеніе во Франціи паровыхъ машинъ, съ предоставленіемъ имъ на это исключительной привилегіи, а также и для пріисканія лучшаго средства, чѣмъ замѣнить старую и колоссальную машину въ Марли, про которую шутя говорили, что она дѣлаетъ много шума. Изъ Парижа Уаттъ писалъ къ своему сыну, что министры приняли ихъ очень хорошо и желаютъ дать имъ дѣло; но что Бультонъ и онъ рѣшительно отказались отъ всякаго обязательства на учрежденіе во Франціи завода, изъ опасенія не повредить интересамъ своимъ въ Англіи. Впрочемъ они разсмотрѣли машину въ Марли и представили объ ней свое мнѣніе въ Академію Наукъ. Въ это первое ихъ посѣщеніе столицы Франціи, издержки на которое французское правительство приняло на себя,—оба инженера изъ Сого познакомились съ Лавуазье, Лапласомъ, Монжемъ, Бертолэ, Прони, Фуркруа, Гассенфрацомъ, Делессеромъ и другими лицами; со многими изъ нихъ Уаттъ находился потомъ долгое время въ самой дружеской перепискѣ. Въ это же посѣщеніе Франціи Бертолэ объяснилъ имъ свой способъ, какъ употреблять хлоръ для бѣлѣнія; открытіе, которое могло бы обогатить его, еслибы онъ позаботился взять привилегію на оное. Когда Уаттъ и Бультонъ возвратились въ Англію, они посѣвшии сообщить Питту, тогда первому министру, о необыкновенно-важномъ достоинствѣ открытія Бертолэ и просили его исходатайствовать у Парламента французскому химику денежное вспомошествованіе или исключительную привилегію въ Соединенныхъ королевствахъ. Но Питтъ не былъ поклонникомъ мирныхъ художествъ и искусствъ и потому ходатайство Уатта не имѣло успѣха. Не смотря на то, Уаттъ ввелъ этотъ способъ въ общее употребленіе въ Англіи: онъ самъ построилъ необхо-

димые къ тому приборы, самъ смотрѣлъ за размѣшеніемъ ихъ и присутствовалъ на первыхъ опытахъ; потомъ передалъ все свое заведеніе тестю своему, Макъ Грегору. Эта новая промышленность была очень прибыльна Макъ Грегору и сотоварищу его Генри. Одинъ работникъ могъ выбѣлить въ сутки тысячу кусковъ мусселину, въ 30 ярдовъ каждый.

Въ 1787 году Уаттъ имѣлъ счастье объяснять устройство своей паровой машины королю и королевѣ Англійскимъ, во время посѣщенія ими пивоварни Уйтбрида (Withbread), единственнаго въ своемъ родѣ по обширности заведенія, которое однихъ акцизныхъ пошлинъ платитъ ежегодно казнѣ болѣе 54,000 фунтовъ стерлинговъ. Онъ былъ восхищенъ благосклонностью царственной четы. Въ 1814 году онъ также сопровождалъ Императора Россійскаго и Августѣйшую его Сестру при осмотрѣ ими нѣкоторыхъ фабрикъ въ Лондонѣ.

Весною 1803 года Уаттъ предиринялъ другое путешествіе въ Парижъ, гдѣ пробылъ пять недѣль, въ теченія которыхъ прежніе знакомцы его: Лапласъ, Бертолэ и Монжъ, уже сенаторы, наперерывъ одинъ передъ другимъ желали имѣть его у себя гостемъ. Открытія Уатта были уже хорошо извѣстны Парижской академіи, которая въ 1808 году избрала его своимъ корреспондентомъ. Эта давно уже заслуженная имъ почеть тронула знаменитаго инженера тѣмъ болѣе, что ни одна Академія въ Европѣ не признала еще великихъ его заслугъ. Въ 1814 году онъ былъ избранъ сочленомъ также Академіи, которыхъ число, и притомъ для иностранцевъ, всего въ Академіи было восемь; почеть эта была самая великая, какую могла оказать геніальному механику Французская академія.

Уаттъ, помня благородное и безкорыстное участіе, какое встрѣтилъ онъ въ своей молодости, въ Глазговскомъ университетѣ, пожертвовалъ, въ знакъ благодарности къ ученому сословію, 300 фунтовъ стерлин-

говъ, съ тѣмъ, чтобы проценты съ сей суммы выдавались тѣмъ, которые напишутъ лучшія диссертациі по предметамъ Механики, Пневматики, Гидравлики, Гидростатики и Химіи. Позже потомъ, а именно въ 1816 году, онъ сдѣлалъ значительное пожертвованіе на покупку учебныхъ книгъ для народныхъ школъ роднаго своего города Гринока и былъ основателемъ Публичной Библіотеки въ немъ. Жители Гринока содѣйствовали по возможности намѣренію своего земляка и скоро потомъ, благодаря великодушной щедрости сына его, Джемса, былъ построенъ для библіотеки приличный домъ. Въ одной изъ залъ ея стоитъ мраморная статуя знаменитаго механика, даръ, принесенный соотечественниками его.

Исключая записки о составныхъ частяхъ воды, помѣщенной въ Философическихъ Запискахъ, Уаттъ болѣе ничего не писалъ. Когда въ 1813 году Сиръ Давидъ Брейстеръ началъ издавать философію механики профессора Робисона, то онъ успѣлъ уговорить Уатта принять на себя трудъ просмотрѣть трактатъ о парахъ и паровыхъ машинахъ, который онъ же, профессоръ Робисонъ, написалъ для Англійской Энциклопедіи. Уаттъ принялся за эту работу съ видимымъ отвращеніемъ въ декабрѣ 1813 года и кончилъ ее только въ іюнѣ слѣдующаго года. «Эта была для меня самая тяжелая работа, писалъ онъ къ издателю, извѣщая его объ окончаніи оной, и если бы я могъ предугадать зло, которое она мнѣ сдѣлаетъ, я никогда не взялся бы за нее.» Трактатъ этотъ былъ впрочемъ изданъ въ 1817 году, и такъ какъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ введены были въ паровыхъ машинахъ разныя улучшенія, то статья требовала новаго пересмотра и особыхъ прибавленій; Уаттъ, вновь принимаясь за эту тяжкую работу, имѣлъ намѣреніе исправить только самыя грубыя ошибки и недостатки; но такъ какъ работой его не торопили, то онъ, ничуть не отягощая себя, успѣлъ написать къ статьѣ

профессора Робисона важныя добавленія касательно исторіи и основныхъ началъ устройства паровыхъ машинъ; добавленія эти содѣлываютъ трактатъ однимъ изъ важнѣйшихъ приобретеній для науки.

Во время этихъ занятій Уатта постигла довольно опасная болѣзнь, въ ногахъ и рукахъ рожа; впрочемъ она не была продолжительна; здоровье его, казалось, укрѣплялось съ лѣтами. «Умственные его способности, говоритъ Араго, сохранили всю свою силу до послѣдней минуты его жизни. Однажды собратъ нашъ изъявилъ—было опасеніе насчетъ этого, но, вѣрный эмблемѣ на своей печати (глазъ, съ надписью внизу: *observare*), онъ рѣшился, для разясненія своихъ недоразумѣній, произвести наблюденіе надъ самимъ собою. И вотъ 70-лѣтній старецъ тщетно приискиваетъ, какую бы отрасль человѣческихъ знаній избрать для своего опыта и, не находя ни одной, которая болѣе или менѣе была бы ему неизвѣстна, онъ вспомнилъ наконецъ, что въ Англіи существовалъ Англо-Саксонскій языкъ и вотъ, языкъ этотъ, впрочемъ довольно трудный, становится съ этой минуты предметомъ его изученій; но легкость, съ какою онъ успѣлъ овладѣть имъ, показала ему ясно всю неосновательность его опасеній. Память его была удивительна; и по немногимъ уже случаямъ, извѣстнымъ намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, можно причислить великаго механика, по этой способности его, къ числу тѣхъ рѣдкихъ явленій, про необыкновенную память которыхъ разсказываютъ чудеса»

Но и свѣдѣнія Уатта по всѣмъ отраслямъ наукъ были не менѣе обширны. Вотъ что говоритъ про него Вальтеръ Скоттъ въ предисловіи къ сочиненію своему: «Монастырь.»

«Уаттъ былъ не только глубокомысленный ученый, который изъ ряда комбинацій чиселъ и силъ, съ необыкновеннымъ успѣхомъ умѣлъ извлечь приложенія всемірной пользы; не только что занималъ первое

мѣсто между людьми, славившимися всеобщностью своего образованія, но былъ въ то же время однимъ изъ лучшихъ украшеній общества. Я встрѣтилъ его только разъ въ жизни, въ кругу сѣверныхъ литераторовъ. Тамъ я увидѣлъ и услышалъ то, чего, безъ сомнѣнія, неприведется уже болѣе мнѣ ни видѣть, ни слышать. На 81 году отъ роду почтенный старецъ былъ столь же любезенъ, веселъ и внимателенъ ко всѣмъ, какъ и въ молодости; онъ принималъ участіе во всякомъ разговорѣ и, готовый всѣмъ служить своими познаніями, онъ разсыпалъ на всѣ предметы сокровища своего ума и воображенія. Между гостями находился одинъ ученый филологъ; Уаттъ говорилъ съ нимъ объ изобрѣтеніи азбуки и говорилъ съ совершенствомъ и убѣжденіемъ челоуѣка, современнаго Кадму. Одинъ знаменитый критикъ вмѣшался въ ихъ ученый разговоръ, и слушая геніальнаго старца, вы могли бы подумать, что онъ всю жизнь свою посвятилъ искусствамъ и художествамъ. Излишне будетъ упоминать здѣсь о наукахъ, потому что онъ была любимымъ его занятіемъ; но когда могли бы выслышать, что говорилъ онъ съ Едедіи Клейсботамомъ, вы поклялись бы, что предъ вами стоитъ современникъ Клаверуза и Бюрлея, преслѣдователей и преслѣдуемыхъ: съ такою истинною онъ исчислялъ число выстрѣловъ, сдѣланныхъ солдатами въ толпу бѣгущихъ сектаторовъ. Впослѣдствіи мы узнали, что ему были знакомы почти всѣ романы и что знаменитый ученый питалъ къ этому роду сочиненій столь же сильную страсть, какую имѣютъ къ нимъ въ наше время молодыя 18-ти лѣтнія дѣвушки.»

Въ 1817 году Уаттъ еще разъ посѣтилъ Шотландію. Здоровье его, во весь этотъ годъ и въ послѣдующій, было самое отличное, лучше, чѣмъ можно было бы ожидать отъ челоуѣка столь преклонныхъ лѣтъ. Но въ первыхъ мѣсяцахъ 1819 года въ немъ обнаружались опасные признаки болѣзни, встревожив-

шіе его семейство и докторовъ. Уаттъ не скрывалъ своей опасности; онъ говорилъ многочисленнымъ друзьямъ, посѣщавшимъ его : «Меня трогаетъ привязанность ваша и я спѣшу поблагодарить васъ, такъ какъ болѣзнь моя послѣдняя.» Утѣшая друзей и семейство, онъ не разъ возсылалъ ко Всевышнему благодарственныя моленія за долгую жизнь, за почести и богатство, которое Провидѣніе ниспослало ему на закатѣ дней его. Несчастіе, котораго друзья его и родные такъ страшились, наконецъ наступило : Уаттъ умеръ 19 августа 1819 на восемьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія.

Бренныя останки великаго человѣка были положены, рядомъ съ Бультономъ, въ приходской церкви Гандсуорта; единственный сынъ его, Джемсъ Уаттъ, поставилъ надъ могилою отца великолѣпный памятникъ, въ видѣ взяціи готической часовни, по срединѣ которой стоитъ мраморный бюстъ рѣзца Сиръ Франциска Чантрея, вѣрный слѣпокъ благородной головы старца. Глазговъ, прославившійся тѣмъ, что въ немъ была колыбель великихъ открытій, украсилъ лучшую свою площадь, Георгіевскій скверъ, колоссальною бронзовою статуею Уатта; статуя эта, работы того же художника, стоитъ на прекрасномъ гранитномъ подножіи. Университетъ тоже не забылъ того, кому оказалъ нѣкогда свое покровительство, — и одну изъ залъ коллегій украсилъ бюстомъ его.

Почитатели геніальнаго изобрѣтателя, желая увѣковѣчить славу его въ Англіи народнымъ памятникомъ, просили парламентъ въ 1824 году назначить на этотъ предметъ изъ государственныхъ доходовъ сумму. Имъ отвѣчали, что не было еще примѣровъ изъяслять благодарность за подобныя заслуги и что правительство можетъ современемъ поставить себя въ затрудненіе отъ подобнаго рода просьбъ. Какъ будто такія открытія, какъ Уатта, нуждаются въ примѣрахъ; но то, въ чемъ отказала нація, — исполнила великодушная щед-

рость частныхъ людей—и въ Вестминстерскомъ аббатствѣ высится колоссальная статуя Уатта изъ каррарскаго мрамора, образцовое произведеніе Чантрея, съ надписью Бругама на пьедесталѣ. «Есть, безъ сомнѣнія, какое-то тщеславіе, говоритъ Араго, въ желаніи на одномъ памятникѣ соединить столь прославленные имена, каковы, Уатта, Чантрея и Бругама; но я не нахожу въ этомъ ничего достойнаго осужденія; напротивъ честь и слава народу, который пользуется всякимъ случаемъ прославлять своихъ великихъ мужей.»

Пер. А. ВЕСЕЛОВЪ.

III.

СЪВЕРНАЯ АМЕРИКА

ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ.

Соч. Шарля Олифа.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXI.

Бостонъ.

Грозная бѣда.—Новыя Дѣсны.—Жестокое снадобье химиста.—Молчаливое присвоеніе чужаго.—Достопамятный холмъ.—Новый годъ въ Бостонѣ.—Минутныя царицы.—Замерскіе аскуланы.—Ароматъ цвѣтовъ.—Птицы штатовъ.

Переѣзжая Зундъ, обширный рукавъ моря, отдѣляющаго Long-Island отъ Коннектикута, между Ньюйоркомъ и Бостономъ, я подвергался опасности кораблекрушенія почти такой же, какъ и прежде, только по другимъ причинамъ. Нашъ стимеръ, построенный большею частію изъ елеваго лѣса, сначала назначенъ былъ для плаванія по рѣкамъ, а теперь онъ вдругъ очу-

тился среди бурнаго моря, готовый всякую минуту быть раздавленнымъ ужасною бурей также легко, какъ фокусникъ раздавливаетъ яйцо. Выше еще я упоминалъ о несносныхъ разсказахъ самихъ пассажировъ. И въ это время, одинъ старый морской волкъ, не измѣняя обычая, указывалъ намъ буруны, которые влекли насъ къ ужаснымъ волнамъ; «вотъ, говоритъ онъ, именно здѣсь утонулъ «Атлантикъ» со всеѣмъ своимъ экипажемъ (100 душъ) ровно тому два года, даже и случилось это въ этомъ же мѣсяцѣ». Цѣлые четверть часа мы были увѣрены, что въ этихъ бурунахъ и мы найдемъ путь къ вѣчности.

Не напрасно Бостону даютъ титулъ новыхъ Афинъ. Во всемъ, что относится къ наукѣ и искусству, жители другихъ большихъ американскихъ городовъ отдаютъ ему пальму первенства. Когда я былъ въ Бостонѣ, флегматическое и пуританское его народоваселеніе было встревожено страшнымъ обвиненіемъ, которое тяготѣло на одномъ изъ самыхъ ученыхъ профессоровъ ихъ университета, именно на докторъ Вебстеръ. Говорили, будто этотъ знаменитый химикъ убилъ другаго медика доктора Паркмана, которому былъ долженъ большую сумму. Различныя обстоятельства подтвердили эти подозрѣнія. И было доказано, почти очевидно, предъ Ассизною Палатою Массачузета, что Паркманъ убитъ толстою дубиною и потомъ изрѣзанъ въ куски, которые докторъ Вебстеръ сжегъ или химически разложилъ. Однимъ словомъ, преступленіе было вопіющее и Вебстера осудили къ постыдной смерти— на висѣлицу, хотя жена его и двѣ прекрасныя дочери, отъ 16 до 18 лѣтъ, ходили въ горячихъ слезахъ къ губернатору провинціи, надѣясь вымолить отцу прошеніе, но напрасно.

Бостонъ, провинція, называемая когда-то Новою Англіею, содержитъ пять штатовъ: Вермонъ, Нью-Гемпширъ, Массачузетъ, Коннектикутъ, Роде-Исландъ. Этой провинціи строго принадлежатъ терминъ—*Янки*, на который такъ невыгодно въ Европѣ смотрятъ, какъ на синонимъ американца вообще. Это слово есть испорченный остатокъ древняго термина *янъ-о-кисъ*, означающаго людей молчаливыхъ. Знаменитая колонія англійскихъ пуританъ, поселявшаяся въ концѣ 1820, въ Новой Англіи, добытой отъ Голландіи, была названа такъ отъ индѣйцевъ Наррагансетъ, законныхъ владѣтелей земли. Это отважное племя сначала нисколько не подозрѣвало, что бездѣйствіе

языка пуритавъ впоследствии не будетъ согласно съ бездѣйствіемъ ихъ рукъ. Варвары, въ высшей степени, были большею частію средствами въ этой мѣстности для блага человѣка, къ совершенному уничтоженію подобнаго себѣ краснаго человѣка; свидѣтель тому исторія Филиппа Поканокета, шагамора или главы Вампаноаговъ и исторія Ветамое, царицы Покасета. Теперь можно сказать, что древніе *Янъ-О-Кисъ* перерождаются; они забываютъ воинственныя качества своихъ отцевъ; не только отличаются кротостію и угодливістію (что я самъ испыталъ въ Бостонѣ), но славятся еще развязностію языка при всякомъ столкновеніи съ иностранцами. Не думай нисколько вамъ наскучить, въ полчаса они закидаютъ васъ вопросами обо всей прошедшей вашей жизни.

Народонаселеніе Бостона не превышаетъ четверти народонаселенія Ньюйорка; теперь оно простирается до 127,000 душъ. Городъ пріятно расположенъ на трехъ высокихъ холмахъ, откуда и произошло названіе его: *трехгорный*. Рядомъ находится плоскость Bunker's Hill, — театръ самой рѣшительной битвы за независимость; здѣсь дѣйствовали многіе знаменитые французы Лафайетъ, Рошамбо, Бозонъ, Талейранъ, графы Сегюры и де-Грасъ.

Въ Бостонѣ въ 1774 г. вспыхнулъ случайный бунтъ: метрополія, т. е. Англія не хотѣла отмѣнить налога на чай, несмотря на сильныя жалобы своихъ американскихъ подданныхъ. Недовольные рѣшились отмстить. Въ назначенный день большая толпа недовольныхъ, одѣвшись по-индѣйски, съ головы до ногъ, отправилась на суда, прибывшія изъ Китая; взшла на палубы и выбросила за бортъ весь чай, который на нихъ находился. Такимъ образомъ погибло этого товара на многіе милліоны.

Городъ Бостонъ, собственно, выстроенъ хорошо, имѣетъ много красивыхъ зданій, какъ напр. домъ для убѣжища больныхъ. Институтъ Ловеля, котораго мануфактурный округъ самый цвѣтушій въ С. Штатахъ, лежитъ въ 26 миляхъ отъ Бостона и не напрасно называютъ его американскимъ Манчестеромъ. Кладбище его на горѣ Оборнъ по красотѣ не уступаетъ Ньюйоркскому; въ 12 миляхъ отъ Аэинъ есть приморская деревня *Наганъ*, которая вмѣстѣ съ Ньюпортомъ въ Роде-Исландъ, также славится своими морскими ваннами, какъ Трувилль въ нижней Нормандіи.

Въ Бостонѣ, какъ и въ Нью-Йоркѣ, Новый годъ празднуется замѣчательнымъ образомъ. Цѣлый день по улицамъ ходятъ женщины, исключая приналежащихъ низшему классу. Въ богатыхъ домахъ хозяйка одѣта съ особенною роскошью; принимаетъ отъ пяти часовъ утра до шести часовъ вечера знакомыхъ мужчинъ, изъ которыхъ каждый можетъ представить ей, если желаетъ, двухъ или трехъ постороннихъ гостей. Церемонія очень трудная для этихъ царицъ дня; зато онѣ очаровательны, когда придетъ минута свободы и покоя. Послѣ цѣлованія руки въ парадной залѣ, гдѣ госпожа сидитъ на возвышеніи, у пылающаго каминна, посѣтители спѣшатъ къ отличному столу съ винами и съ закускою, которыя безпрестанно перемѣняются; въ сосѣдней комнатѣ. Въ бальныхъ залахъ почти никогда не бываетъ креселъ для дамъ, кажется, потому, что дамы боятся измять свои платья.

Вообще звукъ голоса у американскихъ дамъ очень гармоническій и совершенно отличный отъ акцента англичанокъ; многія говорятъ; можетъ быть, слишкомъ громко, въ своемъ домашнемъ кругу. Что касается до воспитанія ихъ, безъ сомнѣнія многія равняются съ самыми воспитанными европейками; но неважно забывать, что большая часть дѣвочекъ, даже въ богатыхъ классахъ, не имѣютъ случая пріобрѣсти разнороднаго образованія, какимъ въ наше время блестятъ дѣвицы столичныхъ европейскихъ городовъ. Многіе большіе торговые дома, разбѣянные въ штатахъ, управляются молодыми людьми, отъ 18 до 20 лѣтъ. Въ 17 лѣтъ, а часто и раньше, сыновья обыкновенно пускаются въ свѣтъ. Тѣ, которые назначены къ дѣламъ (безъ сомнѣнія зажиточныхъ классовъ), очевидно, не могутъ продолжать своего образованія въ учебномъ заведеніи или дома. Частное воспитаніе для мальчиковъ незнакомо за-атлантическимъ жителямъ, даже дѣвочки рѣдко получаютъ его.

Путешественникъ, только прибывшій въ штаты, долженъ хорошо взвѣсить каждое слово, прежде чѣмъ произнесетъ его, особенно если будетъ въ обществѣ, душу котораго составляетъ американская дама. Самому образованному европейцу трудно бываетъ здѣсь постичь всѣ тонкости изящнаго вкуса американцевъ, особенно въ Нью-Йоркѣ.

Что касается сословія медиковъ, конечно, встрѣчается довольно людей, отлично знакомыхъ съ своею наукою; но вообще молодые ученики Иппократа слишкомъ легко получаютъ здѣсь

дипломъ на званіе доктора. Прослушавши какъ нибудь курсъ наукъ, три года не больше, ихъ подвергаютъ экзамену, потомъ даютъ дипломъ и тогда они могутъ дѣйствовать на поприщѣ Боергава, по своему усмотрѣнію. Дантистовъ, и весьма опытныхъ, очень много въ С Штатахъ. Наибольшее количество медикаментовъ и химическихъ препаратовъ получается изъ Европы. Удивительно, что континентъ американскій, столь богатый роскошною растительностію, не имѣетъ нѣкоторыхъ медицинскіхъ растеній, или изъ имѣющихся получаетъ весьма малое количество душистыхъ маселъ. Это замѣчаніе простирается на цвѣты, даже южныхъ широтъ, напримѣръ луйзіаны, флориды, гдѣ качество далеко уступаетъ количеству и разнообразію. Потому-то парфюмеры С. Штатовъ на югѣ и на сѣверѣ должны вывозить изъ Франціи большую часть растительныхъ эссенцій, необходимыхъ для ихъ искусства.

Кромѣ соловья, который, какъ сказано выше, не находится въ Новомъ Свѣтѣ, Сѣверная Америка не имѣетъ ни жаворонка, ни дрозда, ни короляка, ни реполова. Именемъ послѣдняго американцы называютъ птицу величиною съ чернаго дрозда, у которой на перьяхъ находится красноватое, едва примѣтное пятно. Весною, въ лѣсахъ многихъ штатовъ встрѣчается прекрасная птичка, называемая *боблинкъ*; по мелодическому пѣнію часто держатъ ее въ великолѣдной позолоченной клеткѣ. Въ Южной Каролинѣ водится очень странная, небольшая птица *perouit*; она такъ пристрастна къ рису, что почти всегда платится жизнью за свою ненасытность: излишняя толстота задушаегъ ее. Кромѣ того, въ Пенсильваніи, въ Виргиніи и въ другихъ мѣстахъ также очень часто попадается *tree-toad* (древесная жаба, какъ называютъ эту птицу); зловѣщій крикъ которой слышится только въ эту минуту, какъ на небѣ скопляются электрическія облака и гулъ далекаго грома предвѣщаетъ грозу.

Любопытно сравнить цифру населенія штатовъ въ эпоху объявленія ихъ независимыми и цифру теперешняго количества жителей. Въ 1776 г. въ тринадцати штатахъ было только три милліона жителей. Въ настоящее время считается 26 милліоновъ душъ въ 31 штатѣ (считая Техасъ и Калифорнію, присоединенные къ союзной Уніи). Почти всѣ жители потомки испанцевъ, французовъ, голландцевъ и англичанъ, занявшихъ эти земли въ этоу не слишкомъ отдаленную отъ насъ.

XXII.

Дороги С. Штатовъ.

За-атлантическіе пути.—Удобные вагоны.—Невыгодная печь.—Поѣзды на улицахъ.—Безполезная предосторожность.—Опасный сходъ.—Природное желѣзо за-американцевъ.—Питбургскія кузницы.—Морское чудовище.

Американскій поѣздъ по желѣзной дорогѣ странно поражаетъ европейца, который испытываетъ его въ первый разъ. Каждый вагонъ представляетъ ему только одно отдѣленіе. Мѣста расположены въ два ряда, поперегъ съ подвижными спинками, чтобы три человѣка, сидящіе на каждомъ, могли къ сосѣдямъ повертываться лицомъ или спиной. Вдоль всего вагона, между двумя рядами параллельныхъ скамей, оставленъ длинный проходъ и вояжеры, напр. перваго класса, могутъ по произволу ходить изъ конца въ конецъ всего поѣзда, потому, что каждый вагонъ имѣетъ двѣ двери, которыя можно отворять и затворять по произволу. * Благодаря этому устройству, легко можно спастись отъ пожара, еслибы онъ нечаянно вспыхнулъ въ томъ или другомъ вагонѣ.—Въ дорогѣ, главный кондукторъ, въ обыкновенномъ платьѣ, приходитъ неожиданно въ каждый средній вагонъ, чтобы повѣрить, отобрать, или раздать билеты.

Въ холодное время, въ каждый вагонъ ставится чугунная печь, которая топится жарко, день и ночь. Такимъ образомъ, внутренняя атмосфера, состоя почти единственно изъ азота и углекислотной кислоты, могла бы сдѣлаться совершенно неспособною для дыханія, еслибы неспокойные люди, несядѣющіе обыкновенно [на одномъ мѣстѣ, не вводили извнѣ свѣжаго воздуха, безпрестанно отворяя двери. И при всемъ томъ, когда какой-нибудь вояжеръ захотѣлъ бы опустить хотя одно стекло, тотча съ десятки хриплыхъ голосовъ, довольно невѣжливыхъ,

* Устройство, принятое и на нашей Николаевской желѣзной дорогѣ.

кричатъ ему: «заприте окно, вы хотите заморозить насъ»; съ этою фразою обращаются даже и къ дамамъ.

Еще удивительнѣе, что за-атлантическій поѣздъ не уступаетъ каждый день своего пути остатками полнаго разрушенія, если взять въ соображеніе, какъ мало здѣсь берутъ предосторожностей для предупрежденія несчастій. Во-первыхъ: смотрителей вдоль желѣзной дороги очень мало, потому, что въ С. Штатахъ чиновники требуютъ значительнаго жалованья. Далѣе поѣздъ, тронувшись разъ, нисколько не заботится о препятствіяхъ, которыя можетъ встрѣтить на пути. Онъ ѣдетъ по большимъ улицамъ городовъ, мѣстечекъ, селъ съ такою же быстротою, какъ и въ открытомъ полѣ. Не уважаются въ этомъ случаѣ и первостепенные города, какъ Балтиморъ, Филадельфія и проч. Какъ скоро поѣздъ достигъ предмѣстія какого нибудь богатаго города, то паровозъ отцѣпляють, и поѣздъ, состоявшій до сихъ поръ какъ бы изъ одного цѣлага, раздѣляется на три или четыре особенныя части, смотря по числу вагоновъ. Въ каждый изъ этихъ второстепенныхъ экипажей запрягаютъ отъ шести до осьми лошадей, и быстрота, съ которою движется этотъ странный кортежъ, не уступаетъ большому поѣзду, въ его начальномъ составѣ.

Видъ городовъ, желѣзная дорога пересѣкаетъ подъ прямымъ угломъ обыкновенныя дороги, для конныхъ и пѣшихъ. Подѣзжая къ этимъ встрѣчнымъ пунктамъ, машинистъ звонитъ сколько въ колоколь. Случится ли большое или малое несчастіе отъ этой встрѣчи, чиновники спокойны въ своей совѣсти: по долгу службы они звонили. Днемъ мѣры предосторожности простираются иногда гораздо далѣе: на пунктѣ соединенія дорогъ ставятся два столпа, съ поперечною наверху доскою, на которой крупными черными буквами, на бѣломъ полѣ написано: *когда зазвонятъ, берегись поезда!* Тѣмъ хуже для безграмотнаго, для близорукаго, для глухаго, и наконецъ для того, кто при сильномъ и противномъ вѣтрѣ не можетъ слышать звонка.

Туннели въ С. Штатахъ чрезвычайно рѣдки, по положенію самой почвы; исключая скалистыхъ горъ или Аллегановъ. Вся Сѣверная Америка, съ малыми отступленіями, представляетъ поверхность плоскую и елишкомъ низкую. Взаимнѣ того встрѣчается здѣсь слишкомъ много мѣстъ, которыя каждую минуту грозятъ слѣзаться подводными туннелями, довольно

глубокимъ для путешественниковъ, я говорю о деревянныхъ мостахъ и флашкотахъ по ужаснымъ топямъ, по широкимъ рѣкамъ и озерамъ.

Дорога черезъ Аллеганскія горы, отъ Балтимора въ Питсбургъ, очень небезопасна для путешественниковъ. Пароходъ, помѣщенный внизу склона, противоположнаго тому, на который вы вѣзжаете, поднимаетъ вашъ поѣздъ цѣпами и веревками. Съ вершины вагоны спускаются сами, съ ужасною быстротою, по одной только силѣ тяготѣнія. И при всемъ томъ, опасность подниматься въ гору гораздо значительнѣе, если разорвется веревка или цѣпь. Чтобъ имѣть понятіе о пропастяхъ, по краямъ которыхъ спускаются и поднимаются, пусть только читатель вообразитъ, что эта дорога идетъ зигзагомъ подобно всѣмъ горнымъ дорогамъ Италіи.

Думаю, излишне будетъ стороною объяснить, отчего, кромѣ небрежности, здѣсь чаще встрѣчаются взрывы паровозовъ и пароходовъ, чѣмъ въ Англійи и во Франціи. Существенно отъ качества желѣза, которое входитъ въ составъ котловъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Великобританія получаетъ почти все желѣзо изъ Рослагена въ Швеціи, а всякому извѣстно, что это мѣсто съ давнихъ временъ пользуется большою славою по качеству своего металла. Нѣкоторые богатые дома С. Штатовъ вывозятъ его также оттуда; но большинство за-атлантическихъ строителей довольствуется туземнымъ желѣзнымъ колчеданомъ. Несмотря на все искусствоковки и выдѣлки въ обширныхъ кузницахъ Питсбурга, Бармингема, С. Штатовъ вообще не умѣютъ здѣсь освобождать желѣзо отъ послѣднихъ остатковъ сѣры или фосфора; а всякому извѣстно, что нѣсколько атомовъ той или другой матеріи, разсѣянныхъ въ огромной массѣ, могутъ сдѣлать металлъ ломкимъ и непрочнымъ на многихъ пунктахъ. Для означенія станціи и даже высадки вездѣ употребляютъ странное слово *депо*; слово, *каръ*, означающее вагонъ на американскомъ языкѣ, есть буквальный переводъ французскаго слова: *char*, повозка. Въ ту минуту, какъ поѣздъ оставляетъ какую нибудь станцію, главный кондукторъ спрашиваетъ громко: *всѣ ли на корабль*. Теперь американская компанія дѣятельно занимается постройкою желѣзной дороги черезъ Папамскій перешеекъ; уже она кончена отъ Шагра даже за городъ Горгону. Польза этой желѣзной дороги неоцѣнима; она избавитъ калифорнскихъ путешественниковъ отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, при

отправленіи отъ рѣки Шагра въ легкихъ челнокахъ или на спинахъ муловъ; притомъ женщины и мужчины отваживаются на переѣздъ вдоль ужасныхъ пропастей. Кромѣ того они совершенно избавились бы отъ горныхъ бандитовъ, которые такъ часто бродятъ по дорогѣ. Эти дерзкіе разбойники въ прошедшее лѣто отняли 35,000 руб. сер. въ золотомъ порошокѣ у чиновниковъ С Штатовъ. Всякій другой прожекторъ, кромѣ американца, вѣроятно, испугался бы препятствій и не думалъ бы о желѣзной дорогѣ въ такой мѣстности, которой почва вездѣ тягуста, такъ что съ перваго взгляда совершенно невозможно положить поперечные брусья. Но для американца слово «невозможно» не существуетъ въ мексиконѣ, съ той минуты, какъ онъ рѣшился начать какой нибудь проэктъ.

Теперь въ С. Штатахъ находится 13,000 миль желѣзныхъ дорогъ.

Безчисленные пароходы, безпрестанно летающіе по заливу Чезанекскому и по рѣкамъ Денавару, Гулзону и Потоммаку, имѣютъ болѣею частью по два котла. Чтобы съэкономить пространство внутри корпуса судна, располагаютъ машины такъ, что ихъ вертикальные столбы гораздо выше верхней палубы, даже когда они въ покоѣ; также, когда машины работаютъ, вертикальные столбы для европейцевъ, смотрящихъ на нихъ въ первый разъ, кажутся какимъ-то чудовищемъ, по причинѣ страннаго движенія, которое они описываютъ при каждомъ ударѣ поршня. Довольно сказать, что стимеры восточной стороны штатовъ употребляютъ исключительно машины съ низкимъ давленіемъ потому, что главные вертикальные столбы машинъ съ высокимъ давленіемъ движутся горизонтально и слѣдовательно невидимы снаружи парохода.

XXIII.

Мѣстные обычаи.

Национальныя гостиницы. — Любопытныя и молчаливыя группы. — Жажущіе путешественники. — Высокоцитимые журналы. — Омнибусы, соевреники въ скорости. — Концертъ на вольномъ воздухѣ, на улицѣ. — Поэкъ отправляющійся въ школу. — Гигантскіе паромы.

Наружный фасадъ американской гостиницы, въ какомъ бы ни было городѣ, представляетъ вностранцу странную картину.

Во всю длину обширнаго портика, каковыми украшены почти всѣ отели и на всемъ протяженіи деревяннаго балкона тѣсно наставлено множество стульевъ и кресель, на которыхъ сидятъ и почти лежатъ хозяева заведенія, но только мужчины, протянувъ ноги на спинку стула, придвинутого къ себѣ; а если оны на балконѣ, то они для ногъ выбираютъ балюстраду. Четыре пятыхъ этихъ господъ, очевидно, остались вѣрными національной, хотя и неслишкомъ поэтической привычкѣ: жевать табакъ въ листахъ. Обыкновенно въ этой фантастической толпѣ рѣдко замѣтите двухъ или трехъ, предающихся удовольствію бесѣды.

Во всѣхъ гостиницахъ, особенно въ первостепенныхъ, костюмъ хозяевъ и прислуги однообразенъ; по-крайней-мѣрѣ если время неслишкомъ жаркое, всѣ одѣты въ черное, не забывая чернаго фрака и атласнаго жилета, а въ серединѣ лѣта, они, подобно другимъ гражданамъ, употребляютъ панамскую шляпу и какое нибудь причудливое пальто; но атласный жилетъ почти никогда неотмѣняется. Но всего удивительнѣе эти эксцентрическія лица, имѣющія видъ совершенныхъ лѣннцевъ; съ глазами, устремленными на группы изящныхъ красавицъ, летающихъ часто предъ ними; между тѣмъ они чрезвычайно заняты. Дальновидный наблюдатель скоро увѣрится, что въ эти минуты наружной недѣятельности, ихъ соображенія проникаютъ даже въ лабиринтъ коммерческихъ дѣлъ, и что въ самыхъ внутреннихъ изгибахъ души обдумываютъ они мелочи своихъ частныхъ дѣлокъ до той степени, что наяву получаютъ за то груды долларовъ.

Здѣсь нѣтъ ни отели, ни трактира, въ которыхъ бы не было комнаты для продажи напитковъ; тоже встрѣтишь почти на всѣхъ пароходахъ, покрывающихъ рѣки и плавающихъ у береговъ океана. Эта комната бываетъ всегда полна охотниками до алкогольных напитковъ, какъ то: мозжевелника, виски, рома и хлѣбной водки. Но зато вы найдете и хорошую здоровую воду въ своей спальнѣ, въ Филадельфій, Балтиморѣ, Бостонѣ и Ньюйоркѣ, даже въ домахъ самыхъ скромныхъ, отдаваемыхъ внаймы съ мебелью.

Съ ранней зари до полночи только и занимаются что повертываютъ блестящій маленькій кранъ изъ никкеля или изъ олова, дающій постоянно токъ воды, которая способна не-

только ко всякому роду умыванья, но кромѣ того въ высшей степени полезна для питья.

Но какъ нѣтъ медали безъ оборота, надо сознаться, что въ этихъ отдѣльныхъ спальняхъ, безъ дверей въ другія комнаты, есть и своя сторона вредная для здоровья. Подобно комнатамъ Римскимъ и Флорентинскимъ, у нихъ нѣтъ никакого каминна, а ежедневный обывтъ говоритъ намъ, что каминъ, хотя небольшой, лишь бы тянулъ хорошо, лучшее средство освѣженія комнатъ. Многія комнаты снабжаются, правда, небольшимъ подвижнымъ окномъ надъ входомъ или прямо надъ изголовьемъ постелей. Но жильцы вообще предпочитаютъ держать его запертымъ, чтобъ не подвергаться сквозному вѣтру; или что еще несноснѣе, разногласнымъ пѣснямъ Янки, которые бродятъ очень поздно въ корридорахъ. Отсутствие каминовъ внутри комнаты вознаграждается сторицею огромнымъ количествомъ теплотвора, который брызжетъ изъ всѣхъ точекъ огромной печи, идущей изъ центра обширнаго корридора втораго этажа. Вокругъ этого обширнаго источника теплоты собираются во время холода, особенно вечеромъ, всѣ неизбѣющіе комнаты съ каминами. Каждая хорошо устроенная отель содержитъ буфетъ, широкую, длинную залу для чтенія, обыкновенно рядомъ съ большимъ корридоромъ, къ которому ублающая печь приваровлена во всѣхъ отношеніяхъ, журналы и другія періодическія изданія расположены въ порядкѣ, на поуптрахъ, вышиною въ пять футовъ, такъ что читать ихъ надобно стоя, что очень неудобно для туриста: онъ почти всегда утомленъ, а приходя читать новости, долженъ подвергаться новому труду.

Еслибы случилось жить въ Парижѣ 20 лѣтъ, то въ улицахъ и переулкахъ его не замѣтили бы такого конвульсивнаго движенія и такой чрезвычайной суматохи, какія вы замѣтите въ большихъ городахъ С. Штатовъ каждый день, кромѣ Воскресенья. Это относится не только къ большимъ городамъ, отъ Чарльстауна даже до Бостона, и до Новаго Орлеана, Цинциннати и Санъ-Луи. Независимо отъ огромнаго количества плоскихъ экипажей, которыми управляетъ кучеръ, стоя, и готовыхъ раздавить васъ каждую минуту, вы встрѣтите множество фіакровъ, омвибусовъ, неизбѣющихся никогда кондукторовъ назади. Когда выходитъ или входитъ новый пассажиръ, кучеръ узнаетъ о томъ посредствомъ цѣпочки съ пружиною, по мѣрѣ

того какъ дверь отворяется или затворяется. Когда вождерь даетъ знакъ кучеру, что онъ хочетъ выйти, тотъ протягиваетъ руку въ малое отверстіе въ крышкѣ омнибуса, чтобы получить плату. Если городской меръ ослабитъ хоть немножко бразды муниципальной полиціи, омнибусы тотчасъ начинаютъ соперничествовать въ скорости другъ съ другомъ, даже въ самыхъ многолюдныхъ улицахъ. Для пѣшехода это любопытно, если бы онъ на минуту могъ забыть опасность, которой подвергаются путешественники, когда три или четыре большія повозки несутся рядомъ во весь опоръ.

Законъ позволяетъ неопредѣленному числу омнибусовъ помѣщаться вблизи театровъ при окончаніи спектакля. Выхода изъ концерта Жени-Линдъ, давнаго въ Кестлѣ-Гарденъ, въ Ньюйоркѣ, я насчиталъ до тридцати ожидающихъ омнибусовъ. Для ушей европейца чрезвычайно смѣшны возгласы кучеровъ. Каждый, стоя на своемъ мѣстѣ и хлопая бичемъ, старается показать вамъ ходъ своего экипажа; для кучеровъ было бы личнымъ униженіемъ, еслибы они употребили хоть разъ слово «госпожа или господинъ» на своемъ шумномъ языкѣ: «сюда! кричатъ они, сюда! Бовери, Бродвей, Говстонъ Стритъ, Фултонъ, Феррей! площадь Уни и проч.»

Живость улицъ увеличивается часто прохождомъ кадетъ милиціи изъ волонтеровъ, которые идутъ по городу съ музыкаю. Въ странномъ и часто пышномъ мундирѣ (самый лучший костюмъ черный съ головы до ногъ) они отправляются къ одному изъ главныхъ паромовъ перевозящихъ въ лѣса Лонгъ-Исланда и на берегъ Жерсея. Впередъ или сзади такого интереснаго батальона идутъ два негра, огромнаго роста, неся большой щитъ, который долженъ служить вмѣсто мишени. Возвращаясь, въ концѣ дня, отличные стрѣлки украшаются своими трофеями, одинъ показываетъ золотую чашу, висящую на его шеѣ, другой граціозно несетъ на лѣвой рукѣ литавры, блестящіе серебромъ. Эти молодые волонтеры, при случаѣ, очень отважные, и остаются лучшими солдатами въ С. Штатахъ. Въ послѣднія достопамятныя кампаніи Мекенки генералы Тейлоръ и Скоттъ не имѣли другихъ войскъ подъ своимъ знаменами.

Если я упомянулъ о ferry, то необходимо вспомнить, что, по положенію Ньюйорка на островѣ, они обязаны бывать пере-

плывать одну изъ двухъ большихъ вѣтвей Гудзона, чтобы достигъ деревни собственно; но это нисколько нетрудно посредствомъ стимеровъ, которые васъ везутъ въ двадцать различныхъ эдемовъ. Эти паровые плоты такъ просторны, что на нихъ отправляется въ каждый поѣздъ, по-крайней-мѣрѣ, шесть повозокъ съ упряжью и поклажею, кромѣ ста и даже двухъ сотъ пѣшеходовъ.

Теперешняя армія Соединенныхъ Штатовъ содержитъ только 10,120 человекъ, для всѣхъ штатовъ; въ милиціи считается 2,181,000 человекъ. Теперь понятно, почему иностранецъ никогда не видитъ на американскихъ улицахъ солдатъ, принадлежавшихъ къ дѣйствительной арміи, кромѣ годовыхъ національныхъ праздниковъ. Американцы на берегахъ и вдоль границъ имѣютъ много крѣпостей и дѣйствующая армія ихъ едва можетъ снабжать ихъ гарнизономъ.

XXIV.

Национальные права.

Перемѣны квартиръ. — Домашніе права; мясники и буйволы. — Ложная капуста, чай, кофе, сахаръ, шоколадъ по дешевой цѣнѣ — Грузъ съ персиками, обильный тукъ.

Первый май каждого гола, улицы и площади городовъ Соединенныхъ Штатовъ представляютъ зрѣлище необыкновенное. Въ этотъ день происходитъ перемѣна квартиръ большихъ и малыхъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ въ Англіи, каждое зажиточное семейство занимаетъ цѣлый домъ; но здѣсь вошло въ обычай, или лучше сказать, въ моду, перемѣнять квартиру въ первый день мая, такъ, что многіе мѣняютъ удобное жилище на неудобное, лишь бы только не отстать отъ общаго движенія и участвовать въ хлопотахъ его сопровождающихъ. Въ некоторыхъ городахъ не рѣдкость встрѣтить, какъ иногда большой деревянный домъ, даже отчасти каменный, на множествѣ колесъ величественно передвигается на то

или другое новое мѣсто, гдѣ хочетъ поставить его капризъ хозяина. Дурная-ли погода, бурная и дождливая, или весеннее солнце стѣбитъ первое мая, все равно, переѣзды совершаются неотлагательно.

Если вы подъѣзжаете къ дому, кучеръ не отворитъ вамъ карету, вы должны ждать выхода служанки, хотя бы вы были самъ хозяинъ дома; это происходитъ не отъ безпечности, но отъ того, что служанки заняты въ дальнихъ частяхъ дома; а мужской прислуги совершенно нѣтъ, развѣ въ семействахъ чрезвычайно богатыхъ. Къ столу семейство собирается, кромѣ церемоніальныхъ пріемовъ, въ особенномъ отдѣленіи, которое ниже уровня вѣшняго двора. Кто бы, иля по улицѣ вздумалъ остановиться и сквозь рѣшетку, закрывающую это отдѣленіе, посмотрѣть внутрь, три раза въ день, въ 9 часовъ утра, въ три часа пополудни, и въ 6¹/₂ вечера въ моментъ обѣда, тотъ бы увидѣлъ прекрасную семейную картину: за круглымъ столомъ, эллиптической формы, сидятъ: отецъ, мать и всѣ дѣти, до самаго юнаго маютки, который чуть умѣетъ лепетать.

Послѣ перваго и третьяго кушанья подается чай, съ двумя или тремя блюдами buckwheat cakes въ родѣ мучныхъ аладышей изъ новой гречи; этотъ пирогъ должно ѣсть горячій. Неудивительно, что американцы употребляютъ огромное количество чаю; самые высокіе сорта его продаются у нихъ чрезвычайно дешево. Такъ какъ нѣтъ запрещенія на ввозъ, то здѣсь можно покупать чай высшихъ сортовъ по пятидесяти коп. за фунтъ. Негоціанты восточныхъ городовъ надѣются чрезъ С. Франциско ввозить не только чай, и другіе китайскіе товары, но и богатые шелковыя матеріи изъ Данки и Агры въ Бенгальской провинціи. При мнѣ президентъ Фильморъ получилъ въ подарокъ отъ президента Макао цибикъ чаю, прибывшій къ нему въ два мѣсяца, въ Вашингтонъ, со дня отплытія своего изъ контона. Этотъ небольшой примѣръ довольно ясно показываетъ, что можно сдѣлать въ послѣдствіи въ большихъ размѣрахъ. Сахаръ въ большихъ городахъ штатовъ продается также сходно: за 9, а часто 8 коп. вы покупаете фунтъ рафинаду, который во Франціи стоитъ по-крайней-мѣрѣ 18.

Жидкій кофе вообще весьма непріятенъ въ Соединенныхъ Штатахъ, не потому, чтобы не было здѣсь самыхъ высокихъ

сортовъ кофе, но обыкновенно, по сожженіи, его прямо кипятятъ, а не процеживаютъ, какъ во Франціи, отчего ароматъ улетучивается. Шоколадъ здѣсь очень хорошъ, если его покупаютъ только у добросовѣстнаго фабриканта, который не подмѣшиваетъ къ нему выжимокъ, и цѣна его невысока.

Устрицы составляютъ любимое лакомство всѣхъ американцевъ; ихъ варятъ, или лучше, сгущаютъ въ водѣ вмѣстѣ съ молокомъ и масломъ, приправляя, притомъ, индѣйскимъ перцемъ, изъ чего выходитъ устричный супъ; или жарятъ, или маринуютъ. Простой народъ почти всегда ѣстъ ихъ сырыми. Всѣ, бывшіе въ Сѣверной Америкѣ, конечно, помнятъ, что каждый день вечеромъ отворены всѣ лавки съ этими съѣстными предметами. Американская устрица довольно велика и для отдѣленія требуетъ помощи ножа; посему каждый скромный продавецъ этихъ черепакожныхъ кладетъ вилку и ножикъ къ большому числу тарелокъ, разставленныхъ на длинныхъ столахъ. Устрицы подаются въ раковинахъ по дюжинѣ и по полдюжинѣ; конечно, въ центрѣ стола стоитъ цѣлый буфетъ бутылокъ съ разными пищеварительными пособіями.

Овощи въ сѣверныхъ штатахъ очень рѣдки. Также рѣдко встрѣчается коровье масло съ своимъ натуральнымъ ароматомъ: это, конечно, зависитъ отъ недостатка ароматическихъ травъ. Битое мясо въ большихъ городахъ штатовъ гораздо ниже лондонскаго и парижскаго: полиція не слишкомъ заботится о чистотѣ лавокъ и продажѣ свѣжаго неспорченнаго товара. Полагаютъ, что буйволъ, которыхъ въ Америкѣ очень много, долженъ составлять важное пособіе въ пищѣ американцевъ, это ошибка. Кромѣ языка, который копятъ, какъ ветчину и который очень нѣжнаго вкуса, всѣ прочіе части буйвола очень жестки. Рыбы нѣжной также очень мало.

Изъ плодовъ Соединенныхъ Штатовъ собираются въ наибольшемъ количествѣ, кромѣ картофеля, персики. Во время сбора они продаются карзинами на улицѣ, по шести коп. за карзину. Только вкусъ ихъ нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ количеству. Впрочемъ, американцы употребляютъ эти персики съ пользою: варятъ ихъ въ сахарѣ не разрѣзывая, косточки вынимаютъ и приготавливаютъ изъ нихъ нисшій сортъ алкоголя.

Эти фрукты, какъ и всѣ произведенія почвы въ Сѣверной

Америкѣ, растутъ какъ бы въ дикомъ состояніи, нисколько не требуя ухода и удобренія. Что касается пшеницы въ провинціи Огіо, табаку въ Виргиніи и Теннессе, хлопчатника и сахарнаго тростника Луизианы, то остатки старыхъ растений, вполнину сгнившихъ, удобряютъ землю гораздо лучше, нежели всѣ туки Стараго Свѣта. Абрикосовъ очень мало въ Соединенныхъ Штатахъ.

XXV.

Праздникъ Валентина.

Сельскій купидонъ. — Служанки въ Лоншампѣ. — Дома построенные паромъ, суда брошенные на-произволъ. — Флоты стимеровъ. — Оригинальная секта. — Капризный климатъ. — Индѣйское дѣто.

Надобно провести февраль въ одномъ изъ самыхъ важныхъ городовъ американской республики, чтобы имѣть полное понятіе о старинной точности, съ какою граждане празднуютъ 14-й день этого мѣсяца, т. е. день Валентина. Конечно, они заимствовали этотъ странный обычай отъ Великобританіи. Молодые люди обоихъ половъ въ этотъ день выражаютъ другъ другу чувства любви своей посредствомъ безъименныхъ писемъ или валентиновъ. Наканунъ, или еще раньше, каждая книжная, каждая бумажная лавка, вынимаетъ весь свой обыкновенный товаръ, и замѣняетъ его листами валентиновъ, бѣлыми, но въ раскрашенныхъ и позолоченныхъ рамкахъ, съ различными эмблемами. Положимъ, вы человѣкъ серьезный, садитесь за завтракъ и занимаетесь журнальною политикой; вдругъ вамъ подають раздушенную записку, съ очаровательнымъ женскимъ почеркомъ, за печатью, на которой изображенъ купидонъ, пронзающій стрѣлою два сердца, или Флора и Зефиръ въ театральнoй позѣ. А войдите въ первый знакомый домъ, вамъ подадутъ такое же письмо, полученное прелестною дочерью семейства и почеркъ этого письма одинъ и тотъ же, какъ и почеркъ прежде полученнаго вами письма.

Европеецъ можетъ подумать, что большая часть служанокъ въ Америкѣ празднуютъ день Валентина при всякой своей прогулкѣ: до-того онѣ безумно подражаютъ своимъ господамъ въ туалетѣ; оттого и госпожи не гуляютъ въ мѣстахъ посѣщаемыхъ служанками. Идя за группою этихъ рѣзвыхъ горничныхъ, часто обманываешься, но стоитъ только заглянуть имъ въ лицо: при всей прелести тотчасъ замѣчаешь, что въ немъ нѣтъ ни одной черты изъ высокаго класса. Но отчего не позволить и имъ повеселиться, одинъ день въ недѣлю: шесть дней мужчины и женщины работаютъ чрезвычайно усердно. Особенно каменщики и плотники изумляютъ наблюдателя упорствомъ, съ какимъ презираютъ январскіе морозы и жгучіе жары іюля, отъ которыхъ явныя нерѣдко и умираютъ. Чрезвычайная быстрота, съ которою американцы воздвигаютъ свои огромныя зданія, изумительна.

Въ послѣднюю ночь, напримѣръ, двадцать домовъ сдѣлались добычею пламени; но вмѣсто того, чтобы по-европейски потерять нѣсколько дней праздно, смотрѣть грустнымъ окомъ на пепелище и сложивши руки плакать надъ нимъ, хозяева разрушенныхъ домовъ на другой же день собираютъ значительное число работниковъ на дымящіяся развалины; почти въ сутки очищается вся площадь; а въ три или четыре недѣли отстраиваютъ рядъ великолѣпныхъ жилищъ. Правда, прочность построекъ относится въ обратномъ смыслѣ къ быстротѣ строенія. Понятно, что американецъ также можетъ разрушать съ неслыханною скоростью; братъ Ионатанъ производитъ разломки съ неистовымъ проворствомъ. У него всѣ средства хороши, и канаты, и огромные крючья, и минный порохъ; сотни рабочихъ, съ кирками въ рукѣ, разставлены поверху каждой стѣны. Посмотрите, какъ падаютъ куски штукатурки, во всѣхъ направленіяхъ, при каждомъ ударѣ кирки и замѣтьте, какъ мало работники пугаются при видѣ того или другаго изъ своихъ товарищей, которые валятъ другую сокрушаемую стѣну. Раненъ-ли внизу проходій оторвавшимся камнемъ, это ихъ не трогаетъ, и не отрываетъ отъ работы.

Построеніе кораблей у нашихъ за-атлантическихъ сосѣдей совершается съ такою же быстротою. На дровяныхъ дворахъ, въ большихъ городахъ, выставляютъ ихъ совершенно оснащенными, къ удивленному взору наблюдателя, почти въ сутки.

Но какую великолѣпную картину представляетъ еще какой-нибудь большой стимеръ, назначаемый для океана: первый еще разъ окунувшись въ свою природную стихію, онъ тотчасъ отправляется въ открытое море, взрывая волны справа и слѣва. Сначала, конечно, разводятъ довольно паровъ, чтобы судно безъ замедленія могло вывезти экзаменъ, какъ водится въ подобномъ обстоятельствѣ. Чтобы приблизительно судить объ обширности пароходнаго плаванія въ Соединенныхъ Штатахъ, надо припомнить, что въ 1851 въ одномъ Ньюйоркѣ построено 50 пароходовъ. Морская пароходная торговля этой области состоитъ вывѣ изъ 1390 судовъ въ 427,118 тоннъ (25,627,080 пудовъ).

Изъ всѣхъ стимеровъ, летающихъ по американскимъ рѣкамъ къ востоку и западу, отличной наружности былъ *Randeeer*, погнбшій такъ странно на Гудзоновой рѣкѣ. Имя его, означающее *лань*, дано было ему и отъ быстроты его хода и отъ граціозной его формы.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мѣста, гдѣ случилась эта катастрофа, находится городокъ *Нейбургъ*, пріятно расположенный на одной изъ зеленѣющихъ покатоостей по сѣверному берегу Гудзона. Онъ особенно славится красотой женщинъ. Къ несчастію, въ мою бытность, каждая его привлекательная сирена, кажется, держалась правила древнихъ «*domi mansit, lanam fecit*», по-крайней-мѣрѣ, я не видѣлъ ни одной хорошенькой женщины, хотя и пробылъ въ городѣ цѣлыя сутки. Недалеко отъ *Нейбурга* есть деревня *Лебанонъ*, все населеніе которой принадлежитъ къ фантастической сектѣ *шекеровъ* (дрожащихъ). Главная церемонія ихъ состоитъ въ танцахъ, чрезвычайно смѣшныхъ. Двѣ группы мужчинъ въ шляпахъ съ полями, величиною съ большой дождевой зонтикъ, движутся параллельно взадъ и впередъ; прыгая безпрестанно, они машутъ длинными, широкими рукавами своихъ рубахъ, которыхъ концы спускаются на 6 или 7 дюймовъ за пальцы. Если кто изъ нихъ умретъ, мѣсто его занимаетъ новый ученикъ, приглашенный изъ сѣдняго округа. Главное положеніе у нихъ, чтобы каждый сектантъ оставался въ безбрачномъ состояніи.

Идя отъ *Нейбурга* къ морю приходите къ прелестнѣйшей части береговъ Гудзова. Высоты *Гобокова* на берегу *Нью-Жерзея* очень походятъ на *Ньюйоркъ*. Какіе здѣсь прекрасные виды,

особенно въ часъ солнечнаго заката! Сквозь массу вѣковыхъ деревь глазъ видитъ весь заливъ, во всю его длину, даже до самаго океана.

Потомъ обратитесь налѣво, и вотъ, на противоположномъ берегу величественной рѣки весь городъ Ньюйоркъ, во всемъ своемъ обширномъ протяженіи. Мириады его домовъ, расписанные яркою краскою, отражая лучи заходящаго солнца, пышно облиты золотомъ и пурпуромъ.

Часто, пока глаза и всѣ способности души заняты созерцаніемъ этого восхитительнаго вида, на юго-западѣ показывается бѣловатое легкое облако, на самомъ краю горизонта. Едвали пройдетъ десять минутъ—и все небо убирается густыми тучами аспиднаго цвѣта. Поверхность залива, до сихъ поръ спокойная, какъ хрусталь, теперь покрывается зыбью, какъ Гасконскій заливъ во время равноденствія. Легкій вѣтерокъ вдругъ становится такимъ бурнымъ, что вырываетъ съ корнемъ столѣтнее дерево, подъ тѣнью котораго вы только-что покоились и которое уже не защититъ васъ отъ проливнаго дождя, сопровождающаго ураганъ. Великолѣпныя суда, потерявшія якоря, или сорвавшіяся съ канатовъ, плывутъ по волѣ волнъ и гибельно сталкиваются другъ съ другомъ.

Внезапность, съ какою возникаютъ такіе перевероты, явно говоритъ о непостоянствѣ климата, особенно въ сѣверныхъ штатахъ. Въ отношеніи четырехъ временъ года, въ поясъ, обнимающемъ Санъ-Луи, Цинциннати, Питтсбургъ, Балтиморъ, зима вообще продолжительна и сурова, даже въ маѣ мѣсяцѣ температура еще довольно сыра и непріятна. Весна, собственно, почти неизвѣстна въ этихъ широтахъ. Юньскіе жары наступаютъ вдругъ, а въ іюлѣ и августѣ жаръ неспосенъ, буквально. Съ 1 го октября, почти до половины ноября климатъ вообще во всей полосѣ чрезвычайно пріятенъ. Этотъ періодъ называется индѣйскимъ лѣтомъ негольшо по тихой температурѣ, но и потому, что индѣйцы оставляютъ свои палатки и отправляются на охоту за лосемъ и буйволомъ; однимъ словомъ, въ это время здѣсь всѣ бросаютъ дѣла, которыми въ другихъ странахъ занимаются даже среди самаго лѣта.

XXVI.

Территорія Индіи.

Слитки золота. — Горькій обманъ. — Трудъ въ потъ лица. — Калифорніскіе меломаны. — Клевета на индійцевъ. — Хищники и преслѣдователи. — Предсмертная пѣнь Сакема. — Польза Lynch-Law's.

Для наблюдателя, даже самаго неглубокаго, очевидно, что въ немногіе годы, по открытіи золотыхъ приисковъ въ Калифорніи, торговля Съверо-Американскихъ Штатовъ увеличилась чрезвычайно, въ сравненіи съ прошедшимъ временемъ. Прииски открыты французскимъ полковникомъ Фремономъ и въ 1851 дали металла на 75 милліоновъ руб. сереб. Австралійскіе рудники дали въ тотъ же годъ только на 40 милліоновъ руб. сер. Но касательно успѣховъ, ожидающихъ всякаго отправляющагося въ Калифорнію, какъ въ Эльдorado, въ Европѣ существуютъ очень ошибочныя мысли. Чтобы лучше понять вещи, стоить только посидѣть на набережной, у того мѣста, гдѣ пароходъ изъ Шагра, возвращающійся по Делавару, высаживаетъ, съ золотомъ, приваллежащимъ правительству, огромную толпу пассажировъ, возвращающихся домой и покидающихъ навсегда берега С. Франциско. Количество ихъ простирается на каждомъ пароходѣ до трехсотъ пятидесяти человекъ. Для переселяющихся въ Калифорнію единственное условіе совершенно крѣпкое, здоровое сложеніе. Кто не снабженъ желѣзною крѣпостію силъ, тотъ идетъ на вѣрную смерть, или, по-крайней-мѣрѣ, тотъ ищетъ болѣзненнаго расслабленія, которое не замедлитъ наградить его преждевременною старостію.

Самые обильные прииски Калифорніи лежатъ въ глинистой почвѣ, пресыщенной волюю, которыхъ такъ много около Сакраменто и Сонфы. Чтобы копаться въ этой грязи, искатель долженъ оставаться большую часть времени, особливо дождливаго, по шести и по семи часовъ кряду въ водѣ по поясъ. Вода всегда холодна, какъ ледъ, а между тѣмъ жгучее солнце

пахать лучама головы работниковъ, въ теченіи полутода. Въ сухихъ минахъ работа столь же тяжела, какъ и въ грязи; притомъ, здѣсь каждый колонистъ, какого бы онъ ни былъ званія и чина, долженъ работать для себя самъ. «Каждый за себя» — вотъ девизъ всего разнороднаго населенія Калифорніи. Посему, какъ не удивляться, если каждая газета изъ Панамы привозитъ въ Ньюйоркъ ужасающей длины списокъ американцевъ, умершихъ со дня отъѣзда стимера изъ С. Франциско! Этотъ печальный списокъ тотчасъ перепечатывается въ газетахъ всѣхъ штатовъ для увѣдомленія родителей и родственниковъ умершихъ. Теперь въ Калифорніи находится до 30 тысячъ китайцевъ. Впрочемъ, жители С. Франциско, столицы Калифорніи, проводятъ жизнь довольно весело; круглый годъ у нихъ театры, концерты и проч. Ихъ посѣщала знаменитая французская пѣвица Екатерина Гей и Женни Линдъ.

Въ ноябрѣ 1852 ужасный пожаръ встрѣбилъ Сентъ-Сакраменто, въ Калифорніи, съ быстротою греческаго огня, такъ, что уцѣлѣло только пять домовъ. Хотя уронъ, причиненный этимъ несчастіемъ, простирался до тринадцати милліоновъ рублей серебромъ, но пострадавшіе наиболѣе, собрались на другой день, съ сигарою во рту и съ улыбкою на губахъ, и спрашивали другъ-друга: «А ты изъ камня, или кирпича построишь опять десять или двѣнадцать домовъ?» Не прошло и десяти дней, а четыреста большихъ домовъ стояли уже на пространствахъ, не совсѣмъ еще свободномъ отъ дымящихся развалинъ.

Многіе, хотя и успѣли утолить свою жажду въ Пактолѣ Сакраменто, но часто подвергаются нападѣніямъ истребительныхъ индійскихъ племенъ, которыхъ колонисты до сихъ поръ не могли выгнать изъ извѣстныхъ частей новаго золотого Херсонеса. Притомъ, всѣ красивые враги, которыхъ человекъ долженъ бояться въ этихъ широтахъ, далеко не принадлежатъ къ поколѣнію лододовъ, упомянутыхъ во второй главѣ. Многія изъ этихъ враждебныхъ ордъ, включая сюда и жестокія племена Романчевъ и Сиу, не законные ли владѣтели земли, которую несправедливо отняли американскіе хищники? Безъ сомнѣнія, ненависть ихъ къ бѣлымъ колонистамъ увеличивается отъ сознанія печальнаго униженія ихъ характера, нѣкогда столь благороднаго и гордаго. Они спрашиваютъ себя съ отчаяніемъ: кто тысячи изъ нихъ сдѣлалъ ворами, плни-

цами, трусами и буянами, если не человекъ цивилизованный. Справедливо, одинъ англійскій писатель сравнивалъ это знаменитое индѣйско-американское поколѣніе съ тѣми дикими растеніями, которыя прозябаютъ съ удивительною быстротою въ тѣни лѣсовъ, но которыя погибаютъ отъ лучей солнца.

Теперь, среди этого упадка, краснаго человека существенно характеризуетъ стоицизмъ, съ которымъ онъ смотритъ на приближеніе самой мучительной смерти. Чѣмъ ужаснѣе пламя, зажженное палачами, тѣмъ онъ веселѣе, при мысли, что скоро испуститъ духъ, не произнося ни одного жалобнаго крика, кромѣ истинной триумфальной пѣсни, чтобы предъ лицомъ братьевъ, живыхъ и мертвыхъ, засвидѣтельствовать, что преслѣдователи не могли извлечь у него ни одной жалобы. Предсмертная пѣснь неустрашимаго индѣйскаго сахема известна подъ именемъ Хризіона. Для любопытныхъ приводимъ здѣсь изъ нея небольшой отрывокъ:

«Солнце заходить, когда наступаетъ ночь; а звѣзды убѣгаютъ дня. Начинайте палачи! ваши угрозы напрасны; сынъ Альномока никогда не будетъ жаловаться.

«Помните-ли вы стрѣлы, которыя онъ спустилъ съ своего лука? Помните-ли, какъ ваши начальники пали подъ убійственнымъ остриемъ его топора? К чему медлить? Ужели вы ждете, чтобы я сдѣлалъ шагъ назадъ предъ страданіемъ? Нѣтъ, сынъ Альномока никогда не будетъ жаловаться.

«Вспомните лѣса, въ которыхъ мы развѣшивали наши сѣти и наши кровавыя добычи, отнятыя у вашей націи! Теперь пламя разстилается около меня, вы торжествуете надъ моею скорбью. Но сынъ Альномока никогда не будетъ жаловаться.

«Отхожу я въ ту далекую страну, куда ушелъ мой отецъ. Тѣнь его порадуется славѣ своего сына. Смерть приходитъ, какъ другъ; она освобождаетъ меня отъ страданій. И твой сынъ, о Альномокъ, за униженіе считаетъ жаловаться.»

Сердце индѣйца вообще сострадательно; онъ гостепріименъ. «Я спрашиваю всѣхъ бѣлыхъ, сказалъ одинъ отважный кацикъ Логанъ, есть ли одинъ между ними, который, пришедши въ хижи́ну Логана, не получилъ отъ него нищи? Скажетъ ли кто, что приходилъ нагой, окованный отъ стужи и Логанъ не поторопился дать ему платье?»

Трудно понять, какъ нѣкоторые писатели еще отваживаются

защищать это поколѣніе, оклеветанное послѣ знаменитаго епископа Чіапы Лас-Казаса, который, три вѣка назадъ, первый осмѣлился возвысить голосъ; а всего удивительнѣе, что историки довольно слѣпы и не осмѣиваютъ дѣйствій такихъ людей, которыхъ расхваливаетъ одинъ изъ первыхъ историковъ Англіи. Рассказывая о взятіи индѣйскаго форта ночью, онъ объясняетъ, что хижины объаты были пламенемъ и жители, искавшіе убѣжища, всѣ избиты. Все кончилось меньше чѣмъ въ часъ, прибавляетъ онъ; наши солдаты рѣшились совершенно искоренить этихъ варваровъ. Съ наступленіемъ вочи, видя, что они окружены со всѣхъ сторонъ и что бѣгство невозможно, они не хотѣли просить пощады у своихъ побѣдителей. Въ эту минуту непріятель не переставалъ стрѣлять въ нихъ и большая часть ихъ такимъ образомъ была перебита. Прочіе попались въ руки побѣдителей и, какъ собаки, въ слѣпомъ бѣшенствѣ позволяютъ изрубить себя въ куски,—такъ они согласились лучше умереть, чѣмъ просить пощады. На зарѣ слѣдующаго дня солдаты взошли въ болото и, видя, какъ многіе дикари жались одинъ къ другому, они поставили свои мушкеты, заряженные 10 или 12 пулями, на вѣтви деревъ, въ близкомъ разстояніи—и дали по нимъ общій залпъ.

Калифорнія еще недавно присоединена къ американской республикѣ, и ей потребно много времени, чтобы пріобрѣсти ту правильность въ управленіи и въ выполненіи законовъ, съ которою уже знакомы прочіе штаты. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ, надобно сознаться, теперь произошло значительное улучшение среди ея народонаселенія.

XXVII.

Литература въ Соединенныхъ Штатахъ, Американскіе литераторы.— Другъ дѣтей.—Заморскіе поэты.—Ученныя женщины.—Школьный журналъ.—Герольдъ.—Свобода тисненія.—Затлантическіе академики.—Невѣльникъ и актриса.—Изящныя искусства въ Соединенныхъ Штатахъ.

Вообще сѣверо-американцы обязаны своими литературными сочиненіями и свѣдѣніями Великобританіи. Франція съ

своей стороны обогатила ихъ резертуары путемъ переводовъ. Но въ послѣднее время въ штатахъ явился не одинъ писатель, которымъ могла бы гордиться и древняя Европа. Напримѣръ, Фениморъ Кунеръ справедливо заслужилъ европейскую славу, которою пользуются его главныя сочиненія по искусному подражанію Вальтеръ-Скотту. Выше мы говорили о Вашингтонѣ—Ирвингѣ, бывшемъ еще посланникомъ при дворѣ Мадридскомъ. Но этотъ замѣчательный авторъ, котораго и лучшіе англійскіе критики признаютъ равнымъ знаменитѣйшимъ писателемъ трехъ англійскихъ вѣковъ, этотъ отличный авторъ не американецъ по рожденію; отецъ его шотландецъ, а мать природная англичанка; знаменитое его сочиненіе «о жизни и путешествіяхъ Христофора Колумба»: одно вполне увѣковѣчиваетъ его имя. Кромѣ того, его «Завоеваніе Гренады», его «Жизнь Магомета и камеровъ» и проч. составляютъ самое назидательное и вмѣстѣ самое интересное чтеніе.

Отличный прозаикъ послѣ двухъ представленныхъ мною—Джемеъ-Паульдингъ, который давно уже не пишетъ, вѣроятно, по своимъ преклоннымъ лѣтамъ; потомъ встрѣчаемъ лучшихъ прозаиковъ: Даніила Вебстера, историковъ: Прескотта и Гилдрета, романиста Гауртна. Послѣдній выдалъ въ свѣтъ много опытовъ въ родѣ Чарльса Лема въ Англии. Капитанъ Марей, убитый недавно индѣйцами Команчъ, по своимъ сочиненіямъ подходилъ близко къ англійскому капитану Маріетту. Конечно, многіе, даже въ Англии, не знаютъ, что знаменитый Петръ Парлей, снякавшій столько правъ на благодарность младенческаго поколѣнія, чрезвычайно назидательными мелкими сочиненіями, былъ американецъ. Но это имя псевдонимъ, настоящее же Гудрихъ, теперь онъ консулъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки въ Парижѣ.

Лучшіе поэты Сѣверной Америки по порядку ихъ народности; Бріанъ, Галлекъ, Лоясенлоу, Спрукъ, Дана и Баяръ—Тейлоръ. Послѣдній прошелъ пѣшкомъ всю Европу, нѣсколько лѣтъ назадъ, безъ сомнѣнія, какъ иекатель, новыхъ поэтическихъ вдохновеній. Но между произведеніями этихъ заморскихъ бардовъ трудно сыскать поэму, которая могла бы соперничать съ Ламмарукъ, съ Чайльдъ Гарольдомъ; однимъ словомъ съ какою пубудь образцовымъ британскимъ произведеніемъ.

Несмотря, впрочемъ, на неотъемлемый талантъ многихъ

представленныхъ поэтовъ, напрасно искали бы въ ихъ балладахъ или другихъ мелкихъ отрывкахъ искру той священной поэзіи, которая часто пылаетъ въ стихахъ Борнса, Гогга и Кольриджа.

Посмерти Маргариты Фуллеръ, произведенія которой отзываются началами Карлиля, сочинительницы, замѣчательныя въ Соединенныхъ Штатахъ: миссъ Седжвикъ, миссъ Клеркъ — которая приняла псевдонимъ Грессъ Гриввудъ, миссъ Куперъ дочь романиста; г-жа Чайльль; миссъ Алисъ Кери и г-жа Бичеръ-Стоу, авторъ замѣчательной книги: *Uncle Tom's Cabin*.

Этотъ странный романъ, если не мистификація, но-крайней-мѣрѣ, даетъ не очень полное понятіе о состояніи невольничковъ, для всѣхъ, которые не посѣщали въ Сѣверной Америкѣ главныхъ провинцій, допускающихъ невольничество.

Со времени объявленія ихъ независимости у американцевъ не явилось ни одного драматическаго писателя, достойнаго замѣчанія.

Во время моего пребыванія въ Новомъ Свѣтѣ, увѣрили меня, что тысячи американцевъ ничего не читаютъ кромѣ журналовъ. По натуральной прозорливости ума они такъ глубоко размышляютъ о прочтенномъ и опровергаютъ такъ логически все несогласное съ ихъ образомъ мыслей, что совершенно оправдываютъ глубокую истину Петра Великаго: *fabri-cando fit faber*.

Что касается журналовъ, ихъ выпускается изумительное количество. Теперь въ Штатахъ считается 2,800 періодическихъ изданій, годовое количество простирается до 4,700,000 экземпляровъ; многія газеты ежегодно сбываются въ Нью-Йоркѣ до 36,000 каждый день, а «Герольдъ» ежедневный журналъ, достигаетъ до 25,000 экземпляровъ въ недѣлю; эта газета выходитъ ежедневно въ двухъ листахъ. Какое удивительное приращеніе съ 24-го апрѣля 1704 года, со дня, въ который первый журналъ въ Америкѣ подъ скромнымъ названіемъ «Нью-Йоркской газеты» былъ опубликованъ въ Бостонѣ! Собственно Нью-Йоркская газета вышла изъ печати только 16-го октября 1756 года. Обыкновенные журналы, подобные нашимъ, выходятъ въ самыхъ отдаленныхъ и наименѣ образованныхъ штатахъ, напримѣръ въ Ореговѣ, Утагѣ, Миннесотѣ и

Калифорніи, и даже у индѣйцевъ Ирокезовъ печатается газета на ихъ языкѣ буквами, изобрѣтенными однимъ ихъ главою.

Въ газетахъ Соединенныхъ Штатовъ, встрѣчаются иногда выраженія, которыя вообще называютъ американизмами. Въ разговорномъ языкѣ ихъ очень много, употребляютъ ихъ такъ часто, что всякій иностранецъ и даже англичанинъ дружится съ ними, какъ только сойдетъ съ корабля. Кромѣ фразъ, собственно составленныхъ американцами, они множеству англійскихъ отдѣльныхъ словъ даютъ особенный смыслъ, вопреки всѣмъ уставамъ академиковъ Великобританіи. Вѣроятно, не нужно здѣсь замѣчать, что отъ крайняго сѣвера Канады, этого меловитаго пояса, даже до тропическихъ границъ полуострова Флориды, огромная масса народонаселенія не знаетъ другаго языка, кромѣ англійскаго.

Что касается изящныхъ искусствъ, артисты Соединенныхъ Штатовъ вѣроятно не краснѣютъ, ставя собственныя произведенія наряду съ художниками Англійи и Франціи. Между пейзажистами замѣчательны Дюранъ и Гунтингдонъ, которые справедливо пользуются большою извѣстностью; то же можно сказать о портретахъ Гили. Кромѣ американскаго скульптора Поуера, греческимъ невольникамъ котораго удивлялись на лондонской выставкѣ, мы находимъ еще Гринока, который отличенъ въ томъ же родѣ. Изъ туземной труппы актеровъ можно похвалить только Эдвина Фореста, а между актрисами миссъ Шарлоту Гushmanъ. Славятся также актеры Бругмонъ и Буртонъ, чарующіе всѣхъ иностранцевъ, посѣщающихъ Ньюйоркъ.

Хотя сѣверо-американцы не могутъ похвалиться ни Шекспиромъ, ни Шериданомъ, ни Расиномъ, ни Мольеромъ, ни Шиллеромъ, ни Альфіери, ни Лопе-девега, однако ихъ новѣйшіе драматурги обнаруживаютъ не совсѣмъ обыкновенныя дарованія, если имъ приходится занять предметъ изъ какогонибудь европейскаго романа, чтобы поставить на сцену своего театра.

XXVIII.

Канада.

Столица «всѣхъ канадъ». — Низкая чернь. — Недокислѣнный азотистый газъ. — Мнимые волки и медвѣди. — Львицы въ саяхъ. — Яхты, какъ бы воздушныя. — Американскій гостинецъ. — Дичь на волю каждаго. — Невыгодные часы. — Монреаль. — Квебекъ. — Галифаксъ. — Вѣроломныя подводныя скалы. — Заливъ Фунди. — Феноменальныя морскіе приливы. — Сѣверное сіяніе.

Во время моихъ изслѣдованій въ Сѣверной Америкѣ я поѣхалъ Торонто, столицу Канады въ 1846 году, въ эпоху, когда мѣтежники Монреаля принудили настоящаго вице-короля перенести мѣстопробываніе правительства въ этотъ городъ, лежащій на сѣвѣрозападныхъ берегахъ озера Онтарио. Народнонаселеніе Торонто, двадцать лѣтъ назадъ простиравшееся до 2000 душъ, теперь считается 22000. Этотъ городъ во многихъ отношеніяхъ стоитъ титула столицы, который ему присвоенъ. Улицы здѣсь широки, общественныя зданія весьма хороши, особенно казармы и Коллегія Верхней Канады; — большая часть магазиновъ и лавокъ могли бы помѣститься въ Парижѣ въ улицахъ Ришелье и другихъ.

Во все время пребыванія моего въ Торонто, было холодно, какъ бываетъ холодно зимою въ Петербургѣ; и такъ, по собственному опыту я могу сказать, что сильный морозъ, но сухой, гораздо сноснѣе, нежели умѣренный, но влажный, которому мы обрѣчены въ сѣверныхъ сырыхъ широтахъ Франціи и Англій. Я даже находилъ, что такой холодъ возбуждаетъ умственныя способности, подобно тому, какъ это приписываютъ ученые недокислему азотному газу, открытому великимъ англійскимъ химикомъ Гумфри-Деві, отъ котораго онъ получилъ имя забавнаго газа. Количество богатыхъ мѣховъ, показывавшихся на улицахъ Торонто, въ самомъ дѣлѣ изумительно. Даже въ воскресенье очень трудно замѣтить челоуѣка въ шляпѣ; каждый носитъ картузь густо обшитый мѣхомъ, кото-

рый закрывая уши подвязывается подъ бороною. Что касается до платья, то вы подумали бы: волки и медвѣди здѣсь ходятъ на заднихъ лапахъ; у проходящихъ по улицѣ, пальто и сюртуки всѣ почти сдѣланы изъ волчьего и медвѣжьего мѣху волосомъ вверхъ. Рѣдко я замѣчалъ, во время подобныхъ прогулокъ, въ какой нибудь странѣ, столько одушевленія, какъ въ Торонто, который въ четыре зимнихъ мѣсяца представляетъ только замерзшую поверхность своего великолѣпнаго залива. Отъ двухъ до четырехъ часовъ пополудни, каждый день это кристальное пространство въ три мили ширины перерѣзывается отличными саями, въ которыхъ сидѣли самыя фешенебельныя, столпчныя дамы, кучеромъ былъ мужъ, или братъ, или, можетъ быть, женихъ. Быстрыя какъ паровозъ, эти повозки безъ колесъ, опасывали геометрическія фигуры; они употребили въ пользу для угловъ своихъ параллелограммовъ и для центра своихъ круговъ, множество мачтъ затертыхъ тамъ и тутъ во льду. Иногда, двое саяей опережали другъ друга, желая достигъ скорѣе противоположной точки залива. По временамъ насъ восхищало появленіе небольшого судна, совершенно оснащенного, называемаго ледяное судно, которое въ мгновеніе пробѣгало пространство, безъ всякаго другаго двигателя, кромѣ бѣлыхъ парусовъ; издали эти суда имѣютъ видъ лебедя, плывущаго по поверхности обширнаго озера, съ распростертыми бѣлыми крыльями.

Судя по Торонто, публичныя гостиницы Канады, казалось, не должны ничѣмъ разниться отъ гостиницъ штатовъ; но здѣсь вы не можете нанять комнаты или особеннаго помѣщенія, не обязавшись брать обѣда. Что касается до цѣнъ, то въ большихъ гостиницахъ есть тарифъ, отъ котораго рѣдко отступаютъ. Во многихъ случаяхъ платятъ въ день два руб. съ полтиною. Кое-гдѣ въ аристократическихъ гостиницахъ эти цѣны увеличиваются на полпіастра. Я вашель дневную плату въ три піастра, только въ одной гостиницѣ С. Шарля въ Новомъ Орлеанѣ. Въ какомъ бы этажѣ вы ни наняли, платите все одну и ту же цѣну.

Конечно, эти условія не чрезмѣрны, судя по количеству и качеству кушаньевъ, которыя подаютъ три раза въ день. Почти въ теченіи всего года, дичь подается къ обѣденному столу; вы можете выбирать всякое мясо, которое употребляютъ ла-

комки англичане; но не лучше ли было бы избытокъ животной пищи замѣнить небольшою порціею вина, даже обыкновеннаго, хотя французскаго. Также я замѣтилъ, что бордосское вино низшаго сорта (которое улучшается на пути черезъ океанъ) не такъ дорого въ Америкѣ, если вы его покупаете въ городѣ; вино въ публичной гостиницѣ не включается въ дневную плату; а если вы случайно потребуете его, то цѣна его довольно высока, какъ на атлантическихъ стимерахъ.

Часть обѣда въ гостиницѣ чрезвычайно стѣснительна для путешественниковъ. Въ С. Луи или Балтиморѣ обѣдаютъ въ два съ половиною часа; но въ Ньюйоркѣ въ три часа, даже въ частныхъ семействахъ, исключая церемоніальныхъ обѣдовъ. Назначеніе этихъ раннихъ часовъ сопровождается другою несообразностію, очень тяжелою для иностранца, именно: оно не даетъ возможности распределить времени послѣ завтрака, чтобы сходить осмотрѣть все замѣчательное; потому что часто иной интересный предметъ находится очень далеко отъ гостиницы, въ которой вы остановились. Если вы случайно предпочтаете духовную пищу тѣлесной, т. е. другими словами: если вы не приходите въ опредѣленную часть въ гостиницу къ столу, все же вы должны заплатить какъ бы вы присутствовали, правило одно—для кротонскаго Милона и пустыника ангіенскаго. Въ хорошо устроенныхъ гостиницахъ, вы можете за ужиномъ поправить то, что потеряли въ обѣденное время, лишь бы удовольствовались холодною конченою говядиною, лишь бы обошлись безъ супа, который составляетъ существенную потребность порядочнаго ужина.

Американцы, вообще говоря, ѣдятъ очень скоро—другое обстоятельство, очень стѣснительное для многихъ Европейцевъ. Негоціанты отправляются въ свои конторы постоянно послѣ обѣда.

Такъ какъ въ Верхней Канадѣ, въ которой находится Торонто, лѣса перѣдки, то многія большія дороги, направленные къ этому городу, вымощены бревнами, вмѣсто камня и на довольно значительномъ пространствѣ. Эти plank-roads, какъ ихъ называютъ, не требуютъ такихъ частыхъ поправокъ, какъ наши европейскія, различнаго сорта дороги, такъ по крайней мѣрѣ увѣрлял меня Канадецъ.

Во время года, когда портъ Торонто и рѣка Св. Лаврентія не скованы льдомъ, жители столицы Верхней Канады каждый

день имѣютъ случай совершать очаровательныя прогулки, именно по озеру Онтарио и въ той части рѣки Св. Лаврентія, которая отдѣляетъ восточный пунктъ его отъ интереснаго города Монреала. Нынѣшнее народонаселеніе этого города болѣе французское, нежели американское, простирается до 63000 душъ. Онъ лежитъ на сѣверномъ берегу рѣки, на пространствѣ почти одной мили; набережная удивительно хороша; съ вершины горы, на которую легко всходить, въ двухъ миляхъ за городомъ, открывается восхитительная панорама, именно справа и слѣва неизмѣримая рѣка Св. Лаврентія. Прекрасный Католическій Соборъ Монреала—единственный съ Сѣверной Америкѣ; онъ имѣетъ шесть башенъ, изъ которыхъ три принадлежатъ главному фасаду.

Послѣ переѣзда болѣе ста шестидесяти миль вы достигаете Квебека, который справедливо называютъ американскимъ Гибралтаромъ, благодаря твердости, доставленной ему натурою и искусствомъ. Послѣ этого огромнаго гиганта, крѣпостнаго стража, цитадель представляется взору иностранца, какъ первый пунктъ въ городѣ: она поднимается до 352 футовъ выше уровня рѣки; улицы въ Квебекѣ очень узки и извилисты и не такъ чисты, какъ въ Монреалѣ. Народонаселеніе его состоитъ почти изъ 44000 душъ. Они говорятъ больше по-французски, нежели по-англійски, хотя, почти цѣлый вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ этотъ знаменитый городъ былъ взятъ Англичанами у Франціи. Французскій генералъ Монкальмъ, погибшій здѣсь въ знаменитую эпоху 1759 года, похороненъ въ монастырѣ Уреулинокъ. Эта побѣда стоила дорого Англій, она потеряла здѣсь также великаго своего полководца. Подобно Лорду Нельсону, которому суждено было позже погибнуть въ объятіяхъ побѣды при Трафальгарѣ, знаменитый генералиссимусъ англійской арміи Вольфъ былъ убитъ въ ту самую минуту, какъ послѣ долгой осады, его храброе войско брало приступомъ почти непобѣдимый городъ Квебекъ.

Послѣ Ньюйорка Квебекскій портъ каждый годъ, если не обманываюсь, болѣе всѣхъ принимаетъ огромнѣйшую массу европейскихъ эмигрантовъ, переселяющихся на американскую почву. Уже много лѣтъ Канадцы вздыхаютъ подъ тяжестью такого постояннаго переселенія: они не имѣютъ уже надобности ни въ какомъ приливѣ народовъ, еще менѣе въ тысячахъ

ирландцевъ, настоящихъ нищихъ, которые, приставая къ берегамъ, приносятъ съ собою ужасную заразу, извѣстную подъ именемъ корабельной лихорадки. Но американцы такъ гостеприимны на сѣверѣ и на югѣ, что никогда не оттолкнутъ отъ своихъ береговъ, словомъ или дѣломъ, ни одного судна, привозящаго къ нимъ изъ-за моря грузъ того, что я называлъ бы легиономъ отчужденныхъ и часто зачумленныхъ.

Въ Галифаксѣ, очень важномъ городѣ, принадлежащемъ Векикобританіи и лежащемъ въ той восточной части Канады, которая называется новою Шотландіею, я ничего не открылъ замѣчательнаго, кромѣ величественнаго форта. Галифаксъ расположенъ пріятно, на склонѣ холма, влѣво отъ моря. Портъ его обширенъ и безопасенъ, однако самые опытные капитаны принуждены брать крайнія предосторожности, при входѣ или при выходѣ изъ пристани, именно по причинѣ постоянныхъ тумановъ. Жителей въ Галифаксѣ 26000 душъ. Почти въ ста миляхъ къ востоку отъ этого города, я имѣлъ удовольствіе переплыть черезъ заливъ Фунди, воды котораго два раза въ сутки достигаютъ высоты 60 футовъ надъ уровнемъ моря. Тамъ бываетъ самый высокій приливъ.

Наблюдая въ Канадѣ сѣверное сіяніе, которое тамъ довольно часто, я полагаю, что эти интересные метеорологическіе феномены являются здѣсь совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели во Франціи; на извѣстныхъ пунктахъ Соединенныхъ Штатовъ я также видѣлъ оправданіе этого факта, т. е. частыя и чрезвычайно блестящія электрическія молніи.

XXIX

Мехика.

Приличный девизъ. — Акапулько. — Тампико. — Веракруцъ. — Сен-Жан-Ул-лоа. — Мусорщики. — Слишкомъ бодрая стража. — Несносныя дороги, удивительныя цвѣты. — Городъ пріятный для лекарей. — Бандиты и ихъ кумовья. — Двойчатые вулканы. — Столица Мехико. — Огромные шпоры. — Гора Оризаба. — Богатыя серебряныя мины. — Колоссальный капарисъ. — Ванильное дерево. — Кокосовое. — Кошенильное. — Лошади въ очахъ. — Величественная пирамида.

Послѣ Канадцевъ самые важные сосѣди у Соединенныхъ Штатовъ, конечно, мексиканцы. Особенно интересно въ наше

время остановиться на этомъ штатѣ; можетъ быть, не въ долгомъ времени, онъ сдѣлается среточіемъ, центральною силою всѣхъ штатовъ. Присвоеніе Ионатаномъ Техаса и Калифорніи доказываютъ намъ ясно, что его не затруднитъ никакое сомнѣніе, если только представится благоприятный случай увеличить свои земли, даже присвоеніемъ богатой мексиканской провинціи. Рядомъ съ ихъ девизомъ «изъ многого одно» американцы не должны ли прибавить, благодаря своей жаднѣ къ завоеваніямъ, этотъ знаменитый стихъ старика Горации: «если сможешь, бери вещь по-правдѣ; если не можешь, то какимъ нибудь образомъ.» Еслибы изъ порта Аканулько для нихъ не вышло ничего другаго, кромѣ станціи, то и тогда была бы большая выгода.

Изъ южныхъ пунктовъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ Нового Орлеана, Мобили, Пенсаколы легко и скоро переѣзжаютъ въ мексиканскіе порты—Тампико или Вера-Круцъ. Первый изъ этихъ двухъ городовъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ новую силу насчетъ древняго города Вера-Круца, въ портъ и рейдъ котораго большія суда не могутъ найти спокойнаго пристанища. Взамѣнъ того, съ нимъ соединены очень интересныя воспоминанія. Въ самомъ дѣлѣ городъ выстроенъ на мѣстѣ высадки Фернанда Кортеса, въ началѣ XV вѣка; отъ этого знаменитаго капитана онъ получилъ свое имя. Въ девять островъ, въ 300 брассахъ отъ берега, построена величественная крѣпость С. Жанъ Уллоа, взятая въ 1838 г. приступомъ Жуавильскимъ и отданная впоследствии мексиканцамъ.

Дома въ Веракруцѣ, подобно гаванскимъ, съ балконами и съ квадратнымъ дворомъ, наподобіе Турина и другихъ Итальянскихъ городовъ; улицы имѣютъ аркады съ каждой стороны. Чистоту въ нихъ поддерживаютъ большею частію черныя индюки, извѣстные подъ именемъ *sopilotes*. Эти птицы издали, по цвѣту, по жадности ко всякой нечистотѣ походятъ на черныхъ коршуновъ Патагоніи.

Чужестранецъ не сомкнетъ глазъ въ первую ночь въ Вера-Круцѣ отъ плачевныхъ возгласовъ *watchmen*, или ночныхъ стражей. Крикъ ихъ состоитъ изъ одного слова *segeno! segeno!* означающаго хорошую погоду; потому и зовутъ этихъ сторожей: *segenos*.

Перевалъ изъ Вера-Круца въ Мехику былъ бы весьма приятенъ, еслибы поддерживали общественное шоссе, но его никогда не поправляютъ. Взоръ путешественника очарованъ и вправо, и влѣво цвѣтами, и напрасно бы человекъ пытался изобразить словомъ блестящую ихъ красоту. Прелесть увеличивается еще остановкою дилижанса на ночь, въ каждомъ городѣ Пуеблы и Ялапы, особенно если вы прибываете за часъ или за два до захожденія солнца. Каждый годъ, при нападеніи на Вера-Круцъ епидеміи vomito, похожей на азиатскую холеру, въ Ялапу прибѣгаютъ всѣ, которые боятся этого ужаснаго бича.

Ялана мексиканское названіе упомянутого города; конечно излишне напоминать читателю ботанисту, что близъ Ялапы растетъ въ огромномъ количествѣ тотъ чрезвычайно полезный корень, который составляетъ одно изъ важнѣйшихъ лекарствъ. Кромѣ того окрестности Ялапы, всѣ вообще, въ полномъ смыслѣ—эдемъ.

Идя далѣе, по направленію къ Мехикѣ, вы приходите къ Перотѣ, которая, по сношеніямъ съ разбойниками большой дороги, тоже, что въ послѣднее время въ Италіи были города Террачина и Фонди. Близъ Пероты есть гора въ 13,000 футовъ высоты, такъ называемая «ящикъ» отъ странной своей формы.

Въ вознагражденіе глубокихъ рытвинъ, которыми дорога изрѣзана на всемъ своемъ протяженіи, достигаешь наконецъ знаменитой долины Мехико. На всемъ пространствѣ, около 40 миль, она представляетъ изумленному взору очаровательные луга, испещренные цвѣтами, столь прекрасными, какіе только можетъ создать воображеніе. При самомъ входѣ въ нее представляются отдѣльно волканы: Попокатапети и д'Итакчигуати. Недалеко отъ послѣдней горы, имя которой значитъ «Бѣлая дама» открывается гора Малинчъ въ 12000 футовъ высоты, что на древнемъ мексиканскомъ языкѣ значитъ *Маріанна*, такъ звали чудной красоты жену Фердинанда Кортеса.

Городъ Мехико назывался нѣкогда Тенахтиклянъ. Десять лѣтъ назадъ землетрясеніе едва не разрушило его совершенно. Еслибы удары продлились еще десять минутъ, отъ города не осталось бы ни малѣйшаго слѣда. Теперь жителей въ немъ считается 152,000 душъ.

Большая площадь Мехики превосходитъ всякой столичной

еврепейской. Жаль, что перенесли въ музей прелестную конную статую Карла IV, служившую центральнымъ ея украшеніемъ. Кромѣ этого музея, въ которомъ находится кольчуга Фердинанда Кортеса и «національнаго дворца» туристъ съ самымъ живымъ удивленіемъ смотритъ еще на мекхиканскій соборъ.

Домы въ этой столицѣ всѣ каменные; деревянныхъ не строятъ. Внутри они убраны великолѣбно, кромѣ жилищъ бѣдняковъ. Улицы очень широки, чисты и украшены богатыми магазинами; изъ выставленныхъ товаровъ, первое мѣсто занимаетъ серебряная филигранная работа. И чтобы вы думали выдѣлывается изъ этого металла? шпоры! и какіе шпоры! Самые жители Бродвильяка вскричали бы, что они слишкомъ велики! Но работа ихъ изящна въ высшей степени. Такое расположеніе къ серебрянымъ украшениямъ обнаруживается во многихъ другихъ случаяхъ; загляните въ лавку любого сапожника и васъ ослѣпятъ блестящія полосы и листы, покрывающіе передки ботфортовъ кавалериста.

Кромѣ самой необходимой провизіи, напримѣръ хлѣба, мяса, кофе, сахару и проч., на которыя цѣны умѣренны, все, принадлежащее къ полезной и пріятной жизни, даже къ удобствамъ, въ Мехикѣ чрезвычайно дорого.

Костюмъ природныхъ мекхиканцевъ таковъ же, какъ, вѣроятно, былъ во время Монтецумы; трудно вообразить чтонибудь страннѣе и роскошнѣе. Шляпы мужчинъ напоминаютъ рыцарей временъ Карла II Англійскаго; отличные желуди и серебряныя фестоны, украшающіе ихъ, небрежно висятъ съ той и другой стороны лица. Подъ мантиею *сагаре*, которую мекхиканецъ носитъ чрезвычайно граціозно, видѣнъ костюмъ, недурная копія костюма рыцарей въ новой комической оперѣ Обера.—Дамы выказываютъ особенный вкусъ къ креповымъ, самымъ тонкимъ шалямъ. Въ сырую или сухую погоду онѣ мѣняютъ мантию, мантию *reboso* изъ роскошнаго китайскаго газа и также шаль, такъ мило, что она увеличиваетъ ихъ очаровательность, какъ прелестный вуаль *теццаго*, упавшій съ головы на плеча юныхъ дѣвицъ съ черными глазами въ Генуѣ.

Знаменитое натуральное чудо Мехики, безъ сомнѣнія, гора Оризаба (гора блестящей звѣзды), которая, не сообщаясь ни съ

какою другою горою, вдругъ величественно изъ долины поднимается на 18000 футовъ надъ уровнемъ моря. Достоинно замѣчанія, что рѣки и ручьи рѣдки въ Мехикѣ, а озера не такъ обширны, какъ въ другихъ мѣстахъ. Последнее относится главнымъ образомъ къ озеру Тецкуко, у котораго расположенъ городъ Мехико.

Знаменитыя серебряныя мины Мехики—Гуанайоато, кажется, нисколько не истощаются со времени своего открытiя; въ 1851 году онѣ дали серебра на $8\frac{1}{2}$ миллионѣвъ пиастровъ. Эти серебреносныя жилы составляютъ на практикѣ не столь скудный источникъ богатства, какъ въ золотосодержащихъ странахъ Австраліи или Калифорніи. Среднее число работниковъ, ежегодно копающихъ серебряную руду въ Мехикѣ, простирается до 700 тысячъ человекъ; здѣсь включаются въ достаточномъ числѣ англійскіе рудокопы; ихъ выбираютъ изъ опытныхъ работниковъ въ оловянныхъ рудникахъ.

Кромѣ блестящихъ цвѣтовъ, обширно разстилающихся по поверхности Мехики, эта интересная страна заключаетъ еще множество другихъ произведеній изъ растительнаго царства. Въ садахъ Монтецумы вы найдете кипарисы истинно колоссальной величины. Одинъ, по словамъ Гумбольдта, имѣетъ 40 футовъ въ окружности. По сказаніямъ суевѣрнаго народа душа чудной индианки Маріанны, плѣннвшей сердце Фердинанда Кортеса, посѣщаетъ лѣса этого сада.

Въ другихъ мѣстахъ находятъ ванильное дерево, плоды котораго или ароматическіе стручья столько любятъ все кондитеры и даже хозяйки всехъ сословій въ Европѣ. Это драгоценное растеніе съ стволомъ и корнемъ ползучимъ принадлежитъ къ семейству ориндеевъ. Оно растетъ на сырыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ, на краю источниковъ и ручьевъ; роловъ его много. Въ сосѣдствѣ его находятъ часто много самыхъ лучшихъ деревъ какао. Потому—то мексиканскій шоколадъ нынѣ ставится выше Кайэнскаго, хотя этотъ долгое время считался самымъ лучшимъ.

Высшій интересъ заслуживаетъ *coccoloba*, на бархатныхъ листьяхъ котораго разволится кашениль. Это знаменитое полукрылатое насекомое сдѣлалось самымъ выгоднымъ товаромъ

для мексиканской провинціи. Эта драгоценная и пріятная краска получается очень просто; состоитъ изъ нѣскольکو этихъ насѣкомыхъ и развести концентрированнымъ алкогелемъ, который растворяетъ окрашивающее начало, послѣ сего надо испарить растворъ досуха. Если матерію подвергнуть вліянію амміака и другихъ химическихъ реактивовъ, получится яркая красная краска, называемая карминомъ.

Городъ Гондурасъ, около котораго растетъ акажу или красное дерево, находится также въ той части старой Мексики, которая называется въ наше время Гватемалой.

Лошади Мексиканскія достойны массивныхъ серебряныхъ шпоръ, о которыхъ говорено выше; онѣ нисколько не уступятъ чистѣйшимъ арабскимъ. На бѣгу они сгибаютъ переднія ноги очень картинно. Къ этому приучаютъ ихъ довольно легко. Еще жеребятами ихъ не выпускаютъ изъ конюшни безъ очковъ съ увеличивающими стеклами; потому онѣ при такомъ искусственомъ зрѣніи принимаютъ малѣйшій камень за большой камень. Послѣ чего, понятно, что вышедши изъ ученья, онѣ пріобрѣтаютъ привычку избѣгать препятствій.

Попугаи Мексики уважаются во всѣхъ уголкахъ Европы. Во всей провинціи жителей считается 8,000,500 душъ.

Развалины въ Мексикѣ не такъ рѣдки, какъ въ Соединен. Штатахъ. Самая любопытная развалина, огромная пирамида Холула, которую Ацтеки, древніе Мексиканцы, назначили въ честь Кватцалкоати — своего бога войны. Удивительно, говоритъ Гумбольдтъ, что она похожа на храмъ Бѣла на Востокѣ; но путешественники не раздѣляютъ этого мнѣнія съ знаменитымъ ученымъ, который полагаетъ еще, что основаніе Холулы вдвое больше основанія Хеопсовой пирамиды въ Египтѣ. Какъ бы то ни было, этотъ остатокъ языческаго храма сдѣлался обширнымъ пьедесталомъ отличной католической церкви посвященной Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Кто приѣдетъ въ Мексику, хотя на сутки, конечно, посѣтитъ крѣпость Хапултепекъ, на вершинѣ вулканическаго холма, почти въ милѣ отъ столицы. Въ послѣднюю Мексиканскую войну (1846 года) генераль Скоттъ, кандидатъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ, со славою осаждалъ эту крѣпость

противъ самыхъ ожесточенныхъ усилій туземцевъ. Храбрые Мехиканцы сдались тогда только, когда непріятель осыпалъ гору сорока тысячами бомбъ. Кромѣ того берега Риогранде поминаютъ о подвигахъ неустрашимаго и любимаго генерала *Тейкора*, пожавшаго здѣсь безсмертныя лавры. Прогуливаясь по берегамъ Риогранде, съ мыслями о кровавой битвѣ, невольно вспоминаешь элегическіе куплеты древняго Испанскаго поэта:

«О рѣка, съ вѣчнозеленѣющими берегами, сколько утонуло въ твоихъ водахъ, христіанъ и Мавровъ, павшихъ отъ убійственнаго меча! И хрустальныя твои волны не эмальировались ли отъ ихъ багряной крови! Тамъ погибли знаменитые рыцари, достойныя отрасли гордаго испанскаго дворянства (XI, смерть дона Агильяра).»

Трудно, рассказывая въ подробности о Мехикѣ, удержаться отъ меланхолическихъ мечтаній, по мѣрѣ того, какъ тотъ или другой предметъ вызываетъ тѣни Гватимозина и Монтенумы. Иногда представляется будто видишь ихъ сидящими на блестящемъ тронѣ съ драгоценною ладимою на головѣ, переданною имъ древними царями Ацтековъ. Въ другое время подобно заоблачнымъ героямъ, которыхъ Оссианъ, подъ звуки арфы, выводитъ на гору Кроны или изъ долины Морвена, эти два государя—рыцари являются взорамъ изъ туманной атмосферы, изъ окровавленной своей гробницы, призывая на тѣни Фердинанда Кортеса и его спутниковъ всѣ небесные громы, всѣ кары своихъ отцовъ Ацтековъ за двойное убійство, совершенное въ ихъ лицѣ.

Размышляя объ этомъ событіи, путешественникъ спрашиваетъ: не заслуживалъ ли Кортесъ жребія, одинаковаго съ товарищами своими Альмагро и Пизарро, которые, нѣсколько позже (1521), безжалостно удавивши въ Перу Инку Атагуальпу оба сгибли въ междоусобной войнѣ—почти прямою слѣдствіемъ ихъ варварскаго убійства?

XXX.

Возвращеніе въ Европу.

Величественное судно.—Несчастіе на морѣ;—удивительная скорость.—
 Опасности, неразлучныя со стимеромъ.—Братъ Іонатанъ, слишкомъ
 торопливый.—Морскія чудовища, пѣсни моряковъ.—Плваніе въ откры-
 томъ морѣ.—Отличная побѣда.—Встрѣча съ Icebergs.—Крайнія предосто-
 рожности.—Торжественныя маневры.—Хорошая выручка.—Пакетботъ
 президентъ.—Уничтоженіе на вѣки.—Глава кухни.—Элегія.—Видъ
 Европейской земли.—Печальный взглядъ назадъ.

Если что можно развлечь на минуту печаль, которой я
 былъ преданъ, имѣя много причинъ сожалѣть о Ньюйоркѣ,
 такъ эта была мысль, что я ступаю на бортъ великолѣпнѣй-
 шаго корабля, когда либо предававшася волнамъ океана. То
 была Азія, самый быстрый ходокъ и самый новый парохоль
 изъ знаменитаго англійскаго флота, называемаго Кюнеръ. Съ
 перваго стоянія въ Ньюйоркскомъ портѣ американцы привѣт-
 ствовали его титуломъ царицы океана. Пока спускались въ
 заливъ Ньюйоркскій, мы не переставали гремѣть выстрѣлами
 изъ пушекъ, въ отвѣтъ на шумное пожеланіе добраго пути,
 которое доходило къ намъ изъ жерлъ стимеровъ и фортовъ
 проходимыхъ нами.

Я не однажды замѣчалъ, что наружный видъ пассажировъ
 значительно измѣняется, по выходѣ изъ порта корабля, который
 долженъ перевезти ихъ на другую сторону атлантическаго
 океана. Съ минуты, въ которую поднимаютъ якорь, до той минуты,
 въ которую судно выходитъ въ открытое море, всѣ мужчины,
 женщины и дѣти, судя по наружности, находятся на верху
 благополучія; они рады до безумія, кромѣ развѣ немногихъ
 чувствительныхъ особъ, удрученныхъ истинною скорбію при
 мысли, что, можетъ быть, ужъ никогда не увидятъ они друзей,
 съ которыми разстаются.

Кромѣ этихъ избранныхъ душъ, всѣхъ другихъ пассажировъ
 можно, кажется, раздѣлить на три особенныя категоріи: первые

уже знакомые съ опасностями океана и, сверхъ того, съ сердцемъ стоически равнодушнымъ къ печалямъ и другимъ жизненнымъ неудобствамъ; однимъ словомъ, на морѣ, на сушѣ они смотрять на свѣтъ такъ «каковъ онъ есть». Другіе въ нравственномъ смыслѣ раздѣляютъ здравую философію первыхъ, но съ физической стороны еще не привыкли къ неудобствамъ морскихъ поѣздовъ, они *надѣются* только, что не будутъ больны во время переѣзда. Третьи убѣждены, что немедленно постигнетъ ихъ страшная болѣзнь; принужденная веселость ихъ походить на то ненатуральное оживленіе, какое производятъ излишнее употребленіе горячихъ напитковъ въ людяхъ, непривыкшихъ къ нимъ.

Только очутились мы въ открытомъ морѣ, эта третья категория совершенно была уничтожена боковою качкою Азіи; съ перваго ужина (мы оставили Ньюйоркъ около полудня) мѣста за столомъ, выбранныя ими, оказались пусты. Ряды вторыхъ огромно были неполны, пока не прошло двое сутокъ; каждый могъ увѣриться въ этомъ, смотря на двѣнадцать большихъ столовъ въ нашей роскошной залѣ.

Почти между всѣми вояжерами заатлантическихъ пакетботовъ существуетъ странный предрасудокъ, что лучшее противоядіе, самое дѣйствительное лекарство противъ морской болѣзни, есть жареный поросенокъ, или густой, тяжелый бульонъ изъ овсяной муки, подслащенной патокою. Дѣти гораздо отважнѣе взрослыхъ борются съ морскою болѣзью и противятся ей лучше, смотря по тому, что возрастъ ихъ нѣжнѣе; вѣроятно, дѣтская разсѣянность не позволяетъ имъ слишкомъ предаваться страху.

Только высадили штурма на его шлюбку, на широтѣ маяка Sandy Hook въ крайнемъ пунктѣ залива, Азія быстро понеслась по глубокому атлантическому океану, и неизмѣнила она скорости первоначальнаго своего хода до той минуты, въ которую представился нашему взору первый европейскій материкъ въ западныхъ водахъ Ирландіи. Картина эта съ прекраснаго судна, буквально летящаго по поверхности океана, выше всякихъ описаній. Кромѣ двухъ или трехъ пасмурныхъ дней, вѣтеръ постоянно дулъ намъ въ спину, что позволило матросамъ поднять всѣ паруса.

Если желаешь не нарушать подобныхъ удовольствій, рѣши-

тельно надобно удалить изъ головы всякую мысль о важныхъ опасностяхъ, которымъ можно подвергнуться на пароходѣ. Вы никогда не подвергаетесь опасности отъ взрыва пароваго котла на кораблѣ Кювертъ, потому, что главный машинистъ строго обязанъ ограничиваться означеннымъ количествомъ паровъ; онъ подвергается наказанію, если по его неосмотрительности стрѣлка его кадрана перейдетъ предписанную цифру. Излишне замѣчать здѣсь, что ни англичане, ни американцы не употребляютъ машинъ высокаго давленія ни на Атлантическомъ, ни на Тихомъ Океанѣ; одинъ часъ боковой качки, при посредственномомъ волненіи моря можетъ разстроить его во всѣхъ частяхъ. Наибольшая опасность состоитъ въ двухъ случаяхъ: въ самовозгораніи каменнаго угля, которымъ запасаются въ дорогу (Азія взяла его 900 тоннъ), или въ воспламененіи нѣкоторыхъ деревянныхъ частей машины. Сколько разъ я пытался стоять на огромной обшивкѣ двойнымъ желѣзомъ, покрывавшей палубу, вокругъ широкой печи, напрасно; она была горяча и ноги не выносили жара.

Во время тропическихъ путешествій часто встрѣтишь кита, акулу, трупцы морскихъ свинокъ или толпы дельфиновъ. Китъ обыкновенно показывается съ правой и лѣвой стороны корабля, бросая вверхъ высокіе столбы морской воды. Онъ неопасенъ, если не нападаютъ на него, особенно съ багромъ. Хотя мы подбивали однажды огромнаго кита тремя залпами изъ ружей, но левіоантъ, казалось, нисколько не былъ встревоженъ ударами нашего убійственнаго свинца; толстая, жесткая его кожа нисколько не пострадала. По кротости, его въ нѣкоторомъ отношеніи можно сравнить съ слономъ, хотя китъ и не имѣетъ инстинкта этого животнаго.

Акулу, напротивъ, по звѣрству характера, можно сравнить съ пятнистою малабарскою гіенною. Однажды, во время перѣзда чрезъ Атлантическій океанъ, на парусномъ суднѣ, прожорливая акула гвалась за нами трое сутокъ, выжидая, какъ говорили, что за бортъ выбросятъ покойника; правда, у насъ одинъ заболѣлъ горячкою, но остался живъ. Акулу почти невозможно убить изъ ружья, или багромъ; она плаваетъ чрезвычайно проворно; ловятъ ее, хотя съ большимъ трудомъ, навязывая большой кусокъ поросенка на крѣпкій и толстый крючекъ, на прочной желѣзной цѣпи.

Морскія свинки еще смиренѣе китовъ. Правда, и моряки рѣдко нападаютъ на нихъ, потому что сухой остовъ рыбы для нихъ совершенно бесполезенъ. Путешественники, по-крайней-мѣрѣ, обязаны свинкамъ многими развлечениями въ однообразной своей скукѣ. Только напр. на палубѣ раздадутся звуки инструмента, въ особенности флейты, тотчасъ на поверхности воды показываются морскія свинки. Во мгновеніе цѣлая дюжина выставитъ свои черноватыя головы, величиной съ голову нашей домашней свиньи, и потомъ всѣ наперерывъ стремятся къ судну. Но онѣ держатся въ почтительномъ разстояніи хотя и плывутъ рядомъ съ судномъ и не оставятъ его часа три.

Дельфинъ, красивая рыба, величиною не больше рослой семги. Если вытащатъ его съѣтами, пока онъ живъ, то на его чешуѣ волнуются всѣ отливы радуги. Очень любопытное оптическое явленіе, потому что радужные цвѣты измѣняются при этомъ каждую секунду. Такъ какъ мясо этой рыбы иногда бываетъ напитано какою нибудь другою рыбою, ядовитою для человѣка, то повара кладутъ въ кастрюлю съ дельфиномъ серебряную ложку; если она не почернѣетъ, то пассажиры не подвергаются ни малѣйшей опасности. Мясо дельфиновъ очень вкусно. Впрочемъ, все сказанное относится къ дельфинамъ, знающимъ моряковъ. Зоологія насчитываетъ много породъ этихъ рыбъ.

Сидя на ютѣ, вы прислушиваетесь къ рѣзкимъ порывамъ вѣтра, дующаго въ снасти, или къ страшнымъ ударамъ водяныхъ горъ, другъ перелъ другомъ потрясающимъ всю массу вашего корабля; въ эти минуты долетаетъ до вашего слуха болѣе трогательная гармонія, нежели симфонія какого нибудь маэстро. Это пѣснь матросовъ, мѣрная, раздающаяся днемъ и ночью, при всякой новой работѣ надъ канатами, парусами, реями; если замолкнетъ эта пѣснь, вѣрно, грозитъ вамъ бѣда. Заунывная, мелодическая пѣснь экипажа Азіи имѣла для меня особенную прелесть. На этомъ прекрасномъ кораблѣ насъ съ офицерами было 130 человекъ; и всѣ одинаково восхищались пѣніемъ матросовъ, но въ особенности мнѣ понравились двѣ пѣсни, которыя и помѣщаю здѣсь.

Вздохъ матроса.

«Холодный свѣтъ луны посеребрилъ безбрежное море; огонь съ корабля, носимаго вѣтромъ, переливается въ пѣнистыхъ волнахъ. Въ какую страну ни бросить меня вѣтеръ, возлюбленная, душа моя стремится къ тебѣ и къ моему отечеству.

«Когда грозныя бури скопляются надъ бурнымъ океаномъ; когда ночь сойдетъ на бездну и вѣтры гиганта Эола забушуютъ и закачаютъ море съ ужаснымъ ревомъ, я думаю о счастьи, которымъ наслаждался бы въ этотъ мрачный часъ, у тебя, въ твоей родной хижинѣ.

«Когда заснетъ успокоившійся вѣтеръ, волны перестанутъ кипѣть въ нѣдрахъ океана; когда вечернее свѣтло, оплакивая угасающій день, зажжетъ на югѣ святую лампаду, я въ покоѣ; мысль моя несется къ протекшимъ днямъ и я вздыхаю о томъ, что тебя нѣтъ.

«Дуйте сильнѣе, дуйте вѣтры, привѣтствую васъ! несите насъ по утомленнымъ морямъ къ синѣющимъ холмамъ Каледоніи! и пусть они встанутъ предъ нашими усталыми глазами.... Вонъ, уже роща моихъ отцовъ блеститъ въ своемъ лѣтнемъ уборѣ! вотъ и хижина подъ тѣнью явора, и ты, о жизнь моя!... о моя возлюбленная!»

Слѣдующая баллада—мастерское произведеніе народнаго поэта Томаса Кемпбеля.

Призваніе моряка.

«Моряки Англіи! Вы, охраняющіе нашихъ любезныхъ матерей, вы, чей флагъ десять вѣковъ презиралъ битвы и вѣтры! Вы-вѣсьте опять ваше знамя, чтобы уничтожить новаго врага! бороздите бездну, когда бури сорвутся съ цѣпей, когда битва закипитъ съ двойнымъ неистовствомъ!

«Души вашихъ отцовъ выпрыгнуть изъ каждой волны; палуба была ихъ полемъ славы, океанъ гробомъ; ваши сердца запы-

лаютъ тамъ, гдѣ пали Блекъ и могучій Нельсонъ; а вы бороздите бездну среди разъяренныхъ бурь и пусть битва кипитъ двойнымъ бѣшенствомъ.

«Англія для защиты своей не имѣетъ надобности ни въ земляныхъ валахъ, ни въ огромныхъ башняхъ; она ходитъ по неизмѣримымъ волнамъ, домъ у ней на верху бездны. Громами своего роднаго дуба она смиряетъ гордость волнъ, когда ревуть они на берегу, среди раскованныхъ бурь, и когда броженіе ихъ вдвое неистово.

«Полобно пламенному метеору, флагъ Англіи возблеститъ свѣтомъ ужаса; отъ него разсѣется мракъ ночи и снова явится свѣтило міра. Тогда, войны океана, мы запоемъ пѣсни и устроимъ пиръ; тогда буря перестанетъ срываться съ цѣпей и кровавое сраженіе не удвоитъ уже своего бѣшенства.»

На четвертый день послѣ отъѣзда изъ НьюЙорка нашъ капитанъ открылъ на югѣ темную точку, далеко на горизонтѣ, такъ далеко, что глазъ и въ телескопъ не различалъ сначала, былъ ли то пароходъ или корабль на парусахъ, даже не разглядѣли его курса. При чудной скорости нашего бѣга мы скоро, впрочемъ, разгадали явленіе. То былъ американскій стимеръ «Гумбольдтъ» отправившійся изъ НьюЙорка сутками раньше «Азии» въ Гавръ. Прошло не больше трехъ часовъ, какъ мы его замѣтили и уже поравнялись съ нимъ, хотя не на столько, чтобы можно было переговариваться. Замѣтно было, что онъ употреблялъ всѣ усилія удержать первенство надъ нами и распустилъ всѣ паруса.

Но когда очевидно стало всякому, что старанія американскаго судна остались бесполезными, нашъ ловкій Палинуръ велѣлъ произвести три пушечные выстрѣла, какъ бы салютные, только не въ томъ смыслѣ; живое движеніе въ этомъ обстоятельствѣ показало, что капитанъ употребилъ громъ артиллеріи въ изъясненіе внутренняго торжества, какъ пѣснь побѣды. Во все время интереснаго путешествія по открытому морю, океанъ порядочно колебался, однако погода стояла прекрасная. Съ наступленіемъ ночи, присматриваясь вдаль, я едва могъ различить огни на Гумбольдтѣ, подобные самымъ мевзгмъ звѣздамъ, искрящимся на противоположномъ небосклонѣ, а утромъ онъ совершенно исчезъ изъ глазъ нашихъ.

Но вотъ, чѣмъ этотъ вояжъ на благородной «Азія» остался вѣчно въ моей памяти—встрѣчею множества Icebergs или ледяныхъ скалъ, —рѣдкая, счастливая встрѣча. Иные моряки переплывали пятьдесятъ разъ Атлантическій океанъ не вида ихъ, я видѣлъ льды только въ четвертый поѣздъ. Вѣроятно здѣсь нѣтъ надобности пояснять, что эти хрустальныя скалы суть массивныя глыбы, оторвавшіяся отъ ледянаго свода, вѣнчающаго ледовитый полюсъ. Капитанъ задолго еще, не видя ихъ, узналъ, что мы приближаемся къ нимъ, хотя время стояло лѣтнее; но и температура воды и температура воздуха понижались постепенно, такъ что мы должны были надѣть пальто.

Айсберги имѣли различную форму. Одинъ виднѣнный мною походилъ на двѣ огромныя пирамиды, наставленныя въ основаніяхъ; другой, покрытый снѣгомъ, казался толстою верхушкою, срубленною съ известковаго утеса; третій напоминалъ высокія башни съ зубцами, какъ древніе строили ихъ въ углахъ своихъ укрѣпленій; лучи солнца по временамъ призматически отражались на этихъ феноменальныхъ массахъ; эффектъ былъ чудный.

Иные Айсберги, по славамъ капитана, возвышались на 80 футовъ надъ уровнемъ океана; слѣдов. полная высота ихъ была 340 футовъ; потому что всегда двѣ трети ледяной горы находятся надъ водою. Встрѣчаются онѣ никакъ не далѣе на В. широтѣ Терранева, потому что, вышедши изъ ледовитаго пояса, она слѣдуетъ теченію, вѣроятно, возвратному гильфштрема, направляющагося отъ сѣвера къ юго-западу, такъ что многія изъ этихъ ледяныхъ скалъ достигаютъ до острововъ Багамскихъ. — Исчезаютъ они очень странно: когда растаетъ часть подверженная атмосферному вліянію, то подводная часть опускается на дно океана. Нормальная скорость теченія береговъ двѣ мили въ часъ. Не безъ основанія моряки, самыя опытные, боятся приближенія ихъ; какъ бы ни велико было судно, но при встрѣчѣ съ ними должно разлетѣться въ дребезги, какъ бы налетѣло на настоящую скалу.

И мы, пока не переплыли широты, принадлежавшей такимъ опаснымъ сосѣдямъ, испугались; всѣ должностные люди на «Азія» были чрезвычайно бдительны. На кормѣ и на носу

постоянно сторожили четыре матроса и двое на самомъ верху фокъ-мачты.

Всякій разъ, какъ тотъ или другой изъ этихъ наблюдателей замѣчалъ новую льдину, онъ кричалъ хриплымъ и заунывнымъ голосомъ: Исебергъ, сирь! Эти слова дежурный офицеръ передавалъ лейтенанту, который безпрестанно смотрѣлъ на компасъ; а этотъ, обратившись къ штурманамъ, командовалъ: вправо! влево! смотря по отношенію къ намъ ледяной массы. Самъ капитанъ, стоя на большомъ табуретѣ, постоянно обращалъ телескопъ во всѣ стороны горизонта.

Каждый изъ насъ, ложась въ одиннадцать часовъ вечера на свою койку, натурально, занятъ былъ близостью этихъ гостей; въ самомъ дѣлѣ, при всѣхъ мѣрахъ зоркой бдительности можно было внезапно подвергнуться столкновенію; ночь темная, льдины по цвѣту такъ походили на цвѣтъ морской воды, что даже и вблизи трудно было разглядѣть ихъ. Потому каждый, утромъ просыпаясь, задавалъ первый вопросъ стеварду призванному въ каюту: Невидно ли исеберговъ? Отвѣтъ: «будьте покойны, сирь; капитанъ знаетъ, что ихъ больше не будетъ» распространялъ всеобщее удовольствіе; любопытство наше, какъ туристовъ, давно уже было удовлетворено. Въ самомъ дѣлѣ, вышедши на палубу, я и самъ почувствовалъ, что уже невозможно носить на спинѣ канадскій казакіякъ (плащъ).

Интересно было смотрѣть на удивленіе нашихъ пассажировъ, американцевъ, посѣщавшихъ старушку Европу въ первый разъ, въ минуту, когда они слышали на западѣ отъ Ирландіи: земля! земля! до минуты, въ которую мы вошли въ устье рѣки Мерги, на берегу которой, какъ извѣстно, стоитъ Ливерпуль. Ихъ волновали чувства, которыя трудно описать. Погода стояла чудная и наши заморскіе друзья являли прекрасный случай видѣть значительную часть Ирландіи, къ которой мы ѣхали довольно близко, отъ входа въ портъ Коркъ до Вексфорда, и дальше, и самые живописные пункты Валлиса.

Когда я вырвался съ блестящаго судна Азіи, я чувствовалъ сердце мое невольно сжималось при мысли, что городъ, по землѣ котораго я шелъ къ гостиницѣ, обширный торговый городъ, былъ тоже Ньюйоркъ, только англійскій. Печальныя мысли тотчасъ обратили меня къ царственному городу, который

я оставил двѣнадцать дней назаль. А что раздѣляло ихъ? Атлантическій океанъ! Какъ бы хотѣлось, чтобы все это была только мечта! чтобы всѣ эти дома, которые я прохожу, направо и налево, были Ньюйоркскіе и американскіе, а не Ливерпульскіе—англійскіе!...

Но для чего увлекаться къ прошедшимъ сенамъ! Пусть вѣтеръ воетъ, пусть волна ропщеть! Возвратитесь, придите мои печальныя мысли!...

КОНЕЦЪ.

НЫНѢШНЯЯ ЛЮБОВЬ.

— Солнце почти уже скрылось за этой группой лиственниц; черезъ нѣсколько минутъ наступитъ ночь, а намъ нужно проѣхать слишкомъ четыре мили. Если мы будемъ ѣхать также тихо, любезный Делорье, такъ, мнѣ кажется, никогда не приѣдемъ.

Слова эти произнесены были молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати шести — семи, ѣхавшимъ на прекрасной, статной лошади. Спутникъ его, которому, судя по наружности, было лѣтъ подлѣ сорокъ, не очень-то убѣдился рѣчью своего товарища и спокойно выслушавъ его, потянулъ поводья своей тощей лошадки и она пошла еще таше.

— Нѣтъ, прежде всего, позволь спросить тебя, любезный Сенешаль, сказалъ онъ медленно, разкуривая погасшую сигару, — въ которомъ часу нынче утромъ пустились мы въ дорогу?

— Въ семь часовъ.

— А сколько теперь?

— Половина пятого, отвѣчалъ Сенешаль, посмотрѣвъ на свои изящные брегетовскіе часы.

— Въ которомъ часу мы нынче отдыхали?

— Въ двѣнадцатомъ.

— А долго ли?

— Такъ, минутъ пятьдесятъ, не больше.

— Что жъ послѣ этого и говорить? съ нѣкоторымъ торжествомъ прибавилъ Делорье. — Предоставляю тебѣ полную свободу, какъ лучшему ученику Боше, трясись на своемъ конѣ съ

утра до ночи, а меня прошу отъ этого уволить. Я, любезный, въ жизни моей, разѣзжалъ только на деревянныхъ лошадакахъ въ С-клюдскомъ паркѣ, и то еще въ дѣтствѣ, и не краснѣя могу признаться, что у меня отъ верховой ѣзды отломало бока и тряска на сѣдлѣ сдѣлалась рѣшительно мученіемъ, не знаю за какіе только грѣхи.

— Ну если рысь тебя беспокоитъ, поскачемъ въ галопъ.

— Нѣтъ, спасибо, у меня и такъ чуть душа держится въ тѣлѣ.

— Однакожъ, любезный, не почевать же намъ, въ самомъ дѣлѣ въ полѣ.

— Почевать въ полѣ? Что-ты, что-ты! возразилъ Делорье, бросивъ поводъ и принявшись дышать на охолодѣвшіе свои пальцы. Ночью будетъ порядочный морозъ, суля по вѣтру, которѣй рѣжетъ меня словно ножами... Не, стой; видишь ли ты тамъ, на поворотѣ дороги, что-то чернѣется?.. Это, должно быть, деревушка. Миѣ кажется, я даже различаю трубы.

— Да, точно селеніе.

— Привлекательное зрѣлище дымящихся трубъ свидѣлствуетъ что мы вступаемъ въ просвѣщенную страну. Простодушные обитатели мирныхъ кущей, должно быть, занимаются приготовленіемъ себѣ пищи для вечерней трапезы и, миѣ кажется даже, что сладостное испареніе горячихъ щей уже достигло голоднаго обонянія.

— Перестань молоть вздоръ, и вспомни, что въ Мартиньерѣ ждешь насъ отличный, тонкій ужинъ...

— Ахъ, другъ любезный, вѣдь всѣ эти куропатки съ трюфелями давно утратили для меня свою прелесть, да притомъ же еще за вами нужно тащиться Богъ знаетъ какую даль, между тѣмъ какъ здѣсь, что называется — полѣ самымъ посомъ, худо ли, хорошо ли, все-таки можно поужинать.

— Послушай, Делорье, ты шутишь?

— Какія тутъ шутки, на морозѣ, да еще въ чистомъ полѣ!

— Да ты, кажется, хочешь ужинать въ этой деревушкѣ?

— Нетолько ужинать, во и почевать, почтеннѣйшій.

— Вздоръ, вздоръ, почти съ сердцемъ сказалъ Сенешаль — ты не сдѣлаешь этой глупости!.. Вспомни, что вѣдь насъ ждуть нынче вечеромъ въ Мартиньерѣ, и потому даю тебѣ слово, что въ случаѣ нужды посажу тебя на крупъ, силой заставлю

ѣхать и часа черезъ два мы совершаемъ торжественное вступленіе въ эти милыя мѣста... Ты подумай только, что будетъ чувствовать Жюльета, если мы не пріѣдемъ въ назначенное время!..

Делорье улыбнулся и недовѣрчиво тряхнулъ головой.

— Ты не шутишь говоришь это? позволю спросить въ свою очередь?

— А ты, неужели сомнѣваешься?.. спросилъ молодой человекъ, повидимому оскорбленный и удивленный этимъ вопросомъ.

— Удивительно, неувѣрочно, какой ты еще ребенокъ и въ эти лѣта! спокойно сказалъ Делорье. Что ты тугъ рассказываешь о смертельномъ безпокойствѣ и о прочемъ? Къ чему эти преувеличенія? хочешь ли звать чѣмъ дѣло кончится въ Мортиньерѣ? насъ подождутъ, подождутъ, да и перестанутъ. Сядутъ, благословясь, за столъ и поужинаютъ себѣ преисправнымъ образомъ. Впрочемъ, при этомъ легко можетъ быть, что вспомнятъ и насъ; вотъ хоть этими словами. — Странно, въ самомъ дѣлѣ, что эти господа не ѣдутъ! — часовъ въ девять прекрасная невѣста твоя запретъ свое фортепіано и отправится въ свою комнату, сказавъ: — Вѣрно Гастона нечего ждать раньше завтрашняго утра! А что мнѣ надѣтъ?.. зеленое или голубое платье? Вотъ именно состояніе, которое ты, бѣдный пріятель, называешь: испытывать ощущенія смертельнаго безпокойства.

— Ты кощувствуешь, Делорье; но я на тебя не могу сердиться, потому-что ты еще не знаешь этого кроткаго ангела, съ которымъ я надняхъ сочетаю свою судьбу. По праву старинной, искренней дружбы нашей, прошу тебя быть моимъ шаферомъ, потому что мнѣ очень хочется примарить тебя съ этимъ поломъ, о которомъ, не знаю почему, ты судишь слишкомъ строго и несправедливо. Ты увидишь мою Жюльету, и я ручаюсь напередъ, что это чистое, кроткое созданіе самыми сильными и убѣдительными доводами защититъ передъ тобою своихъ оклеветанныхъ сестеръ.

— Амины! сказалъ скептикъ Делорье тоненькимъ, пискливымъ голоскомъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, путешественники наши поровнялись съ первыми домами селенія. Пройдя нѣсколько шаговъ,

лошади остановились сами собою. Делорье поднялъ голову и глаза его встрѣтились съ надписью, заставившей его улыбнуться. На бѣломъ фасадѣ дома огромными буквами намалевано было слѣдующее:

НОВЫЙ РОХЪ ИЗЪ ОБИЛІЯ.

Ночуютъ пѣшкомъ и верхомъ.

— Любезный Гастонъ, сказалъ Делорье, сойдя съ лошади и стучась въ дверь ручкой хлыстика, — предупреждаю тебя, что дальше я не ѣду.

Я въ трактиръ сей постучусь, —
Отдохну и подкрѣплюсь.

Какъ говорится въ какой-то старинной оперѣ.

— Какъ тебѣ угодно, отвѣчалъ молодой человекъ — угощайся черствымъ хлѣбомъ, ржавымъ саломъ, ложись на грязную и мокрую постель... А я — слуга покорный!.. Дамъ немного овса моему коню, да и — въ путь.

Трактирная дверь открылась; и наши друзья, отдавъ лошадей своихъ мальчику, вошли и сѣли въ кухнѣ, противъ каминна, въ которомъ весело трещали дубовые сучки.

Для измученныхъ, усталыхъ путешественниковъ, пробывшихъ въ дорогѣ пѣлый день—еще декабрьскій день—трактирная кухня показалась очень пріятнымъ пріютомъ для отдыха. Мѣдныя, ярко вычищенныя кострюли горѣли какъ золото, при свѣтѣ каминнаго пламени. На полкѣ, застланной бѣлоснѣжной салфеткой, стройно красовалась старательно вымытая и выскобленная глиняная посуда. На очагѣ съ пріятнымъ шипѣніемъ варились и жарились разныя кушанья и распространяли запахъ сладко шекотавшій обоняніе и пара жареныхъ пулярокъ торчала на вертелѣ, который тихо вѣрочался, издавая серебристый звукъ, чрезвычайно пріятный для слуха, вопреки старинной пословицѣ — что у голоднаго брюха нѣтъ слуха. Тутъ же, на лавкѣ, съ тихимъ воркотаньемъ спалъ бѣлый котъ. Собака, вытащивъ лапы и положивъ на нихъ морду, также спала передъ огнемъ, между тѣмъ какъ въ теплой

залъ трещали сверчки, воспѣвавшіе любовь и тому подобныя глупости.

— Дайте мнѣ поужинать и приготовьте постель, сказалъ Делорье свѣжей, румяной крестьянкѣ, которая подошла къ нему съ низкими поклонами.

— Сей-часъ, сударь.

— Вы, должно быть, хозяйка новаго рога?

— Да, сударь, съ нѣкоторой гордостью отвѣчала крестьянка.

— Ну, сударыня, такъ вы слышали; я умираю съ голоду и съ усталости, и потому прошу васъ поторопиться.

— А вы, сударь, спросила трактирщица Гастона: — развѣ кушать не будете? Съ пустымъ желудкомъ спать негодится. Это не хорошо для *тѣлосложенія*, какъ говорятъ намъ деревенскій докторъ, г. Мелѣ.

— Я ѣду черезъ пять минутъ, сухо отвѣчалъ Сенешаль: — меня ждуть въ Мартиньерѣ.

— Въ Мартиньерѣ! повторила крестьянка, — но вы туда нынче не попадете.

— А — я такъ увѣренъ, что буду тамъ черезъ полтора часа.

— Въ другое время, конечно можетъ быть и пріѣхали бы, только теперь-то нельзя. Вы, должно быть, не изъ здѣшнихъ мѣстъ.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ и немудрено что не знаете... Надобно вамъ сказать, что отъ сильныхъ дождей, на рѣкѣ теперь сдѣлалось половодье, и такъ, какъ найти бродъ даже изъ здѣшнихъ не всякій сѣумѣетъ, такъ вы непременно утопите лошадь и сами захлебнетесь... Спросите у ослатника Лангевена, который сей-часъ только оттуда воротился, потому что нельзя переправиться; онъ будетъ здѣсь ночевать и поѣдетъ завтра. Правду ли я говорю, Лангевенъ?

— Частѣйшую истину, отвѣчалъ мужикъ, свидѣній за столомъ передъ блюдомъ съ кускомъ говядины и сыру. — Теперь развѣ только дуракъ поѣдетъ искать броду, въ такую темнеть.

— Чортъ побори вашу рѣку! съ досадою сказалъ Гастонъ... Да неужели здѣсь нѣтъ никакого моста?..

— Какъ не быть-съ! мостъ есть, да еще не простой, а проволочный...

— Такъ бы и сказали! Далеко онъ отсюда?

— Да миль восемь слишкомъ, а можетъ быть и весь десятокъ наберется.

Сенешаль гнѣвно топнулъ ногой и проворчалъ какое-то ругательство.

— Ну, такъ отведите намъ двѣ комнаты и подайте ужинъ на двоихъ, крикнулъ онъ съ досадой.

Потомъ, доставъ записную книжку, онъ на первой бѣлой страницѣ, красивымъ почеркомъ написалъ:

Моей Жульетъ.

Сонетъ.

Между тѣмъ Делорье заснулъ и храпѣиемъ своимъ втривилъ бѣлому коту. Однакожь черезъ полчаса онъ проснулся и вскочилъ.

— А что же ужинъ? спросилъ онъ потягиваясь.

— Готовъ; пожалуйста, отвѣчала трактирщица.

Сенешаль поспѣшно закрылъ книжку и опустилъ въ карманъ пальто.

— Что ты это тамъ маралъ? спросилъ его Делорье.

— Я? Такъ; ничего, отвѣчалъ Гастонъ, — сложеніе дѣлалъ.

— А мнѣ сдается, это не сложеніе, а стихи... впрочемъ очень умно дѣлаешь, что запираешься и прячешь ихъ, потому что всѣ твои стихи, которые ты до сихъ поръ написалъ — ни къ чорту не годятся.

Ослятникъ отправился къ своимъ осламъ, и по столу, за которымъ онъ до того сидѣлъ, распростерлась скатерть самой неукоризненной бѣлизны. Соусы и пуларки благоухали на фарфоровыхъ блюдахъ, расписанныхъ невѣдомыми цвѣтами и невозможными птицами.

— Хозяюшка сказала Делорье трактирщицѣ, придвигая къ себѣ какой-то соусъ... Мнѣ на моемъ вѣку случалось слышать самые знаменитые, великолѣпные и прославленные голоса, но даю вамъ честное слово дилетанта, что никакая въ свѣтѣ музыка не можетъ сравниться съ вашимъ голосомъ, въ

ту минуту, когда вы сказали эту простую фразу:—ужинъ готовъ.

Крестьянка принялась церемонно раскланиваться.

Что же касается до Гастона, такъ онъ не открывалъ рта и ни къ чему не прикасался.

— Вашъ знакомый вѣрно болѣвъ? спросила трактирщица.

— Увы!—онъ влюбленъ, комическимъ тономъ отвѣчалъ Делорье.

— И это отнимаетъ у нихъ аппетитъ?.. Надо полагать, что любовь не шуточная—съ... А вотъ вы, такъ кажется совсѣмъ не влюблены, сударь?

— И горжусь этимъ, торжественно сказалъ Делорье, въ третій разъ накладывая себѣ соусу.

— Ахъ, да! сказалъ онъ, утоливъ немного свой голодъ,—объясните мнѣ пожалуста: что означаетъ ваша вывѣска?

— Чего изволите?

— Для чего это у васъ надъ дверьми написано: *Новый рохъ изъ Обилія*? Что здѣсь у васъ разумѣется подъ именемъ Обилія?

— Да это очень просто, отвѣчала крестьянка, удивленная что такой баринъ не въ состояніи понять совершенно обыкновенныхъ вещей. Здѣсь, на другомъ концѣ селенія, именно на дорогѣ, которая ведетъ въ Мартиньеръ, есть еще трактиръ подъ вывѣской *Рохъ изъ Обилія*, понимаете? Намъ это слово понравилось, и когда мы съ мужемъ открыли это заведеніе, то также назвали его *Рогомъ изъ Обилія*; хозяинъ перваго *Рога*, въ отличіе отъ насъ прибавилъ *старый Рохъ изъ Обилія*. Мы съ мужемъ подумали, подумали, да и велѣли привисать къ себѣ: *Новый—Рохъ изъ Обилія*. Теперь поняли?

— Какъ нельзя лучше! отвѣчалъ Делорье... Удивляюсь, какъ мнѣ раньше этого въ голову не пришло, а оно ясно какъ дважды два-четыре.

Болтая такимъ образомъ, онъ снова принялся ухаживать за цулардкой, съ наслажденіемъ разнимая ее на части.

— Ты, кажется, ужъ порядочно покушалъ и выпилъ, сказалъ Гастонъ, послѣ долгаго молчанія. Не пора ли намъ спать?

— Чтожъ?—можно, другъ любезный, я уже порядочно нагружился, такъ что теперь смѣло могу дожидаться завтрака.

Хозяйка *Новаго рога* взяла свѣчу и проводила двохъ друзей въ комнату, въ которой стояло двѣ постели, украшенныя балдахинами съ ситцевыми занавѣсками, испещренными фигурами купидоновъ и пастушковъ.

— Покойной ночи, другъ—Гастонъ! сказалъ Делорье, укладываясь на мягкую, теплую перину, охватившую его своими душевными объятіями.

— Пріятнаго сна!

— А ты, развѣ не ляжешь?

— Нѣтъ!

— Гемъ! произнесъ Делорье. — Должно быть, опять примешься дѣлать сложеніе.

— Именно сложеніе.

— Ну, какъ хочешь, любезный. Только не забывай, пожалуйста, этого стиха:

Бѣда воль пироги печи вачнетъ сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ.

Наставительно прибавилъ Делорье.

Сенешаль снова досталъ свою книжку и на второй чистой страницѣ еще разъ написалъ:

Моей Жульетъ.
Сонетъ.

Послѣ долгаго умственнаго напряженія, Гастонъ успѣлъ придумать слѣдующіе три стиха:

Муки Танталовы! что вы въ сравненіи
Съ тѣмъ, что мою переполнило грудь!
Съ этимъ мучительнымъ адскимъ томленіемъ—...

Но, несмотря на весь огонь и пламень обуревавшей его любви и природную склонность къ поэзіи, онъ на этотъ разъ ничего болѣе придумать не могъ и съ досадой погасилъ свѣчу, отчаявшись найти четвертый стихъ.

— Завтра, думалъ онъ,—дорогою, я кончу свой сонетъ. Странное дѣло! Я нынче не узнаю себя.. Въ первый разъ у меня упрямая мысль отказывается вылиться въ звучномъ, сильномъ стихѣ.

Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Наутро у Гастона, во всю ночь несмыкавшаго глазъ, открылась сильнѣйшая лихорадка; все тѣло его покрылось багровыми пятнами.

— Эй! хозяйка! кричалъ Делорье, ступайте сюда! скорѣе, скорѣе!

— Что такое, что случилось? спросила крестьянка, прибѣжавшая со всѣхъ ногъ. — Не пожаръ-ли?

— Нѣтъ ли у васъ тутъ доктора?

— Какъ не быть-съ.

— Только не гомеопатъ ли онъ?

— Нѣтъ, не Леопардъ, отвѣчала она, не вслушавшись, — а г. Мелье.

— Ну, такъ бѣгите сію же минуту къ этому г. Мелье и приведите сюда какъ можно скорѣе.

Черезъ четыре часа деревенскій хирургъ сидѣлъ уже у изголовья Гастоновой постели. Послѣ долгаго внимательнаго наблюденія, онъ объявилъ, что молодой человекъ — въ опасности и что у него — оспа.

— Именемъ дружбы нашей, прошу тебя, любезный Аннибалъ, сказалъ Гастонъ Делорье, когда они остались вдвоемъ. — сяди на лошадь и скачи въ Мартаньеръ. Я увѣренъ, что Жюльета въ величайшемъ отчаяніи. Она, безъ сомнѣнія, думаетъ, что я утонулъ при переправѣ черезъ рѣчку. Осуши ей слезы и успокой опечаленное семейство. Скажи имъ, что меня здѣсь удерживаетъ пустая, ничтожная болѣзнь, но только не говори имъ чѣмъ именно я болѣю, потому что, видишь ли, хоть оспа и была мнѣ привита, и можно надѣяться, что недугъ мой не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій... однако... Но, поѣзжай же и возвращайся, какъ можно скорѣе; я чувствую, что лучшій врачъ мой — ты.

Поручивъ друга своего попеченіямъ деревенскаго доктора и хозяйки Новаго рога, Делорье, забывъ вчерашнюю усталость, сѣлъ на своего буцефала и поскакалъ... О, дружба! до какихъ крайностей ты доводишь иногда людей! Онъ до того простеръ свое усердіе, что перерѣзалъ лошади все брюхо своимъ шпорами и пріѣхалъ на мѣсто, всего только разъ свалившись съ лошади и отдѣлавшись незначительной ссадиной на локтѣ и на колѣнкѣ.

Прелестное имѣніе Мартиньеръ, лежитъ въ срединѣ *** скаго департамента; въ эпоху нашего разсказа оно принадлежало нѣкоторому г. Дюравену, составлявшему нѣкогда извѣстную въ Парижѣ фирму банкирскаго дома «Дюравенъ и Комп.» Удалившійся отъ дѣлъ банкиръ, полуумный и разбитый параллелемъ, доживалъ свой вѣкъ въ деревнѣ. Жена и дочь его обыкновенно проводили зиму въ Парижѣ, въ шумномъ водоворотѣ свѣтскихъ удовольствій: баловъ, маскарадовъ, театровъ и концертовъ. Гастонъ познакомился съ Жульеттой—въ свѣтъ и страстно влюбился въ нее; не думая долго, онъ сдѣлалъ предложеніе, и такъ какъ былъ молодъ, происходилъ отъ хорошей фамиліи, былъ красивъ и обладалъ весьма порядочнымъ обезпеченнымъ состояніемъ, то г-жа Дюравенъ съ перваго раза обнаружила къ нему самое благосклонное вниманіе. Дѣло происходило въ концѣ декабря и свадьба была назначена въ первыхъ числахъ января.

На башнѣ мартиньерскаго замка пробило десять, когда Делорье, почти пригнувшійся къ сѣдальной лукѣ, вѣхалъ въ длинную аллею, ведшую къ воротамъ. Завидѣвъ лакея въ либреѣ расшитой, по всѣмъ швамъ галунами, онъ поздравилъ его къ себѣ.

— Что? г-жа Дюравенъ, или дочь ея принимаютъ?

— Барыня и барышня никогда не встаютъ раньше двѣнадцати часовъ, былъ отвѣтъ лакея.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Делорье, успѣвшій отъ тряски на сѣдлѣ до крайности проголодаться, — въ которомъ же часу у васъ подается завтракъ?

— Ровно въ часъ.

Делорье нахмурился.

— Могу ли я, по крайней мѣрѣ видѣть г. Дюравена?

Этотъ вопросъ, повидимому, своей неожиданностью—взвумилъ лакея, что отразилось въ его выпученныхъ глазахъ.

— Вамъ угодно видѣть г. Дюравена? спросилъ онъ, какъ будто не разслышавъ хорошенько.

— Да.

— Г. Дюравена, супруга барыни?

— Ну, да, да.

— Такъ не угодно ли вамъ пожаловать за мной. Странно!

ворчалъ онъ сквозь зубы, зачѣмъ ему нужно видѣться съ баринномъ! Во всякомъ случаѣ я ему не завидую.

Делорье былъ введенъ въ небольшую комнату, нагопленную до крайности. Отставной банкиръ сидѣлъ на кушеткѣ, весь закутанный въ мѣховую одежду, стучалъ зубами, распутивъ губы и прищуривъ глаза.

— Имѣю честь рекомендоваться, сказалъ гость, — Аннибалъ Делорье.

— Да затворите же двери! закричалъ Дюравенъ.

— Она заперта. Я другъ будущаго зятя вашего, Гастона Сенешала.

— Затворите, говорятъ вамъ, дверь, продолжалъ Дюравенъ, — здѣсь я безъ того ужасно холодно.

— Увѣряю васъ, сударь, что всѣ двери крѣпко заперты, сказалъ Делорье, съ котораго уже начиналъ капать потъ. Я пришелъ сообщить вамъ неприятную новость, прибавилъ онъ серьезнымъ, торжественнымъ тономъ.

— Неприятную новость, говорите вы? перебилъ его старый банкиръ.

— Къ несчастію.

— Ну, такъ берегите се для собственнаго употребленія. Я очень впечатлителенъ и стараюсь избѣгать всякихъ потрясеній, какого бы свойства они ни были... Но, Бога ради затворите дверь.. Не можетъ быть, чтобъ она была заперта... Посмотрите, какъ я стучу зубами.

Делорье отправился, отирая потъ, выступившій изъ всѣхъ его поръ.

— Чортъ возьми, думалъ онъ, славный будетъ тещюшка у Гастона; если остальные члены семейства въ этомъ же родѣ, такъ будущая жизнь его далеко непривлекательна.

Лакей, проводившій его къ Дюравену, дождался въ передней.

— Хочешь ли заработать лундоръ? спросилъ его Делорье.

— Что же прикажете сдѣлать? спросилъ лакей, вытарашивъ глаза и приготовившася слушать съ необыкновеннымъ вниманіемъ.

— Дай мнѣ скорѣе чернилъ, бумагу и перо.

Все это было принесено меньше нежели черезъ минуту.

— Вотъ тебѣ письмо, сказалъ Делорье, если черезъ пять

минуть оно будетъ доставлено г-жѣ Дюравенъ, то лундоргъ-этотъ твой. Ступай же.

Лакей исчезъ также быстро какъ на театрѣ исчезаютъ генія.

Надобно признаться, думалъ Делорье, оставшись одинъ, что здѣсь, повидимому, очень мало беспокоятся о бѣдномъ моемъ другѣ. Да, бѣдный Гастонъ! Добрая, прямая натура, нѣжное сердце, дѣвственный разумъ. Ты, вѣроятно, воображаешь, что я засталъ г-жу Дюравенъ всю въ слезахъ на колынахъ молящуюся за тебя, а дочь ея на башнѣ замка съ телескопомъ въ рукѣ, и отчаяніемъ въ сердцахъ, вперившую взоры на дорогу, откуда тебѣ должно было пріѣхать. Увы! Какое неизмѣримое разстояніе отдѣляетъ дѣйствительность отъ мечтаній! Твое кроткое, какъ ты называешь, созданіе и чувствительная матушка его покоятся на жаркихъ пуховикахъ, подъ мѣховыми одѣялами, въ то самое время, какъ ты въ грязномъ деревенскомъ трактирѣ дрожешь въ лихоражкѣ. Упалъ-ли ты съ лошади, переломалъ ли себѣ ноги, утонулъ ли въ мутныхъ волнахъ рѣки, объ этомъ здѣсь также мало заботятся, какъ слѣпой о парѣ очковъ. А эта мамзель Жульета; этотъ по твоимъ словамъ, ангелъ, которому назначено примирить меня съ демонами женскаго пола?.. Гы!.. я опасаясь умереть не разубѣдившись въ этомъ отношеніи!

Размышленія Делорье были прерваны нетерпѣливымъ звономъ многихъ колокольчиковъ, стукомъ дверей и хлопаньемъ открываемыхъ ставней.

— Все исполнено по вашему желанію, сказалъ воротившійся лакей,—и я честно заработалъ 20 франковъ. Барыня и барышня одѣваются и приказали просить васъ подождать минутку. Не угодно ли вамъ пожаловать въ залъ?

Делорье считалъ себя глубокимъ и тонкимъ наблюдателемъ; онъ думалъ, что, если правда, какъ говорятъ, что слогъ есть человѣкъ, такъ еще болѣе правда, что характеръ женщины какъ нельзя лучше опредѣляется убранствомъ ея комнаты. Онъ со всевозможнымъ вниманіемъ принялся, на этомъ основаніи, осматривать пріемную г-жи Дюравенъ; онъ питалъ убѣжденіе, что это дастъ ему точное понятіе о душевныхъ свойствахъ хозяйки и, такъ сказать, представить въ настоящемъ свѣтѣ ма-

лѣйшіе оттѣнки ея характера, можетъ быть, также и характера ея дочки.

Ясно, сказалъ онъ самъ себѣ, внимательно осмотрѣвъ мебель и убранство, что женщины эти—съ хорошими привычками и владѣютъ изящнымъ вкусомъ—онѣ бѣлокуры; въ этомъ совершенно удостовѣряетъ меня цвѣтъ обоевъ.—Онѣ прекрасны, и доказательство этому разставленные повсюду огромныя зеркала.—Только красавицы имѣютъ у себя такое множество зеркалъ. Некрасивая женщина вмѣсто ихъ наставила-бъ этажерокъ и навѣшала картинъ.

Однакожь, что это? Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ невидно ни малѣйшаго слѣда рукодѣльныхъ работъ!.. Гм! Я подозреваю, что хозяйки обѣ лѣнивицы.

А, книги!.. Посмотримъ, какимъ писателямъ онѣ отдаютъ преимущество?.. Чортъ возьми! невольно воскликнулъ Делорье, прочитавъ заглавіе пяти или шести книгъ *in-octavo*, лежащихъ на столѣ, мнѣ сдается что будущая теща наша не слишкомъ разборчива въ чтеніи.

Фортовіано... вѣроятно мамзель Жульегы?... Она, стало-быть музыкантша,—тѣмъ лучше! Чегоже она разыгрываетъ? Бетховена или Моцарта?

Делорье перелистывалъ нѣсколько тетрадей въ великолѣпныхъ переплетахъ, на которыхъ оттиснуто было Ж и Д, окруженныя фантастическими цвѣтами; въ тетрадяхъ были только кадрили, вальсы, польки и романсы.

Да кто-жь нынѣ поетъ подобныя романсы:

Ужъ бабушка заснула,
Отвори скорѣй.

Съ глубокимъ вздохомъ закрылъ онъ тетрадь и положилъ на прежнее мѣсто.

— Бѣдный другъ, бѣдный Гастонъ! прошепталъ онъ. Здѣсь не твое мѣсто!

Прошло болѣе часа, но наконецъ явилась г-жа Дюравенъ въ сопровожденіи дочери, во всемъ сіяніи нарядовъ и красоты. Матушка была еще очень хороша, не взирая на стукнувшіе уже сорокъ лѣтъ. Чегоже до Жульеты, стройной, голубоглазой, бѣлокурой дѣвушки, то, надобно признаться, ее смѣло можно

было назвать типомъ рафаслевскихъ женщинъ, еслибъ имя безсмертнаго Рафаеля не злоупотреблялось такъ часто безъ всякой надобности.

— Если не ошибаюсь, — г. Аннибалъ Делорье? съ граціознымъ поклономъ спросила его г-жа Дюравенъ.

— Я самый.

— Вы одни?

— Одинъ-съ; я оставилъ Гастона въ Морьезѣ, маленькой деревнѣ, въ трехъ миляхъ отсюда.

— Не болѣвъ ли онъ? Мы ожидали еще васъ вчера вечеромъ.

— Виновато половодье, что мы не могли явиться въ назначенный часъ и... внезапною, хоть и незначительную болѣзнь друга моего, прибавилъ онъ, устремивъ на Жюльету глубокой, испытующей взглядъ.

Дѣвушка молчала и казалась совершенно чуждою этого разговора.

— И вотъ, вы были такъ добры, что явились успокоить насъ, сказала г-жа Дюравенъ. — Вы слишкомъ внимательны... Но, позвольте спросить: завтракали вы?

— Откровенно должно сказать, что умираю съ голоду.

Г-жа Дюравенъ собственной своей замѣчательно маленькой рукой, обтянутой шведской перчаткой, подала Делорье бѣлый атласный мѣшечекъ съ благоуханными шоколадными лепешечками.

А кусочикъ холоднаго пастета все-таки пріятнѣе, думалъ Делорье.

Между тѣмъ г-жа Дюравенъ позвонила и шепнула что-то на ухо вошедшей служанкѣ, одѣтой по образцу водевильныхъ субретокъ.

— Вы изъ Парижа? Спросила г-жа Дюравенъ и не могла удержаться, чтобы не вздохнуть. Намъ нельзя было переѣхать туда на нынѣшнюю зиму; потому что здоровье бѣднаго мужа моего стало очень плохо. Сжальтесь надъ двумя бѣдными изгнанницами и скажите: что тамъ теперь дѣлается? Что говорить? чѣмъ заняты? были-ль вы на послѣднемъ балу префектуры? будетъ ли пріемъ въ Тюильри? были ли вы при открытіи италіанской оперы? Правда ли, что Рошнуаръ увезъ г-жу Нерондъ? будутъ ли нынче въ модѣ мѣха? какъ была принята

публикой новая опера Довидзети *Донъ Себастьянъ Португальскій*? читали ли вы *Нармскую Картезианку*, новую книгу Степдаля? Не придумала ли Камилла какойнибудь новой моды? Говорите же; просвѣтите насъ; вы видите, мы уже отрѣшились отъ свѣта!..

Ахъ, любезный Гастонъ! думалъ Аннибалъ, отуманенный этимъ потокомъ словъ,—если будущій тесть твой отличается краткословіемъ, такъ почтенная его половина далеко не можетъ этимъ похвалиться.

Когда поданъ былъ тонкій, изящный завтракъ, на который Делорье налегъ довольно сильно,—къ нему приступили и хозяйки—имя Гастона упомянуто было всего одинъ разъ Жюльетой. Разговоръ постоянно шелъ о Парижѣ, его празднествахъ, модахъ, увеселеніяхъ, соблазнительной лѣтописи, тенорахъ, актрисахъ и танцовщицахъ. Аннибалъ успѣлъ впрочемъ разказать исторію Новаго рога изъ Обилія, которая очень позабавила хозяекъ, обрадовавшихся случаю посмѣяться, чтобы выставить на видъ свои красивые бѣлые зубки.

— Вы ужъ хотите оставить насъ? спросила г-жа Дюравенъ, когда Делорье всталъ и взялся за шляпу.

— Пора воротиться къ Гастону; я думаю, онъ теперь проклинаетъ мою медленность и въ ветерѣиин считаетъ минуты.

— Если г. Сепешаль и не будетъ еще въ состояніи отправиться, то, во всякомъ случаѣ васъ будутъ ожидать въ Мортиньерѣ. Вы—единственное человѣческое лицо, которое мы встрѣтили здѣсь въ два мѣсяца. Мы еще разъ поговоримъ о Парижѣ. Мнѣ нужно слѣзть вамъ тысячу вопросовъ.

Аннибалъ, разклявшійся съ дамами, пожалъ имъ обѣимъ руки—кстати замѣтитъ, что этотъ англійскій обычай въ последнее время совершенно утвердился во французскихъ общественныхъ кружкахъ—и поспѣшно отправился. Онъ торопился поскорѣе увидѣть Гастона, и кромѣ того хотѣлъ на свободѣ дать свободное теченіе мыслямъ своимъ, совершенно отуманеннымъ бесѣдой съ этими дамами.

Размысливъ, сказалъ онъ про себя, послѣ монолога, длиною, по-крайней-мѣрѣ въ пять километровъ. Столъ былъ превосходный; этого отрицать нельзя. Вина отличныя, противъ этого также нельзя сказать ни слова. Что-же касается до личности г-жи Дюравенъ и дочка ея, то я думаю... что...

Впрочемъ, прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, слышномъ строго было бы подвергать ихъ оцѣнкѣ послѣ такого короткаго свиданія. Слѣдовательно, *продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ*, какъ выставляется обыкновенно въ концѣ фельетонныхъ романовъ.

Подъѣзжая къ Морьезу, Аннибалъ замѣтилъ доктора Мелье, ожидавшаго его на дорогѣ.

— Не хуже ли Гастону? закричалъ онъ ему издала и пустилъ лошадь свою въ галопъ.

— Послушайте, милостивый государь, отвѣчалъ ему докторъ, — я не умѣю скрывать правды подѣ покровомъ красивыхъ, но лживыхъ фразъ.

— Гастонъ умеръ? прервалъ его Делорье и сердце его болѣзненно сжалось.

— Какъ вы торопливы! продолжалъ докторъ, — слава Богу, дѣло еще не въ такомъ состояніи. Но я не смѣю скрывать отъ васъ, что положеніе вашего друга нынче утромъ стало хуже. Сообразивъ, что въ трактирѣ онъ не можетъ пользоваться всѣми удобствами, которыя ему теперь такъ необходимы, я рѣшился, не дожидаясь васъ, перенести его къ себѣ.

Вмѣсто отвѣта, Делорье крѣпко пожалъ ему руку.

— Скажите по-правдѣ: онъ не будетъ живъ? спросилъ онъ его дрожащимъ голосомъ.

— Болѣзнь явилась съ самыми зловѣщими симптомами, лихорадка достигла высшаго своего періода и молодой человѣкъ въ большой опасности. Онъ въ бреду все твердилъ имя Жульеты; должно-быть это его супруга.

— Нѣтъ; невѣста.

— Да; эта невѣста легко можетъ овдовѣть еще прежде замужества, сказалъ Мелье, печально покачавъ головой.

Говоря такимъ образомъ, они нечувствительно очутились передъ чистенькимъ домомъ доктора, обсаженнымъ дикимъ виноградомъ, который распространилъ ползучіе стебли свои чуть не подѣ самую крышу. Докторъ постучалъ въ дверь и ему отворила молодая дѣвушка, одѣтая весьма скромно; увидѣвъ съ отцомъ незнакомаго господина, она сконфузилась и щеки ея зардѣлись яркимъ румянцемъ.

— Позвольте вамъ рекомендовать: — Маргарита, дочь моя, сказалъ докторъ, напечатлѣвъ нѣжный поцѣлуй на бѣломъ, будто изваянномъ изъ слоновой кости, челѣ ея.

Докторъ провель Аннибала къ постели друга его; но тотъ его не узналъ.

— Гастонъ, другъ мой!.. это я, Делорье.. я прѣхалъ изъ Мортиньера... Я видѣлъ Жюльету, продолжалъ онъ, невольно содрогаясь при видѣ страшной перемены, происшедшей въ другъ его въ такое короткое время.

Гастонъ пристально посмотрѣлъ ему въ лицо и глухимъ, полувнятнымъ голосомъ проговорилъ:

Муки Танталовы! что вы въ сравненіи

Съ тѣмъ, что мою переполнило грудь,
Съ этимъ мучительнымъ адскимъ томленіемъ!..

— Несчастный! со вздохомъ сказалъ Делорье.

Въ два слѣдовавшіе затѣмъ дня здоровье Гастона неправлялось и опасенія добраго врача все болѣе и болѣе возрастали. На третій день г. Мелье отозвалъ Аннибала всторону.

— Послушайте, сказалъ онъ ему, мнѣ кажется, что вамъ не худо бы съѣздить было въ Мортиньеръ. Совѣсть не позволяетъ мнѣ долѣе скрывать отъ почтеннаго семейства Дюравенъ настоящее положеніе вашего друга, болѣзнь приняла ужасное направленіе и нынче утромъ опасенія моя достигли высочайшей степени. Если г-жа Жюльета хочетъ застать жениха своего въ-живыхъ, то я совѣтую ей поспѣшить съ нимъ увидѣться: быть можетъ, завтра будетъ уже поздно.

— Но кто же безъ меня будетъ ходить за Гастономъ? вѣдь васъ могутъ потребовать къ другому больному, спросилъ Делорье, и по щекъ его прокатилась крупная слеза.

— А дочь моя начтоже!..

— Но неужели вы рѣшились допустить вашу дочь... На Гастона мушинѣ даже страшно взглянуть... Притомъ же болѣзнь можетъ сообщиться и ей... Какъ хотите, докторъ, но это—жертва.

— Успокойтесь, успокойтесь, возразилъ ему докторъ.—Маргарита моя не похожа въ этомъ отношеніи на другихъ дѣвшекъ; она такихъ пустяковъ не испугается. Я приучилъ ее помогать мнѣ при самыхъ опасныхъ и трудныхъ операціяхъ, и успѣлъ образовать изъ нея сидѣлку не хуже сестры Милосердія и съ гордостью могу сказать вамъ, что она исполняетъ печальную свою обязанность съ рѣдкимъ самоотверже-

ніемъ. Право, прибавлялъ онъ съ улыбкой, не мнѣ, а ей слѣдовало бы получить докторскій дипломъ, потому что она больше стараго своего отца вылечиваетъ больныхъ Кроткія, утѣшительныя ея рѣчи во сто разъ болѣе приносятъ пользы, чѣмъ мой рецепты и всякая аптечная дрянь. Я—изъ факультета Монпелье, а про дочь мою здѣшніе жители говорятъ, что она изъ факультета христіанскаго милосердія.

На половинѣ дороги въ Мортиньеръ, Делорье встрѣтилъ слугу г-жи Дюравенъ.

— Ахъ, это вы, сударь! Слава богу! сказалъ лакей; — я ѣхалъ въ Морьезъ узнать о здоровьи г. Сенешаля. Барыни въ ужасномъ безпокойствѣ и не знаютъ что подумать...

— Перестань молоть вздоръ, съ сердцемъ сказалъ Делорье. — Кто сильно чѣмъ-нибудь интересуется, тотъ, вѣрно, въ три дня хоть разъ навѣдается.

Войдя въ залъ, Делорье засталъ г-жу Дюравенъ погруженную въ чтеніе моднаго журнала. Жульета, свѣдя за фортепьяно, разпѣвала:

Ужъ бабушка заснула,
Отвори скорѣй.

— Ахъ, наконецъ-то вы пріѣхали! сказала г-жа Дюравенъ! Ну что? ваково здоровье бѣднаго Гастона?

— Бѣднаго Гастона въ эту минуту, быть можетъ, нѣтъ уже на свѣтѣ! угрюмо отвѣчалъ Делорье.

Объ женщины громко вскрикнули.

— По несчастію, это правда; и если вы хотите проститься съ нимъ, то надобно ѣхать сію же минуту.

— Жермень! лошадей, лошадей! закричала г-жа Дюравенъ.

Дрожа и блѣднѣя, мать и дочь накинули на себя салоны и надѣли шляпки, даже не посмотрѣвшись въ зеркало.

Неужели я ошибся въ нихъ! думалъ между тѣмъ Делорье, тронутый этимъ непритворнымъ сочувствіемъ къ своему другу.

— Что же это за ужасная болѣзнь поразила его?.. спросила г-жа Дюравенъ.

— Оспа.

Мать и дочь вдругъ остановились и молча обмѣнялись взорами, въ которыхъ отражался величайшій ужасъ.

— Осна? повторила г-жа Дюравенъ.

— Точно такъ.

Въ одно мгновеніе въ комнату сдѣлалось такъ тихо, что Аннибалъ явственно могъ различить стукъ часоваго маятника.

— Но, въ такомъ случаѣ, сказала г-жа Делорье, послѣ нѣкотораго молчанія, намъ съ дочерью невозможно видѣться съ г. Сенешалемъ.

— Невозможно? спросилъ Делорье, не довѣряя ушамъ своимъ.

— Эга ужасная болѣзнь заразительна и я измѣнила бы своему материнскому долгу, еслибъ рѣшилась подвергнуть Жульету такой опасности. Будьте увѣрены, что я скорблю душой что, должна покориться необходимости. Скажите это отъ меня вашему другу. Я буду по два раза въ день посылать въ Морьезъ справляться объ его здоровьи. Мы будемъ молиться Богу, чтобъ онъ послалъ ему скорое изцѣленіе... Ахъ, умоляю васъ, умоляемъ васъ, блюдите надъ нимъ, какъ надъ братомъ; не забывайте о моемъ отчаяніи, о горести моей дочери, Боже мой, Боже мой! Умилосердитесь надъ нимъ!

— Старая комедіянтка! думалъ Делорье. Онъ поспѣшно всталъ и отправился, едва удержавшись, чтобы не наговорить какихъ-нибудь горькихъ истинъ этимъ двумъ эгоисткамъ.

Воротившись въ Морьезъ, онъ засталъ дочь доктора у изголовья больнаго.

— Те! произнесла она:—онъ спитъ.

— Каково ему нынче? шопотомъ спросилъ Делорье.

— Немного лучше; но бредъ все еще продолжается. Онъ все твердитъ начало какихъ-то довольно плохихъ стиховъ. Знаете вы ихъ?

— Къ несчастію, очень! со вздохомъ сказалъ Делорье.

— Раза четыре принимаемъ звать и васъ.

— Добрый Гастонъ!

— Онъ очень беспокоится насчетъ послѣдствій поѣздки вашей въ Мортиньеръ.

Разметавшись въ жару по постели, Гастонъ уронилъ подушку. Маргарита осторожно приподняла его обезображенную и покрытую струпами голову и сдѣлала Аннибалу знакъ, чтобъ онъ положилъ подушку на мѣсто.

— Неужели это не ужасаетъ васъ? спросилъ Делорье, вспоминая о г-жѣ Дюравенъ и ея дочкѣ.

— Недаромъ же я дочь своего отца, отвѣчала она съ кроткой улыбкой.

— Но-вѣдь вы знаете, что болѣзнь эта прилипчива.

— Оспа была мнѣ привита.

— Да-вѣдь и Гастону также была.

— Но нельзя же оставить его одного, безъ присмотра. Отчего же вы не боитесь заразиться?

— Мое дѣло совсѣмъ другое: Гастонъ мнѣ другъ.

— А у насъ онъ гость; неужели вы полагаете, что это названіе не такъ священно и возлагаетъ на насъ меньшія обязанности?

— Ахъ? воскликнулъ Делорье и передъ нимъ снова промелькнула сдѣла разыгранная передъ нимъ въ мортиньерскомъ замкѣ. Вы не женщина, вы неземное созданіе!

— Тише! перервала его Маргарита—вы разбудите г. Севешала!

Делорье замолчалъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на дочь доктора, щипавшую корпию изъ старой рубашки своего отца. Въ этомъ занятіи не было ничего особенна-граціознаго или слишкомъ поэтическаго, но между тѣмъ эта Маргарита въ черномъ шерстяномъ платьи казалась ему въ миллионъ разъ лучше Жюльеты, разодѣтой въ шелкъ, закутанной въ блонды и дорогіе мѣха, кокетливо прикасавшейся пальцами къ клавишамъ врандовскаго фортепіано.

Маргарита, смущенная его взглядами, продолжала разговоръ.

— А развѣ мамзель Жюльета не пріѣдетъ повидаться съ своимъ женихомъ? спросила она.

Аннибалъ горько улыбнулся.

— Вы дѣлаете ей много чести.

— Я васъ не понимаю.

— А между тѣмъ ничего нѣтъ легче понять: у мамзель Дюравенъ нѣтъ ни вашего самоотверженія, ни вашего мужества. Когда она узнала о свойствѣ болѣзни, угрожающей жизни Гастона, то испугалась.

— Испугалась? съ недоумѣніемъ спросила она.—А я думала, что она любитъ г. Севешала.

— Вы видите что любовь ея обуславливается обстоятель-

ствами. У всѣхъ этихъ красивыхъ парижскихъ куколъ столько же порядочныхъ чувствъ, какъ у восковыхъ фигурокъ, красующихся на полкахъ парикмахеровъ и модистокъ. Всѣ онѣ очень милы, нарядны, даже, если, хотите—прелестны; съ этимъ нельзя не согласиться; но по чувствамъ онѣ столько же походятъ на васъ, сколько, простите мнѣ это мѣщанское сравненіе—сколько искусственная Вокассонова утка походитъ на утку, что у васъ на птичьемъ дворѣ.

— Ахъ, какъ вы несправедливы!

— Ну, да послѣдствія покажутъ, правъ я, или нѣтъ. Ктому же расчетъ мой вѣренъ, прибавилъ онъ сквозь зубы.

Воротившійся докторъ, осмотрѣвъ больного, объявилъ, что находить въ немъ перемѣну къ лучшему; наутро онъ окончательно успокоилъ Делорье.

— Опасности нѣтъ уже и слѣда, сказалъ онъ ему;—теперь все нужно предоставить времени.

— Часто ли пріѣзжала сюда Жульета съ матушкой?.. былъ первый вопросъ Гастона, какъ только онъ получилъ возможность связать пару мыслей.

И Делорье, безпристрастно и со всѣми подробностями передалъ все, чему былъ свидѣтелемъ въ два свои посѣщенія Мартиньерскаго замка.

— Вотъ это странно! подумалъ молодой человекъ в сердце его болѣзненно сжалось.

— Посмотри на мамзель Маргариту, сказалъ ему разъ Аннибалъ, и преклонись передъ ней, какъ передъ ангеломъ хранителемъ, спасшимъ тебѣ жизнь. Только чудному ея самоотверженію ты обязанъ, что не лежишь теперь на деревенскомъ кладбищѣ.

— Откуда взялось у васъ столько мужества, спросилъ ее Гастонъ и прибавилъ: какъ гнусна эта Жульета!

— Я не боялась, потому что мнѣ терять было нечего, скромно отвѣчала Маргарита.

— Какъ же это?

— Вѣроятно, мамзель Дюравенъ прекрасна?

— Ну, такъ чтожь?

— А я нѣтъ.

Гастонъ пристально посмотрѣлъ на нее—это случилось всего въ первый разъ. Она показалась ему не прекрасна, но обворожительна.

Между тѣмъ лакей г-жи Дюравенъ пунктуально совершалъ свои ежедневныя поѣздки въ Морьезъ; но ему было строжайше приказано не переступать порога докторскаго дома, и его отпускали изъ дому не иначе, какъ набивъ ему карманы стеклянками съ уксусомъ и эфиромъ.

— Вотъ какъ поступаютъ съ нами мортаньерскія дамы, говорилъ неумолимый Авицбаль.—Эти двѣ дамочки безъ сердца и безъ такта, кажется, считаютъ здѣшній домъ больницей, а насъ лежащими при послѣднемъ, какъ говорится, издыханіи, въ чумѣ или желтой горячкѣ.

— Другъ мой Делорье! перерываю его Гастонъ. Ты уже слишкомъ къ нимъ строгъ. Вспомни, что ты говоришь о будущей женихѣ моей и о тещѣ.

— Тѣмъ хуже будетъ для тебя. И кому же это твое дѣло, а не мое. Но позволь спросить, когда ты совершишь торжественное вступленіе въ этотъ драгоценный пріютъ? какъ самъ же ты довольно впрочемъ поэтически выразишься въ день пріѣзда нашего въ эту деревню.

— Очень скоро; вѣроятно даже въ концѣ этой недѣли.

— Не рано ли будетъ?

— Почему же?

— Потому что слѣды болѣзни еще не исчезли съ твоего лица.

— Г. Мелье говорятъ, что черезъ мѣсяцъ не будетъ замѣтно ничего.

- Так подожди когда совѣмъ пройдутъ.
- Неужели ты полагаешь, что подобные пустяки перемѣнятъ чувства Жульеты?
- Я ничего не полагаю; думаю только, что любовь свѣтскихъ барышень куда какъ неважна!
- Что? и тебѣ несовѣстно думать...
- Повторяю тебѣ, что я ничего не думаю и знаю только, что знаю.
- Что же ты знаешь такое?
- Делорье не отвѣчалъ.
- Ахъ, Боже мой! Да говори же, несвоенный!
- Не во-про-шай ме-ня! трагически произнесъ Аннибалъ.
- Впрочемъ, если ты не хочешь говорить какъ слѣдуетъ, такъ мнѣ и неужно, съ досадой сказалъ Гастонъ и пошелъ отъ него прочь.

Тутъ случилось то, что обыкновенно бываетъ разъ—изъ десяти. Именно въ ту самую минуту, какъ Сенешаль выразилъ совершенное равнодушіе къ откровенности Делорье, тотъ почувствовалъ непреодолимое желаніе съ нимъ объясниться.

- Узнай же! сказалъ онъ мрачнымъ голосомъ.
- Я ничего не хочу знать, холодно отвѣчалъ Гастонъ.
- Я наирѣнъ объяснить тебѣ, продолжалъ Аннибалъ, почему я такъ строго сужу о женщинахъ. Въ жизни моей я любилъ три раза, и любилъ серьезнымъ образомъ. Въ первый разъ любилъ я на двадцатомъ году. Въ то время,—скромность въ сторону— я былъ прехорошенькимъ мальчикомъ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, несмотря на мои 20 лѣтъ, ловкость и красоту—меня оставили за шгатовъ. Отгадай, почему? Держу пари хоть на сто тысячъ что не узнаешь. А вотъ почему. Разъ, на балу, въ самой серединѣ кадрили, я имѣлъ несчастіе поскользнуться, упасть и растянуться, по сказанію современниковъ, самымъ неграціознымъ образомъ.

— А во второй разъ? спросилъ Сенешаль, помирая со смѣху.

— Во второй разъ мнѣ отказали потому, что кто-то видѣлъ, какъ я въ Монморанси катался верхомъ на тощемъ ослѣ.

— А въ третій? продолжалъ Гастонъ.

— Это было всего годъ тому назадъ, сказалъ Делорье. Какъ, то мнѣ пришла несчастная идея обречь себя усы и бакецбарлы. На слѣдующее затѣмъ утро, Далила, такъ сказать, удалила новаго Самсона. Вотъ, почтеннѣйшій, достовѣрное сказаніе о моихъ сердечныхъ неудачахъ, могущее показать тебѣ что такое нынѣшняя женская любовь.

— Любовь Жульеты, мой милый, основана на другихъ со-всѣмъ началахъ, именно на истинномъ чувствѣ, и еслибъ даже болѣзнь сдѣлала лицо мое похожимъ на терку, чего, благодаря Бога, вовсе нѣтъ, то и тогда бы любовь ея не поколебалась. Я увѣренъ въ этомъ, потому что вполне знаю ея чувства.

— Ну, посмотримъ, подумалъ Делорье.

Мѣсяцъ между тѣмъ прошелъ; лицо Гастона приняло прежнюю свою бѣлизну и гладкость, а самъ онъ, повидимому, и не думалъ разставаться со своими хозяевами. Аннибалъ все время проводилъ на охотѣ. Дни Сенешаля неслись будто часы въ бесѣдахъ съ дочерью доктора. Онъ сдѣлался постояннымъ спутникомъ ея во всѣхъ прогулкахъ и обходахъ по хижинамъ всѣхъ бѣдняковъ и больныхъ въ окрестности. Повсюду раздавались искреннія благословенія имени этого чуднаго созданія. Несмотря на всю бѣдность средствъ своихъ, Маргарита находила возможность сѣять благодѣянія на своемъ пути. Она помогала матерямъ шить дѣтское бѣлье; разносила старикамъ бульонъ и въ каждомъ кроткими, сладкими рѣчами успѣла возбудить она терпѣніе, рѣшимость и надежду.

Разъ, въ ту пору, какъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Морьезъ посланный отъ г-жа Дюравенъ, Делорье, покуривая сигару, прохаживался по улицѣ, съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ожидая Жермена.

Пора, думалъ онъ, пора мнѣ привести въ исполненіе свой планъ и вмѣшаться въ дѣло какъ *deus ex machina*. Пусть буду я школьникъ, новичекъ въ познаніи женскаго сердца, если черезъ двадцать четыре часа не сорву съ глазъ Гастона повязку, скрывающую отъ него истину.

Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ подѣхавшаго между тѣмъ Жермена.

— Стой, не ѣзди, сказалъ онъ, остановивъ его лошадь за устцы; — пріятель мой выздоровѣлъ и завтра я самъ буду въ Мортиньерѣ.

Мать и дочь, предупрежденныя Жерменемъ, облеклись въ полное вооруженіе; украсились наряднѣйшими платьями, самыми свѣжими лентами, гипюрами, брильянтами и драгоценнѣйшими кружевами.

— Милости просимъ, милости просимъ! сказала г-же Дюравенъ входившему Делорье.

— Я знаю, какое дѣятельное участіе принимали вы въ возстановленіи Гастона, и отъ всего сердца благодарю васъ отъ себя и отъ имени моей дочери. И такъ — онъ спасенъ, не правда-ли?

— Слава Богу! Опасности нѣтъ никакой.

— И мы скоро его увидимъ?

— Я думаю, завтра или послѣ завтра.

— Скажите пожалуйста, измѣнила его эта ужасная болѣзнь?

— Физически или нравственно?

— Хоть нравственно?

— Нравственно, говоря, Гастонъ остался такимъ же, какъ и былъ. Какимъ вы звали его прежде, такимъ найдете и теперь, то есть, добрымъ, великодушнымъ, откровеннымъ, остроумнымъ и — прибавилъ онъ, обратившись къ Жюльеттѣ — влюбленнымъ еще больше прежняго, сказалъ бы я, еслибъ это было правдоподобно.

— Не знаю, какъ вамъ выразить мою радость, сказала г-жа Дюравенъ. Добрый, прекрасный Гастонъ! Я въ немъ не ошиблась. Да, я увѣрена, что онъ сдѣлаетъ дочь мою счастливою и что она будетъ гордиться тѣмъ, что носитъ его имя.

— Въ физическомъ отношеніи... продолжалъ Делорье.

Жульета настроила вниманіе.

— Что же? спросила г-жа Дюравенъ.

— Физически, говоря, началъ снова Делорье, я долженъ сказать вамъ что бѣднаго Гастона теперь невозможно узнать. Болѣзнь страшно обезобразила его. Но что значить невѣчная, скоропроходящая красота передъ немеркнущими внутренними свойствами человѣка!

— Такъ онъ очень некрасивъ? робко спросила Жульета.

— Къ несчастію!., Уваженіе мое къ истинѣ заставляетъ меня сказать, что онъ больше чѣмъ некрасивъ. Впрочемъ, вы сами скоро въ этомъ удостовѣритесь.

Обѣ женщины молча обмѣнялись выразительными взглядами.

— Вы сказали, начала г-жа Дюравенъ, что г. Сенешаль намѣренъ пріѣхать въ Мортиньеръ въ концѣ недѣли?

— Точно такъ.

— Не полагаете ли вы, что для него было бы гораздо благоразумнѣе воротиться въ Парижъ? Наука обладаетъ такимъ множествомъ чудесныхъ тайнъ! Почему знать, что въ медицинѣ нѣтъ такой помады или бальзама, который могъ бы возвращать первоначальную гладкость кожѣ, изрытой болѣзнію. Наши деревенскіе доктора дѣлаютъ, конечно, все, что могутъ, но, по несчастію, могутъ-то они очень мало. Согласны ли вы со мною въ томъ, что вашему другу полезнѣе посоветоваться съ Андраемъ или Буйльо?

— Надобно признаться, что это превосходная мысль и я поспѣшу сообщить ее моему другу, сказалъ Делорье и холодно и церемонно раскланявшись отправился.

Пусть я сѣлаюсь илѣшавъ и лишуся всѣхъ своихъ зубовъ, если въ четвертый разъ переступлю порогъ этого гнуснаго дома! сказалъ онъ, выходя въ переднюю.

Лошадь его была осѣлана и взнуздана; однимъ скачкомъ онъ очутился на ней и крупной рысью пустился по дорогѣ.

— Любезный другъ, сказалъ онъ Сенешаю, расплатись съ докторомъ и отправимся поскорѣй, намъ здѣсь нечего больше дѣлать!

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что если ты женишься на Жульетѣ, то мы съ тобой уже никогда не будемъ видѣться.

И онъ со всѣми подробностями разсказалъ ему, какъ поймалъ въ ловушку мортиньерскихъ барынь, и какъ онѣ его приняли и отпустили.

Тебѣ отказали, потому-что считаютъ тебя рыбымъ какъ терка, сказалъ онъ въ заключеніе. Надѣюсь, что ты не будешь такъ слабъ и не поѣдешь разувѣрять свою тещу съ невѣстой.

Противъ всякаго ожиданія, Гастонъ принялъ это извѣстіе съ замѣчательнымъ равнодушіемъ.

Что жъ, ѣдемъ мы? нетерпѣливо спросилъ Аннибалъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Гастонъ, — я остаюсь.

Ну, а я поѣду. Ищи себѣ другаго шафера! Ты мнѣ жалокъ!

Вмѣсто отвѣта Гастонъ взялъ друга своего за руку и подвелъ къ окну. Окно выходило на деревню.

— Посмотри, сказалъ Гастонъ.

Аннибалъ приподнялъ кисейную занавѣску и увидѣлъ дочь доктора: она раздавала супъ полудюжнѣ бѣдняковъ.

— Любезный другъ, сказалъ Гастонъ вотъ жена моя! Жульету любилъ я головой, а Маргариту люблю сердцемъ. Теперь, прибавилъ онъ съ улыбкой — позволь мнѣ надѣяться, что ты отложишь свой отъѣздъ и не откажешься быть у меня шаферомъ?

Маргарита Мелье теперь г-жа Сенешаль, и, безспорно, одна изъ самыхъ изящныхъ, прекрасныхъ и счастливыхъ женщинъ въ Парижѣ.

Къ не счастью, немогу сказать того же о Жульетъ Дюравенъ, которая полгода спустя, вышла за маркиза Три Звѣздочки.

— Превосходная партія! повторяла ея мамаша.

СКАЗОЧНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

ГРИЦКИ ГРИГОРЕНКО.

Посвящено Николаю Ивановичу Кролю.

Въ 18... году ѣздилъ я по Россіи, былъ въ Одессѣ, въ Крыму, объѣхалъ весь югъ нашъ теплый, плодородный, и восхищаясь каждый день болѣе и болѣе всѣми прелестями этой страны, съ истиннымъ сожалѣніемъ долженъ былъ наконецъ оставить ее, чтобъ опять возвратиться въ Петербургъ, чтобъ опять довольствоваться сырымъ, скуднымъ климатомъ моей настоящей родины.

Мнѣ давно уже выхваляли нашу Подольскую губернію; имѣя въ томъ краю маленькое имѣніе, мнѣ захотѣлось тѣмъ болѣе ее лично осмотрѣть, и потому я пренебрегъ большимъ почтовымъ трактомъ, чтобъ изъ Одессы взять въ сторону.

Подольская губернія и вправду одна изъ плодоноснѣйшихъ и красивѣйшихъ нашихъ губерній, тутъ начало горъ Карпатскихъ и Венгерскихъ, недовольно высокихъ, чтобы придать дикость виду, но достаточно возвышенныхъ, чтобъ украсить мѣстность. Къ тому же откосы этихъ горъ покрыты полянами, лугами; часто подъ горой течетъ маленькая струя воды, которая, запруженная въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, разливается подлѣ густаго дубоваго лѣса, или оmyваетъ лужайку яркой зелени.

Для живописца на каждомъ шагу здѣсь новая картина; для помѣщика новый доходъ; я хотя не живописецъ, но вполне сочувствую прелести видовъ, притомъ я помѣщикъ, и потому эта мѣстность меня вдвойнѣ занимала.

Не доѣзжая трехъ верстѣ до станціи, я только что спустился съ довольно крутой горы, лошади испугались чего-то, взяли въ сторону, и я очутился въ канавѣ; карета моя, здоровенный дормезъ съ гибелью важъ и сундуковъ, тяжело опрокинулась въ ровъ.

Къ счастью я упалъ между подушками и потому нисколько не ушибся. Это было утромъ, въ шестомъ часу, и я еще спалъ, такъ, что не ранѣе замѣтилъ паденіе, какъ уже былъ въ канавѣ.

Съ трудомъ выкарабкался я изъ дормеза, выругалъ, какъ слѣдуетъ, ямщика и своего человѣка, распросивъ ихъ, какъ и почему все случилось, не ушиблись-ли они? и, выслушавъ весь разсказъ о томъ, какъ мы спустились съ горы безъ тормаза, какъ лошади не удерживали тяжесть моего экипажа, взяли въ сторону и т. д. Убѣдившись, что къ счастью никто очень не ушибся, я сталъ придумывать способъ устроить все дѣло и кое-какъ дотащиться до станціи.

Ямщикъ мнѣ объяснилъ категорически, что подымать экипажъ нечего было и думать, что надо стѣздить ему за подмогой. Чтожъ дѣлать, если такъ! подумалъ я; поѣзжай! ямщикъ началъ отпрягать лошадь, чтобъ исполнить мое приказаніе. Человѣкъ мой, Степанъ, владѣющій довольно обычнымъ качествомъ болтать безъ умолку, началъ мнѣ длинную повѣсть о томъ, что онъ непременно хотѣлъ положить тормазъ подъ колесо, но что ямщикъ увѣрялъ, что «этого не нужно и такъ доѣдемъ,» мужикъ же, напротивъ, продолжая отпрягать лошадь, извинялся тѣмъ, что онъ не могъ добудиться человѣка и потому не подложилъ тормаза, что онъ боялся оставить лошадей и т. д... Я слушалъ однимъ ухомъ, не съ большимъ участіемъ, и любовался окружающею меня природою; наконецъ это постоянное журчаніе и говоръ мнѣ надоѣли и я ихъ пресѣкъ, приказавъ Степану замолчать, а ямщику поскорѣе ѣхать на станцію за подмогой; самъ же сталъ истинно любоваться окружающею меня мѣстностію. Мы только что спустились съ горы, и потому дорога поднимающаяся довольно высоко, не позволяла мнѣ смотрѣть далеко назадъ; только видѣлись бордюры густой зелени высокаго лѣса, перемежаннаго дубомъ и кленомъ, которымъ обросла вся гора. Лѣсъ этотъ продолжался еще довольно далеко вправо и терялся у берега какого-то пруда, гдѣ, по словамъ ямщика, должна была быть и

станція, дорога дѣлала изгибъ въ этомъ мѣстѣ и не болѣе, какъ на одну версту поворачивала вправо. Лѣвая сторона была покрыта плодоноснымъ полемъ, уже совершенно пожелтѣвшимъ, котораго колосья колыхались подъ легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ. Черезъ желтое, золотистое пространство видѣлись кое-гдѣ васильки, которые своимъ яркимъ синимъ цвѣтомъ оживляли одноцвѣтность этой стороны. Подымающаяся роса не позволяла хорошо разглядѣть самую даль.

Солнце только что взошло надъ горизонтомъ и манило къ себѣ всѣ алмазныя капли, которыми были осыпаны цвѣты и растенія, и онѣ спѣшили полупрозрачнымъ паромъ подняться къ нему.

Долго я смотрѣлъ и не могъ насмотрѣться на эту картину. Мой Степанъ все ходилъ около кареты и наблюдая что то съ большимъ стараніемъ, все думалъ: «какъ это могло случиться, что дормезъ такъ повалился?» и нѣсколько разъ задавалъ даже себѣ этотъ вопросъ въ полголоса.

Мнѣ надоѣли это бормотаніе подъ носъ моего камердинера и его холодность при видѣ величія и красоты природы, которыя ему казались такъ обыкновенными, что нечего было, по его мнѣнію, и смотрѣть.

Странное дѣло! Степанъ тоже родился въ Петербургской губерніи и потому не болѣе меня привыкъ къ живописнымъ мѣстностямъ, но нисколько не былъ удивленъ разнообразіемъ видовъ этой губерніи. Ему казалось, что все такъ и должно быть, чему удивляться, чѣмъ восхищаться? Я помню даже, когда я его спросилъ въ бытность мою на южномъ берегу Крыма: «Неужели тебѣ не нравится этотъ видъ?» онъ мнѣ отвѣтилъ: «Какъ не нравится? ваше сіятельство», (онъ всегда такъ меня называетъ, вѣрно перенялъ отъ петербургскихъ извозчиковъ, которые всѣхъ такъ величаютъ), «но по мнѣ близъ Петербурга видъ лучше! Какъ можно? тамъ такое пространство, тамъ далеко видно! а тутъ что? вотъ эта гора словно на носу у насъ!»

Ему нравилась безпредѣльная плоскость, чтожъ дѣлать! у всякаго свой вкусъ.

Чтобъ избавиться отъ докучливой холодности его, я приказалъ ему остаться у кареты и ждать подмоги, а самъ отправился пѣшкомъ къ станціи. Три версты не Богъ знаетъ—что можно пройти.

Я уже успѣлъ дойти до станціи, а мой ямщикъ, рассказывающій съ прибавутками случившееся происшествіе, не собралъ еще нужныхъ людей и лошадей. Прочіе ямщики и самъ станціонный смотритель окружили рассказчика и, развѣсивши уши, слушали, не заботясь нисколько о томъ, что надо же вытащить карету и привезти ее сюда. Мое прибытіе тотчасъ же разогнало любопытныхъ; смотритель засуетился, увидѣвъ мою фуражку съ кокардою, и вскорѣ лошади и люди отправились съ козой и со всѣмъ, что слѣдовало.

Я вошелъ въ станціонный домъ. Это былъ маленькій, одноэтажный домикъ, деревянный, обшитый тесомъ, неопредѣленно дикаго цвѣта; двѣ бѣлыя, толстыя и безобразныя колонны поддерживали что-то въ родѣ навѣса или крыши надъ тремя ступенями передъ входомъ въ двери; внутри, у самаго входа, что-то въ родѣ маленькой передней или сѣней. Налѣво комната смотрителя, съ обычнымъ столомъ, обшитымъ запачканною, загаженною клеенкою, на которомъ красовались чернила съ засохшими чернилами, шнуровыя книги и до половины замаранное гусиное перо, въ конецъ котораго было вставлено стальное, весьма уже истертое, подарокъ какого-то проѣзжаго писаря; въ углу кровать съ четырьмя подушками, а въ другомъ огромнаго размѣра печь. Направо отъ сѣней комната для пріѣзжающихъ, которую украшали два дивана, обитые волосною черною матеріею, какой-то крашенный столъ, передъ окномъ нѣсколько стульевъ, огромное кресло, обтянутое кожею и имѣющее всѣ притязанія на чрезвычайно покойное кресло, но не вполне заслуживающее это имя; на стѣнахъ портретъ Суворова, еще какого-то генерала, котораго узнать было трудно, съ разфабранными усами, потомъ какая-то картина изъ семейной жизни, дама съ длинными кудрями, читающая книгу у окна, а подлѣ ребенокъ или что-то въ этомъ родѣ.

Тотчасъ же за мною вошелъ смотритель, который успѣлъ застегнуться на всѣ пуговицы, оставшіяся налицо — двухъ не доставало.

— «Вы, ваше высокоблагородіе, проѣздомъ ѣдете? вѣроятно въ Кіевъ?» спросилъ онъ у меня.

«Нѣтъ! въ Кіевѣ я врядъ-ли останусь болѣе дня, я спѣшу въ Петербургъ.»

— «Въ Петербургъ?» съ нѣкоторымъ удивленіемъ сказалъ мнѣ смотритель, и уваженіе его ко мнѣ замѣтно увеличилось.

— «Съ вами случилась маленькая непріятность!» продолжалъ онъ.

«Да! лошади взяли въ сторону и уронили меня въ канаву.— Но я надѣюсь, экипажъ не поврежденъ?»

— «Впрочемъ если бы нужна была какая-нибудь починка, то у насъ есть хорошій мастеръ; онъ скоро все устроитъ, тутъ вѣдь не далеко городъ Х..... Этотъ мастеръ учился въ Кіевѣ своему ремеслу;» отвѣтилъ мнѣ смотритель.

«Я все еще надѣюсь, что и безъ него обойдусь!» сказалъ я ему. «Скоро-ли привезутъ мою карету?»

— «Тотчасъ же привезутъ! Вотъ уже ихъ видно тамъ вдаль!»

И подлинно въ окно можно было видѣть, какъ тащился медленно мой дормезъ. Мнѣ казалось даже, что я разсмотрѣлъ, какъ нѣсколько людей его поддерживали съ одной стороны, и это обстоятельство, давъ мнѣ подумать, что и подлинно прійдется мнѣ его чинить, крайне меня досадовало.

Черезъ нѣсколько времени привезли карету. Колесо заднее, получивъ самый сильный толчекъ, совершенно развалилось, рессора съ этой стороны лопнула, надо было непременно адресоваться къ хваленому мастеру изъ Кіева; а починка обѣщала быть не малою.

Послѣ долгихъ переговоровъ о цѣнѣ и времени, мнѣ донесли, что карета можетъ быть готова только завтра къ вечеру; надо было рѣшиться провести два дни въ этомъ закаулкѣ. Необходимость заставила меня прибѣгнуть къ естественному моему путеводителю, смотрителю. Онъ мнѣ объяснилъ, что станція выстроена въ самомъ началѣ маленькаго города Х....., что тамъ я могу найти пропасть жидовъ всякаго виду и величины, которые мнѣ доставятъ весьма разнородное развлеченіе, принесутъ пропасть вещей продавать и т. д.

Я забылъ вамъ сказать, что самый кузнецъ, хваленый смотрителемъ, былъ изъ жидовъ, потому что въ этой губерніи всѣ ремесла ими заняты.

Жиды и жиденята уже пронюхали мой пріѣздъ, и когда я вышелъ изъ станціоннаго дома, я былъ окруженъ крикливою толпою, которая наперерывъ предлагала свои услуги. Съ трудомъ я разогналъ ихъ, выбравъ одного чернобородатаго Іуду въ длин-

номъ шелковымъ, черномъ сюртукъ-халатъ, который всѣми мѣрами старался меня увѣрить въ томъ, что онъ: «самой песной еврей.» Хотя я ему и не совсѣмъ вѣрилъ на слово, но какъ мнѣ надобно было кого нибудь выбрать, кто проведетъ бы меня повсюду, а кромѣ жидовъ не на кого было положиться, я принужденъ былъ имъ довольствоваться. Выбраннаго мною фактора звали Мовшою.

Я началъ съ того, что пошелъ съ нимъ къ городу пѣшкомъ, осмотрѣть мѣстность. Города такіе, какъ Х....., то есть, заштатные, наполнены только жидами, да кое-какими шляхтами, и потому нисколько не интересны, они только не имовѣрно грязны.

Мовша предлагалъ-было показать мнѣ церковь русскую и костелъ польскій, но не предвидя ничего новаго въ этомъ, я не пошелъ. Приводилъ онъ меня къ вѣкоторымъ торгашамъ, его знакомымъ, которые предлагали мнѣ ситцы, фуляры, даже «золотіе славніе весицы» по ихъ словамъ, но мнѣ нечего было покупать, а потому я и отъ этого отказался.

— «Сто-зе васей милости можно показать?» спросилъ меня Мовша въ совершенномъ недоумѣніи и съ нескрытымъ отчаяніемъ.

«Да что хочешь!» сказалъ я ему въ отвѣтъ, все любясь окружающею меня мѣстностію.

— «Что-же бы такое?» повторилъ еврей и задумался.

Мы сдѣлали молча нѣсколько шаговъ, но скоро мой факторъ прервалъ наше молчаніе, какъ бы отыскавъ новое средство меня занять.

— «Мозе васей милости будетъ пріятно увидѣть... тутъ живетъ одинъ очень, очень умный старикъ, слѣпой онъ! У него и дочка есть, очень хорошенькая, а онъ слѣпой, бѣдній?»

«Что такое?» перебилъ я болтливаго своего проводника, не хорошо понимая его перебивчатую рѣчь.

— «Тутъ есць старикъ слѣпой, Адамъ, такъ его называютъ — у него есць дочка хорошенькая, а онъ самъ рассказываетъ сказки, поетъ пѣсни. Онъ бѣденъ, тѣмъ живетъ!» повторилъ Мовша. »Хотите? Я приведу его къ васей милости!»

«Нѣтъ! Онъ живетъ постоянно въ этомъ городѣ?»

— «Да, здѣсь! Но часто ѣздитъ по деревнямъ къ помѣщикамъ. Его зовутъ, цтобъ послушать его рассказы и пѣсни,

очень зажитательные; если хотите, я его приведу къ васей милости.»

Личность этого слѣпца невольпо меня заняла; не имѣя никакого другаго возможнаго развлеченія, я захатѣлъ его увидѣть и узнать поближе, но не желая его тревожить понапрасну, притомъ любовицтвуя видѣть его среди обычной его жизни, что миѣ представляло гораздо болѣе занимательности, я поспѣшилъ сказать фактору, что я самъ намѣренъ отпра- виться къ нему на домъ.

Мовша улыбулся лукаво, онъ видно понялъ совершенно иначе мое желаніе, и сказалъ миѣ только: «Да васей милости тамъ будетъ слискомъ грязно; старикъ Адамъ вѣдь слѣпой, у него нѣтъ хоросей комнаты. Лутце онъ прійдетъ съ дочкой сюда на станцію; повѣрьте, васа милость, вы будете довольны и будете благодарить еще меня! Я цесній еврей!»

«Я тебѣ сказалъ, что хочу идти самъ къ нему,» продолжалъ я болѣе твердо: болтовня жида меня утомляла.

— «Какъ будетъ угодно васей милости!» и жидъ, снявъ картузь, поклонился миѣ и пошелъ по одной изъ немногочислен- ныхъ, весьма грязныхъ улицъ пресловутаго городка Х.....

Пройдя болѣе половины длины этой улицы, которая по сло- вамъ Мовши была главная торговая этого мѣстечка, что труд- но было впрочемъ замѣтить, мы повернули влѣво и скоро подошли къ маленькому деревянному домику, одно-этажному, слегда покосившемуся на сторону. Мовша отворилъ калитку, которая жалобно какъ-то проскрипѣла; мы вошли во дворъ дома. Онъ былъ, если это только было возможно, еще гряз- нѣе самой улицы: — плодородная почва этой губерніи, состоя- щая вся изъ чернозема въ городахъ и селахъ, гдѣ не мостятъ на улицъ, ни дворовъ, по неимѣнію камня, до того скоро пре- вращается въ грязь, что часто вазнешь въ ней почти по ко- лѣна.

Влѣво была входная дверь надъ двумя или тремя ступень- ками изъ тесу. До самыхъ воротъ положены были отъ этихъ ступеней наискосокъ двора двѣ доски, которыя немного облегчали странствованіе по этой грязи, только отъ шаговъ шлепалась доска въ рухлую землю, часто въ лужу: — тогда слышался какой-то странный звукъ, будто эта грязь негодо- вала на того, кто вздумалъ положить эти доски и тѣмъ отнять

у нея удовольствіе обмывать обувь проходящаго. Мовша оставилъ меня на одной изъ этихъ досокъ, а самъ, пренебрегая всякимъ средствомъ, придуманнымъ здѣсь для отвращенія отъ лужъ и грязи, побѣжалъ къ дверямъ и стукнулъ въ нихъ кулакомъ.

Послышался женскій голосъ, потомъ дверь отворилась, я вошелъ въ сѣни, обтеръ ноги о подосланную рогожу, и послѣдовалъ за молодою дѣвушкой, которая ввела меня въ просторную и довольно опрятную комнату, гдѣ, по ея словамъ, былъ отецъ ея, старикъ Адамъ.

У самага крайняго окна, почти напротивъ входной двери, сидѣлъ въ широкихъ креслахъ старикъ. Его бѣлые, какъ свѣтъ, волосы падали кудрями на изношенный его сюртукъ темно-коричневаго сукна, но которой видимо освѣтлѣлъ отъ времени и потому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ получилъ почти желтый отливъ.

Лицо его, правильное, спокойное, сомкнутые его глаза, — все это придавало какую-то торжественность его образу. Кто онъ былъ, я тогда еще не зналъ, но уже былъ увѣренъ, что онъ не происходитъ изъ простыхъ крестьянъ.

Вся квартира, окружающая меня, была, правда, бѣдна, всюду виднѣлась нищета и бѣдность самая тяжкая, легко можно было угадать, что многого недостаетъ этому семейству, но вмѣстѣ съ тѣмъ можно было тоже замѣтить отмѣнную чистоту и чрезвычайный порядокъ. Въ углу я увидѣлъ шпагу, — это меня еще болѣе убѣдило, что старикъ Адамъ непременно полякъ и, много думая о себѣ, гордится своимъ именемъ и древностью своего рода. Эта смѣсь нищеты съ гордостью, спѣси съ униженіемъ, всегда удивляла меня. Предполагая изучить на дѣлѣ это странное для меня чувство, я еще съ большимъ любопытствомъ подошелъ къ старику.

— «Катя! Кто это? Чужой?» слабымъ, но твердымъ голосомъ спросилъ старикъ, когда я подошелъ.

«Это путешественникъ! Онъ ѣдетъ далеко, а здѣсь только на одинъ день Мовша его привелъ, папа, васъ послушать,» отвѣтила дѣвушка.

Старикъ Адамъ, удовлетворенный отвѣтомъ своей дочери, обратился ко мнѣ, прося меня садиться. «Катя, а Катя! подай-же стулъ доброму гостю!»

Катя уже успѣла-было мнѣ поднести плетенное изъ соломы сидѣніе, которое можно было почти осмѣлиться назвать стуломъ. Я поблагодарилъ ее; потомъ успокоилъ старика, сказавъ, что у меня уже есть сидѣніе, что я уже сѣлъ.

Не знаю почувствовалъ ли онъ слабую провію въ моемъ голосѣ, когда я ему говорилъ о своемъ стулѣ, если такъ, то я крайне сожалѣю, что не могъ лучше скрыть ее, но онъ мнѣ сказалъ:

«Извините, что я вамъ не предлагаю свое кресло, но я слабъ и очень старъ...»

Я не далъ ему договорить, любезность старика меня совершенно смутила, и я сталъ чувствовать къ нему еще болѣе участія, чѣмъ при самомъ входѣ въ его комнату. Поблагодаривъ его за любезное его предложеніе, я не зналъ, какъ завести съ нимъ разговоръ: я оглядывался во всѣ стороны и по-смаивалъ на Катю, которая стояла не вдалекѣ отъ меня, у самой печки, выходящей изъ средней стѣны противъ оконъ, такъ, что она занимала почти половину ширины всей комнаты. Катя была не то, чтобъ очень хорошенькая, но и не дурная дѣвушка—молодость еще выказывалась ясно во всемъ ея лицѣ, во всѣхъ ея движеніяхъ; видно было, что Катя любила горячо старика Адама.

«Что же вамъ рассказать, ясновельможный панъ?» спросилъ у меня старикъ; не хотите ли, я вамъ спою что нибудь?»

— «Васъ должны утомлять постоянные рассказы, лучше о чемъ нибудь потолкуемъ вмѣстѣ», отвѣчалъ я, ясно замѣчая ту тоску, то уныніе, которыя выказывались невольно въ словахъ старика.

«Нѣтъ, помилуйте! я уже привыкъ: я все рассказываю или пою! Чѣмъ же иначе жить мнѣ? Я слѣпъ; не могу ничего другаго дѣлать; милостыню не могу просить: и не для того рожденъ! Теперь по крайней мѣрѣ своими рассказами и пѣснями я хлѣбъ себѣ и Катѣ зарабатываю, и не совѣстно мнѣ жить на свѣтѣ.»

Я былъ совершенно тронутъ словами старика и мнѣ стало совѣстно, что я при первомъ взглядѣ на него полагалъ, что нашелъ удобный случай посмѣяться на спѣсивыя замашки, перемѣшанныя съ униженіемъ бѣдняка. Тутъ я повялъ, что

и въ этихъ странностяхъ характера шляхта есть что-то благородное, и что тѣ изъ нихъ, которые не выходятъ изъ предѣловъ этого благородства, достойны всякаго уваженія, а не смѣха и презрѣнія, какъ впрочемъ большая часть изъ нихъ.

— «О чемъ вы рассказываете больше всего?» спросилъ я у старика.

«Какъ о чемъ? Смотря по слушателямъ! Если меня приведутъ къ дѣтямъ какого-нибудь помѣщика, я ихъ стараюсь развлечь волшебною сказкою; тѣмъ, которые побольше, поученіе, рассказываю о жизни прежнихъ пановъ, нашихъ магнатовъ, которые жили въ своихъ замкахъ, окруженные цѣлымъ дворомъ конюховъ, егерей, музыкантовъ; или пѣсью какую-нибудь. «Катя!» продолжалъ старикъ, «подай мнѣ мою бандуру!» Катя принесла инструментъ, и старикъ взявъ сперва два, три аккорда, запѣлъ:

Заворожи мене волхвѣ,
Дружѣ сѣдоусый,
Ты вже сердце запечатай,
А я ще боюся,
Боюся погорилу
Хату руйноваты,
Боюся ми голубе
Сердце заховаты.
Може вернися надіе
Згыю водою,
Цылющею, живущею,
Дрыбною слезою.
Може вернися изнову
Въ пустку зимоваты,
И натопить, и нагріе
Погорилу хату,
И натопить и нагріе
И свитло засвѣтити!
Може ще разъ
Прокинута мои дяти-думы,
Може ще разъ посумую,
Съ дитками поплачу,
Може ще разъ
Сонне счастья
Хоть скривъ совъ побачу.

Несмотря на преклонность его лѣтъ, голосъ старика былъ звученъ и довольно чистъ. Катя подошла къ нему, какъ только

• Стихи одного изъ малороссійскихъ поэтовъ.

онъ началъ пѣсно и стала на колѣна подлѣ него. Старикъ Адамъ истинно чувствовалъ то, что онъ пѣлъ, и прелъ концемъ послѣдняго куплета голосъ его какъ-то задрожалъ, въ то же время двѣ слезы покатались медленно по его блѣднымъ щекамъ, онъ положилъ инструментъ подлѣ себя, обнялъ руками голову Кати и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Цѣлая драма слышалась въ этомъ простомъ движеніи; я не могъ отвести глазъ отъ него, такъ много, много мнѣ выражалъ этотъ поцѣлуй.

«Я расчувствовался, извините меня!» сказалъ мнѣ старикъ, оправившись и усаживаясь въ глубину кресла съ помощію дѣвухи.

Я спѣшилъ успокоить старика и увѣрить его, что ему не въ чемъ было извиняться.

«Все-таки вы пришли не за тѣмъ, чтобъ видѣть, какъ плачетъ или радуется блѣдный слѣпой; лучше я вамъ расскажу чтонибудь, — какойнибудь бывалый случай».

Какъ я ни старался увѣрить старика Адама, что я лучше предпочелъ бы потолковать съ нимъ про его жизнь прошедшую и настоящую, но не могъ разувѣрить его; я понималъ даже, что всѣ мои уловки начали только обижать его, и потому долженъ былъ согласиться выслушать его рассказъ.

Не предвидя ничего особенно занимательнаго, я сталъ слушать кое-какъ, направляя болѣе вниманіе на самую личность старика, но рассказъ его невольно оковалъ мое вниманіе и я вслушивался въ каждое его слово, такъ же точно, какъ ребенокъ вслушивается въ рассказъ няньки, которая ему повѣствуетъ о Бовѣ королевичѣ или Соловьѣ разбойникѣ.

Не могу теперь припомнить именно слова его, а потому можетъ быть рассказъ мой будетъ блѣднѣе, но постараюсь все же выставить хотя главныя его черты.

«То было давно», началъ старикъ. На самой вершинѣ горы, которой подножье купалось въ вѣчно спокойныхъ водахъ маленькаго озера, стоялъ величаво, окруженный зубчатыми стѣнами, башнями всѣхъ величинъ, замокъ богатаго пана.

Панъ былъ могучъ: о его богатствѣ, о его силѣ слухи носились далеко въ окружныхъ земляхъ. Дворъ его былъ многочисленъ, кладовыя были завалены золотомъ, погреба наполнены лучшими винами. Его венгерское и меда славились повсюду.

Жилъ онъ истиннымъ паномъ, принималъ онъ гостей своихъ великолѣпно: его оркестръ музыки, пышная охота, всѣ возможные увеселенія, славились далеко въ околоткѣ. На его праздники съѣзжались отовсюду и всѣ, возвращаясь, хвалили его гостеприимство, его любезность: только и слышны были похвалы объ немъ самомъ.

Но не дасть же Всевышній одному человѣку все блаженство земное; каждому суждено на землѣ испытать свою долю горя. У пана былъ одинъ сынъ. Онъ его лелѣялъ, хранилъ, какъ только могъ: пока онъ былъ ребенкомъ, за нимъ присматривали всѣдневно, воспитывали только что не въ пуху. И чтожь! Ребенокъ росъ, но оставался слабымъ; притомъ эта сомкнутая, постоянно подъ присмотромъ, жизнь его утомляла. Какъ часто, выходя на одну изъ башенъ замка, онъ смотрѣлъ съ завистью на разстилающееся вдали поле! Какъ жадно слѣдилъ онъ тогда за ребятишками его лѣтъ, которые бѣгали по лугу, подбѣгали къ озеру и собирали камушки у берега, смѣялись, рѣзвились. Онъ жадно слѣдилъ глазами за ихъ играми; и какъ тяжело было ему тогда оглянуться вокругъ себя, увидѣть черную рясу аббата, его наставника, и убѣдиться, что онъ одинъ осужденъ быть постоянно взаперти, постоянно довольствоваться этою однообразною и безцвѣтною жизнію замка, вѣчно въ уединеніи, вѣчно окруженный одними слугами или наставниками. Онъ не могъ понять, отчего эта разница. Отчего я такъ несчастливъ, говорилъ онъ, что меня держатъ словно въ клѣткѣ, тогда какъ мои сверстники рѣзвятся, веселятся? а когда ему приходила мысль, что причина всему этому его богатство, съ какою любовью готовъ былъ онъ отказаться отъ всего и броситься въ отворенныя ворота замка, къ этимъ мальчикамъ, босымъ, въ изодранныхъ рубашкахъ, которые пачкаются въ песокъ у берега озера.

Лѣта шли. Маленькій Андрей конечно пересталъ скоро завидовать ребятишкамъ, но его чувствительная душа стала еще живѣе высказываться: онъ полюбилъ бродить одинъ по полямъ, лугамъ, у опушки лѣса; весною, заслушивался пѣнія соловья, и по цѣлымъ часамъ любовался, какъ луна спокойно купалась въ водахъ озера. Несмотря на просьбы отца чаще посѣщать балы, вечера и всѣ увеселенія пановъ, онъ убѣгалъ всегда куда нибудь вдаль, или въ оврагъ у берега ручейка, или кривался въ глубину большой дубовой роши, всегда предпо-

читая эти уединенныя прогулки всѣмъ пышнымъ сборищамъ, составляющимъ обычную жизнь пана его отца.

Пану эта странность сына не только не нравилась, но даже сердила его: онъ негодовалъ на него, не постигая даже возможности этой поэтической природы, — онъ видѣлъ въ ней что-то чуждое его образу мыслей, его нраву, и желая отыскать истинную причину этой нелюдимости, предполагалъ уже въ сынѣ дурные замыслы. Такъ же точно какъ онъ любилъ, ласкалъ, лелѣялъ ребенка, сталъ онъ, если еще не сильнѣе, съ того времени ненавидѣть молодаго человѣка. Андрей, замѣтивъ ясно нелюбовь отца къ себѣ, сталъ еще чаще удаляться изъ замка, бродить еще долѣе по рощамъ и полямъ, еще долѣе засматриваться на луну, и дѣлался еще печальнѣе, сумрачнѣе, чѣмъ прежде. Въ то именно время, когда его душа такъ была подготовлена, какъ бы настроена къ сильному порыву чувствъ, встрѣтилъ онъ въ одной изъ своихъ прогулокъ молодую дѣвушку. Она хотя и была въ простомъ платьѣ, хотя загорѣла отъ знойныхъ лучей солнца, но невольно слѣзала на него сильное впечатлѣнiе.

Никогда никакая павичка въ маленькихъ сапожкахъ своихъ на каблукахъ, притопывая граціозно въ мазуркѣ и бросая свой огненный, быстрый взглядъ всторону, не могла приковать его такъ скоро, такъ безусловно.

Андрей, встрѣтивъ дѣвушку, заговорилъ съ нею, невольно послѣдовалъ за нею къ избѣ, гдѣ жилъ ея отецъ, вошелъ съ нею, въ сѣ этого дня этотъ отдѣльный хуторокъ, гдѣ жила молодая дѣвушка, слѣзая цѣлю его прогулокъ. Прежде онъ шатался по полямъ, рощамъ, оврагамъ, безъ цѣли, безъ намѣренiя; теперь онъ уходилъ пораньше изъ замка, чтобъ застать еще молодую дѣвушку дома. Она пойдетъ въ поле на работу, и онъ съ нею; онъ ей помогаетъ, онъ съ нею работаетъ.

Трудно ли полюбить другъ друга молодымъ людямъ? Сперва такъ, несознательно встрѣчались они, потомъ стали устраивать свиданiя, а потомъ уже и догадались, что рѣзвiй малютка примѣшался къ дѣлу, и что теперь развѣ старику Сатурну съ своей безопадной косой... да и то не всегда эта коса довольно остро выточена, чтобъ пресѣчь простую, истинную любовь.

Молодые люди жили счастливо, оживленные своимъ чув-

ствомъ; жили, не оглядываясь назадъ, не помня, что они происходятъ отъ двухъ совершенно разнородныхъ семействъ; не занимались они и будущимъ, не ожидали грозы, — а гроза была неминуема.

Любви и счастію молодыхъ людей стали завидовать всѣ; это былъ случай безпримѣрный. Богатый паничъ влюбленъ въ простую дѣвушку, — работаетъ съ нею на пашнѣ. Начались толки повсюду объ этомъ странномъ, небываломъ случаѣ; дошли они до самого пана отца.

Магнатъ сидѣлъ въ то время, или лучше сказать, полулежалъ на софѣ, въ фіолетовой бархатной венгеркѣ съ золотыми шнурками, обшитой кругомъ какимъ-то мѣхомъ. Онъ только что всталъ изъ-за сытнаго обѣда и, куря трубку, наслаждался своею пѣгою, своимъ богатствомъ, превознося себя мысленно выше всѣхъ на свѣтѣ.

Сынъ его, Андрей, не былъ на обѣдѣ; это уже немного рассердило пана, потому что онъ ждалъ къ вечеру гостей, которые должны были остаться у него нѣсколько дней въ замкѣ. Между ними была одна паничка, которая славилась своею красотой, и которую онъ мысленно уже называлъ своею дочерью; нужно было только ему поговорить съ сыномъ предварительно, а его, какъ нарочно, не было; поэтому панъ магнатъ, лежа на софѣ и куря трубку, изрѣдка ударялъ кулакомъ объ столикъ, стоящій недалеко, приговаривая: эта странная замашка Андрея все обгаты по полямъ и лѣсамъ его и меня погубить! Отчего онъ такъ не любитъ нашихъ барскихъ затѣй и удовольствій?

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ позвонилъ.

Гайдукъ вошелъ. «Позвать мнѣ сына моего, панича Андрея!»

Гайдукъ вышелъ.

Но панича нельзя было отыскать; куда онъ дѣлся, никто не зналъ. Панъ магнатъ все болѣе и болѣе сердился и требовалъ, чтобы ему непременно отыскали сына.

У пана, какъ у всѣхъ пановъ, было въ замкѣ очень много шляхтъ, этого мелкаго дворянства, которое, перенявъ отъ настоящихъ баръ одни недостатки, не въ силахъ присвоить себѣ ихъ доблестей. Они сиѣсивы съ низшими, низки до подлости съ высшими, на все готовы, чтобы только быть удостоены милостивымъ взглядомъ магната, при которомъ служить. Такого рода люди часто становятся чрезвычайно вліятельны-

ми: ихъ презирають, ихъ унижаютъ, какъ только могутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, привыкнувъ къ нимъ, терпятъ ихъ подлости, сибѣются надъ ними, и часто невольно поддаются ихъ желаніямъ и исполняютъ ихъ; — они такъ смѣшно все это выпрашиваютъ! Таковъ именно былъ при нашемъ панѣ шляхтичъ Крапчинскій. Онъ былъ, не то слугою, не то шуткомъ при владѣльцѣ, но пользовался его расположеніемъ и всегда гордился этимъ предъ всѣми. Въ замкѣ всѣ боялись Крапчинскаго, потому что знали, что если онъ на кого наговоритъ, то бѣда неминуема. Крапчинскій тихо, едва слышно отворилъ дверь комнаты, въ которой лежалъ панъ и подошелъ на цыпочкахъ къ самой софѣ, едва прикасаясь ногами пушистаго ковра.

Панъ все лежалъ, какъ будто не замѣчая прихода шляхтича; но когда тотъ подошелъ къ нему уже довольно близко, онъ вдругъ сказалъ: «Крапчинскій!»

Шляхтичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ: голосъ пана, довольно громкій и сильный, испугалъ его. Въ эту минуту, онъ самъ былъ не радъ, что вошелъ въ комнату. «Крапчинскій!» продолжалъ панъ, «гдѣ сынъ мой? Знаешь ли ты, гдѣ онъ?»

Крапчинскій, испуганный и весь дрожа отъ страха, потому что въ голосѣ пана слышалось сдержанное бѣшенство, пробормоталъ: «Навѣрно не знаю, ясновельможный панъ!»

— «Не знаешь?» воскликнулъ еще громче панъ; «кто же знаетъ?» «Я думаю, я полагаю, что паничъ теперь на хуторѣ, у рѣчки».

— «Какъ на хуторѣ? гдѣ? на какомъ хуторѣ?» голосъ пана возвышался и возвыщался; а шляхта все сильнѣе и сильнѣе дрожала.

Вѣсть о сношеніяхъ молодаго Андрея съ простою дѣвушкою, крестьянкою, вывела совершенно изъ терпѣнія пана; самъ Крапчинскій испугался потоку словъ, ясно выразившихъ его злобу.

Когда Андрей воротился въ замокъ, его тотчасъ же привели къ пану. Молодой человекъ выслушалъ довольно спокойно всѣ выговоры своего отца, но возвратясь въ свою комнату, онъ еще живѣе почувствовалъ несчастіе свое, еще сильнѣе пожелалъ быть простымъ крестьяниномъ.

На другой день панъ позвалъ своего сына и представилъ его врізжимъ гостямъ, другимъ панамъ, между прочими и моло-

дой паничкѣ, богато убранной бархатомъ и золотомъ, обсыпанной драгоценными камнями.

— «Вотъ твоя невѣста!» сказалъ панъ Андрею, когда гости вышли, «ухаживай за нею, постарайся понравиться ей! Она изъ знатнаго роду и вполне достойна войти въ мое семейство; — чрезъ недѣлю мы отпиремъ и свадьбу!»

Паничъ все стоялъ, потупивъ голову, и ничего не отвѣчалъ.

— «Чтожъ ты не говоришь ничего?» спросилъ у него панъ.

«Батюшка! я не могу жениться на паничкѣ!» сквозь слезы едва внятно сказалъ Андрей.

— «Какъ не можешь? а почему?» грозно спросилъ панъ.

«Я люблю другую!»

— «Другую?» Еще громче сказалъ панъ, «не крестьянку ли, что на хуторѣ? а?»

«Да, я люблю ее, люблю всемъ сердцемъ, и ни на комъ болѣе не женюсь». Хотя смущенно, но довольно твердо сказалъ Андрей.

— «И ты смѣешь мнѣ это говорить! тутъ, при всѣхъ! Ты не боишься оскорбить этимъ весь родъ мой! Ты любишь крестьянку и хочешь жениться на ней, признаешься въ этомъ мнѣ! возопилъ панъ. Прочь отъ меня, прочь съ глазъ моихъ! Ты недостойнъ тѣхъ милостей, которыми я тебя осыпалъ!

Голосъ пана дрожалъ отъ гнѣва; Андрей, испуганный, смущенный, упалъ на колѣна.

— «Ты думаешь, что можешь идти противъ моей воли; ты воображаешь, что ты богатый наследникъ, и потому гнѣвъ мой не повредитъ тебѣ? Слушай же! продолжалъ панъ. Хотя ты сынъ мой, — но незаконный! Я воспиталъ тебя при себѣ, воспиталъ, какъ сына, но теперь вижу ясно, что я не отецъ твой, что я былъ обманутъ! Проклятъ будь же ты, со всѣмъ твоимъ родомъ! Я былъ обманутъ: ты не мой сынъ! Я употреблялъ всѣ старанія, чтобы усыновить тебя, дать тебѣ всѣ права законнаго моего сына, хотѣлъ тебѣ оставить по смерти моей этотъ замокъ и все мое богатство; но нѣтъ! ты недостойнъ всего этого! Прочь, прочь отъ меня! ты не мой сынъ! Будь ты проклятъ навсегда! Ты не сумѣлъ оцѣнить все то, что я для тебя сдѣлалъ и еще готовилъ; — прочь-же! прочь!

Панъ повернулся спиною къ Андрею, который рыдалъ на колѣнахъ; шляхта и прочая прислуга, находящаяся въ комна-

тъ, озирались, смотрѣли другъ на друга, и были какъ въ оцѣпенѣннѣи.

— «Подайте мнѣ вина въ золотую гостиную», сказалъ громко панъ, выходя изъ залы, «и попросите ясновельможныхъ пановъ гостей ко мнѣ!»

Панъ вышелъ изъ залы и заперъ двери. Нѣсколько гайдуковъ зашевелились и побѣжали исполнять приказанія пана, а другіе насмѣшливо смотрѣли на Андрея, стоявшаго все на колѣнахъ посреди залы.

Андрей всталъ, провелъ рукою по длиннымъ темнымъ волосамъ своимъ, и бросивъ гордый взглядъ на насмѣшниковъ шляхтъ и слугъ, которые толпились вокругъ него, пошелъ прямо къ парадной лѣстницѣ, сошелъ по ней, отворилъ большія ворота замка и вышелъ въ поле. Тутъ только силы ему измѣнили и онъ громко зарыдалъ.

Солнце уже зашло за полдень и искрилось за густымъ чернымъ облакомъ, которое росло, все росло, затемняя часть неба, и обѣщало скоро обложить весь горизонтъ. Вѣтеръ усилился, тѣни исчезли, вся природа приняла темный, мрачный цвѣтъ; воздухъ переполненный электричествомъ былъ жарокъ, тяжелъ, удушливъ. Облака, вагванья вѣтромъ, находили одно на другое, и толпясь такимъ образомъ, повисли надъ головами, словно хотѣли спуститься на землю; птицы спрятались, чуя грозу; вода озера посинѣла и потемнѣла. Вѣтеръ передвигающій эти огромныя черныя массы, былъ не такъ чувствителенъ на землѣ, едва легкая зыбь пробѣгала по водѣ и терялась тотчасъ же въ мрачной поверхности озера.

Раздался грохотъ грома вдали—за нимъ новый раскатъ, блеснула молнія, дождь полилъ ливнемъ. Казалось, всѣ разгнѣванныя стихіи соединились вмѣстѣ и ринулись на бѣдную землю.

Андрей, едва удерживающій внутреннюю бурю своей растерзанной души, не чувствовалъ всего ужаса грозы, и спѣшилъ только добѣжать до хутора. Вымоченный до костей, онъ вошелъ въ жилище крестьянина. Все семейство тотъ испуга стояло на молитвѣ. Гроза была такъ страшна, что самъ крестьянинъ не помнилъ подобной. Вдругъ послышался раскатъ грома, еще сильнѣе всѣхъ прочихъ, молнія блеснула почти въ то же время, какъ услышали ударъ.

«Должно быть ударъ этотъ здѣсь не далеко:» сказалъ крестьянинъ въ полголоса.

Всѣ обомлѣли отъ страха, такъ ужасенъ былъ трескъ; но вѣтеръ, усилившійся въ послѣднее время, скоро разогналъ тучи, солнце, освободившись отъ своего мрачнаго покрывала, выглянуло еще ярче изъ-за него и съ новымъ блескомъ дивно освѣтило всю окружающую мѣстность. Всѣ деревья, луга, облитыя прошлымъ дождемъ, казались еще зеленѣе, а крупныя капли воды, которыя кокетливо помѣстились во всѣхъ впадинахъ и углубленіяхъ листовъ, отражая въ себѣ огненное свѣтило, казались множествомъ драгоценныхъ камней, которыми одѣлась словно для праздника природа.

Разсказъ Андрея тронулъ добраго селянина, онъ тотчасъ же предложилъ ему поселиться на время у него на хуторѣ. Почти успокоенный Андрей благодарилъ Бога за то уже, что онъ не оставилъ его совершенно безъ помощи. Онъ не сожалѣлъ даже о своемъ бывшемъ званіи и богатствѣ, — видя въ этомъ столкновеніи обстоятельство новый шагъ къ будущему своему счастью.

Дочь крестьянина уже смотрѣла на бывшаго панича, какъ на болѣе равнаго себѣ, и надежда на ихъ соединеніе стала для обоихъ вѣроятнѣе.

Небо было ясно — птицы пѣли — вся природа ликовала, радовалась, потому что гроза прошла и только освѣжила воздухъ.

Только въ одной сторонѣ виднѣлась какая-то темная полоса.

Это дымъ, сказалъ старикъ крестьянинъ, навѣрное дымъ — вѣдь это замокъ горитъ! — И вправду то былъ дымъ — теперь онъ уже становился яснѣе и яснѣе, онъ подымался темнымъ столбомъ, ясно отдѣляясь отъ чистаго синяго неба, не подернутаго ни однимъ облакомъ.

Молнія упала именно на самый замокъ, — и замокъ загорѣлся. Панъ магнатъ, застигнутый посреди оргіи, былъ убитъ сразу; — спаслись немногіе. Всякій старался во время пожара завладѣть скорѣе какимъ нибудь сокровищемъ, мало заботясь о томъ, чтобы гасить огонь. Скоро на мѣстѣ пепелища, мрачно возвышались одни прогорѣлые остатки зубчатыхъ стѣнъ и башенъ замка, словно для того, чтобъ хранить и для будущаго поколѣнія вѣсть объ этомъ страшномъ происшествіи.»

Кончая свой разсказъ, старикъ Адамъ не могъ остановить нѣсколько слезъ, которыя уже давно силѣлись пробиться сквозь его рѣсницы — голосъ его задрожалъ, онъ былъ смущенъ. Несчастіе Андрея слишкомъ волновало бѣднаго слѣпца, чтобъ

я тотчасъ же не догадался, что слѣпой Адамъ, скрывъ слезы, не рассказалъ мнѣ собственную свою исторію.

— Какъ же вы ослѣпли, спросилъ я его съ живымъ участіемъ, не было ли тоже побудительной причины къ этому несчастію?

Нѣтъ, отвѣтилъ мнѣ старикъ, съ лѣтами я потерялъ зрѣніе; съ тѣхъ поръ, я жилъ довольно счастливо. Моя Катя меня любила, она правда умерла рано, еще молодою, но за то оставила мнѣ вотъ эту Катю, которая мнѣ вѣчно напоминаетъ мою молодость и истинную мою любовь. Катя у меня добрая дочь, она очень добра: вѣчно ухаживаетъ за своимъ старымъ слѣпымъ отцомъ! — и старый Адамъ поцѣловалъ свою дочь.

Старикъ разчувствовался, но скоро оправился и словно боясь того, что проговорился, продолжалъ, немного спустя: — Не подумайте, что я вамъ рассказалъ свою исторію, нѣтъ, это просто случай, о которомъ я слышалъ и который истинная была въ нашемъ околдкѣ.

Но слова старика Адама не могли меня разувѣрить—несчастный Андрей не могъ быть другой, какъ самъ слѣпой Адамъ.

Было уже довольно поздно, когда старикъ кончилъ свой рассказъ, я незамѣтно просидѣлъ у него часа три. Мовша меня уже поджидалъ въ сѣняхъ, съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. Какъ вы долго засидѣлись, сказалъ онъ мнѣ — очень интересно рассказываетъ?..

Но я не слушалъ его болтовни и потому мой еврей рѣшился молча окончить свой путь, ступая важно передо мною по самой серединѣ улицы, не обращая никакого вниманія ни на лужи, не на грязь и влача позади себя длинную полу своего шелкового сюртука, которая получала отъ того какое-то странное поперечное движеніе справа налево. Наконецъ я дошелъ не безъ удовольствія къ станціонному дому. Эта прогулка немного меня утомила и я радъ былъ отдохнуть. Все мечтая о слышанномъ мною рассказѣ, представляя себѣ мысленно старика Адама, я въ-забытѣ кинулся на одинъ изъ описанныхъ мною выше дивановъ, предполагая найти успокоеніе, но жесткая, игловатая поверхность его неприятно возвратила меня къ дѣйствительности. Никакъ не ожидая такого жесткаго столкновенія съ плоскостью совершенно лишенной всякой упругости я даже ушибся, и чрезвычайно недовольный этимъ пошлымъ происшествіемъ, потирая одной ру-

кою большую часть, позвалъ человека. «Степанъ! Степанъ,» кликнулъ я нетерпѣливо, не давая ему даже времени явиться на мой зовъ. «Ты видно думаешь, что я намѣренъ голодать сегодня?» спросилъ я у него истинно строгимъ голосомъ. «Надо же было вымѣснить на комъ нибудь мой гнѣвъ.»

Но на этотъ разъ онъ былъ еще несправедливѣе обыкновеннаго — Степанъ мой въ этомъ дѣлѣ золото, а не человекъ. Стоитъ только мнѣ изъяснить желаніе закусить немного — и тотчасъ откуда ни возьмутся колбасы, языки, жаркое, холодное, паштеты, сардины, сыры, все тутъ, какъ тугъ. Къ тому же изъ того же дормеза, достанетъ онъ хересу, лафиту, со-терну, что хочешь, и ромъ, и каньякъ, все есть, — на этотъ счетъ Степанъ мой молодецъ, въ мигъ онъ набросилъ скатерть на тотъ крашенный деревянный столъ на четырехъ четвероугольныхъ ножкахъ, который стоялъ такъ граціозно у окна. Обставилъ его тарелками, бутылками, стаканами, рюмками, объявилъ мнѣ, что здѣсь на станціи есть старуха, которая умѣетъ стряпать кое-какъ, и потому онъ ей заказалъ куриный супъ, грибы бѣлые на сковородкѣ, и жареную индѣйку.

— Молодецъ, вскрикнулъ я, право молодецъ! и гнѣвъ мой совершенно стихъ при вѣсти о вкусныхъ грибахъ — я смерть, какъ люблю бѣлые грибы со сметаной, поджаренные на сковородкѣ! — Да и кто не полюбитъ ихъ, когда сковорода только что снята съ жару, вся шипитъ и покрывается легкими пузырьками, которые лопаются съ особеннымъ пріятнымъ трескомъ, а сами грибки такіе разкрашенные, такіе хорошенькіе, чинно разложенные кружечкомъ, такъ и просятся въ ротъ! Степанъ зналъ мою страсть къ грибамъ и желая угодить мнѣ заказалъ ихъ.

Впрочемъ, не подумайте, что его заботливое стараніе о моемъ желудкѣ возбуждено было одною любовью и привязанностью ко мнѣ; вѣтъ онъ самъ не прочь былъ хорошо покушать и это легко можно замѣтить въ то время, когда онъ подаетъ мнѣ блюдо: такъ и косится на него, такъ и слѣдитъ за моею вилкою, и если я даже нечаянно задѣну тотъ кусокъ, который онъ мѣтилъ для себя, то его лицо тотчасъ судорожно сжимается, но потомъ вскорѣ успокоенное принимаетъ обычное свое глупое и веселое выраженіе.

Съ другими я даже замѣтилъ не разъ, что когда онъ хо-

четь воспрепятствовать гостю выборъ того или другаго куска пулярды, то онъ какъ-то нагибаетъ блюдо такъ, что всѣ услія гостя остаются тщетны, и для того, чтобы не задерживать долго блюдо, гость рѣшается довольствоваться первымъ попавшимся кускомъ, а Степанъ мой такъ и ухмыляется, такъ и ухмыляется. Когда накрыли столъ совершенно, и принесли супъ въ фаянсовой сѣраго цвѣта мискѣ, я приказалъ Степану поставить второй приборъ и попросить смотрителя откусать со мною. Степанъ поморщился, но пошелъ исполнить мое приказаніе.

Смотритель застегнулъ всѣ свои наличныя пуговицы, ободравшись немного и взявъ въ руки фуражку, поспѣшилъ явиться на мое приглашеніе. Остановясь въ почтительной позѣ, онъ всѣми мѣрами старался извиниться и ни за что не соглашался сѣсть подлѣ меня — все увѣряя, что уже отобѣдалъ. Послѣ долгихъ услій наконецъ убѣдилъ я его выпить рюмку каньяку, который по словамъ его былъ *отличительный*, и закусить кусочкомъ колбасы и сыру. Продолжая въ это время самъ поѣдать съ должнымъ аппетитомъ всѣ поданныя мнѣ блюда, я не забывалъ и своего гостя и изрѣдка подливалъ ему въ рюмку вина. Не упуская случая извиниться, поблагодарить, отказаться даже, какъ водится, смотритель кончалъ тѣмъ, что вышивалъ залпомъ предложенную рюмку, пожелавъ мнѣ каждый разъ много лѣтъ здравствовать.

Съ каждою новою рюмкою смотритель становился развязнѣе и разговоривѣе. Я ему рассказалъ мою утреннюю прогулку, мое свиданіе съ слѣпымъ Адамомъ, смотритель началъ выхвалять слѣпаго и его дочку, онъ распространялся о томъ, какъ бѣдный слѣпой живетъ одними своими разказами, и какъ безъ своей дочкы Кати онъ пропалъ бы совершенно, увѣряя меня, что Катя истинный ангелъ кротости, что она никогда не покидаетъ своего отца, постоянно ходитъ за нимъ, и часто терпитъ ужасную нужду, отказывается себѣ во всемъ необходимымъ, чтобы не лишитъ своего бѣднаго отца чего нибудь, а какъ тотъ слѣпъ, то часто онъ и не догадывается. Но что положеніе молодой дѣвушки заслуживаетъ истиннаго участія. Вино придадо немного чувствительности смотрителю и когда онъ говорилъ о Катѣ, то его голосъ былъ такъ странно востроженъ, что я не могъ ему не замѣтить.

«Да полно, не влюблены ли вы въ дочь слѣпаго, вы что-то очень ее хвалите?»

Смотритель только разсмѣялся.

«Право мнѣ кажется вы равнодушны къ этой дѣвушкѣ?»

— «Хе, хе, хе,» продолжалъ смотритель. «Почему же-съ вы это думаете? хе, хе, хе.»

Я налилъ ему еще рюмку вина, которую онъ выпилъ безъ предварительныхъ отказовъ, онъ былъ смущенъ такъ, что не зналъ за что взяться и предложенная рюмка видимо выводила его изъ труднаго положенія. «Желаю вамъ много лѣтъ здравствовать,» сказалъ онъ мнѣ и выпилъ.

«Признайтесь,» продолжалъ я, «скажите правду, вѣдь Катя вамъ нравится?»

— «Катя очень добрая дѣвушка. Я вамъ доложу-съ — очень добрая дѣвушка, хе, хе, хе,» отвѣтилъ смотритель.

«Зачѣмъ-же лѣто стало, вы бы женились?»

— «Жениться! хе, хе, хе,» продолжалъ смотритель.

«Конечно женились бы, вѣдь вамъ здѣсь на станціи нужна хозяйка, вамъ должно быть очень скучно постоянно однимъ жить въ этомъ захолустьи.»

— «Оно бы не дурно-съ,» проговорилъ смотритель и задумался.

Вино подѣйствовало сильно на него. Смотритель дѣлался все разговорчивѣе.

Такимъ образомъ, толкуя и разсуждая объ участи слѣпаго и его дочки, я не замѣтилъ, какъ прошло время и скоро почувствовалъ желаніе уснуть. Степанъ приготовилъ мнѣ постель на одномъ изъ волосяныхъ дивановъ, принесъ изъ дормеза разныхъ подушекъ, и я заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Полутру солнце было уже довольно высоко, когда я проснулся. Смотритель меня обрадовалъ тотчасъ-же извѣстіемъ, что хваленый имъ мастеръ изъ Кіева починилъ мой экипажъ совершенно такъ, что нечего было опасаться до самаго Петербурга и можно было ѣхать хоть сей часъ.

Очень довольный этимъ извѣстіемъ я приказалъ запрягать лошадей, а самъ, закуривъ послѣ кофе сигару, вышелъ на дворъ перелѣ станціоннымъ домомъ. Тутъ уже ожидала меня толпа жидовъ и жиденятъ подъ предводительствомъ моего чернорадаго *Мовши*, они съ поклонами и съ особымъ произитель-

нымъ крикомъ стали мнѣ предлагать разнаго рода товары, кто помотно, кто фуляры, кто духи, мыло, одеколонъ, или золотыя табакерки, серги, кольца и проч. и пр. Сколько я ни отбивался отъ нихъ, но они какъ-то противъ воли заставляли меня сдѣлать кое-какія весьма ненужныя приобрѣтенія. Мовша пользуясь тѣмъ, что онъ считался моимъ факторомъ, хвалилъ все, что предлагали мнѣ евреи, и увѣрялъ меня въ полголоса, нагибаясь почти къ моему уху, что мнѣ вовсе не нравилось: вѣдь это все контрабанда, я васъ увѣрю контрабанда, вы нигдѣ этого не достанете. — Я только отдался отъ его бороды, которая едва не касалась моего плеча.

Наконецъ мнѣ доложили, что лошади готовы и ямщикъ сплѣсть на козлахъ. Я поспѣшилъ поблагодарить смотрителя за его любезность и предупредительность, потомъ, приказавъ Степану впередъ никогда не спускаться съ горы безъ тормазы, чтобы опять не попасть въ канаву, и свѣлъ въ дормезъ. Смотритель снялъ картузь и низко поклонился, Мовша тоже, за нимъ и прочіе евреи, карета тронулась.

Скоро городъ Х*** скрылся за горизонтомъ; я снова на большой дорогѣ! Четверка здоровыхъ лошадей мчитъ меня быстро, ровно; мимо меня, какъ будто бѣгутъ навстрѣчу то холмикъ, то оврагъ, то поляны и тотчасъ же все пропадаетъ въ синей полосѣ, окаймляющей горизонтъ. Мѣстность здѣсь очень живописна. Я высунулъ голову изъ кареты, вотъ тутъ на самомъ склонѣ горы выстроена мазанка, она дымится, подлѣ нея выросла толстая, но недолговѣчная ива, которая склонила свои вѣтви къ самой двери этого бѣднаго жилища. Горюетъ ли она объ участи живущаго здѣсь хлѣбопашца? Да о чемъ же горевать? Онъ окруженъ здѣсь своимъ семействомъ, онъ привыкъ къ этой мазанкѣ, тутъ подлѣ онъ имѣетъ свой участокъ земли, которая доставляетъ ему все необходимое, почва же здѣсь добрая, она славно вознаграждаетъ трудъ человѣческой, о чемъ же горевать? Я увѣренъ, что онъ истинно счастливъ, да вотъ и самъ хозяинъ показался, онъ въ усахъ и съ обритой головою, по обычаю малороссовъ, только на самой макушкѣ остался пучокъ волосъ, которые падаютъ кружкомъ вокругъ головы, это чубъ; — на немъ сѣраго сукна зипунъ, широкія темныя шаровары, которыя вдѣты въ высокіе сапоги. Выйдя изъ мазанки, онъ лѣниво смотритъ вокругъ себя, на

золотистое поле, разстилающееся далеко, далеко, до самой опушки лѣса, на лужайку, по которой струится игриво ручеекъ. Онъ вытягиваетъ жилистыя свои руки надъ головою и протяжно зѣваетъ, потомъ достаетъ изъ-за пазухи свою люльку, кремнемъ высѣкаетъ огонь и вотъ онъ прилежъ у самой мазанки подѣ тѣню ивы, и сталъ курить себѣ и поглядывать, какъ въ оврагѣ на лужайкѣ чинно ступаетъ корова, побрякивая бубеньчиками, и нагибаетъ свою добродушную голову съ бѣлымъ пятномъ на лбу, чтобы достать свѣжей травы, до чего Машка большая охотница... Но двѣ три минуты прошло и все исчезло, ни мазанки, ни коровы, ни чупруна, ничего болѣе не видно. Степанъ успѣлъ уже вздремнуть на козлахъ, покачиваясь то впередъ, то назадъ при каждомъ толчкѣ, а ямщикъ, сидя на самомъ краю подушки, и подложивъ подъ себя связку веревокъ, лѣнливо помахиваетъ кнутомъ на лошадей, которыя скачутъ дружно по ровной широкой дорогѣ.

Спустя три года, мнѣ случилось снова проѣзжать чрезъ городъ Х... , я остановился на станціи и потребовалъ самоваръ. Станціонный смотритель, мой старый знакомый, былъ очень обрадованъ моимъ пріѣздомъ, представилъ мнѣ свою жену, въ которой я тотчасъ же узналъ Катю. Она держала на рукахъ груднаго ребенка и казалось вполне счастлива своей судьбой. На мой вопросъ о слѣпомъ Адамѣ, она со слезами мнѣ сказала, что старикъ окончилъ свою трудную жизнь годъ спустя послѣ моего перваго проѣзда. Хорошая женщина не могла безъ грусти вспомнить о своемъ отцѣ, которому суждено было такъ много переучувствовать въ своей жизни.

СОВРЕМЕННОЕ.

I. ЛИТЕРАТУРА: Джонъ Китсъ и современная англійская поэзія. **II. ИСКУССТВА:** Вокальная музыка во Франціи. (*Статья вторая*). **III. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ:** Мехиканское правосудіе. (*Разсказъ путешественника*). **IV. АНЕКДОТЫ, МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ИЗВѢСТІЯ:** Излишняя аккуратность или маленькіе недостатки великой добродѣтели. — Слава. — Цвѣточница въ Пале-Рояль.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ДЖОНЪ КИТСЪ И СОВРЕМЕННАЯ АНГЛІЙСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Самое дикое и пустынное мѣсто въ Римѣ — протестантское кладбище. Никто не заходитъ туда, даже печально, кромѣ пастуха, въ грубой шерстяной одеждѣ и въ тяжелыхъ сандаляхъ изъ сѣраго сукна. Тамъ вѣчная тишина, густая зелень и безмолвіе прерываются только звономъ бубенчиковъ, навязанныхъ на шею козъ, которыя скачутъ по могиламъ и щиплютъ тернъ и плющъ, разросшіеся по кладбищу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ-подъ дерна и мха показываются обломки стѣны Гонорія и пирамида Каія Цестія возвышается надъ окрестностью. Когда заходитъ осеннее солнце и золотитъ расщелины монумента, у подножія его видны двѣ скромныя могилы съ простою надписью, потому что англичане не пишутъ надъ мертвыми пустыхъ риторическихъ эпитафій. Въ этихъ могилахъ спятъ вѣчнымъ сномъ два молодые несчастные поэта: Джонъ Китсъ

умершій двадцати-трехъ лѣтъ и Перси Шеллей, — двадцати-пяти. Два протестанта, пантеисты по своимъ литературнымъ идеямъ, покоятся близъ католиковъ на кальвинистскомъ кладбищѣ.

Бѣдныя молодые люди! Бѣдныя поэты! Одинъ погибъ въ бурѣ, былъ выброшенъ на берегъ и лордъ Бейронъ сжегъ его тѣло; другой умеръ въ чахоткѣ въ бѣдной гостиницѣ Рима, не оставивъ послѣ себя даже денегъ на саванъ. Эти геніальныя дѣти были почти равны Бейрону по таланту, и въ день ихъ смерти ни мать, ни сестра, ни другъ не закрыли имъ глаза. Богъ знаетъ, надѣялись-ли они на славу за гробомъ, а при жизни люди не отдавали имъ справедливости.

Къ этимъ страннымъ и трогательнымъ фактамъ не надобно прибавлять никакихъ выдумокъ. Въ судьбѣ Китса и Шеллея нѣтъ ничего особеннаго. Оба они родились въ концѣ восемнадцатаго вѣка, оба были изгнаны англійскимъ пуританизмомъ за одну причину и оба принадлежали къ небольшой, но любопытной группѣ поэтовъ, о которой мы поговоримъ подробнѣе. Главою этой партіи былъ Бейронъ; онъ былъ эгонистическимъ ея выраженіемъ, но не самымъ глубокимъ; дѣятельнымъ и шумнымъ ея органомъ, но не самымъ чистосердечнымъ. Эта группа энтузіастовъ и пламенныхъ умовъ возстала противъ кальвинистскихъ общественныхъ привычекъ и, для противоположности, бросилась въ литературу къ языческой древности.

Въ 1815 году Англія торжествовала не только побѣду надъ Наполеономъ, но также побѣду пуританскихъ идей, развившихся на сѣверѣ Англіи со времени реформы надъ южнымъ католицизмомъ. Эти идеи и ученія были впрочемъ стары; онѣ возникли въ царствованіе Людовика XIV и опечалили его послѣдніе дни, заставивъ его прибѣгнуть къ пантскимъ драгонамъ и преслѣдованіямъ въ Севеннахъ. Все искусство политиковъ и въ особенности Питта заключалось въ томъ, чтобы направить эти религіозныя убѣжденія, прежде чрезвычайно пламенные, но которыя теперь вотухаютъ, къ сохраненію аристократическихъ постановленій Англіи. Это соединеніе странной массы съ видами государственныхъ лицъ, фанатическаго кальвинизма и англійской аристократіи, произвело новыя нравы, могущественныя и строгіе, хотя скучныя и непреклонныя, которые много способствовали къ величію и народному богатству. Англія была обязана этому новому направленію матеріальными

побѣдами и нравственнымъ вліяніемъ того времени. Квекерша, мистрисъ Фрей, отпралялась въ благородное странствованіе по тюрьмамъ Европы для изученія наказательной системы; Вильбефорсъ расточалъ свое краснорѣчіе и жизнь для счастья черныхъ невольниковъ. Но въ Британскомъ обществѣ строгое соблюденіе мелочныхъ правилъ, общая нетерпимость, лицемеріе, ослабленіе милосердія и симпатіи, сухость семейныхъ и общественныхъ сношеній, заставляютъ дорого платить за нѣкоторыя выгоды общественного устройства. Кромѣ того Англія въ то время переносила тяжелую, убійственную скуку, сдѣлавшуюся закономъ для всѣхъ. При паденіи Наполеона, эта скука не разсѣялась; къ побѣдѣ только присоединилась еще большая гордость и общественная нетерпимость не имѣла границъ. Кто видѣлъ Лондонъ въ 1820 году, тотъ знаетъ, что такое было воскресеніе въ эту эпоху и какими глазами смотрѣли на несоблюденіе правилъ и условій общества. Общество было гордо, скучно и непреклонно подъ этимъ свинцовымъ гнетомъ формализма и этикета.

Когда твердая земля открылась для англичанъ, они толпами бросились изъ Англіи, чтобы вздохнуть свободнѣе вдали отъ скучнаго, церемоннаго общества, которое проповѣдывало, что Англія рай, а вся твердая земля — адъ.

Это аномальное положеніе было не понято многими читателями лорда Байрона. Онъ первый понялъ, какую блистательную роль будетъ играть въ девятнадцатомъ вѣкѣ англійскій дворянинъ, потомокъ завоевателей Нормандіи, который объявитъ войну чопорности и пуританизму. Онъ прочиталъ Вольтера, Бейля, Жанъ-Жака Руссо, Гёте и вооружился силою, насмѣшкою, гнѣвомъ, грустью; не пренебрегая ни шарлатанствомъ, ни хитростью, онъ вскорѣ приобрѣлъ огромный успѣхъ. Нельзя обмануться въ томъ, что Байронъ принялъ на себя эту роль изъ мщенія. Онъ хотѣлъ мстить не только за свои обиды, но за обиды всего своего рода; у него было много ума и таланта; онъ выбралъ удобную минуту и воспользовался ею, жаль только, что во многихъ случаяхъ онъ зашелъ уже слишкомъ далеко. Вооружаясь противъ предразсудковъ, онъ не долженъ былъ трогать другихъ важныхъ вопросовъ. Прежде всего онъ устроилъ свои батареи въ центрѣ католической Италіи, и оттуда открылъ огонь противъ англійскаго общества. Краснорѣчивая грусть, оскорбленная чувствительность, горькія жалобы, пламенная ми-

зантропія, глубокая меланхолія, высказались въ первыхъ нападеніяхъ Бейрона. Молодые люди, женщины и несчастные были увлечены и тронуты. Потомъ слѣдовали обвиненія, угрозы, гнѣвъ и презрѣніе. Когда же онъ снялъ совершенно съ себя маску, то живая иронія Донъ-Жуана заняла мѣсто прежняго направленія, это былъ беззаботный смѣхъ свѣтскаго человѣка, который знаетъ, что его слушаютъ и который въ прекрасныхъ стихахъ говоритъ все, что ему приходитъ въ голову.

Блескъ Бейроновской поэзіи совершенно затмилъ благороднаго и религіознаго Вордсворда, безпристрастнаго наблюдателя Вальтеръ-Скотта, энергическаго писателя Сутея, бывшаго вига, пѣжнаго Кемпбеля, пламеннаго Вильсона. Между строгими людьми поднялся сильный шумъ и они объявили автора «Донъ-Жуана» ужаснымъ человѣкомъ. Нѣкоторые писатели, слѣдуя примѣру Бейрона, возстали тоже противъ общественныхъ условій, но они поступили не такъ, какъ ихъ глава, и не умѣли укрыться отъ преслѣдованій и мщенія. Лейгъ-Гунтъ остроумный и блестящій авторъ «*Франчески де Римини*», почти лучший прозаикъ Англіи, Вальтеръ Севеджъ Ландоръ, на котораго смотрѣли долго, какъ на страннаго писателя, Гадзлитъ (отецъ), первый глубокій и изящный критикъ, знаменитый поэтъ Шеллей и старый философъ Годвинъ протестовали также противъ строгостей кальвинистскаго пуризма и удалились изъ строгаго общества. Ландоръ и Шеллей поѣхали въ Италію. Ландоръ поселился въ прекрасной виллѣ близъ Фіезоле. Дочь философа Годвина, который посреди мыслителей девятнадцатаго вѣка кажется посмертнымъ силуэтомъ восемнадцатаго, послѣдовала въ Италію за молодымъ, грустнымъ Шеллеемъ. Другіе писатели, не такъ замѣчательные, были забыты обществомъ. Гумористъ Ламбъ жилъ только для своей сестры, сумасшедшей Бригитты, которая въ припадкѣ безумія убила свою мать. Ламбъ былъ такъ грустенъ, такъ бѣденъ и скромнень, что ему прощали его талантъ.

Лейгъ-Гунтъ, редакторъ журнала Examiner, смѣло защищался противъ всѣхъ нападеній. Онъ считался главою этой слабой и безсильной группы поэтовъ, соединившихся подъ смѣшнымъ названіемъ *Школы зъвакъ* (Cockney School). Эти бѣдняки жили въ Лондонѣ и не могли восхищаться природою изъ замковъ, которыхъ у нихъ не было.

Главный характеръ, которымъ отличалась *школа зъвакъ* —

это пристрастіе къ стариннымъ выраженіямъ (архаизмамъ), преувеличенная чувствительность и чрезмѣрный восторгъ передъ красотами природы. Въ этомъ можно упрекнуть и лорда Бейрона, не только поэтовъ озеръ (lakistes); но эти послѣдніе не мѣшались въ политику и жили въ хорошенькихъ загородныхъ домикахъ въ Вестморландѣ. Бейронъ велъ роскошную жизнь въ Италиі и первый началъ смѣяться надъ своими друзьями *зѣваками*. Онъ даже старался, сколько могъ, мѣшать имъ, чтобы одному воспользоваться всѣми выгодами побѣды и славы. Многіе изъ читателей сомнѣвались даже въ ихъ истинномъ талантѣ. Было что-то грустное и трогательное въ этой маленькой группѣ писателей, у которыхъ были, конечно, недостатки, но которые твердо продолжали вести неровную борьбу противъ денегъ и хитрости, даже противъ генія, который рѣшился побѣдить своихъ соперниковъ. И несмотря ни на что, они побѣдили; время назначило мѣсто неоспоримому таланту Бейрона, и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрывъ его двусмысленный характеръ и слабое поведеніе, обнаружило и таланты его современниковъ, которыхъ онъ хотѣлъ затмить собою. Теперь уже не презирають школу Лейгъ-Гунта и Газлита, къ которой принадлежатъ нѣсколько талантливыхъ артистовъ, какъ Гайдона и Северна.

Въ этомъ—то остроумномъ и неаристократическомъ обществѣ явился, въ 1815 году, молодой человекъ, съ пламеннымъ воображеніемъ и прекрасною наружностью. Онъ былъ похожъ на Ахилла въ юности; такъ правильны и нѣжны были черты его лица, такъ смѣлы его взгляды. Но между-тѣмъ его прекрасные глаза были окружены темною полосой, кожа его была прозрачна, болѣзненный румянецъ являлся иногда на блѣдныхъ щекахъ, маленький ростъ и нѣжныя руки доказывали слабое и неполное сложеніе. Его уютная голова была покрыта густыми, подвыми локонами, падавшими на широкія плеча. Вообще наружность его была благородна и носила на себѣ отпечатокъ мечтательности. Это былъ Джонъ-Китсъ. Лейгъ-Гунтъ принялъ его ласково, также, какъ и все общество, которое начало ему покровительствовать.

Блѣдный молодой человекъ былъ помощникъ хирурга и поэтъ. Его блѣдые родители, изъ простаго званія, хотѣли дать сыну, безъ души любя его, образованіе выше своего состоянія. Отецъ Джона Китса былъ кучеръ при наемныхъ каретахъ и, какъ

онъ былъ красивый и умный паренъ, то женился на дочери своего хозяина, миссъ Дженнингъ, прекрасной женщиной, любившей жить весело, которая скоро умерла въ чахоткѣ, оставивъ мужу четырехъ дѣтей. Джоржъ Китсъ былъ первымъ плодомъ этого брака, Джонъ, нашъ поэтъ, родился послѣ семи мѣсячной беременности, въ концѣ 1795 года. Послѣ него былъ еще братъ Томасъ и сестра Елисавета. Неровный бракъ отца Китса сдѣлалъ бѣдное семейство тщеславнымъ. Одинъ дядя съ материнской стороны, матросъ, отличившійся при Кампердаунѣ, на кораблѣ Дунканѣ, былъ образцомъ, который мать Китса ставила всегда въ примѣръ своимъ дѣтямъ. Въ семействѣ много говорили о будущности дѣтей и даже хотѣли ихъ помѣстить въ Гарровское училище, гдѣ Байронъ провелъ свои первые года, но это стоило очень дорого и потому мальчиковъ помѣстили въ пансіонъ въ Енфильдѣ. Джоржъ, Джонъ и Томасъ окончили тамъ свое воспитаніе. Томасъ умеръ семнадцати лѣтъ отъ чахотки. Джоржъ, съ твердымъ характеромъ, поѣхалъ искать богатства въ Америку и поселился въ Цинциннати, гдѣ онъ живетъ еще до-сихъ-поръ. Джонъ, будущій поэтъ, былъ отданъ въ ученъе хирургу.

Такъ все семейство разсѣялось въ разныя стороны и самый слабый и ничтожный изъ братьевъ сдѣлался знаменитымъ.

Молодой поэтъ зналъ уже много, когда пріѣхалъ въ Лондонъ на экзамены. Еще ученикомъ хирургіи онъ перевелъ *Виргилія* и читалъ Гомера въ старомъ переводѣ Чапмана, современника Шекспира, который сохранилъ подъ готической формой живое пламя стараго эллина. Греческія красоты привели въ восторгъ ребенка, идеалъ обоготвореннаго человѣчества и высокая грація завладѣли его молодою душою; потомъ его увлекъ Спенсеръ своею блестящею, метафизическою поэзіею, полною мистицизма. Наконецъ Байронъ издалъ свои первые сочиненія, въ которыхъ личность его была еще скрыта подъ горестью и чувствительностью и облечена въ изящную форму. Послѣ Спенсера и Греціи, Байронъ имѣлъ наибольшее вліяніе на Джона-Китса. Чувственная и блестящая жизнь древнихъ эллиновъ, гармоническое богатство, описательная роскошь поэзіи стараго Спенсера и сила чувствъ, идеализированная лордомъ Байрономъ, составили для Джона Китса тройной идеалъ. Съ пятнадцати лѣтъ онъ жилъ одинъ, погруженный въ постоянную мечтательность, во время которой ему являлись живыя, роскошныя созданія языкъ-

никовъ; его странный талантъ произошелъ отъ приложенія сѣвернаго анализа и восторженнаго мистицизма къ этимъ высокимъ и роскошнымъ тонамъ, вѣчнымъ символамъ силъ природы. Отъ этого необыкновеннаго, двойнаго вліянія произошли «*Hyperionъ*» и «*Эндиміонъ*», двѣ лучшія поэмъ Китса. Символы освобождались изъ блестящихъ облаковъ, живыя и чувствительныя созданія говорили съ поэтомъ и онъ восхищался ихъ страстями и желаніями, ихъ печалями и любовью. Для калвинистской Англіи эти поэты были предметомъ удивленія и негодованія; общество Лейгъ-Гунта приняло съ преувеличеннымъ восторгомъ новаго пѣвца древности подлѣ современной мистическою формою.

Развитіе таланта Китса не принадлежало впрочемъ Лейгъ-Гунту, какъ многіе увѣряли; онъ и друзья его только усыновили и ласкали гениальнаго ребенка. Онъ былъ благодаренъ имъ за это, и свою первую поэму посвятилъ Лейгъ-Гунту. Поэма Китса была названа образцовымъ произведеніемъ, ему предвѣщали славу Мильтона. Поэта окружали друзья, щедрый издатель купилъ его сочиненіе, имя Китса сдѣлалось извѣстнымъ. Ничто не могло быть для него вреднѣе этого преждевременнаго триумфа. Его толкнули въ пропасть чувственности и увѣрили въ превосходствѣ направленія его поэзіи, которое имѣло самое вредное вліяніе на его пламенную душу. Поэзія сдѣлалась его единственною цѣлью, а древность — вѣрованіемъ, и онъ началъ пренебрегать практическою дѣятельностью, необходимою для моральнаго здоровья и силы чувствъ. Его слабая натура не выдержала. Несчастный думалъ, что жизнь его можетъ перенести этотъ внутренній сомнамбулизмъ, смѣшанный со всѣми идеальными привидѣніями, которымъ онъ поклонялся. Сколько бы пользы принесли ему труды и усталость война и путешественника! Правильныя понятія продолжили бы жизнь Китса; онъ не лишился-бы своего таланта, но развилъ бы его, очистилъ, облагородилъ и усилилъ.

Въ посмертныхъ письмахъ Китса, изданныхъ въ Лондонѣ г. Мильнесъ*, можно видѣть слѣды моральнаго самоубійства поэта и происхожденіе его страннаго, поэтическаго и чувственнаго пагавизма. Въ одномъ письмѣ поэтъ говоритъ: «Какъ пре-

* *Life, letters and Literary Remains of John Keats* — Edited by R. M. Milnes; 2 тома. Лондонъ. 1848.

красна была-бы жизнь, составленная изъ однихъ чувствованій, но мы принуждены полсуществованія прожить растительною жизнью! То, что мы воображаемъ — мнѣ кажется, что оно одно только и существуетъ. Я увѣренъ въ святости привязанностей и истинѣ воображенія. На свѣтѣ для меня истина — красота! Для чего мысль? Всякій философъ ошибается или находитъ на своемъ пути непреодолимые противорѣчія! О! дайте мнѣ жизнь чувствъ, а не жизнь мыслей.» Молодой мечтатель, самъ не зная того, приблизился къ самому основанію эллинскаго искусства. Жизнь, настоящее, чувства, мечты составляли для него волшебный кругъ, въ которомъ онъ долженъ былъ погибнуть! «Я вижу настоящее, говоритъ онъ, и оно меня трогаетъ. Заходящее солнце веселитъ меня, ласточка подбираетъ сѣмяна на моемъ окошкѣ и я оживаю, я живу ея жизнью.»

Послѣдствія этой теоріи были многочисленны. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Превосходство искусства измѣряется внутреннею силою чувствъ, имъ возбуждаемыхъ... Надобно, чтобы поэзія поражала прекрасными преувеличеніями и чтобы она выливалась избыткомъ, какъ густота листьевъ на деревѣ.» Отъ этого и произошла сладостная дремота всей его жизни, жилъ-ли онъ на берегу озера въ Вестморландѣ, или въ маленькомъ, живописномъ домикѣ Лейгъ-Гунта въ Гамистедѣ. Одна изъ его лучшихъ поэмъ начинается этими словами: «Я знаю, что есть нѣчто нѣживѣ лѣтнаго вѣтерка, пріятнѣ жужжанія пчелы, которая опускается на цвѣтокъ, прекраснѣ розы, которая распустилась въ уединенія, здоровѣ воздуха цвѣтущихъ долинъ, волшебнѣ старинныхъ сказокъ, — это сонъ, драгоценный сонъ, который тихо закрываетъ наши глаза и напѣваетъ колыбельную пѣсенку, который представляетъ намъ высшее наслажденіе и воображаемый идеалъ... О сонъ! о поэзія! За десять лѣтъ поэтическаго сна я отдалъ бы всю жизнь. Мнѣ нужно десять лѣтъ, чтобы окончить произведеніе, которое предпочлила моя душа и чтобъ путешествовать далеко. Какъ продолжительна и прекрасна перспектива волшебныхъ странъ! Какъ прозрачны и чисты ручьи, изъ которыхъ я буду пить воду, питающую духовъ! Прежде всего я посѣщу зеленыя царства Пана и Флоры. Я буду спать на травѣ, буду питаться дикими ягодами и яблоками, я сожму бѣлую руку нимфы, скрывающейся въ темныхъ кустарникахъ, и сорву поцѣлуй съ ея свѣжихъ устъ, которыя, смѣясь, будутъ отъ меня уклоняться.

Я буду играть нѣжными пальчиками нимфы и тихонько цѣловать ихъ бѣлыя плеча; потомъ, когда мы помиримся, то сядемъ подъ тѣнью и будемъ читать прекрасные рассказы изъ жизни человѣческой...» *.

Эти прекрасные стихи невозможно передать прозою, столько въ нихъ чувственной мелодіи и сладострастнаго ритма, который сообщаетъ читателю мистическое спокойствіе. Изъ него-то Китсъ силою своею воображенія воспроизводитъ волшебный міръ языческихъ боговъ. Для него поэзія не забава и не учёнье, это—вся его жизнь. Ночи безъ сна, дни безъ дѣятельности, глубокая отвлеченность, внутреннее созерцаніе, пожертвованіе человѣческими интересами волшебнымъ созданіямъ, все это дѣйствовало, какъ ядъ, на органы его слабаго, но пламеннаго сложенія. И скоро молодой человѣкъ, сначала крѣпкій и здоровый, у котораго мать и братъ умерли въ чахоткѣ, сдѣлался самъ болѣнъ и грустенъ. Послѣ трехъ лѣтъ расслабляющей мечтательности и восторговъ воображенія, друзья Китса испугались его блѣдности и слабости и совѣтовали ему ѣхать изъ Лондона и отправиться путешествовать на нѣсколько мѣсяцевъ по разнымъ графствамъ трехъ королевствъ.

Это было уже поздно, потому что онъ былъ изнуренъ чувствительностью и мечтательностью, и моральное расслабленіе слѣдовало за физическимъ. Вотъ, что онъ писалъ одному изъ своихъ друзей, который поддерживалъ его на трудномъ пути жизни:

Понедѣльникъ, 26 мая 1818 года. Вы видите, что я долго откладывалъ мой отъѣздъ и самъ не ясно понимаю, что дѣлаю. Мой разсудокъ въ такомъ расслабленіи, что я пишу Богъ знаетъ что, и утомляю васъ капризами моего ума, или скорѣе тѣла, потому-что, кажется, я потерялъ умъ. Я въ такомъ расположеніи, что еслибы меня бросили въ воду, то я не сдѣлалъ бы ни одного движенія, чтобы выплыть. Во всемъ этомъ мало здраваго смысла. Отъѣздъ моего брата въ Америку не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія, и я остался нечувствителенъ, узнавъ о его женитьбѣ. Все это пройдетъ, но меня печалитъ то, что я принужденъ вамъ писать въ эту минуту; я не умѣю составлять фразъ. Я вамъ многимъ обязанъ, всегда

* What is more gentle than a wind in summer, и проч.

буду помнить это, и не желаю сквитаться съ вами. Приятно опираться на благодѣянія друга, какъ альбатросъ, который спитъ, опираясь на свои крылья... У свѣта много дѣла, чтобы заниматься нами, и я этимъ очень доволенъ. Еслибы мнѣ предоставили на выборъ, я отказался бы быть увѣчаннымъ, какъ Петрарка, потому, что я долженъ умереть, и что женщины также смертны...»

Онъ объѣхалъ Шотландію, Вестморлавъ, часть Ирландіи, но не могъ поправить своего здоровья, потому-что не переставалъ предаваться поклоненію формы и природѣ, которое ослабляетъ человѣка. Прекрасныя греческія явленія не могли успокоить его души. Онъ не вѣрить, не любитъ и проситъ только времени, чтобы написать одну или двѣ поэмы. Онъ хладнокровенъ къ женщинамъ и единственная цѣль его жизни состоитъ въ томъ, чтобы писать прекрасныя стихи, которые его убиваютъ. Въ Шотландіи, гдѣ общественныя правила очень строги, поэтъ пришелъ въ отчаяніе и тотчасъ-же уѣхалъ въ Ирландію, гдѣ люди не такъ строги, но зато и не такъ нравственны.

Война Китса противъ кальвинизма составляла главное занятіе его жизни. Онъ умѣренъ въ своихъ вкусахъ и привычкахъ, одно воображеніе его чувственно; строгость аскетической жизни возбуждаетъ его гнѣвъ. Если онъ восхищается Мильтономъ, то не прощаетъ ему его сектаторской строгости. Въ его произведеніяхъ видѣнъ иногда политевизмъ, и Вордсвордъ былъ правъ, когда читая вскричалъ: «Какой восхитительный язычникъ!»

Можно было бы подумать, что женщины, символъ красоты, должны были увлечь Китса дальше предѣловъ благоразумія и заставить его дѣлать глупости. Но онъ, напротивъ, не обращаетъ на нихъ вниманія. Онъ несправедливъ къ нимъ и сердится на нихъ за то, что онѣ не похожи на нимфъ Греціи. Онъ неумолимъ къ ихъ малѣйшимъ недостаткамъ и убѣгаетъ ихъ присутствія. Нѣсколько женскихъ портретовъ написаны Китсомъ очень строго и даже жестоко. Вотъ одинъ изъ самыхъ снисходительныхъ:

«Вотъ вамъ портретъ миссъ ***. Она одного росту со мною; лицо ея приятно и продолговато, но въ чертахъ нѣтъ никакого выраженія. Она причесывается такъ, что ея волосы кажутся очень густы и хороши. Ротъ ея не хорошъ и не дуренъ; она

лучше въ профиль, чѣмъ прямо. Она полна, но блѣдна, руки ея почти дурны, ноги посредственны. Ей еще нѣтъ семнадцати лѣтъ и она очень глупа. Манеры ея живы; она скачетъ, бѣгаетъ и все-таки хочетъ играть роль знатной дамы. Мнѣ надоѣла ея важность, и я не хочу ее больше видѣть. Это настоящая миссъ, во всемъ значеніи этого слова, которое ничѣмъ не вознаграждается».

Поэтъ былъ эластолюбивъ только въ мысляхъ; трудно повѣрить, что авторъ двоирамба бордосскому вину былъ пьянъ только одинъ разъ въ жизни. Приведемъ это письмо, конецъ котораго любопытенъ также потому, что въ немъ видно, что онъ думалъ о критикѣ и какъ онъ былъ увѣренъ, что талантъ всегда побѣдитъ всѣ препятствія.

«18 февраля 1849 года. Да здравствуетъ бордосское вино! Когда я получаю его, то долженъ тотчасъ же уничтожить. Это одно наслажденіе, къ которому я пристрастенъ. Хорошо-ли я слѣлаю, если пошлю вамъ въ подарокъ нѣсколько виноградныхъ лозъ? Можно-ли слѣлать это? Я узнаю объ этомъ и если вы будете дѣлать вино, я буду приходить лѣтомъ пить его подъ навѣсомъ свѣжикъ листьевъ. Оно наполняетъ ротъ свѣжестью и протекаетъ въ горло холодной струей, не производя лихорадку, оно не ссорится съ печенкою, покойно въ желудкѣ, какъ въ гроздахъ, и благоухаетъ, какъ медъ. Его улетучивающіеся, эфирные элементы поднимаются въ мозгъ, но не овладѣваютъ мыслями, какъ рыцарь, который похищаетъ свою возлюбленную; напротивъ, оно ѣдетъ впередъ тихо, какъ Аладинъ въ волшебномъ замкѣ. Другія вина, крѣпкія и спиртуозныя, превращаютъ человѣка въ Силена, бордосское дѣлаетъ его Гермесомъ и даетъ женщинѣ душу и страсть Ариадны. Я увѣренъ, что Бахусъ хранитъ для нея цѣлый погребъ бордосскаго вина, но не можетъ уговорить ее, чтобы она выпила вдругъ больше двухъ бокаловъ. Я говорилъ, что люблю одно только это вино, но я забылъ еще сказать, что чувствую особую привязанность вообще къ дичи: бѣлой куропаткѣ, зайцу, тетеревамъ и фазанамъ.

«Я вамъ не говорю ничего о моихъ дѣлахъ, потому-что еще не отчего приходить въ отчаяніе. Моя поэма не имѣла успѣха. Въ продолженіе этого года я еще разъ испытаю публику. Еслибы я повиновался эгоизму, то замолчалъ бы изъ презрѣнія къ общему мнѣнію, но изъ любви къ вамъ и къ Фан-

ни я соберу всѣ мои силы и попробую еще разъ. Я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ, если буду настаивать; надобно только имѣть терпѣніе, критики вооружили всѣ умы и сдѣлали ихъ лѣнными; много ли есть людей, которые думаютъ сами? Эти *обзоры* владѣютъ особенно въ *Quarterly*. Они дѣлаются предразсудками, и чѣмъ больше имѣютъ вліянія на толпу, тѣмъ сильнѣе ихъ могущество. Но люди читающіе похожи на зрителей пѣтушьихъ боевъ въ Вестминстерѣ, которые смотрятъ на драку пѣтуховъ, но имъ совершенно все равно, который изъ нихъ останется побѣдителемъ.»

Посмертное собраніе писемъ Китса доказываетъ, что онъ былъ скромнѣе и спокойно переносилъ нападки критиковъ на его поэзію. Онъ даже былъ благодаренъ за совѣты и не считалъ ихъ оскорбленіями. Общее мнѣніе было обмануто умнымъ и сомолюбивымъ Байрономъ, который хотѣлъ посмѣяться надъ гениальнымъ человѣкомъ, умершимъ въ молодости и надъ критиками, которые будто бы уморили его. Вотъ что говоритъ объ этомъ Байронъ въ своемъ «*Донъ-Жуанъ*»:

«Журнальная статья убила Китса; талантъ бѣдняка что-то общалъ, хотя онъ не зналъ греческаго языка и заставлялъ говорить боговъ плохую прозу. Но не правда-ли, какъ оригиналенъ этотъ фактъ, что умъ — эта искра безсмертнаго огня — былъ потушенъ, какъ догорѣвшій огарокъ свѣчи, какимъ-нибудь глупымъ педантомъ, журнальнымъ пачкуномъ!»

Нѣтъ, это не правда. Бѣдный Китсъ! Знатный поэтъ и завистливый интриганъ обманулъ публику. Теперь всѣмъ извѣстно, что бѣднякъ умеръ не отъ отчаянія послѣ жестокой критики. Нѣтъ, Китсъ былъ скромнѣе передъ идеальнымъ типомъ прекраснаго и гордъ своею силою, какъ всѣ гениальные люди; онъ не презиралъ критики, но уважалъ всегда правду. Онъ общалъ многое въ будущемъ и публика была обманута на его счетъ. Китсу, чахоточному, бѣдному мечтателю, не надобно было журнальной статьи, чтобы умереть преждевременно.

Многіе порицали и даже отрицали этотъ новый талантъ. Въ Эдинбургѣ и Глазговѣ сильно нападали на поэтическаго нововводителя. Чувственность, паганиззмъ, темнота, архаическая аффектація, совершенное отсутствіе теплаго вѣрованія и чувства, вооружили многихъ противъ поэта, но это не повредило его литературной славы, и если *Blackwood's Magazine* и нѣ-

которые журналы возставали противъ Китса, другіе критики защищали его. Джеффри, одинъ изъ лучшихъ современныхъ критиковъ, объявилъ въ журналѣ *Edinburgh Review*, что у Китса высокій поэтический талантъ и пламенное воображеніе, которое превосходно возобновило символическій міръ древнихъ. Когда Байронъ получилъ въ своей италіанской виллѣ тотъ номеръ *Edinburgh Review*, гдѣ была напечатана статья въ похвалу Китсу, то пришелъ въ ужасный гнѣвъ. Вотъ что онъ писалъ къ Муррею:

«Я не хочу больше слышать о Китсѣ. Уничтожьте мнѣ его живаго, или я самъ возьмусь за это. Я не могу переносить идиотизмовъ и пустословія этой маленькой обезьяны. Для чего вы позволяете хвалить этого Китса? Когда Джонсонъ узналъ, что одному дурному актеру дали пенсію, онъ закричалъ: Ну такъ пусть же у меня отнимутъ пенсію!» Я гордился похвалами и порицаніями эдинбургскихъ критиковъ. Теперь же, когда они хвалятъ Китса, эти похвалы безчестятъ всѣхъ, кого они прежде превозносили. Отчего, послѣ этого, не хвалятъ *Латинскій календарь*? Онъ стоитъ *Иванушки (Jeanpot) Китса.*»

Позже, когда Китсъ умеръ, Байронъ перемѣнилъ свое мнѣніе. *Идиотъ и пустословъ* Китсъ превратился въ великаго поэта, въ Эсхила, «прекрасное произведеніе котораго *Гиперионъ* будетъ жить вѣчно.» Отчего же произошла эта скорая перемѣна? Оттого, что у Байрона были всегда двѣ цѣли въ жизни: возвысить себя и унижить другихъ. Онъ пишетъ къ Муррею: «Читая написанную противъ меня *дикую* статью журнала, я не умеръ съ отчаянія, какъ Китсъ, я выпилъ три бутылки бордосскаго, и написалъ отвѣтъ Джеффрию. Я зналъ, что не могъ всадить ему пулю въ лобъ и убилъ его другимъ способомъ. Только очень молодые поэты умираютъ отъ критикъ; впрочемъ, я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы быть авторомъ убійственной статьи, хотя презираю всю эту школу марателей бумагъ.»

Сколько гордости и презрѣнія въ этихъ словахъ! Къ несчастію, въ нихъ мало правды; Байронъ не могъ никогда простить Англій, что она не восхищалась его первыми поэмами, которыя были очень слабы, и у бѣднаго Китса было больше моральной силы — чѣмъ у дерзкаго вельможи-поэта. Въ этихъ противорѣчіяхъ похвалъ и порицаній видна только одна истина: зависть лорда Байрона и непостоянство мыслей, под-

чиненныхъ мелкимъ страстямъ. Онъ два раза старался очернить Китса, сначала своею критикой, потомъ своею защитой, но все было напрасно. Безъ сомнѣнія, у молодаго поэта было много недостатковъ, но эти недостатки, общіе всему литературному движенію 1815 года, то-есть, чувственность, подражаніе, архаизмъ и отсутствіе національности. Созвучія размѣра и римъ, поэтическія формы, часто заставляли Китса забывать о сущности искусства. Въ его сочиненіяхъ вы рѣдко найдете душу и вѣрованіе, милосердіе и христіанскую симпатію, истину и общечеловѣческій идеалъ. У Китса сблизчивость, неровность и многословіе въ подробностяхъ искупаются сосредоточенностію, силою выраженія, блестящимъ сравненіемъ, а особенно могуществомъ концепцій. Всѣ его недостатки можно приписать молодости. Онъ мало зналъ людей, а его удивительная способность отыскивать идеалъ и изображать его мелодическимъ и страстнымъ языкомъ ослабляется частыми повтореніями и нерѣшительностію въ ходѣ его произведеній. Когда онъ удерживаетъ свои порывы и старается быть яснымъ, то пишетъ превосходно. Вотъ для примѣра отрывокъ:

«Это было вечеромъ; воздухъ былъ свѣжъ, небо чисто. Былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, какіе бываютъ въ Греціи, гдѣ вся сила человѣка пробуждается и царствуетъ. Тогда здоровье бываетъ въ полной силѣ; герой Гомера встаетъ во всемъ могуществѣ, и, кажется, слышишь звукъ трубъ; Аполлонъ поднимается на свой вѣдесталъ и цѣломудренная Венера, вооружась всей своею красотою, бросаетъ вокругъ себя робкій взглядъ. Свѣжій вѣтерокъ проходитъ въ жилище людей, бѣдный больной открываетъ глаза и погружается въ живительный сонъ. Когда онъ просыпается, то не чувствуетъ больше жару, охлажденныя вѣки его поднимаются радостно, и онъ видитъ вокругъ себя друзей и родныхъ, которые весело ждутъ совершеннаго его выздоровленія. Счастливый часъ, когда тѣ, которые любятъ, смотрятъ съ умилевіемъ на друга, удивленные жизнью и блескомъ въ любимомъ взглядѣ. Въ этотъ часъ каждое человѣческое слово неизмѣнно, каждое соединеніе вѣчно.»

Эта мнѣологическая чувственность сосредоточилась во всѣхъ произведеніяхъ Китса и составляетъ главный характеръ его *Гиперіона* и *Эндиміона*. Въ этихъ большихъ поэмахъ онъ весь предается своей мечтательности. Его советы могутъ считаться лучшими на англійскомъ языкѣ. По формѣ, эти произведенія

трудно подчинять страсти къ древнимъ, и потому Китсъ въ нихъ превосходень. Вотъ одинъ изъ его советовъ:

МОИМЪ БРАТЬЯМЪ.

«Свѣтлые уголья положены въ каминъ и блестящій огонекъ дрожа перебѣгаетъ по нимъ. Тихіе голоса, которые мы слышимъ въ каминѣ—голоса пенатовъ, домашнихъ боговъ, добрыхъ гениевъ, которые покровительствуютъ нашей братской любви. Вы, мои братья, перелистываете въ это время книгу, которая каждый вечеръ утѣшаетъ васъ, я же лицу моею рпею на концѣ свѣта. Сегодня твое рожденіе, любезный Томасъ! Дай Богъ, чтобы мы еще долго проводили этотъ вечеръ вмѣстѣ при тихомъ шопотѣ каминна. Истинныя радости, спокойныя радости жизни! продолжайтесь до тѣхъ-поръ, пока голосъ свыше скажетъ намъ: «Друзья, пора оставить этотъ міръ!»

Послѣдніе два года жизни Китса были для него тяжелою пыткой, къ которой присоединился еще ужасный эпизодъ, окончательно разстроившій его здоровье. Какъ будто желая удержать жизнь страстью, онъ влюбился, и эта любовь ускорила его погибель. Молодые люди двадцати-одного года обыкновенно очень строго судятъ женщинъ и хвастаютъ своимъ пренебреженіемъ къ нимъ. Китсъ слѣдовалъ также этому правилу; онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на женщинъ, такъ онѣ казались ему далеки отъ его идеала. Онъ считалъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ «цвѣтовъ и конфетъ», онъ не могъ полчаса оставаться съ этими «маленькими пансіонскими созданіями.» Всѣ женщины кажутся ему скучными, и онъ сердится, когда слышитъ что онѣ «лепечуть, какъ сороки, и вертятся, какъ флюгера», онъ упрекаетъ себя въ слабости, въ томъ, что въ молодости онъ обожалъ ихъ и обѣщалъ впередъ не вѣрить больше въ воздушныя женственныя видѣнія.» И что же? вдругъ пріѣхала изъ Индіи красавица, взглядъ которой «роскошень, какъ Востокъ» и о которой всѣ женщины говорятъ много дурнаго. Китсъ думаетъ сначала также, какъ онѣ, критикуетъ красоту, находитъ, что она очень вѣтрена, что манеры ея театральны, что она кокетка, но несмотря на это, когда она проходитъ, то всѣхъ привлекаетъ «магнетическою цѣпью.» Нако-

нець онъ полюбилъ страстно эту гордую женщину, которую онъ сравниваетъ съ пантерою. Больше всего ему нравится то, что она не похожа на пуританскихъ *Клариссъ* и не находитъ ничего отраднaго (any thing particular) въ тихомъ разговорѣ въ темномъ углу залы. Для англичанина все кажется новымъ въ этой креолкѣ. Любовь была послѣднимъ несчастьемъ Китса, и остатокъ его короткой жизни былъ долгимъ, мучительнымъ вздохомъ о прекрасной креолкѣ.

ФАННИ НА БАЛѢ.

«Ты моя радость, мой страхъ, моя надежда, мое мученіе; ты, кого я люблю, я вижу тебя веселою и прекрасною, какъ для меня, такъ и для всѣхъ, въ то время, когда мои пламенные взоры въ упоеніи все смотрятъ и смотрятъ на тебя одну.

«Кто смѣетъ похищать мое счастье? О, умоляю тебя, не подавай ему твоей руки, останься чистою отъ этого прикосновенія, которое убиваетъ меня! Прошу тебя, изъ милости, не отвращай отъ меня такъ скоро симпатическаго влеченія, которое позволяетъ мнѣ жить! Сохрани для меня самое сильное біеніе твоихъ артерій! Сохрани его только для меня одного. Музыка звучитъ въ благоухающихъ залахъ; вездѣ видно веселье; воздухъ полонъ нѣги; танцы развиваютъ свои жаркія гирлянды, но ты будь холодна и улыбайся, какъ утро мая. Избавь меня отъ ревности. Ты видишь, что я не переживу этого, а моя жизнь и безъ того такъ скоро гаснетъ!»

Чахоточный, влюбленный и бѣдный поэтъ каждый день становился еще болѣе влюбленъ и слабъ. Когда же ему не оставалось болѣе никакой надежды на спасеніе, ему пришла въ голову мысль написать комическую поэму, и онъ оставилъ нѣсколько грустныхъ отрывковъ, подъ заглавіемъ: «*Калпакъ и Погремушки.*»

Поэтъ угасалъ каждый день. жизнь его истощалась страстями, мечтательностію, горемъ, страданіями физическими и моральными... Ужасное положеніе! Наконецъ, друзья заставили поэта уѣхать изъ Гампстеда, гдѣ жила опасная Фанни, и отправиться въ Италію. Китса провожалъ другъ его Севернъ. Вотъ что писалъ поэтъ тотчасъ послѣ своего отъѣзда: «Въ

виду Ярмута 28 сентября, 1820 года, на палубѣ *Maria-Stowther*. Съ какимъ удовольствіемъ покинулъ я Лондонъ. Я часто желаю, чтобы вы дали мнѣ драгоценное для меня общаніе быть другомъ миссъ Ф*** послѣ моей смерти. Вы думаете, что у ней много недостатковъ, но изъ любви ко мнѣ вѣрите, что она совершенство. Если можно быть ей полезнымъ словами или дѣломъ, я знаю, что вы не откажетесь помочь ей. Одна мысль оставить ее приводитъ меня въ ужасъ. Я окруженъ какимъ-то мракомъ и вижу только ее передъ собою, въ моихъ ушахъ звучитъ еще ея голосъ. Есть ли другая жизнь? Проснусь-ли я снова или все это одинъ сонъ? Да, есть. Мы созданы не для однихъ страданій.... Мое письмо опечалитъ васъ. Я знаю вашу дружбу и желаю вамъ только одного, чтобы вы никогда не страдали, такъ какъ я. Я буду думать объ васъ въ послѣднія минуты, буду стараться писать къ Ф**, если буду въ состояніи. Я бы желалъ умереть за однимъ изъ моихъ писемъ и съ удовольствіемъ жду этой минуты.»

Онъ поселился въ Римѣ, гдѣ докторъ Кларкъ заботился объ немъ съ благороднымъ безкорыстіемъ и преданностію. Лордъ Байронъ, разумѣется, ни разу не посѣтилъ этого жалкаго поэта, который при концѣ жизни нашелъ великодушныхъ друзей. Живописецъ Севернъ ухаживалъ за больнымъ съ самоотверженіемъ, жертвуя для него временемъ, деньгами, даже своею будущностію и талантомъ. Эти трогательныя и почти всегда скрытыя благодѣянія выкупаютъ многія человѣческія слабости и пороки. Богъ одинъ знаетъ, что есть въ мірѣ столько-же скрытыхъ добродѣтелей, сколько явныхъ пороковъ. Однако бѣдный «Сынъ огня», какъ на Востоку называютъ поэтовъ, уже угасалъ.... Вотъ что онъ писалъ 30 ноября 1820 года:

«Я боюсь вспомнить объ Англии. Я привыкъ думать, что дѣйствительная жизнь моя кончилась и что я живу *замогильною* жизнью. Богъ знаетъ, какъ это сдѣлалось, но мнѣ кажется, что это дѣйствительно такъ. Однако я стараюсь быть спокойнымъ и въ самыя тяжелыя минуты, съ отчаянія, говорю каламбуры. Одна мысль убиваетъ меня: Я былъ здоровъ, силенъ, веселъ, я видѣлъ ее... а теперь...»

Это письмо было послѣднимъ, которое Китсъ писалъ къ своимъ друзьямъ. Журналъ Северна, писанный у постели умираю-

щаго Китаа и адресованный на имя Брауна, трогательно въсѣхъ коментаріевъ! Вотъ отрывки изъ него:

14 декабря 1820. Положеніе Китаа сдѣлалось хуже. Онъ не можетъ уже вставать съ постели. Послѣ маленькаго облегченія, страданія его возобновились, и я не предвижу ничего хорошаго въ будущемъ. Всякая перемѣна производитъ на него вредное дѣйствіе, такъ, что онъ начинаетъ даже бредить. Вотъ уже пятый день ему все хуже.

«17 Декабря. Я не могу оставить его ни на минуту. Сажу у его постели и цѣлый день читаю; ночью я соглашаюсь со всѣми его сумасбродными мыслями. Онъ уснулъ въ первый разъ послѣ восьмидневныхъ невыносимыхъ страданій и то отъ изнеможенія. Я желаю, чтобы онъ не просыпался, пока я не кончу письму, потому-что вы должны узнать правду, которую я скрываю отъ бѣднаго Китаа. Положеніе его безнадежно. Поутру онъ былъ веселъ, но потомъ съ нимъ сдѣлался сильный припадокъ; онъ закашлялся и началъ плевать кровью. Докторъ Кларкъ выпустилъ ему восемь унцій черной, густой крови. Китаа очень печаленъ и разстроенъ; онъ соскочилъ съ постели и закричалъ: «Сегодня я непременно умру.» Желудокъ его ничего не варитъ, но онъ поминутно проситъ ѣсть и повторяетъ, что голоденъ. Я принужденъ, давать ему ѣсть больше, чѣмъ докторъ позволяетъ. Мы всѣ увѣрены въ искусство доктора Кларка; онъ приходитъ четыре или пять разъ въ день и проситъ присылать за нимъ каждый разъ, какъ больному сдѣлается хуже. Мои силы также слабѣютъ. Эти римляне не имѣютъ никакого понятія о комфортахъ; я принужденъ дѣлать все самъ. Какъ бы я желалъ, чтобы вы были здѣсь.

«15 января 1821 года. Бѣдный больной опять уснулъ; я читалъ ему до-тѣхъ-поръ, пока онъ закрылъ глаза. Онъ мнѣ сказалъ: Севернъ, я вижу, что ты занятъ не книгою. Ты дѣлаешь для меня больше, чѣмъ-бы я желалъ. Скоро-ли наступитъ моя послѣдній часъ?» Онъ ослабѣваетъ все болѣе и болѣе...

«Банкиръ Торлонія не даетъ намъ больше денегъ, а завтра я долженъ заплатить послѣднюю крону за эту проклятую квартиру. И если онъ умретъ, то постель и вся мебель въ его комнатѣ будутъ сожжены, стѣны перекрасятся и всѣ эти расходы упадутъ на меня, но что печалитъ меня болѣе всего, это

видъ моего бѣднаго, благороднаго друга, который умираетъ безъ духовной помощи, необходимой при послѣднихъ минутахъ.

«Если бы я могъ оставить его хоть на вѣсколько часовъ въ день, я выработалъ бы деньги моею кистью, но онъ не теряетъ меня изъ виду и не можетъ видѣть у постели чужаго лица. Я же скорѣе откушу себѣ языкъ, чѣмъ скажу, что у насъ нѣтъ денегъ, — это убьетъ его въ минуту.

«Вы видите, что я теряю даже надежду на пансію изъ королевской академіи, потому-что не могу написать на выставку ни одной картины. Я уже писалъ къ сэру Томасу Лаурансу. Эту ночь я читалъ Китсу сочиненія Іереміа Тайлора. Мой бѣдный другъ знаетъ очень хорошо свое положеніе. Его познанія въ анатомію дѣлаютъ еще опаснѣе каждый припадокъ.

«18 февраля. Я получалъ ваше письмо отъ 15 февраля. У меня выступаютъ слезы на глазахъ, когда я сравню вашъ гостепріимный Гамстедъ съ этою пустынею, гдѣ страдаетъ нашъ бѣдный Китсъ. Я всевозможными заботами сохраняю ему жизнь. Онъ сначала отказывался отъ пищи, но я самъ приготовлялъ ему кушанье до шести разъ въ день, и онъ не могъ отказаться. Я могу отойти отъ него только во время сна. Нельзя вообразить себѣ, какъ онъ страдаетъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ своего вѣчнаго покоя, то есть, смерти.

«19 февраля. Въ немъ нѣтъ почти никакой перемѣны, только, къ счастью, бредъ прошелъ и онъ сталъ гораздо спокойнѣе. Ночью онъ много говорилъ, но безъ жару и потому уснулъ. Кажется, сны его пріятны. Можетъ быть, этотъ благодѣтельный сонъ немного подкрѣпитъ его. Сегодня ночью онъ между прочимъ просилъ меня, чтобы на его могилѣ начертали слѣдующія слова:

«Здѣсь покоится существо, имя котораго написано на водѣ.»

«Онъ купилъ здѣсь экземпляръ Альфіери, но бросилъ книгу на второй страницѣ, читая эти стихи:

Misera-me! Sollievo a me non resta
Altro che il pianto, de il pianto è pelitto!

«Теперь я знаю его горе и не удивляюсь ему. Я нашелъ англичанку, которая приходила каждый день, чтобъ замѣнить меня у больнаго. Она, кажется, нравилась Китсу, но сегодня она захворала и не можетъ придти. Я въ сосѣдней комнатѣ

рисую маленькую картинку. Это немного поддерживает меня, также, какъ чтеніе итальянскихъ книгъ. Докторъ удивляется вашей добротѣ къ Китсу; онъ не надѣется на его выздоровленіе, потому что легкія его ужасно повреждены и желудокъ потерялъ всю силу. Китсъ знаетъ, что долженъ скоро умереть и что давно уже нѣтъ никакой надежды на его спасеніе.

«22 февраля. День и ночь я не отхожу отъ умирающаго. Я самъ болѣнъ, измученъ и никто не поможетъ мнѣ; всѣ оставили Китса, да еслибы и не оставили, онъ не позволилъ бы никому подойти къ себѣ...

«Ночью я думалъ, что онъ умираетъ, потому что онъ началъ хрипѣть и просилъ приподнять его. Я думалъ, что кашель задушилъ его. Сегодня утромъ онъ былъ такъ страшенъ, что я испугался. Онъ былъ похожъ на привидѣніе...

«Я не могу даже рисовать, хотя это было бы необходимо для меня. Бѣдный Китсъ не отпускаетъ меня ни на минуту и покоенъ только, когда погасшій взглядъ его останавливается на мнѣ. Мысль, что я ему необходимъ, не позволяеть мнѣ отлучиться ни на минуту. Я и не жалеюсь. Моя дружба къ поэту принесла мнѣ также пользу, зачѣмъ же мнѣ искать занятій? Прощайте!..

«27 февраля. — Онъ умеръ!.. умеръ тихо и безъ страданій, какъ будто бы заснулъ. 23, къ четыремъ часамъ, онъ почувствовалъ приближеніе смерти. — «Севернъ, сказалъ онъ... приподними меня, — я умираю — но несколько не страдаю; не бойся, будь твердъ и благодари Бога, что я наконецъ успокоюсь!» Я держалъ его въ моихъ объятіяхъ и онъ страшно хрипѣлъ; онъ постепенно ослабѣвалъ и я думалъ, что онъ засыпаетъ, когда онъ уже былъ мертвъ. Что мнѣ еще прибавить? Я не спалъ четыре ночи, и самъ очень болѣнъ и измученъ. Когда вскрыли тѣло Китса, то вовсе не нашли въ немъ легкіхъ; доктора удивляются, какъ онъ жилъ послѣдніе два мѣсяца. Я проводилъ его до могилы со многими англичанами, которые заботились о моемъ здоровьи, а то я бы сдѣлался опасно болѣнъ. Теперь мнѣ лучше, только ужасно грустно...

«Полиція велѣла истребить все, что было въ комнатѣ нашего друга. Докторъ Кларкъ принялъ на себя всѣ хлопоты.»

Китса похоронили на протестантскомъ кладбищѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ черезъ два года послѣ него зарыли Шеллея, который посвятилъ Китсу превосходную элегію. Молодой поэтъ, несмотря на нападки Бейрона, занимаетъ вмѣстѣ съ Шеллеемъ почетное мѣсто въ исторіи литературы нашего времени. Китсъ первый далъ направленіе послѣдней поэтической школѣ Альфреда Тенисона.

Если разсмотрѣть всю страдальческую жизнь поэта, то нельзя не обвинить направленія идей Китса въ его смерти. Если бы этотъ гениальный ребенокъ имѣлъ твердыя вѣрованія, онъ бы не умеръ такъ рано. Правильная дѣятельность поддержала бы его разумъ и его силы. Несчастны тѣ, которые требуютъ отъ жизни только чувства. Они не достигаютъ высокой цѣли существованія. Даже поэзія не очищаетъ ихъ чувства: упоеніе увеличивается вмѣстѣ съ опасностію; а чувства, лишеныя твердаго вѣрованія, которое составляетъ для нихъ необходимое равновѣсіе, уничтожаютъ себя своею собственною силою.

II. ИСКУССТВА.

ВОКАЛЬНАЯ МУЗЫКА ВО ФРАНЦІИ. (Статья вторая.)

Въ исторіи музыки, начиная съ 1830 года, развитіе музыкальной дѣятельности становится болѣе полнымъ, правильнымъ, и потому нелишне указать на замѣчательнѣйшія произведенія, явившіяся въ этотъ періодъ на французской сценѣ, и на тѣхъ артистовъ, слава которыхъ уже упрочена самимъ временемъ.

Поговоримъ объ оперѣ Обера *Dieu et la Bayadère*. Надо сознаться, что мысль композитора сдѣлать танцовщицу примачиною въ оперѣ, а пѣвицу поставить на второмъ мѣстѣ и притомъ такую пѣвицу, какова была г-жа Даморо,—мысль совершенно французская, и вѣногла не пришла бы она въ голову какому нибудь италіянскому либреттисту. Какъ бы то ни было, но мысль эта, до своей новости, понравилась публикѣ и Оберъ торжествовалъ.

Никакой композиторъ не сумѣлъ бы лучше Обера вывернуться изъ такого труднаго дѣла, и съ такимъ же искусствомъ передать посредствомъ оркестра тѣ чувства, которыя безмолвная героиня должна была выражать движеніями и пантомимой. Оберъ превосходно понималъ всѣ требованія сцены.

Въ этомъ же году и Галеви, имѣвшій въ послѣдствіи цѣлый рядъ блистательныхъ успѣховъ на оперной сценѣ, дебютировалъ въ музыкѣ, сочиненной имъ для балета.

Въ это время хозяйственное управленіе Опернаго Театра, со-державшагося на счетъ казны, по причинѣ чрезмѣрныхъ издержекъ, было въ весьма затрудительномъ положеніи. Рѣшились сдать театръ частному лицу и по счастью выборъ палъ на человека ловкаго и дѣятельнаго. Онъ тотчасъ принялся за перемѣны, которыхъ требовала собственная его польза; но въ то же время онъ не упустилъ изъ виду и то, что блескъ сцены, принятой имъ въ свое завѣдываніе подъ страхомъ собственныхъ потерь, составляетъ главное условіе ея существованія. Онъ не жалѣлъ истинно необходимыхъ издержекъ и театръ сталъ роскошнѣе, чѣмъ прежде. Впрочемъ фортуна ему благопріятствовала: онъ нашелъ превосходную труппу, только что вновь составленную изъ талантовъ, обѣщавшихъ весьма многое въ будущемъ; въ цѣломъ составѣ своемъ она обладала такими средствами исполненія, какихъ еще не встрѣчали до того времени на французской сценѣ. Въ труппѣ этой находились—Адольфъ Нурри, Левассеръ, г-жа Даморо, артисты первоклассные; Лафонъ, Дюпонъ, Массоль,—также любимцы публики; Вартель и Деривезъ, сынъ, недавно ангажированные на сцену, подававшіе самыя лестныя надежды въ будущемъ и наконецъ г-жа Дорюсъ, дебютировавшая съ блистательнымъ успѣхомъ. Фальконъ вступила на сцену нѣсколько позже.

Для оперы насталъ новый періодъ дѣятельности, богатый лучшими результатами. Прежде каждый артистъ хотѣлъ только наслаждаться спокойствіемъ и не много заботился о томъ, какъ бы привлечь публику; теперь же при новомъ директорѣ, уже на другихъ условіяхъ, всѣ артисты по-неволѣ должны были принятыя съ большимъ рвеніемъ за дѣло, ради общаго успѣха. Пришлось имъ распроститься съ праздностью, мнимыми простудами и мигренями, наслажденіями дачной жизни и другими удовольствіями; отъ каждаго потребовалось дѣятельное участіе на сценѣ.

За непѣніемъ оригинальнаго произведенія, поставили на сцену «Эврианта» Вебера, передѣланнаго для французской Оперы Кастиль-Блаз'омъ. Но подобныя передѣлки никогда не имѣли большаго успѣха. Оперная сцена, національная по преимуществу, создана была только для произведеній, сочиненныхъ композиторами именно французской школы, или же и композиторами иностранными, но усвоившими себѣ всѣ особенности этой школы.

Между тѣмъ, пока разучивали другую оперу, которой суждено было произвести такое впечатлѣніе, какого никто не ожидалъ, поставлена была легкая опера Обера «Le Philtre». Въ ней въ первый разъ выведены были на сцену настоящіе крестьяне, въ толстыхъ кафтанахъ и деревянныхъ башмакахъ. Противъ этой новосты возстали всѣ старыя любители. Прежде, по крайней мѣрѣ, если и выходили на сцену пастухи и пастушки, то не иначе какъ въ атласѣ, кружевахъ и лентахъ. Однако нововведеніе не помѣшало всеѣмъ сознаться, что новая музыка Обера была прелестна.

Наконецъ появилась опера Робертъ. Говорить о приѣмѣ, какой былъ сдѣланъ ей въ Парижѣ, во Франціи, наконецъ во всей Европѣ, совершенно лишнее. Все благопріятствовало композитору «Роберта», или скорѣе, онъ всеѣмъ умѣлъ воспользоваться, какъ челоуѣкъ принадлежащій къ числу людей гениальныхъ. Неправедливо говорятъ, что имѣ обыкновенно помогаетъ счастье; вѣтъ, они сами могуществомъ своего генія создаютъ для себя благопріятныя обстоятельства, которыя кажутся толпѣ случайностями.

Еще ни разу превосходныя достоинства Нурри, Левассера, Даморо и Дорюсъ не обнаруживались съ такимъ блескомъ какъ въ Робертъ. Мы упомянули только о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ; но собственно не было ни одной партіи, ни одной роли, выполненной не въ совершенствѣ. Въ-добавокъ ко всему этому, многіе артисты, весьма хорошіе, согласились занять скромное мѣсто хористовъ. Въ первый разъ тогда Массоль, Дюпонъ, Вартель и Дервисъ стали во-главѣ хора, чтобы сообщить этой вокальной массѣ болѣе силы и энергіи и такимъ образомъ въ исполненіи создался ensemble, до того небывалый. Безъ сомнѣнія, только для гениальнаго Мейербера могли артисты принести такую жертву самолюбія—занять мѣсто, на которомъ личность каждаго изъ нихъ становилась незамѣтною;

по это обстоятельство подало мысль позаботиться о лучшемъ составѣ хора.

Поставить на сцену лирическую драму, послѣ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго появленіемъ *Роберта*, значило обречь ее на паденіе. Но договоры и обязательства Опернаго Театра требовали постановки новаго произведенія въ другомъ родѣ. Сперва дали балетъ «*Сильфиду*». Въ немъ Адольфъ Нурри отличился оригинальною программю, Швейцгеферъ очень миленькой музыкой и Тальони своимъ восхитительнымъ искусствомъ,

Послѣ «*Сильфиды*» шло «*Искушеніе*». Это произведеніе многіе сочли за вновь изобрѣтенную оперу-балетъ, но несправедливо. Происхожденіе оперы-балета относится къ давнему времени; но этотъ родъ произведеній вышелъ тогда изъ моды; къ этой категоріи принадлежитъ и опера Обера *Dieu et la Bayadère*, о которой мы сейчасъ говорили. «*Искушеніе*» имѣло успѣхъ. Оперный Театръ былъ въ счастливомъ ударѣ; ему все удавалось съ тѣхъ поръ, какъ на горизонтѣ его заблестѣла звѣзда Мейерберга.

Балетъ «*Nathalie*» музыка Гироведа, прошелъ незамѣтно, не смотря на очаровательный талантъ Тальони.

Затѣмъ вскорѣ на сценѣ Оперы поставленъ былъ «*Густавъ*» Обера. *Густавъ III*, одна изъ лучшихъ тогдашнихъ поэмъ, долгое время находилась у Россини. Знаменитый маэстро все медлилъ и наконецъ отослалъ ее обратно къ Скрибу, отказываясь отъ нея подъ тѣмъ предлогомъ, что драма слишкомъ привлекательна сама по себѣ и что въ ней нѣтъ промежутокъ въ дѣйствіи, которые давали бы композитору возможность развить свою мысль. Каждый, кто только зналъ насмѣшливый характеръ Россини и самъ не читалъ еще *Густава III*, былъ увѣренъ, что композиторъ искалъ только мнимаго предлога какъ бы избавиться отъ обязанности писать музыку для дурнаго либретто. Но на этотъ разъ Россини говорилъ не шутя. Онъ еще не могъ отказаться отъ италіанской привычки находить интересное либретто вреднымъ для музыки — убѣжденіе, которое всѣмъ италіанскимъ либреттистамъ было по-сердцу. — Россини въ одно время имѣлъ и *Густава III* и Вильгельма Теля; послѣдняго онъ предпочелъ первому. Оберъ же думалъ совершенно иначе; ему казалось, что упрекать лирическую драму въ излишкѣ интереса то же, что жаловаться на невѣсту, зачѣмъ

она черезчуръ красива, — и потому онъ взялъ *Густава*. Но удалось ли ему новое произведеніе? къ сожалѣнію приходится отвѣчать отрицательно. Еще на всѣхъ театрахъ даютъ *La muette de Portici*, *Густавъ* же исчезъ изъ репертуара и только изрѣдка появляется кой-гдѣ балъ-маскарадъ, 5-го акта. Оберу въ этой оперѣ недостало вдохновенія и притомъ ему повредило мнѣніе Россіи о самой поэмѣ.

Неожиданное пробужденіе великаго композитора Керубини, воображеніе котораго, казалось, навсегда уснуло, возбудило самый живой интересъ въ музыкальномъ мірѣ. У многихъ еще въ свѣжей памяти то впечатлѣніе, какое произведено было первымъ представленіемъ оперы *Али-Баба*, на образованнѣйшую часть публики. Уже до появленія этой оперы всѣ принялись толковать о томъ, какихъ достоинствъ можно было ожидать отъ нея. Одни утверждали, что композиторъ, испытавшій неудачу въ молодости, уже не въ состояніи на 70-мъ году своей жизни создать что нибудь дѣйствительно великое. Другіе же, исполненные удивленія къ одному изъ отличнѣйшихъ композиторовъ Французской школы, непоколебимо вѣровали въ талантъ Керубини и доказывали, что старый маэстро думаетъ и чувствуетъ еще по-ювошески. Послѣ перваго представленія, тѣ и другіе остались при своихъ убѣжденіяхъ; но оба мнѣнія можно согласить, сказавши, что въ партиціи Керубини много свѣжести и стиль превосходенъ, элементъ же драматическій совершенно въ ней отсутствуетъ.

Къ этому времени принадлежитъ и Лабарръ, одаренный богатыми музыкальными способностями, но отказавшійся отъ своего призванія. Всѣ ожидали отъ него произведеній лучше тѣхъ, какими подарилъ онъ искусство, и ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Одно сознаніе своихъ блестящихъ дарованій еще ни къ чему не ведетъ; надо уметь проложить себѣ дорогу и знать гдѣ и какъ употребить въ дѣло тѣ дарованія. Лабарръ пренебрегъ серьезными трудами для Оперы и ограничился одною балетною музыкою.

Оперы: «*Буря*» соч. неистощимаго Швейцгера, переиначенный «*Донъ Жуанъ*» Моцарта, и возобновленная «*Весталка*», — одна за другою появились на сценѣ Оперы. Усиѣхъ «*Весталки*» даже при участіи г-жи Фальковъ, не соответствовалъ надеждамъ друзей Спонтини и молодой пѣвицы. Г-жа Фальковъ взяла роль Весталки слишкомъ рано; время еще не успѣло по-

молодять этой оперы, которой суждено было пережить свой вѣкъ. Если только могла какая нибудь артистка побѣдить равнодушіе публики къ «Весталкѣ», такъ это именно Фальковъ. Вскорѣ ей представился превосходный случай выказать свой драматическій талантъ въ достойной его роли *Жидовки*.

Въ одно время французская музыка, почти совсѣмъ отказавшись отъ своихъ преданій и своего характера, приняла характеръ чисто италіянскій. Было ли это хорошо или нѣтъ — по-ложительно рѣшить трудно. Мнѣнія объ этомъ предметѣ были весьма различны. Во всякомъ случаѣ неоспоримо то, что французская музыка, заимствуя у италіянской многія формы, увеличила свои собственныя средства. Справедливость этого факта доказывается лѣтоисчисленіемъ искусства. Французская музыка ни въ какомъ случаѣ не могла переродиться, она осталась вѣрна себѣ — и поэтому напрасно нѣкоторые любители, приверженцы народной музыки, съ ужасомъ смотрѣли на прибытіе въ Парижъ италіянскихъ буффо и вообщемъ на водвореніе италіянской музыки во Франціи. Исключительное же пристрастіе нѣкоторыхъ дилетантовъ къ партіямъ, напечатаннымъ въ Римѣ, Неаполѣ и Венеціи, въ сущности нисколько не повредило французской музыкѣ. Съ пути подражанія она наведена была на самостоятельный путь композиторомъ, котораго имя стало народнымъ. Галевн былъ понятъ и оцѣненъ всѣми. Въ его произведеніяхъ немногія нововведенія италіянскія и нѣмецкія такъ освоились съ національнымъ характеромъ музыки, что нисколько не повредили ему.

Опера Галевн «Жидовка» обозначила переходъ музыки отъ формъ италіянскихъ къ чистымъ формамъ французской драматической музыки. Должно отдать полную справедливость ея достоинствамъ, которымъ подражали въ свою очередь и многія иностранныя школы. Хотя приверженцы италіянской музыки и упрекають французскую въ недостаткѣ мелодіи, а приверженцы германской музыки — въ недостаткѣ учености, но на эти упреки тѣмъ и другимъ слѣдуетъ замѣтить, что лучшія произведенія лучшихъ композиторовъ в сѣвера и юга, именно тѣ, которыя написаны ими для Парижской публики. Въ доказательство этого довольно назвать только Глюка, Спонтини и Россини — и указать на оперы: Орфей, Весталка и Вильгельмъ Тель. Въ музыкѣ «Жидовки» представляются вамъ на высокой степени характеристическія красоты французской лиры: драматическая

истина, выразительность пѣнія, его связь со смысломъ словъ, пропорціональность частей и гармонія въ цѣломъ. Слушая партитуру «Жидовки» невольно переносишься въ среднія вѣка и живо представляешь себѣ то энергическое время, въ которое совершается дѣйствіе. Всеми извѣстно, до какой степени высокъ гений композитора и съ какимъ искусствомъ умѣлъ онъ пользоваться средствами оркестра.

1835 годъ, годъ появленія «Жидовки», не былъ богатъ лирическими произведеніями. Можно только упомянуть о двухъ балетахъ «Brésilien» и «L'île de Pirates», замѣчательныхъ преимущественно блестящею постановкою на сцену.

Между тѣмъ Мейерберъ готовился на новый опасный подвигъ—представить на судъ публики другое свое произведеніе. Подвигъ этотъ былъ опасенъ именно потому, что успѣхъ «Роберта Дьявола» былъ *безпримѣненъ*, въ самомъ полномъ и обширномъ значеніи этого слова. Публика непостоянна и чаще всего случается, что благосклонность ея къ одному произведенію композитора смѣняется совершеннымъ равнодушіемъ къ другому произведенію того же самаго композитора. Къ этому своенравію публики часто присоединяется зависть. Такимъ образомъ композиторъ, награжденный успѣхомъ за одно произведеніе, не можетъ поручиться за успѣхъ другаго своего произведенія. Многие въ то время утверждали, что Мейерберу недостанетъ того гениальнаго вдохновенія, которому онъ обязанъ созданіемъ «Роберта Дьявола». Въ новой оперѣ не было никакой приманки на необыкновенное и чудесное — и потому надежды на нее были неопредѣленны и ожиданія не подготавливали слушателей къ восторгу. Но съ первымъ представленіемъ «Гугенотъ» все недоумѣнія и сомнѣнія пали прелею могуществомъ чудеснаго гениа Мейербера. Благодаря своему глубокому знанію сцены, Мейерберъ умѣлъ и слабыя мѣста поэмы сдѣлать эффектными. Въ первыхъ актахъ, въ которыхъ дѣйствіе идетъ медленно, все вниманіе партера исключительно поглощалось очаровательной музыкою; въ четвертомъ же актѣ, когда драматическій интересъ достигаетъ своей высшей степени, партеръ сознаетъ все величіе новаго произведенія Мейербера и ставитъ его наряду съ «Робертомъ».—

Послѣ «Гугенотъ» поставлены на сцену Оперы два балета: «Хромой бѣсъ» и «Дѣва Дуная».—

Новая большая опера «Эмеральда» — поставленная въ это

время на сцену Оперы, замѣчательна какъ произведеніе женщины M-lle Bertin, уже была извѣстна двумя произведеніями: комическою оперою, въ одномъ актѣ, le Loup Garou и музыкаю, написанною къ лирической драмѣ Guy Mannering, которая представлена была любителями. Музыка «Эмеральды» отличалась энергіею и многими мыслями, выраженными въ необыкновенныхъ формахъ. Артистка не хотѣла подчиниться общепринятымъ условіямъ и требованіямъ и, какъ кажется, желала отличаться оригинальностью. —

Въ 1837 г. Нидермейеръ, сочинившій италіянскую оперу «la Casa nel bosco» и романсъ le Lac, написалъ новую оперу «Stradella». Въ это время въ составѣ Оперной труппы совершилась весьма важная перемѣна: Нурри оставилъ сцену и мѣсто его занялъ Дюпре. Казалось, что Нурри не было никакого повода сойти съ той сцены, на которой онъ былъ руководимъ своимъ отцемъ и на которой его слава, пріобрѣтенная цѣлымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ, не была помрачена ни одною неудачею. Слухъ, что Нурри оставляетъ сцену, возбудилъ въ артистическомъ кругу и сожалѣніе и удивленіе. Всѣ спрашивали другъ друга, по какой причинѣ знаменитый пѣвецъ покидаетъ свое славное поприще? Причина эта вскорѣ обнаружилась. Она состояла въ томъ, что дирекція Оперы, нисколько не думая лишиться своего отличнаго артиста, аганжировала Дюпре, слава котораго гремѣла тогда въ Италіи. Нурри не зналъ равнаго себѣ таланта, привыкъ къ первенству, и потомъ для него было слишкомъ тяжело дѣлиться своими лаврами съ артистомъ-соперникомъ. Это было съ его стороны слабостью, но слабостию свойственною и простиительною каждому великому артисту. Публика, прощаясь съ Нурри, на послѣднемъ представленіи, съ жаромъ высказала ему свою любовь къ его таланту.

Противъ Дюпре публика была предубѣждена. На него смотрѣли какъ на виновника удаленія Адольфа Нурри и даже нѣкоторые почитатели послѣдняго готовились отмстить новому пѣвцу за своего стараго любимца. Но могущественный талантъ Дюпре восторжествовалъ надъ нерасположеніемъ партера: не только тѣ, которые менѣе всего были расположены къ дебютанту, но даже и друзья Адольфа Нурри рукоплескали ему съ восторгомъ. Въ залѣ Оперы еще никогда не слышали такого возвышеннаго драматическаго пѣнія и въ особенности такой энергической декламации, — какою именно отличалось пѣніе Дю-

пре. Казалось, что речитативы въ «Вильгельмъ Телъ» исполнены были въ первый разъ. Мысль — сравнить двухъ артистовъ — къ счастью никому не приходила въ голову и на этотъ разъ Парижская публика была пассивно музыкальною: она слушала съ наслажденіемъ превосходнаго тенора и нисколько не заботилась о томъ, чѣмъ именно новый пѣвецъ отличался отъ своего предшественника. Участіе новаго исполнителя въ старыхъ операхъ возбуждало всеобщій интересъ до такой степени, что дирекція нисколько не заботилась о постановкѣ на сцену какого нибудь новаго произведенія. Каждая и знакомая уже публикѣ опера, при участіи Дюпре, имѣла для нея весь интересъ перваго представленія. Этимъ обстоятельствомъ объясняется почему на сценѣ оперы въ продолженіе 1837 г. не появилось ничего новаго.

Послѣ Дюпре дебютировала пѣвица Штольцъ, которая нѣсколько лѣтъ занимала первыя роли на лирическихъ сценахъ Анвер'а и Брюсселя. Всѣ знавшіе эту пѣвицу изумлялись, какъ могла она рѣшиться выступить на первую сцену, послѣ того какъ в провинціальная публика находила въ ней недостатки, хотя въ то же время и отдавала справедливость ея блестящимъ способностямъ. Но дѣло объяснялось тѣмъ, что Штольцъ, покинувъ Брюссель, нѣсколько времени усердно училась, чтобы довершить свое образованіе и потомъ уже вступила въ Оперу. Счастіе и обстоятельства благоприятствовали г-жѣ Штольцъ. Пѣвица Фальконъ имѣла несчастіе потерять свой голосъ, — публика долго не хотѣла этому вѣрить и сама пѣвица не вѣрила своему горю, но наконецъ она вынуждена была уѣхать на югъ. Ея отъѣздъ открылъ обширное поле способностямъ и честолюбію г-жи Штольцъ.—

Въ это же время Скрибъ написалъ для Галеви весьма удачную поэму *Guido et Ginetta*, замѣчательную именно тѣмъ, что она какъ ненадо болѣе идетъ для сцены и даетъ возможность развернуться воображенію композитора. Галеви написалъ къ ней партіцію въ высшей степени поэтическую. Дюпре, Дорюсъ-Гра и Штольцъ съ своей стороны поддержали эту партіцію и такимъ образомъ новое произведеніе Галеви увѣчалось рѣдкимъ успѣхомъ.

Другой композиторъ Берліозъ сочинилъ музыку для извѣстной тогда поэмы Вальи и Барбье — «Бенвенутто Челлини» — но Парижская публика, жадная до новостей, приняла произведе-

нѣ Берліоза весьма равнодушно и только послѣ нѣсколькихъ представленій посѣтители Оперы нашли въ немъ нѣсколько достоинствъ, но въ то же время находила, что стиль композитора весьма страненъ.

Къ этой эпохѣ относится и появленіе на артистическомъ поприщѣ Маріо. Дирекція оперы нашла необходимымъ имѣть въ настоящее время помощника пѣвцу Дюпре, а на будущее—его преемника. Для этого Дирекція выбрала Маріо, обладавшаго прекраснымъ голосомъ, и позаботилась о его воспитаніи для будущаго поприша на сценѣ Французской Оперы. Но Маріо не могъ передѣлать своей натуры—онъ обратился къ италіянскому пѣвию и вмѣсто того, чтобы сдѣлаться преемникомъ Дюпре, сталъ преемникомъ Рубини.

1840 годъ открылся балетомъ «Le diable amoureux» для котораго музыка была написана тремя сотрудниками, Бенуа, Реберомъ и Марліяни. Въ этотъ годъ появилось много новыхъ и въ томъ числѣ замѣчательныхъ оперъ. Либретто новой оперы «Dorier», написанное Скрибомъ, было не слишкомъ удачно и потому Галеви не могъ выказать въ ней своего дарованія въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, какъ въ «Жидовкѣ» и въ «Guido et Ginevra». — При этой неудачѣ Дирекція Оперы обратилась къ Доницетти. Доницетти оправдалъ оказанное ему довѣріе прекрасною оперою «Фаворитка», которая имѣла успѣхъ необыкновенный. Музыка «Фаворитки», въ сущности была легкая, мелодическая, италіянская музыка, дышавшая теплотою южнаго неба Неаполи; она такъ понравилась Парижской публикѣ, что ее исполняли почти во всѣхъ театрахъ, концертахъ и музыкальныхъ вечерахъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до представленія «Фаворитки» Доницетти дебютировалъ на Оперномъ театрѣ оперою «Les martyrs».

Послѣдній періодъ съ 1840 по 1850 г. открывается именемъ Амвросія Томаса (Thomas). Молодой композиторъ первымъ своимъ, весьма небольшимъ, произведеніемъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ артистовъ и знатоковъ. Если позволено выражаться метафорически, то можно сказать, что «Двойная лѣстница» (Double échelle) первое произведеніе Томаса, служила ему средствомъ перебраться со сцены комической на сцену большой Оперы. Впрочемъ молодой артистъ не былъ слишкомъ честолюбивъ; онъ ограничился тѣмъ, что написалъ еще одну оперу,

въ двухъ актахъ, — «Карманьола», которая не вполне оправдала ожиданія друзей композитора; новой партиціи не доставало одушевленія и оригинальности. Этотъ недостатокъ извиняется впрочемъ тѣмъ, что самая поэма Скриба была одна изъ самыхъ посредственныхъ.

Во Франціи директоръ оперы — человекъ, неимѣющій почти и минуты отдыха. Рѣдко приходитъ ему возможность не то, чтобы спать, а только дремать въ сладкомъ бездѣйствіи, пока композиторы и артисты поживаютъ лавры на управляемой имъ сценѣ. Послѣ одного успѣха директоръ долженъ думать о новомъ успѣхѣ и рядъ такихъ успѣховъ для него необходимъ, чтобы было чѣмъ наполнять эту бочку Данаидъ, такъ называемую — театральную кассу. Въ это время готовились для сцены замѣчательныя произведенія, но возможность воспользоваться ими была еще далеко. Директоръ, желая оставить на время въ покоѣ авторовъ, рѣшился поставить на національную сцену чужое образцовое произведеніе, а именно «Волшебнаго стрѣлка». Для этой оперы Берліозъ написалъ речитативы — трудъ, почти недоступный никакому другому композитору, кромѣ Берліоза, потому, что только ему посчастливилось вполне изучить германскую музыку и понять ея характеръ. Въ этомъ случаѣ его можно сравнить съ отличнымъ живописцемъ, который, изучивъ стиль древнихъ великихъ художниковъ, воспроизводитъ ихъ произведенія съ такимъ совершенствомъ, что даже обманываетъ глазъ опытныхъ знатоковъ. Постановка «Волшебнаго стрѣлка» стоила многихъ хлопотъ; нужно было побѣдить предубѣжденія оперныхъ пѣвцовъ противъ музыки, совершенно для нихъ чуждой и къ которой они не привыкли. Только г-жа Штольцъ, обладавшая рѣдкимъ дарованіемъ, смѣло вступила въ борьбу съ трудностями и побѣдила ихъ со славою; она умѣла придать своей роли ту поэтическую мечтательность и ту меланхолическую страсть, которыми отличаются германскіе артисты.

Въ это же время Адамъ написалъ партицію «Жизели», въ которой композиторъ перенесся въ область фантастическаго, идеальнаго. Ему посчастливилось найти превосходную программу балета «Жизель», — плодъ прекрасной мечты истиннаго поэта Теофила Готье и Адамъ достойно осуществилъ ее въ своей музыкѣ.

Новая опера Галеви «Кипрская Королева» явилась въ концѣ

1841 года. Въ «Жидовкѣ» было много средневѣковаго, германскаго; въ «Кипрской Королевѣ» предъ вами на сценѣ поэтическая Венеція. Обѣ партиціи исполнены драматизма, но характеръ ихъ совершенно различенъ. Онѣ доказываютъ, что композиторъ ихъ обладаетъ рѣдкою способностью освоиваться съ своимъ предметомъ и облекать мысль въ свойственныя ей характеристическія формы. У посредственныхъ композиторовъ вы замѣчаете извѣстный, ограниченный запасъ готовыхъ формъ для каждой мелодіи и отсюда монотонія въ ихъ произведеніяхъ; музыка же Галеви чужда этого недостатка.

Въ слѣдующемъ году Томасъ, желая вознаградить себя за неудачу «Карманьолы», написалъ оперу «Guerillero», которой онъ старался придать мѣстный испанско-португальскій колоритъ. Знатоки находили, что новая музыка Томаса написана по всѣмъ правиламъ искусства и отличалась мелодичностію, но ее упрекали въ тѣхъ же недостаткахъ, въ какихъ и первую оперу Томаса, а именно въ отсутствіи одушевленія и оригинальности. Такой отзывъ, при всей своей справедливости, нисколько, впрочемъ, не повредилъ славы композитора на сценѣ комической оперы, — отзывъ этотъ заставилъ только музу Томаса отказаться отъ поприща, къ которому она не была призвана.

Послѣ «Guerillero» на лирической сценѣ шла фантастическая опера Дича (Dietsch) «Vaisseau fantôme» неимѣвшая успѣха по однообразію партиціи. За нею поставленъ былъ балетъ Адама «La jolie fille de Gand». Вотъ и все, что явилось замѣчательнаго въ теченіе 1842 года. Въ новыхъ произведеніяхъ особенной нужды не чувствовали: репертуаръ предыдущихъ годовъ еще сохранялъ для публики свою привлекательность.

Появившаяся партиція «Дона Себастіана» Доницетти была произведеніемъ, въ которомъ уже обнаруживались первые признаки истощенія творческой силы. Въ новой партиціи, по ея безцвѣтности и по бѣдности содержанія, трудно было узнать автора Анны Поллень, Лучіи и Фаворитки.

Неудача возобновленной оперы Сакини «Эдипъ» доказала, что на старыи репертуаръ нельзя было рассчитывать и что постоянные посѣтители оперы рѣшительно не расположены возобновлять въ себѣ прежнія впечатлѣнія. На парижской сценѣ ни одна изъ возобновленныхъ оперъ не имѣла успѣха, что подтвердилось неудачею оперъ Глука «Армиды» и «Орфея».

Надосугъ Сен-Жоржъ написалъ небольшую поэму «Lazzarone»: къ ней Галеви, въ минуту вдохновенія, написалъ легкую музыку. Ни литераторъ, ни композиторъ не считали своего труда серьезнымъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ достоинъ имени того и другаго. Въ оперѣ «Lazzarone» публика нашла нѣсколько умныхъ и интересныхъ сценъ и нѣсколько блестящихъ и граціозныхъ мотивовъ.

Поставленная въ это время опера Нидермейера «Марія Стуртъ» принадлежала къ числу значительныхъ произведеній. Въ ней замѣтили много такихъ достоинствъ, какихъ нельзя было ожидать отъ Нидермейера, судя по прежнимъ его произведеніямъ. Сверхъ того въ первомъ представленіи этой оперы, въ роли Ботвеля, дебютировалъ Гардони.

Несмотря на извѣстную всѣмъ истину, что ничего нельзя сдѣлать на поприщѣ, къ которому кто не призванъ, Адамъ, подобно многимъ другимъ композиторамъ, увлекался желаніемъ пожать лавры на сценѣ оперы, написалъ партіцію «Ричардъ въ Палестинѣ», невѣдшую успѣха. Истинное призваніе Адама было — писать для сцены комической оперы, въ чемъ онъ и могъ убѣдиться своими успѣхами на этой сценѣ. Но ему хотѣлось написать произведеніе въ строгомъ лирическомъ стилѣ — и это ему не удалось. Музыка Адама безспорно отличается необыкновенною пріятностью, но одного этого качества недостаточно для произведенія, предназначеннаго на сцену большой оперы.

Пѣвица Штольцъ хотѣла доказать тѣмъ, которые упрекали ея голосъ въ негибкости, что она въ состояніи исполнять музыку чисто италіанскую. Вслѣдствіе этого для нея перевели «Отелло» Россини. Результатъ для пѣвицы не былъ вполне удовлетворителенъ; она не могла скрыть тѣхъ чрезвычайныхъ усилій, какихъ стоило ей это пѣніе, но по крайней мѣрѣ она достигла того, что ея противники должны были сознаться въ своей излишней строгости къ первоклассному таланту. Въ исполненіи «Отелло» Дюпре и Баролье были достойными помощниками г-жѣ Штольцъ, но несмотря на ихъ высокое дарованіе, опера не устояла на сценѣ.

Въ 1843 году Бальфъ поставилъ свою оперу «Севильская звѣзда». Но эта «звѣзда» блестяла не очень ярко и видѣлась на горизонтѣ оперы не долгое время. Въ партіціи Бальфа не было оригинальности и всѣ приемы въ ней были скопированы

съ произведеній итальянской школы. Наконецъ звѣзда Балла померкла прелъ блестящей постановкой балета Адама «Le diable à quatre.»

Россияни оставался въ бездѣйствіи: публика же не желала, чтобы онъ остановился на своемъ гениальномъ произведеніи «Вильгельмъ Телъ». Меломаны предлагали композитору на выборъ множество новыхъ поэмъ, но онъ былъ непоколебимъ. Тогда директоръ оперы предложилъ ему сдѣлать по крайней мѣрѣ выборъ изъ старыхъ своихъ итальянскихъ оперъ. На это Россияни согласился охотно и вотъ въ 1847 г. поставленъ на сцену «Робертъ Брюсъ». Публика хотя и аплодировала прелестной музыкѣ de la Donna del Lago, но произведеніе, заимствованное изъ стараго репертуара, не могло долго удержаться на сценѣ.

Въ этомъ же году поставлены новые балеты: «Ozaï» музыка Казимира Жид'а (Casimir Gide); «Цвѣточница» — музыка Адама, и наконецъ «Мраморная Дѣва» — балетъ, въ которомъ дебютировала Фанни Черитто.

Опера Верди «Иерусалимъ» не возбудила къ себѣ большой симпатіи въ парижской публикѣ, которая вообще не расположена къ произведеніямъ этого композитора.

Въ 1848 году на сценѣ Оперы были поставлены балетъ Адама «Griseldis ou les Cinq sens», опера Бенуа «L'Apparition» и его же балетъ «Nisida».

Къ послѣднему времени принадлежит и «Пророкъ» Мейербергера. Именемъ этого композитора заключается исторія музыки во Франціи въ минувшее полу столѣтіе.

III. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ.

МЕХИКАНСКОЕ ПРАВОСУДИЕ. (Разсказъ путешественника).

Самымъ богатымъ и самымъ важнымъ мексиканскимъ портомъ на Тихомъ океанѣ, во время владычества Испанцевъ, былъ Санъ-Блазь. Тутъ сходились богатые гальоны, торговавшіе съ Китаемъ, цѣль всѣхъ желаній корсаровъ и пиратовъ; здѣсь

имѣли они свое мѣсто и пользовались такимъ уваженіемъ во всей Испаніи, что посылаемые ими въ Митрополию мѣшки золота и серебра принимались безъ счету. Восковая печать ихъ, означавшая, сколько денегъ въ каждомъ мѣшкѣ, была достаточнымъ ручательствомъ для самыхъ подозрительныхъ умовъ.

Когда я пріѣхалъ въ Санъ-Блазь, городъ представлялъ уже однѣ только развалины; прежнее богатство его составляло уже одно преданіе и едва не обратилось въ легенду. Это было печальное послѣдствіе быстрого перехода отъ слишкомъ суроваго владычества къ преждевременной свободѣ.

Поручивъ лошадь гостепріимному попеченію леперо (мехиканскаго лазерони), который одинъ занималъ цѣлый дворецъ, правда, до-того развалившійся, что оставалась одна только пріемная зала, въ которой можно было укрыться во время дождя, я отправился гулять по морскому берегу. Санъ-Блазская гавань находится въ полумилі отъ города, и дорога къ ней идетъ по глубокому, по большей части раскаленному солнцемъ песку; поэтому я очень обрадовался, увидѣвъ на берегу родъ бамбуковой лачуги съ пышною надписью на крышѣ «fonda» то есть гостиница. — Я вошелъ отдохнуть.

Передъ треногимъ столомъ, сколоченнымъ изъ двухъ неотесанныхъ досокъ краснаго дерева, на камышевомъ стулѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ, пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, въ матроскомъ платьѣ; а противъ него пожилой мексиканецъ, окутанный до половины тѣла въ старое бумажное одѣяло, допивалъ стаканъ лимонаду.

Встрѣча съ европейцемъ на берегу Тихаго моря всегда пріятна для путешественника, поэтому немудрено, что молодой человѣкъ, какъ я вошелъ, тотчасъ поспѣшилъ отодвинуть свой стулъ, и показалъ мнѣ мѣсто подлѣ себя.

Послѣ обычныхъ фразъ, которыми начинается каждый разговоръ двухъ лицъ, встрѣчающихся въ первый разъ въ жизни, молодой человѣкъ разсказалъ мнѣ свою исторію.

Онъ былъ англичанинъ, прибылъ за два года передъ тѣмъ, въ качествѣ юнга, на купеческомъ суднѣ *Скольфильдъ*, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени возвращенія на родину.

— Матушка, говорилъ онъ, не цускала меня, но отецъ хотѣлъ непремѣнно, чтобы я ѣхалъ. Тяжела жизнь моряка, но я надѣюсь, въ Лондонѣ увидѣться съ матерью и съ моею Женни;

онѣ ждуть меня; и эта мысль даетъ мнѣ силу безропотно переносить свою горькую участь.

— Давно вы въ Санъ-Блазѣ, спросилъ я.

— Уже съ мѣсяцъ, отвѣчалъ онъ; мы стоимъ здѣсь еще недѣли двѣ, по-крайней мѣрѣ, чтобы нагружаться красильнымъ деревомъ.

— А какъ проводите время?

— И не спрашивайте; самымъ несноснымъ и самымъ глупымъ образомъ. Вотъ уже три недѣли, какъ я связался съ этимъ молодцомъ, что сидитъ противъ меня и съ тѣхъ поръ мы неразлучны. Онъ пріѣхалъ изъ Тепина съ тремя боченками водки, которые долженъ былъ наложить въ Санъ-Блазѣ на каботажную лодку и везти для продажи въ Масатланъ; но встрѣтился со мною, и я, ради скуки, познакомился съ нимъ. Въ двѣ недѣли нашего знакомства, двухъ боченковъ не стало; разсудивъ, что съ остальнымъ ѣхать не стоило, онъ остался въ Санъ-Блазѣ.

— Зачѣмъ же вы не выпили третьяго боченка?

— Ей Богу, не знаю; этотъ мексиканецъ говоритъ, его надо приберечь на черный день, что надо всегда имѣть что нибудь на всякій случай. Зато, вотъ уже недѣля, какъ онъ заставляетъ меня подчивать его, что мнѣ уже порядкомъ надоѣло: у него горло также ненасытно, какъ песокъ въ стени; онъ пропьетъ всѣ деньги, которыя я успѣлъ отложить, на подарокъ Женни.

Поговоривъ еще немного съ англичаниномъ, я съ нимъ простился, нанялъ лодку съ двумя гребцами и отправился кататься по морю, и смотрѣть Санъ-Блазскую гавань, которая славится, какъ изъ первыхъ въ мірѣ. Когда я возвратился съ своей прогулки и вышелъ на берегъ, я увидѣлъ толпу оборванныхъ мексиканцевъ, каковы почти всѣ жители Санъ-Блаза, и среди ихъ нѣсколько матросовъ.

— Что такое? спросилъ я, подходя къ одному ленеро.

— Пустое дѣло, ваша милость, отвѣчалъ онъ, человѣка зарѣзали.

Не знаю, почему, какое-то тайное предчувствіе сжало при этихъ словахъ мое сердце, и я, вопреки своему обычному равнодушію, пробился въ толпу любопытныхъ. Я вскрикнулъ отъ изумленія и негодованія, увидѣвъ бѣднаго англійскаго юнга лежавшаго на землѣ, въ крови, съ перерѣзаннымъ горломъ.

— Кто убилъ его?

— Я, ваша милость, сказалъ мнѣ преспокойно тотъ же мексиканецъ, котораго я часа за два передъ тѣмъ видѣлъ за однимъ съ нимъ столомъ, въ кабацѣ.

— А зачѣмъ же ты убилъ его, мерзавецъ?

— А вамъ какое дѣло? отвѣчалъ онъ, пускай ведутъ меня къ алькаду, тамъ я объяснюсь. Впрочемъ, я ничѣмъ не виновать.

— Къ алькаду же его, къ алькаду! вскричали англійскіе матросы, схватили убійцу за руки и потащили къ алькаду, жившему недалеко, въ хижинѣ изъ пальмовыхъ деревьевъ. Его милость былъ въ то время занятъ развѣшиваніемъ бѣлья для сушки, ибо жена его занималась прачечнымъ ремесломъ. Ему объяснили дѣло въ двухъ словахъ.

— Чтожъ тутъ долго думать, сказалъ алькадъ, послѣ нѣкотораго размышленія, отправить убійцу въ Санъ-Блазь, пускай посидитъ въ тюрьмѣ!

— Позвольте, ваша милость, возразилъ подсудимый, позвольте объяснить, какъ было дѣло.

— Молчи, негодяй! разбойникъ! закричалъ алькадъ въ бѣшенствѣ.

— Нечего дѣлать, пойду въ тюрьму, когда вашей милости негодно меня выслушать, возразилъ убійца. А желалъ бы я предъ тѣмъ сказать вамъ слова два на-ухо.

Съ этими словами онъ поспѣшно подошелъ къ алькаду и шепнулъ ему на-ухо нѣсколько словъ, которыя мы не могли слышать, но слова эти произвели волшебное дѣйствіе на алькада, котораго физіономія немедленно смягчилась и просвѣтлѣла.

— Такъ и быть, братецъ, сказалъ онъ; если у тебя есть спѣшное дѣло, и тебѣ накладно сидѣть въ тюрьмѣ, такъ, пожалуй, выслушаемъ твое дѣло. Говори.

— Вотъ какъ это было, сказалъ убійца; этотъ человекъ вылилъ два боченка водки, изъ трехъ, привезенныхъ мною.

— Стало-быть у тебя точно еще остался одинъ? подхватилъ алькадъ.

— Точно остался, боюсь вамъ! Этотъ человекъ безбожно отказалъ мнѣ въ нѣсколькихъ рюмочкахъ, которыхъ я у него просилъ. Выведенный изъ терпѣнія его отказомъ, я сталъ его

попрекать, онъ началъ мнѣ грозить; я и разсудилъ, что лучше предупредить его, и перерѣзалъ ему горло. Вотъ и все.

Это безстыдное признаніе возбудило ропотъ негодованія между англійскими матросами. Онъ лжетъ! сказалъ одинъ изъ нихъ алькаду, ломанымъ испанскимъ языкомъ. Я вамъ расскажу какъ все было на самомъ дѣлѣ!

— Молчать, клеветникъ, тебя не спрашиваютъ! крикнулъ алькадъ; потомъ, обращаясь къ подсудимому, продолжалъ кротко и привѣтливо: Ты, братецъ, слишкомъ погорячился. Впрочемъ, дѣло шло о твоей личной безопасности.. ты долженъ былъ защищаться.

— Согласенъ, я слишкомъ погорячился, сказалъ убійца, съ удивительнымъ простодушіемъ; но я же самъ за то наказанъ. видите-ли? Я увѣренъ, что еслибы я не такъ запальчиво требовалъ, англичанинъ заплатилъ бы мнѣ за *квартилью* водки, и даже не за одну... Теперь же я всего этого лишился; но я самъ виноватъ... въ другой разъ послужить мнѣ урокомъ; не буду такъ горячъ...

— Это хорошо, что ты такъ откровенно сознался въ своихъ грѣхахъ, сказалъ алькадъ; ступай-же, и въ другой разъ будь осторожнѣе.

Пронзесши этотъ достопамятный приговоръ, судья всталъ, поклонился подсудимому, и принялся снова развѣшивать свое бѣлье. Я слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ мексиканскимъ правосудіемъ, чтобы это происшествіе могло удивить меня; не такъ думалъ англійскій матросъ, которому алькадъ не далъ рассказать дѣла. Онъ побѣжалъ въ негодованіи къ судѣ, крича:

— Это ни на что не похоже; твой приговоръ несправедливъ, и ты самъ негодяй!

Алькадъ, при этихъ словахъ, бросился было съ яростію на него, но потомъ, обращаясь къ собравшейся толпѣ *леперосовъ*, сказалъ:

— Схватить его, въ тюрьму!

Мексиканскій народъ отъ души ненавидитъ иностранцевъ, въ особенности же англичанъ; всѣ бросились исполнять приказаніе. Человѣкъ двадцать схватили несчастнаго матроса, и потащили въ тюрьму.

— Вотъ до чего доводитъ гнѣвъ, сказалъ убійца, правоу-

чительнымъ тономъ: до забвенія всѣхъ обязанностей, до оскорбленія самаго святаго учрежденія—судебной власти...

Боченокъ вина, принесенный нѣсколько спустя алькаду, объяснилъ мнѣ его внезапную перемену и милосердіе къ виновному. Онъ видѣлъ тутъ поживу для себя.

Я поспѣшилъ домой, гдѣ засталъ своего хозяина въ гостиной, въ бесѣдѣ съ моею лошадейю; я въ этотъ день не могъ объѣхать, не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь, мнѣ все представлялась бѣдная мать и бѣдная Женци, устарѣвшія, сами того не зная, одна оживая сына, а другая жениха, и все изъ-за того, что ему хотѣлось привезти невѣсть мексиканскій гостиницецъ.

IV. АНЕКДОТЫ, МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, ИЗВѢСТІЯ.

ИЗЛИШНЯЯ АККУРАТНОСТЬ ИЛИ МАЛЕНЬКІЕ НЕДОСТАТКИ ВЕЛИКОЙ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Изъ всѣхъ промышленниковъ Сити, самымъ аккуратнѣйшимъ былъ, безспорно, Вильямъ Форлоппъ; любовь его къ порядку и точности, посправедливости, могла почесться примѣрною. На двадцать пятомъ году отъ рожденія онъ сказалъ самому себѣ:

— Я буду негоціантомъ; въ тотъ день, когда у меня составитъ капиталъ въ 100 т. фунтовъ стерлинговъ, я оставлю дѣла; употреблю 7300 фунтовъ стерлинговъ, полагая по 20 фув. въ день, на путешествіе по твердой землѣ, потому что каждый порядочный англичанинъ долженъ же совершать путешествіе хоть разъ въ жизни; потомъ возвращусь жеииться въ Лондонъ, гдѣ и стану тратить свой ежегодный доходъ, ни больше ни меньше.

Одно обстоятельство сильно мучило Вильяма Форлоппа при начертаніи этого плана невозможность опредѣлить съ точностью количество будущихъ дѣтей и минузу своего переселенія въ вѣчность. Въ повседневныхъ дѣйствіяхъ своей жизни Форлоппъ руководила точно также строгимъ порядкомъ.

Время сна и пробужденія, часть и продолжительность обѣда, цѣль и продолжительность прогулокъ, способъ развлеченій... все было твердо установлено и точно исполняемо.

Вильямъ Форлоппъ дѣйствовалъ совершенно согласно начертанному имъ плану: онъ сдѣлался негоціантомъ, по повѣркѣ дѣлъ оказалось: что у него чистаго барыша 100 т. фунтовъ стерлинговъ, ни больше, не меньше; онъ отправился путешествовать, съ твердымъ намѣреніемъ истрачивать по 20 фунт. стерлинговъ въ день. Съ такимъ бюджетомъ, безъ сомнѣнія, самый прихотливый туристъ, путешествуя *одинъ*, какъ Вильямъ Форлоппъ, можетъ быть увѣреннымъ, что не встрѣтитъ ни въ чемъ недостатка, скорѣе ему можно бы было затрудниться издержать все, если бы свѣтъ не населяли моды, всегда готовыя помочь подобному горю. Прошло уже шесть мѣсяцевъ, какъ нашъ англичанинъ странствовалъ благополучно, т. е. не встрѣчая ни малѣйшаго затрудненія въ исполненіи своего плана.

Однажды вечеромъ, Вильямъ Форлоппъ осматривалъ берега Бретани, и, не находя себѣ приличнаго убѣжища, вошелъ въ небольшой домикъ, отстоящій шаговъ на пятьдесятъ отъ деревеньки, въ которой можно было насчитать до двадцати дворовъ. Надъ дверью домика рисовалась надпись, украшенная вѣткою дикаго терновника:

«Здѣсь принимаютъ пѣшеходовъ.»

Скромная гостиница могла предложить посѣтителю только то, что обѣщала ея незатѣйливая надпись. Мебель этого гостеприимнаго заведенія ограничивалась: въ одной комнатѣ — постелью, въ другой — столомъ, двумя скамьями, буфетомъ, съ полками изъ гвизаго дерева, небольшимъ количествомъ кухонной посуды и часами съ кукушкою. — Если судьба принуждала какого нибудь запоздалаго путника ночевать въ этой лачугѣ, то все живущее обыкновенно въ гостиницѣ, т. е. содержатель ея Пьеръ Жаменъ, его дочь, Жанна, хорошенькая брюнетка 17-ти лѣтъ и двадцатилѣтній мальчъ, по имени Мишель — проводили ночь, на связкѣ соломы, въ какомъ-то чуланѣ.

Прибытіе Вильяма Форлоппа, его шляпа съ широкими полями, макинтомъ и микроскопическій сакъ де нюи, по которому тотчасъ можно узвать англичанина — произвели большое волненіе въ домикѣ Жамена.

Самъ хозяинъ бросилъ на очагъ нѣсколько мелкихъ дровъ, разбилъ на сковородѣ подложину яицъ; Мишель бросился въ чуланъ и возвратился оттуда съ виномъ, которое и поставилъ на столъ, а Жаннета пошла положить на кровать простыни, если не очень тонкія, то, по-крайней-мѣрѣ, ослѣпительно бѣлыя.

Форлоппъ безмолвно съѣлъ поданную ему яичницу, не поморщась выпилъ два большіе стакана вина, которое, по мѣстному выраженію, могло заставить козу танцовать, и легъ, съ выраженіемъ такого покойнаго довольства, какое можетъ изъяснить путешественникъ только въ самомъ комфортабельномъ парижскомъ отелѣ.

На другой день позавтракавъ, точно также какъ поужиналъ наканунѣ, и выпивъ того же вина, Форлоппъ гулялъ по берегу, въ сопровожденіи Мишеля, замѣняющаго ему чичероне. Возвратясь, около 2-хъ часовъ, въ гостиницу, Форлоппъ пообѣдалъ, обѣдъ состоялъ изъ одного блюда рыбы, выпилъ опять вина и, намѣреваясь проститься съ скромнымъ заведеніемъ, спросилъ счетъ.

Ночлегъ и ѣда три раза — не дорого стоятъ въ Бретани, особенно въ бѣдной береговой сторонѣ; счетъ былъ скоро составленъ и Жамень подалъ его путешественнику, почтительно снявъ передъ нимъ свой шерстяной калпакъ.

— О! — вскричалъ съ негодованіемъ англичанинъ, бросивъ взглядъ на счетъ, простирающійся до 1 франка 50 сантимовъ. Жамень выпрямился.

— Это по-совѣсти, сударь, и я не могу убавить ни одного сантима.

— Кто говоритъ убавить? Я хочу только, чтобы принимали меня за...

— Смѣю увѣрить, сударь, я принимаю васъ за любезнѣйшаго человѣка, который хотѣлъ сдѣлать мнѣ честь, проведя ночь въ моемъ жилищѣ; зато и я съ своей стороны употребилъ все стараніе, чтобы достойнымъ образомъ принять васъ; надѣюсь, вы отладите мнѣ справедливость.

Very well, я былъ доволенъ помѣщеніемъ, но не позволю, чтобы мнѣ оказывали неуваженіе такимъ смѣшнымъ счетомъ.

Жамень вытаращилъ глаза.

— Знайте, господинъ хозяинъ, что джевлъменъ, какъ я, никогда еще не испытывалъ униженія платить 1 франкъ сан-

тимовъ за свое помѣщеніе и кормъ въ продолженіи 24 часовъ.

— Но, сударь...

— Но, господинъ хозяинъ, я положилъ себѣ правило: издерживать ежедневно по 500 франковъ и, ни для васъ, ни для кого другого, Вильямъ Форлоппъ не измѣнитъ своему правилу.

Форлоппъ не подозревалъ, съ какимъ человѣкомъ имѣлъ дѣло: честный, какъ голландецъ, гордый какъ шотландецъ—Жамень присоединялъ къ этимъ двумъ качествамъ все упрямство бретонца.

— Государь мой, — сказалъ онъ англичанину, который уже взялся-было за портфель, — вы должны мнѣ только 1 франкъ 50 сантимовъ; — мои цѣны назначены также, какъ и ваши расходы.

— Мнѣ угодно дать вамъ больше!..

— А мнѣ не угодно принять. Хотя я не слить изъ золота, но, завѣсь тѣмъ, если и протягивалъ когда явбудь руку, то для того, чтобы подать милостыню, а не брать ее.

— Такъ вы не хотите?

— Я хочу только слѣдующей мнѣ платы; излишекъ былъ бы мнѣ оскорбленіемъ.

— О! упрямство!

Лицо англичанина начинало краснѣть.

— Еще разъ, хотите ли?

— Нѣтъ!

Послѣдовала минута молчанія, послѣ которой Форлоппъ, поблговѣвъ, сказалъ улушливымъ голосомъ:

— *Obstinecheune very great!*

И однимъ толчкомъ ночи, онъ заставилъ летѣть, черезъ всю комнату, обломки пяти или шести тарелокъ, которыя Мишель, прислуживая, за неимѣніемъ мѣста на столѣ, поставилъ на полъ.

— Это другое дѣло, сказалъ Жамень сохраняя возможное спокойствіе, пять разбитыхъ тарелокъ — это составитъ 75 сантимовъ, которые я прибавляются къ общему счету.

— О! сказалъ англичанинъ вздыхая свободнѣе, я могу же платить за разбитое мною и сломанное.

— Безъ всякаго сомнѣнія — если вамъ это нравится.

Уѣс, уѣс, это мнѣ нравится, это мнѣ очень нравится!

И говоря такъ, Форлоппъ овладѣлъ графинчикомъ для масла и кинулъ его за окно.

— Одинъ франкъ двадцать пять сантимовъ! — считалъ легкомысленно Жаменъ, — это была самая старинная вещь въ моей посудѣ.

Большой салагникъ съ желтыми, красными и зелеными цвѣтами отправился по той же дорогѣ.

— Девяносто сантимовъ, — продолжалъ Жаменъ.

Кружка для вина подверглась той же участи.

— Пятьдесятъ сантимовъ!

Форлоппу нравилась сцена разрушенія и онъ исполнялъ ее также серьезно, какъ, бывало, свидѣтельствовалъ тюки у себя въ магазинахъ. Отъ стола онъ перешелъ къ этажеркѣ буфета, откуда бралъ, поочередно, блюда, тарелки, чашки и стаканы; онъ не щадилъ ничего. Даже блюдо для бритвы, которое при выставкѣ домашней посуды въ хижинѣ бретонца занимаетъ всегда первое мѣсто, и то не избѣжало общаго разрушенія.

Убѣдившись, что въ буфетѣ не осталось уже ничего цѣлаго, Форлоппъ, съ торжествующимъ видомъ сѣлъ на скамью и сказалъ:

— Считите!

Хозяинъ съ величайшимъ спокойствіемъ отвѣчалъ:

— Я занимаюсь этимъ.

И Жаменъ дѣйствительно перебиралъ пальцы, поднимая глаза къ бревнамъ потолка, гдѣ, казалось, отыскивалъ итога. — Употребивъ на это занятіе добрыхъ полчаса, онъ подошелъ, наконецъ, къ своему гостю, держа попрежнему въ рукахъ свой шерстяной калпакъ:

— Милостивый государь! — Все составляетъ: двадцать два франка шестьдесятъ пять сантимовъ.

— О!.. нѣтъ еще и одного фунта.

Чтобы удовлетворить аккуратности англичанина недоставало: *четырехъ сотъ шестидесяти семи франковъ, двадцати пяти сантимовъ.*

— Это приводитъ меня въ отчаяніе!

Отчаяніе и досада Форлоппа выразились сильнымъ ударомъ кулака по столу. — Столъ покачнулся — то былъ новый лучъ свѣта!

Англичанинъ всталъ, схватилъ обѣими руками скамью и,

размахивая ею со всею силою, dokonчилъ разрушеніе стола; потомъ, онъ разломалъ буфетъ и этажерку, превратилъ въ прахъ кукушку; наконецъ, уже осколкомъ скамьи, сплюснулъ два мѣдные шандала и задыхаясь отъ изнеможенія и облитый потомъ, но съ торжествующимъ видомъ упалъ на кучу обломковъ провознося:

— Сочтите, господинъ хозяинъ!

Жамень перебралъ опять пальцы и отвѣчалъ:

— Итогъ: шестьдесятъ пять франковъ.

Невозможно описать выраженіе лица, съ какимъ взглянулъ Форлоппъ на Жамена.

— Господинъ хозяинъ! Вы меня обманываете!

— Можетъ быть, цѣнность на мебель упала, — возразилъ холодно Жамень, — если тутъ есть излишекъ — я возвращу вамъ его.

— Goddam! Этотъ честный человекъ рѣшился уморить меня!

Третье лицо явилось къ концу этой сцены, — то былъ Мишель, прибѣжавшій на шумъ. — Остановясь въ дверяхъ и открывъ въ одно время глаза и ротъ, онъ посматривалъ попеременно на задыхающагося, посреди разломанной мебели, англичанина, то на непоколебимо спокойнаго хозяина.

Форлоппъ какъ бы вдохновился при взглядѣ на Мишеля.

Very well! Вотъ вамъ 65 франковъ, хозяинъ: оставьте меня съ этимъ мальчикомъ.

Жамень взялъ деньги и ушелъ.

— Мальчикъ! подойдите. — Не бойтесь, я разломалъ мебель, но людей не трогаю. — Угодно ли вамъ сказать мнѣ ваше имя?

— Мишель.

— Very well! очень радъ! Вы сопровождали меня сегодня въ прогулкѣ — я хочу наградить васъ.

— А! милордъ! какъ вы добры!

— Это не доброта... мнѣ необходимо дать вамъ большую сумму.

О! тѣмъ лучше!

О! yes!

— Большую сумму! продолжалъ Мишель, прыгая отъ радости. — Видите ли! сударь, это заставляетъ меня думать, болѣе чѣмъ когда-либо, что есть Провидѣніе! — Оно-то и привело васъ сюда.

— Это былъ мой маршрутъ!

— Не знаю... Но, представьте себѣ, милордъ, завтра ямяни-вы одной особы, которую я очень люблю... Вотъ уже три мѣсяца, какъ я откладываю свои доходы, чтобы подарить на нихъ этой особѣ козыночку... къ несчастью, путешественники, проѣзжающіе здѣсь не слишкомъ зажиточны, такъ что я имѣю только...

Мишель остановился и, краснѣя, опустил глаза въ землю.

— Вы замолчали.

— Я замѣтилъ, что становлюсь нескромнымъ.

— Все равно.

— Я не смѣю.

— Смѣйте — я позволяю.

— И такъ, милордъ, собралъ только пятнадцать су... а козыночка, какую я желалъ бы подарить, стоитъ сорокъ пять.

Смотря на лицо Мишеля, можно было подумать, что дѣло идетъ о несмѣтной суммѣ. — Форлоппъ открылъ свой портфель, вынулъ оттуда банковый билетъ и подалъ его Мишелю.

— Вотъ вамъ на покупку козыночки для той, которую вы любите.

— Что это такое? спросилъ удивленный Мишель.

— Это очень хорошенькая, маленькая бумажка.

— И стоить?

— Триста семьдесятъ пять франковъ.

— Триста семьдесятъ пять франковъ! вскричалъ Мишель, но, я сказалъ уже вамъ, сударь, у меня только пятнадцать су, — какъ же я дамъ сдачи.

— Кто васъ просить? Я, напротивъ, еще долженъ вамъ и сейчасъ заплачу.

— Я ничего не понимаю, милордъ!

Значитъ: вы глупы! Я отдаю это все вамъ за сегоднешнюю прогулку, въ которой вы меня сопровождали — понимаете?

Мишель возвратилъ билетъ Форлоппу.

— Милордъ! Вы хотѣли, конечно, испытать меня; я честный мальчикъ; — вся наша сторона поручится въ этомъ, и беру всегда только то, что мнѣ слѣдуетъ.

— Я считаю, что вамъ слѣдуетъ это.

— А я не считаю, что заслужилъ той суммы, какую вы

предлагаете мнѣ. — И такъ, сударь, оставьте при себѣ бѣлеты, а если хотите быть великодушнымъ, наградите меня тридцатю су, и я стану благословлять васъ!

— О!
Форлоппъ три раза повторилъ это любимое восклицаніе дѣтей Альбіона, которымъ выражаютъ они и горе и радость, и досаду и удовольствіе; — потомъ бармоча тысячу непоятныхъ словъ, перемѣшанныхъ съ goddam и другими британскими восклицаніями, путешественникъ, въ сильномъ волненіи, вышелъ изъ гостиницы.

Онъ направилъ шага свои къ деревни, пробѣжалъ ея четыре переулка и не встрѣтилъ ни одного нищаго, который протянулъ бы къ нему руку за милостыней; — обладатели этихъ маленькихъ хижинъ имѣла очень мало, это правда, но довольствовались еще меньшимъ.

Форлоппъ, въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ случалось ему бывать, позволялъ себѣ, не разъ, прихоти, покупая, напримѣръ, то картину, то драгоценную книгу, то какую-нибудь рѣдкую древность — въ деревенькѣ, куда закинула его теперь судьба — не было ни магазина рѣдкостей, ни книгопродавца, ни торговца предмета искусства; съ трудомъ удалось ему истратить на раковины двадцать су.

Грустный и усталый онъ возвращался въ гостиницу Жамена. — Мишель стоялъ на порогѣ и посвистывалъ съ такимъ покойнымъ видомъ, какъ будто у него былъ огромнѣйшій запасъ козыночекъ для известной особы.

Форлоппъ остановилъ на немъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, залумчивый взглядъ.

— Вы сынъ хозяина гостиницы?

— Я сирота. — Господинъ Жаменъ взялъ меня къ себѣ вѣтъ года, когда я еще не могъ и не умѣлъ работать, а теперь изъ благодарности я служу ему.

— Very well! Подите скажите Жамену, что я хочу говорить съ нимъ.

Жаменъ явился.

— Господинъ хозяинъ! — Я говорилъ съ этимъ мальчикомъ и разговоръ его очень заинтересовалъ меня.

— Это нисколько не удивляетъ меня, — всѣ путешественники, останавливающіеся здѣсь, отзываются о немъ точно также.

- Онъ вамъ нуженъ?
 — Необходимъ.
 — Вамъ было бы жаль разстаться съ нимъ.
 — Сознаюсь въ этомъ.
 — И такъ я покупаю у васъ Мишеля.
 — Милостивый государь..
 — Подайте счетъ — я плачу не торгуясь.
 — Я очень люблю Мишеля и никакъ не хочу отнимать у него прекрасный случай устроить свою судьбу. — Если вы такъ добры, что берете на себя заботы о его будущности — пусть онъ слѣдуетъ за вами, онъ вашъ!
 — Very well! сколько же?
 — Что вы хотите этимъ сказать?
 — Я спрашиваю: что стоитъ этотъ мальчикъ?
 — Я не торгую людьми! отвѣчалъ съ живостью Жаменъ. — Сдѣлайте добро Мишелю и я стану считать себя вашимъ должникомъ.

И онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, намѣреваясь уйти.

— О! возразилъ Форлопитъ, останавливая его — посмотримъ: кто изъ васъ упряме — вы или я! Я хочу непременно купить у васъ что-нибудь и не выйду отсюда не исполнивъ своего желанія!

— Право, сударь, отвѣчалъ Жаменъ смѣясь, — жаль что вы не бѣднякъ моего сословія! Но ужъ если желаніе приобрести что бы то нибыло такъ сильно въ васъ, то я бы предложилъ вамъ славную вещь и мы, вѣроятно, сошлись въ цѣнѣ скоро.

- Посмотримъ.
 — Да къ чему?
 — Говорите, говорите.
 — О! Боже мой! Это конечно не тайна и я, пожалуй, готовъ удовлетворить вашему любопытству.
 — О!
 — У меня есть дочь — вы ее видѣли..
 — О! прервалъ англичанинъ, — вы хотите чтобы я купилъ вашу дочь?

— Государь мой! здѣсь не Англія!.. Я говорю: у меня есть дочь, семнадцати лѣтъ, она хороша какъ ясное утро на морѣ! — Къ несчастью, въ моемъ положеніи я обязанъ принимать людей всякаго сорта, а у Жанны нѣтъ матери, — некому охра-

нять этотъ нѣжный цвѣтокъ... вотъ почему мнѣ бы хотѣлось продать гостиницу или промѣнять ее на хижину, въ которой бы я могъ жить покойно съ моею дочерью, да обрабатывать небольшой клочекъ земли...

— Что стоитъ ваше заведеніе?

— Пятьсотъ франковъ, сударь!

— Домъ съ посѣтителями?

— О! посѣтителя не вычеть. — Отвѣчалъ смѣясь Жамень.

— Very well! Я покупаю все.

— Вы, сударь? Да что-же вы станете дѣлать съ гостиницею?

— Какое вамъ дѣло, если я плачу!

— Это справедливо.

— Вотъ деньги!

— Вы, сударь, шутите?

— Не шучу — берите деньги.

— Такъ это правда?.. съ этой минуты домъ принадлежитъ вамъ.

— Съ правомъ дѣлать изъ него все, что мнѣ вздумается?

— Конечно, сударь.

— О!

— Я бѣгу объявить Жаннетѣ эту радостную новость!..

Когда Форлоппъ остался одинъ, — онъ началъ раздумывать:

— Трактирщикъ правъ: что я стану дѣлать съ этимъ заведеніемъ! Быть трактирщикомъ — я не намѣренъ, нѣтъ, у меня и въ головѣ этого не бывало... Разломать домъ, какъ мебель?.. Да, это превосходная мысль!.. Но какъ разломать? — Это работа продолжительнѣе и труднѣе той, отъ которой я задыхаюсь еще до сихъ поръ, — разломать домъ — не легко! Надо придумать что-нибудь получше... А!.. Что, еслибы я, напримеръ зажегъ его? Да, надо только зажигательную спичку и груды этихъ разваливъ помогутъ дѣлу... О! Какое удовольствіе доставилъ бы мнѣ этотъ небольшой пожаръ!.. Горить!.. Дымъ клубомъ!.. все рухнетъ!..

Форлоппъ рѣшился безъ отлагательства привести въ исполненіе свое намѣреніе.

— Надо дѣйствовать скорѣе; я не хочу провести еще сутки въ этой глупой гостиницѣ, гдѣ нельзя издержать денегъ согласно своему бюджету.

Сирь Вильямъ Форлоппъ принадлежалъ ко многимъ обществамъ скотолобїа, основаннымъ въ Англіи для сбереженія скота, и потому онъ хотѣлъ прежде позаботиться о томъ, чтобы въ домѣ не осталось: ни собаки, ни кошки, ни курицы, словомъ никакого животнаго, которому бы задуманное развлеченіе могло причинить какой-либо вредъ. — При переходѣ черезъ маленькій дворъ, во время своего обыска, Форлоппъ услышалъ разговоръ подъ навѣсомъ, устроеннымъ для пьющихъ, въ жаркіе лѣтніе дни, яблочное вино. — Форлоппъ узналъ голосъ Мишеля и остановился.

— Неужели вправду, Жанна, отецъ твой продалъ гостиницу этому проклятому путешественнику.

— Увы! Это правда, Мишель!

— Боже мой! какое несчастье!

— Вотъ, всѣ наши планы разрушены.

— Всѣ наши надежды уничтожены!

Еслибъ отецъ мой думалъ о тебѣ, развѣ онъ сдѣлалъ бы такой переворотъ?

— О! разумѣется, нѣтъ! Онъ бы сказалъ самому себѣ: я воспиталъ Мишеля, я его знаю и увѣренъ, что онъ можетъ быть хорошимъ хозяиномъ гостиницы; пора мнѣ и отдохнуть, дай-ка поручу я ему управленіе заведеніемъ и выдамъ за него мою дочь — она хороша, будетъ сидѣть за буфетомъ — это привлекаетъ посѣтителей...

— Это было бы такъ естественно и просто!

— Надо быть слѣпымъ, чтобы это не бросилось въ глаза.

— И каково же? — не только не позаботиться о томъ, чтобы соединить насъ навсегда, а еще разлучать.

— Мнѣ слѣдовать за этимъ сумасшедшимъ милордомъ, который увезетъ меня Богъ знаетъ куда... далеко отъ моей Жанны и моей гостиницы!..

— А мнѣ-то, мнѣ каково? — сидѣть взаперти на какой-нибудь скучной фермѣ, а не въ своей гостиницѣ; жить съ какими-нибудь грубиянами, а не съ мовмъ Мишелемъ...

— Проклятый англичанинъ!

— Чтобъ его чортъ взялъ!..

• И потомъ, до слуха Форлоппа долетѣли рыданія, тронувшія его сердце.

— Эти влюбленные, сказалъ онъ самому-себѣ, — были не-

много дерзки, но, надо прощать ближнему, — я отказываюсь отъ удовольствія видѣть пожаръ.

Онъ предсталъ вдругъ передъ молодыми людьми, которые вытирая наскоро глаза, смотрѣли на него съ удивленіемъ.

— Молодой человѣкъ! сказалъ Форлоппъ Мишелю — вы не слѣдуете за мною!

— Ахъ! вскрикнулъ радостно Мишель, — я больше ничего не желаю!

— Молодая дѣвушка! продолжалъ англичанинъ — вы не будете скучать на фермѣ съ грубіянами!

— О! сударь, дай Богъ, чтобы это было такъ.

— Это будетъ такъ; — я обещаю устроить дѣло съ отцемъ вашимъ.

— Возможно ли?

— О! уѣс! Сію минуту я намѣревался зажечь этотъ домъ...

— Какъ, сударь?

— Я перемѣнилъ свое намѣреніе, молодой человѣкъ! я отдаю вамъ гостиницу, пускай Жамень дастъ хозяйку.

— Сударь!..

— Безъ отказа, какъ давеча съ банковымъ билетомъ, или я сію же минуту зажигаю спичку. Ну...

Форлоппъ съ коробкою въ рукъ, походилъ на грознаго повелителя, провозносящаго ультиматумъ, на который нельзя возражать.

— Мишель согласенъ!.. вскрикнула Жанна.

— Жанна согласна! вскрикнулъ Мишель.

— О! сказалъ Форлоппъ.

— Но, прибавилъ Мишель — съ однимъ условіемъ.

— Опять?

— Мы каждый годъ станемъ выплачивать вамъ часть нашего дохода до тѣхъ норъ, пока выплатимъ всю сумму.

— Нѣтъ.

— Непремѣнно.

— Нѣтъ!

— Да, или ничего не будетъ!

— О! отвратительное народонаселеніе! — вскричалъ Форлоппъ видѣ себя отъ негодованія — я зажгу домъ и застрѣлюсь.

И онъ открылъ коробку со спичками, но въ ту же минуту опять закрылъ ее.

— Хорошо, — сказалъ онъ — я согласенъ на условіе.

— А! вы намъ благодѣтель!

— Нѣтъ, нѣтъ — не благодѣтель! я дѣлаю это не для вашего счастья, а для своего дорожнаго бюджета. Я сказалъ, что согласенъ на условіе, но, тоже, съ условіемъ, — вотъ оно: вы будете вносить эту сумму, отъ моего имени, въ магистратъ, для подавнія помощи несчастнымъ животнымъ вашей страны.

Возраженій больше не нашлось; всѣ недоумѣнія были отстранены, договоръ былъ сдѣланъ, а Жамень скрѣпилъ его, не имѣя предлога отказать въ своемъ согласіи.

Кончивъ это и всячески стараясь избѣжать благодарности, Форлоппъ торопился уѣхать. — Мысль провести еще хоть лишній часъ въ такомъ домѣ и съ такими людьми бросала его въ дрожь.

— О! говорилъ онъ, прибывъ въ сосѣдній городъ.

— О! повторилъ онъ закрывая глаза послѣ сытнаго обѣда и лежа на мягкой постели, въ отличной гостиницѣ, хозяинъ которою былъ Мобезенъ въ высшей степени. — на этотъ разъ — могу спать покойно, — я посреди образованныхъ людей, которые не захотятъ нарушать правилъ моего существованія.

СЛАВА.

I.

Старикъ Галлеръ былъ знаменитый музыкантъ, современникъ и соперникъ Моцарта и провелъ жизнь свою въ Гольцдеролленѣ — главномъ городѣ Гольцдеролленъ-Готторпскаго Княжества, принадлежащаго, какъ извѣстно, къ числу большихъ государствъ Европы.

Почувствовавъ приближеніе кончины, Галлеръ подозвалъ къ постели сына своего Карла. Карлъ былъ благородный малый и горячо любящій отца. — Въ комнатѣ присутствовали еще два лица: жена умирающаго Маргарита и бездарный музыкантъ бѣднякъ Стансъ, который умеръ бы съ голоду безъ помощи и покровительства добраго старика.

— Мое бѣдное дитя, сказалъ старшій музыкантъ, я чувствую что мнѣ немного осталось жить и хочу дать тебѣ послѣднiя наставленiя, которыя внушены мнѣ искреннею привязанностью.

Въ эту минуту въ углу комнаты раздалось громкое стенанье.

— Что это за шумъ? спросилъ Галлеръ. Кто тамъ такъ плачетъ?

— Это я! отвѣчалъ Стансъ, бросаясь къ постели умирающаго я, вашъ ученикъ, вашъ сынъ! И могу ли я неплакать? Могу ли когда нибудь утѣшиться, потерявъ васъ такого достойнаго человѣка!

Стансъ думалъ, что старичекъ собрался дѣлать духовное завѣщанiе.

Галлеръ тихо оттолкнулъ его и Стансъ, закрывая глаза платкомъ, возвратился въ уголъ. Старикъ взялъ своими дрожащими руками руку неподвижнаго, убитаго горемъ Карла и продолжалъ такъ:

— Сынъ мой, мнѣ слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; трудами и старанiями я приобрѣлъ довольно порядочную репутацію; но за исключенiемъ короткихъ и мимолетныхъ мгновенiй удовлетвореннаго самолюбiя, я не испыталъ въ своей жизни ни разу истиннаго счастья. Хочешь ли ты быть просто счастливымъ и покойнымъ гражданиномъ или знаменитымъ артистомъ, платя за эту знаменитость такъ дорого, какъ заплатилъ я?

— Ахъ, батюшка, сказалъ Карлъ, заливаясь слезами, не это занимаетъ меня въ настоящую минуту.

— Вѣрю тебѣ, возразилъ Галлеръ, однако послѣднiя минуты мои сочтены и, заботясь о твоей будущности, я хочу говорить серьезно. — Я никогда не желалъ видѣть глупца въ моемъ сынѣ, но, сознавая что счастье въ этой жизни несовмѣстно съ талантомъ и извѣстностью, хотѣлъ чтобы способности твои не переходили за общiй предѣлъ. — Къ несчастiю, случилось иначе, судьба одарила тебя, при самомъ рожденiи, возвышенною организаціею. — Отъ тебя зависитъ сдѣлаться великимъ артистомъ.

— Я объ этомъ нисколько не забочусь! отвѣчалъ Карлъ; подавляемый горемъ.

— Не принимаешь ли ты меня за Кассандра? вскричалъ старшій музыкантъ съ гнѣвомъ, дѣлая усилiя подняться на кровати и, слава Богу, говорю не вздоръ и очень хорошо

сознаю это въ настоящую минуту. — Въ тебѣ есть зародышъ огромнаго таланта.. Но выслушай мою исторію; пусть она послужитъ тебѣ поученіемъ.

Галлеръ повернулся на своей постели; Стансъ испустилъ, во второй разъ, жалобный стонъ; Маргарита подбѣжала къ кровати.

— Оставь меня! сказалъ больной — я хочу говорить съ сыномъ.

— Любезный сынъ мой, продолжалъ онъ, обращаясь къ Карлу, двадцати лѣтъ отъ роду я былъ уже извѣстенъ всей Германіи—этому ужъ теперь болѣе сорока лѣтъ.—Въ продолженіи всего этого времени, нѣкто Г. Шандель, грубый критикъ и издатель Франкфуртскаго журнала, ни на одну минуту не переставалъ оскорблять меня. Этотъ Г. Шандель заставилъ меня провести много безсонныхъ ночей. Да то ли еще приходилось переносить мнѣ! Однажды, на примѣръ, я отказался сочинить музыку на свадебную пѣсню одного шулера и дѣлателя фальшивой монеты—меня посадили въ тюрьму. Нѣтъ, лучше не стану говорить о всѣхъ непріятностяхъ, о тысячѣ различныхъ неудобствъ, которыми я платилъ за свою славу. Терзаемый одними, дурно защищаемый другими, измученный дураками, осаждаемый любезностями, визитами и пошлостями, мучимый завистниками и невѣждами... я проводилъ печально дни свои!— Я, великій человекъ, какъ называла меня мои друзья, завидовалъ часто покойной жизни нашего сосѣда угольщика! Я искалъ убѣжища отъ этихъ вѣшнихъ непріятностей въ кругу моего семейства, мать твоя, добрая женщина, но съ ограниченными умомъ, говорила мнѣ:—Эхъ, бѣдный Галлеръ, отчего не сидишь ты покойно дома? Какая необходимость тебѣ писать музыки и царапать день и ночь бумагу? Оставь ты эти вещи умнымъ людямъ, а самъ займись-ка лучше домашнимъ хозяйствомъ, обрабатывай садъ, да пригляди за воспитаніемъ сына...

Маргарита, услышавъ послѣднія слова, подошла, взволнованная къ кровати.

— Ну, ужъ полно толковать, сказала она; еслибы ты всегда слѣдовалъ моимъ совѣтамъ—такъ можетъ быть, легче бы было въ настоящую минуту.—Но теперь не время думать объ этомъ. Не хочешь ли лучше я схожу за почтеннымъ г-мъ Петерманомъ, нашимъ приходскимъ священникомъ? Онъ очень умный и очень краснорѣчивый человекъ и, припомни, никогда не раздѣ-

лялъ твоихъ убѣжденій. Выкинь изъ головы твоей глупости, занимавшія тебя во всю жизнь, нѣсколько словъ Г. Петермана будутъ душѣ твоей спасительнымъ бальзамомъ.

— Ты слышала? сказалъ Галлеръ обращаясь къ сыну, я не заставляю ее говорить...

— Ахъ, подхватила Маргарита, заливаясь слезами, зачѣмъ не послушала ты меня!...

— Конечно, я дурно сдѣлала, — продолжалъ Галлеръ. Ты всегда давала мнѣ добрые совѣты и никто, безъ сомнѣнiя, не приготовлялъ лучше тебя тартинокъ съ вареньемъ. Не знаю, самъ Шандель, великiй гений, могъ ли бы сравниться съ тобою въ этомъ искусствѣ; достоверно, только, то, что я хорошо плотала и твоя тартинки и тартинки Г. Шанделя.. Но прошли эти счастливые дни!... Карлъ, мое милое дитя, сядь къ фортепиано и сыграй мнѣ Реквиемъ Моцарта...

— Лучше бы послать за краснорѣчивымъ Г. Петерманомъ! возразила Маргарита съ негодованiемъ.

Свѣчи догорали и разливали по комнатѣ только слабый свѣтъ. Галлеръ, опрокинувъ голову на подушку, поблѣднѣлъ и, сжимая руку Карла, сказалъ ему:

— Дитя мое, помни!

II.

Долго оставался Карлъ подъ влiянiемъ этой сцены; онъ нѣжно любилъ своего отца и всегда восхищался его талантомъ; только по прошествiи многихъ печальныхъ дней онъ могъ наконецъ привести въ порядокъ свои мысли и заняться устройствомъ жизни.

— Вотъ, говорилъ онъ самому себѣ, примѣръ, который послужитъ мнѣ съ пользою. Знаменитость отца была ему тяжелою ношею; я ввѣдѣлъ, довольно близко и другихъ знаменитыхъ людей, разныхъ сословiй: всѣ они были несчастливы и большая часть изъ нихъ, не поддѣрживай ихъ самолюбiе, сто разъ разможили бы себѣ голову. Мнѣ двадцать пять лѣтъ отъ роду; я получаю четыре тысячи флоримовъ годоваго дохода, у меня есть маленькiй домикъ съ садомъ, я не самолюбивъ, талантъ мой очень не замѣчательнъ, что ни говори отецъ мой, любовь ко мнѣ ослѣпляла его. Правда, я люблю иногда сочинять музыку, но она очень далеко отъ того, чтобы назваться хорошою,

и развѣ самъ чортъ вмѣшается въ дѣло, несмотря на всѣ предосторожности, какія я хочу предпринять, и слава на сто трубахъ провозгласитъ мое имя во всѣхъ закоулкахъ. Я могу надѣяться, что этотъ достойный Г. Шандель не сдѣлаетъ мнѣ зла.—Примемъ, однакожъ, мѣры противу прихотливыхъ затѣй судьбы.

Проникнутый такими благими убѣжденіями, Карлъ жилъ покойно.—Мать его скоро умерла; умерла съ тоски по мужѣ, котораго она хоть и мучила, но любила искренно.

Стансъ сдѣлался нахлѣбникомъ Карла, подъ предлогомъ необходимости утѣшать, и не оставлялъ его ни на минуту. Онъ былъ сильно взбѣшенъ тѣмъ, что старшій Галлеръ забываетъ его въ своемъ завѣщаніи, и старался вытянуть что нибудь у сына, котораго ненавидѣлъ изъ зависти къ его таланту.

Однажды онъ пришелъ къ Кару во время завтрака. Старая ключница Гертруда собралась варить яйца въ смятку.

— Подождите, сказалъ ей Стансъ. Все вообще воображаютъ, что сварить яйцо очень легко, а между тѣмъ мнѣ не разъ доводилось видѣть большія неудачи въ этомъ дѣлѣ. Знаменитый Фредерикъ Бернъ, кухмистеръ великаго герцога Баденскаго, говоритъ мнѣ однажды, я былъ тогда камермейстеромъ герцога... Говоритъ: г. Стансъ яйца должны оставаться ровно три минуты въ кипяткѣ, ни одной секунды, ни больше ни меньше! — Хорошій поваръ долженъ вѣрнопременно имѣть при себѣ карманные или песочные часы, когда варитъ яйца въ смятку.

— Прекрасно! подхватилъ Карлъ, — мы сію минуту испытываемъ на дѣлѣ знаменитую теорію, — станемъ повѣрять по стѣннымъ часамъ.

Яйца остались въ кипяткѣ въ продолженіи трехъ минутъ и были найдены превосходными. За столомъ Стансъ казался немного озабоченнымъ; во время десерта онъ сказалъ своему другу:

— Я недаромъ рассказалъ мнѣніе Фредерика Берна, кухмистра великаго герцога. Недале какъ сегодня утромъ у меня былъ горячій споръ о приготовленіи яицъ въ смятку, съ людьми, которые увѣряли, будто яйца должно оставлять въ кипяткѣ не три, а пять минутъ. Несмотря на всѣ мои старанія, я никакъ не могъ убѣдить ихъ, что они заблуждаются; положили, наконецъ, сдѣлать опытъ, завтра, у меня. Сдѣлай

милость, одолжи мнѣ твои часы, — я, ты знаешь, бѣдный артистъ — у меня нѣтъ ни карманныхъ, ни стѣнныхъ часовъ, и узнаю время, какъ птица, по солнцу.

Карлъ, у котораго голова была занята другимъ, не задумываясь исполнилъ просьбу Станса — а Стансъ все забывалъ, потомъ, возвратить одолженную ему вещь.

III.

Однажды Карлъ пригласилъ къ себѣ нѣсколько друзей. Зала, въ которую собрались гости, по своему устройству служила и пріемной и мастерской. Посрединѣ печь, огромный диванъ, фортопяно, картины, бронза, мраморъ, слѣпки... все это расположено было болѣе или менѣе живописно и доказывало вкусъ хозяина. Въ числѣ гостей было нѣсколько женщинъ и между ними, замѣтнѣе другихъ, блондинка съ прекрасными голубыми глазами. Елена, такъ звали блондинку, могла бы похвастаться красавицею, еслибъ излишняя манерность и сентиментальность не бросали тѣни на всю ея наружность. Она имѣла притязаніе на роль *синяго чулка* и притязаніе это отражалось въ каждомъ движеніи, *въ каждомъ взглядѣ*... Это не помѣшало, однакожъ, Карлу быть въ нее не на шутку влюбленнымъ. Елена рисовалась на диванѣ, стараясь принять позу музы; сидѣвшій подлѣ нея Стансъ говорилъ:

О! Вы, въ-самомъ-дѣлѣ необыкновенная женщина! Какъ сожалѣю я, что вы непонятны!

Елена вздохнула.

— Я всегда говорю Карлу, — продолжалъ Стансъ, — въ Гальцеролленѣ только одна женщина: Елена! Видите: я давно разгадалъ васъ.

— А что говоритъ Карлъ? спросила Елена.

Стансъ какъ будто затруднялся отвѣчать.

— Карлъ любитъ васъ — произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія — и отдастъ полную справедливость вашимъ душевнымъ достоинствамъ.

— Я понимаю — перебила Елена съ горькою улыбкою — Карлъ добрый и достойный молодой человекъ, но онъ рожденъ жить счастливо, въ тихой неизвѣстности... А! зачѣмъ у него нѣтъ таланта отца.

— Вы знаете старинную нѣмецкую пословицу: — тихая гор-

лица выходить иногда изъ орлиного яйца. Слава дается не каждому! Кому же, быть счастливымъ также что набудь да значить.

— Но отчего вы, его другъ, — сказала Елена послѣ минутнаго молчанія, — не хотите вывести его изъ бездѣйствія, въ которомъ онъ засыпаетъ.

— Развѣ можетъ надѣяться дружба слѣлать то, чего не смогла любовь? возразилъ Стансъ.

Елена сильно покраснѣла; — Стансъ продолжалъ:

— Видала-ли вы когда нибудь, чтобы простая яблоня приносила золотые плоды померанца?..

— Послушайте, — перебила Елена, — кажется, это Карлъ играетъ на фортопьяно?

Игралъ въ самомъ дѣлѣ онъ. Разгоряченный шумомъ разговора и нѣсколькими стаканами пунша, — Карлъ подошелъ къ фортопьяно и сначала какъ бы въ разсѣяніи, а потомъ съ большимъ вниманіемъ и одушевленіемъ онъ началъ играть вальсъ своего сочиненія. По вальсамъ Штрауса можно составить себѣ идею объ этомъ родѣ музыкальныхъ сочиненій, который кромѣ другихъ достоинствъ отличается оригинальностью; Штраусъ явился гозаздо позднѣе. Игра Карла заставила умолкнуть всѣхъ и слушать.

— Неужели, въ самомъ дѣлѣ, онъ сочинилъ эту пьесу? спросила Елена.

— Не знаю. отвѣчалъ Стансъ въ замѣшательствѣ.

Елена задумалась. Въ эту минуту, подъ вліяніемъ чудной музыки, прекрасная мечтательница готова была кинуться въ объятія Карла; а Карлъ, подчиняясь мгновенному увлеченію, забылъ все окружающее его, онъ не замѣчалъ тишины, которая водворилась въ залѣ; не замѣчалъ общаго вниманія. Когда поолѣдніе звуки замерли подъ усталыми пальцами — Карлъ опомнился, пробужденный и сконфуженный громомъ рукоплескавій. Въ одну минуту сообразилъ онъ всѣ послѣдствія своей неосторожности, покраснѣлъ, смутился, хотѣлъ защищаться, но это не удавалось ему, находчивость совершенно покинула его.

Между присутствующими былъ одинъ господинъ восторженный до нелѣпости, который съ криками кинулся обнимать смущеннаго Карла. То было одно изъ странныхъ существъ, предающихся дикимъ восторгамъ и аплодирующихъ, съ одина-

ковымъ увлеченіемъ прекрасно выполненной aria *Casta diva* и упражненіямъ школьника. Господинъ этотъ схватилъ нѣсколь- ко листовъ, разбросанныхъ по фортопяно и, принимая ихъ за рукопись прелестнаго вальса, кричалъ, какъ павлинъ, что пьеса эта должна быть передана потомству, что скрывать такую драгоценность въ портфель — значить красть ее у истинныхъ любителей изящнаго и что сію же минуту онъ идетъ вручить ее филармоническому обществу...

— Этотъ вальсъ, продолжалъ онъ, не носитъ еще никакого названія — я дамъ названіе; по нѣжности и пріятности стilia пусть назовется онъ: *La Bergceuse!*

Карлъ былъ смущенъ докрайности. Друзья говорили что у него есть талантъ, но нѣтъ недостатка и въ тщеславіи, что онъ корчитъ генія дразируясь скромностью. Завсѣмъ тѣмъ, любя Карла, друзья разгласили повсюду о вновь открытомъ дарованіи; на другой день всѣ уже знали, что сынъ знаменитаго Галлера сочиняетъ удивительные вальсы. Это было на масляницѣ — весь Гальцеролленъ вальсировалъ съ ожесточеніемъ.

— О! мой отецъ! говорилъ Карлъ, — такъ-ли я долженъ былъ воспользоваться твоими совѣтами!.. Что мнѣ дѣлать теперь? Какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія?.. Проклятая неосторожность! Я, который хотѣлъ тихо и покойно жить въ уединеніи!.. Зачѣмъ я пригласилъ къ себѣ всѣхъ этихъ глупцовъ, зачѣмъ я шилъ пуншъ, зачѣмъ я сѣлъ за фортопяно?.. Теперь мнѣ не дадутъ покою! Этотъ восторженный господинъ станетъ таскаться ко мнѣ каждый день; онъ мецепатомъ сядетъ мнѣ на шею... Я пропалъ, если не прищу средства поправить свою ошибку!

Размышленія Карла были прерваны громкими звуками музыки, раздававшимися подъ самымъ окномъ.

— Такъ, прозвнесъ Карлъ прислушиваясь, — я не ошибаюсь: это, дѣйствительно, мой проклятый вальсъ, исполняемый цѣлымъ оркестромъ!.. Что это? Кричатъ мое имя!

Карлъ открылъ окно и только что выглянулъ на улицу, какъ раздалась тысяча восклицаній: — Bravo! Bravo Карлъ Галлеръ! Филармоническое общество, въ сопровожденіи многочисленной толпы Гольцеролленскихъ обывателей, пришло дать сереналу молодому музыканту... Восторженный господинъ, не-

играющій ни на какомъ инструментѣ, держалъ въ рукахъ трость и махалъ ею посреди музыкантовъ, съ необыкновеннымъ жаромъ.

— Какъ погасить этотъ огонь? спрашивалъ самого себя нашъ озадаченный герой. — На что рѣшиться? Какъ вдругъ пришла ему счастливая мысль. Давъ рукою знакъ замолчать, онъ сказалъ: — Друзья мои! Я очень тронуть тѣмъ сочувствіемъ, какое вы оказываете мнѣ въ эту минуту...

По примѣру, поданному восторженнымъ господиномъ, взрывъ рукоплесканій прервалъ рѣчь Карла: — господинъ энтузіастъ протягивалъ руки, какъ бы желая обнять молодаго артиста. Черезъ нѣсколько минутъ только Карлъ могъ продолжать: — Благодарю васъ отъ души, друзья мои! Но я не могу принять на свой счетъ честь, которую вамъ угодно было сейчасъ почтить меня, я отношу ее къ памяти о талантѣ покойнаго отца моего. Не хочу пользоваться всеобщимъ заблужденіемъ, знайте же, что не я... (тутъ сердце артиста сжалось и онъ остановился на минуту) — знайте же, что не я авторъ вальса, которымъ вы восхищаетесь; это произведеніе одного молодаго музыканта, по имени Станса, котораго многіе изъ васъ, можетъ быть, знаютъ и талантъ котораго равняется его скромности...

Легко можно отгадать, какое дѣйствіе произвело это объясненіе. Неудовольствіе изобразилось на всѣхъ лицахъ. Нѣкоторые, однакожъ, услышавъ имя Станса и зная его коротко, качали сомнительно головою. Восторженный господинъ былъ, по-видимому, сильно раздосадованъ и въ замѣшательствѣ помахивалъ тростью.

Въ эту самую минуту вошелъ Стансъ; онъ зналъ уже о случившемся и лицо его горѣло.

— Прости меня, сказалъ ему Карлъ, — я употребилъ во зло дружбу и воспользовался твоимъ именемъ.

— Простить тебя! вскричалъ Стансъ, поднимая руки къ небу.

— Да, продолжалъ Карлъ, — ты долженъ оказать мнѣ услугу, которую я требую отъ тебя во имя дружбы. Не выдай меня и согласишься принять на себя сочиненіе этого вальса, чортъ бы его взялъ!

— Если ты непременно требуешь этого, отвѣчалъ Стансъ, — я долженъ согласиться. Пусть это будетъ доказательствомъ

моей признательности къ благодѣяніямъ твоего отца, моего знаменитаго учителя!

— А! вскричалъ Карлъ. — Ты спасаешь мнѣ жизнь! Я бы умеръ съ горя, еслибъ имя мое узнали вѣ этой улицы.

— Правду сказать, подхватилъ Стансъ, и я рожденъ для тихой жизни гражданина, но я жертвую собой!

— Итакъ, рѣшено? Мы сохранимъ вѣчное молчанье о томъ, что было сегодня между нами. Ни слова никому, даже Еленѣ, на скромность которой, въ этомъ случаѣ, нельзя положиться.

— Конечно, сказалъ Стансъ, дрожа отъ восторга. — Но, надо ковать желѣзо, пока оно горячо: доверши начатое, представь меня публикѣ.

Толпа еще не разошлась. Virtuозы немѣцкіе собравшись разъ, не легко расходятся. Погода стояла прекрасная, воздухъ былъ пріятенъ — филармоническое общество нашло удобнымъ оставаться на улицѣ и, оправившись отъ первыхъ впечатлѣній непріятнаго разочарованія, начало разыгрывать разныя пьесы, изъ своего репертуара уже не въ честь Карла, а въ свое собственное удовольствіе.

Карлъ показался у окна держа Станса за руку. Переходя легко отъ одного восторга къ другому, а можетъ быть еще и съ досады на молодаго Галлера, господинъ съ тростью подалъ знакъ къ новымъ рукоплесканіямъ. Карлъ, котораго сцена эта очень занимала, представилъ Станса толпѣ, дѣлая жестъ, какимъ въ послѣдствіи знаменитый Генрихъ сопровождалъ слова, сказанныя имъ съ балкона Пале-Рояля. Стансъ положилъ руку на сердце, поклонился, хотѣлъ говорить, не находилъ словъ и ограничился различными пантомимами, сохраняя самую комическую важность.

Когда кончилась эта комедія, Стансъ задумался.

— Я вѣсколько не жалѣлъ о томъ, что сдѣлалъ, сказалъ онъ: но, я не предвидѣлъ всей трудности моего положенія въ будущемъ. Однимъ этимъ вальсомъ не удовольствуются и, если я не стану, хоть изрѣдка, издавать еще что нибудь, возникаетъ сомнѣніе.

— Я понимаю! перебилъ Карлъ. — Вотъ цѣлый картонъ моихъ сочиненій, избавь меня отъ всего этого; возьми и пользуйся всѣмъ, какъ вздумаешь. Берегись только этого ужаснаго Шанделя, который издастъ журналъ во Франкфуртѣ и который такъ мучилъ моего отца!

— О! Я не боюсь Шавделя! вскричалъ Стансъ и глаза его заблестѣли радостью.

Онъ взялъ дрожащими руками драгоценный картонъ, заглянулъ въ него; спряталъ его подъ свой плащъ и бѣгомъ пустился домой, опасаясь чтобы Карлъ не избѣжалъ своего намѣренія.

IV.

Изворотливый и безстыдный Стансъ счумѣлъ скоро сдѣлаться знаменитымъ во всей области Гальцероллена. Онъ постепенно выпускалъ въ свѣтъ произведеніе Карла, взбирая для этого всегда самую удобную минуту. Издатели спорили и ссорились между собою за эти сочиненія. Стансъ былъ очень хорошо всѣми принятъ, онъ отлично одѣвался, казался страннымъ и царствовалъ въ гостиныхъ. У него была обезьяна и два попугая, о которыхъ онъ говорилъ безпреставно и по милости которыхъ прослылъ оргиваломъ; наконецъ, онъ могъ похвастать даже не однимъ счастливымъ приключеніемъ.

Однажды вечеромъ онъ увидѣлъ въ театрѣ Елену.

— А! говорила она ему въ волненіи, бросая на него нѣжные взгляды, — это вашъ несравненный вальсъ игралъ Карлъ!. А вы не хотѣли сказать; вы оставляли все торжество этого чуднаго творенія вашему другу! Какая возвышенная черта!

— Такъ создало сердце истиннаго артиста! отвѣчалъ Стансъ съ видомъ достоинства.

Встрѣясь какъ-то съ Карломъ, онъ поклонился ему съ видомъ покровительства.

— Болванъ! подумалъ Карлъ.

Нельзя сказать, чтобы молодой Галлеръ не испытывалъ подчасъ неприятнаго чувства сожалѣнія о томъ, что сдѣлался, а иногда, даже, и зависти... Но здравый разсудокъ бралъ тотчасъ же верхъ и Карлъ попрежнему былъ доволенъ своимъ поступкомъ. Съ нѣкоторыхъ поръ въ голову его стали приходить нныя мысли. Несчастливый молодой человекъ сталъ сомнѣваться въ вѣрности своей возлюбленной и, мало-по-малу, подозрѣнія превратились въ немъ въ мучительныя волненія ревности. Скитаться день и ночь около дома, гдѣ жила Елена, стоять подъ ея окнами, прятаться за угломъ улицы, сторожить,

куда пойдетъ Елена и слѣдовать за ней издалека.. вотъ что составило жизнь Карла.

Иногда размышляя о своемъ положеніи, онъ говорилъ самому себѣ:

— О! какъ я счастливъ, что избѣжалъ, по крайней мѣрѣ извѣстности. Весь городъ сталъ бы смѣяться надъ моими настоящими поступками, о нихъ разгласили бы и за кулисами театра и въ гостиныхъ! Теперь я хоть покоеюсь въ томъ отношеніи, что не потѣшаю никого своими глупостями, но становлюсь сказкою цѣлаго города!

Разъ, это случилось вечеромъ, Карлъ, прижавшись къ воротамъ, увидѣлъ что дверь дома его возлюбленной отворилась; показалась Елена, окинула робкимъ взглядомъ улицу и пошла, скоро и боязливо, какъ идутъ только на свиданіе. Она прошла мимо Карла, не замѣтивъ его, а Карлъ, съ сжавшимся сердцемъ и дрожа отъ волненія, послѣдовалъ за нею издали. Елена направла шаги къ публичному саду; тамъ подъ шелъ къ ней человѣкъ, закутанный въ плащъ и поцаловалъ протянутую ему руку. Подбѣжавшій Карлъ узналъ Станса.

— А! негодий! вскрикнулъ Карлъ. — Я отдаю тебѣ свою музыку, я даю тебѣ богатство и славу, которыя могъ сберечь для себя, а ты, въ благодарность за это, отнимаешь у меня то, что люблю я больше всего на свѣтѣ!

Съ этими словами, не въ силахъ будучи удержать порыва негодованія, Карлъ бросается на Станса и наноситъ ему удары палкою. На крикъ послѣдняго выбѣгаютъ изъ сосѣднихъ домовъ, собирается толпа прохожихъ и съ трудомъ вырываетъ несчастнаго Станса изъ рукъ разгорячившагося противника.

Елена, заливаясь слезами, говоритъ Карлу:

— Прости меня! Знаменитость этого негодяя вскружила мнѣ голову, я принимала его за великаго человѣка...

— А еслибъ онъ былъ и въ-самомъ-дѣлѣ великимъ человекомъ, возражаетъ Карлъ — развѣ это даетъ право меня обманывать?

— О! говоритъ Елена трагическимъ голосомъ. — Призываю въ свидѣтели небо и зелень этихъ большихъ деревьевъ, я осталась невинною!

Пронесшествіе это, весьма естественно, надѣлало много шуму въ городѣ. Стансъ, который своимъ высокоуміемъ нажилъ себѣ не мало враговъ, былъ заброшенъ. Его горячіе защитни-

ки стали, теперь, первые говорить, что пхъ нѣсколько не удивляетъ случившееся; что они всегда подозрѣвали Станса не настоящимъ авторомъ издаваемыхъ имъ сочиненій; что только глупцы могли ошибаться; что Стансъ никто другой, какъ плутъ и что, наконецъ, его слѣдуетъ посадить въ тюрьму. И всѣ спѣшили закинуть свои визитныя карточки къ Карлу, который, черезъ нѣсколько дней, получилъ до пятидесяти приглашеній на обѣды, балы и музыкальные вечера.

Теперь, только, прійдя въ себя, несчастный почувствовалъ всю важность своего проступка. Увлеченный гнѣвомъ и ревностью, онъ поступилъ неблагоразумно и, такимъ образомъ, во второй разъ, сдѣлался львомъ Гольцеролленскимъ. Съ ужасомъ смотрѣлъ онъ на кучу пригласительныхъ писемъ, брошенныхъ на столъ, и казалось ему, что, подъ окномъ, на улицѣ, все еще играетъ страшный оркестръ филармоническаго общества.

— Кончено! говорилъ Карлъ. — Теперь мнѣ не дадутъ ни минуты покоя! Не раздумывая и не теряя времени, я долженъ бѣжать отсюда. Нѣсколько лѣтъ отсутствія изгладятъ меня изъ памяти моихъ милыхъ согражданъ!

Карлъ уложилъ свой чемоданъ и уѣхалъ, рѣшившись погребсти себя на нѣкоторое время, въ темномъ уголкѣ Италіи или Франціи.

Въ тотъ же день бѣжалъ изъ Гольцероллена и Стансъ опасаясь какого нибудь не совсѣмъ пріятнаго приключенія.

Одновременное бѣгство этихъ двухъ лицъ удивило всѣхъ. Каждый дѣлалъ предположенія и толковалъ по-своему; конецъ-концевъ, положили, что Стансъ убилъ Карла и бѣжалъ за границу. Бургомистръ Гольцеролленскій, уступая всеобщимъ убѣжденіямъ, долженъ былъ написать, въ сосѣднія мѣста, объ арестованіи и преданіи суду бездѣльника Станса, сильно подозрѣваемаго въ убійствѣ Карла, своего друга и благодѣтеля и славу княжества Гольцеролленъ-Готторискаго.

V.

Карлъ прибылъ въ Мангеймъ, захворалъ тамъ съ горя и слегъ въ постель. Прошло не много времени, какъ вдругъ дверь отворилась и кто-то тихонько вошелъ въ комнату. Это

былъ бургомистръ города, сопровождаемый двумя аколитами *, которые и остались на стражѣ у дверей.

Надобно замѣтить, что бургомистръ мангеймскій былъ очень хорошии пріятель бургомистру гольцеролленскому и потому принялъ его письмо къ сердцу.

— Что вамъ угодно, сударь? спросилъ Карлъ довольно грустнымъ голосомъ.

— Я бургомистръ здѣшній, государь мой. Вы прибыли сюда, сегодня утромъ?

— Да.

— Не вы-ли, продолжалъ бургомистръ очень учтиво, нѣкто г. Стансъ, который бѣжалъ изъ Гольцероллена и котораго мы имѣемъ приказанія арестовать?

— Нѣтъ; а за что, скажите, вы хотите арестовать Станса?

Бургомистръ бросилъ на вопрошающаго испытующій взглядъ.

— Будто вы не догадываетесь?

— Нѣтъ.

— Такъ вы не г. Стансъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ показать мнѣ видъ вашъ.

Карлъ подалъ ему бумагу съ печатью гольцеролленской полиціи. Бургомистръ быстро пробѣжалъ ее, лукаво улыбнулся и, обращаясь къ больному, спросилъ:

— Такъ это вы Карлъ Галлеръ, знаменитый композиторъ?

— Къ вашимъ услугамъ, сударь, только безъ титула: *знаменитаго*.

— Вы очень скромны... Г-мъ, скажите и *la Cerceuse*, ваше произведеніе?

— Къ сожалѣнію, да.

— Очень хорошенькій вальсъ, продолжалъ бургомистръ, который имѣлъ притязаніе на званіе тонкаго диллетанта. — Тра-дери дера, тра-та, тра-ла-ла... это превосходно! А этотъ минорный мотивъ, этотъ минорный.—Панъ-панъ, тра дера, панъ-панъ, тра-дери, тра-лири, дери-дери!.. Какъ вы могли сударь, вы, который кажется съ виду довольно порядочнымъ челоукомъ, какъ могли вы убить автора такого поэтическаго творенія?

Карлъ вскочилъ на постели.

— Вы говорите, что я кого-то убилъ!

* Полицейскіе служители.

— Въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего новаго для васъ, отвѣчалъ бургомистръ. — Вашъ паспортъ даже говорятъ противъ васъ. Развѣ вы надѣялись провести меня на такую пошлую штуку? Вы, сударь мой, никто иной, какъ Стансъ, да, Стансъ, который убилъ сына знаменитаго Галлера, автора la Legseuse... панъ-панъ, тра-лера, панъ-панъ, тра-лера, тра-лири дери, дера...

— Не возьмете-ли вы на себя трудъ растолковать мнѣ?

— Дѣло очень просто: вы убили Карла, не такъ-ли?.. Совершивъ это прекрасное дѣло, очень ясно: вы не поѣдете же путешествовать подъ своимъ именемъ: Станса!.. Вы берете имя и паспортъ вашей жертвы; это вѣдь главная вещь въ искусствѣ преступленія!

— Но, сударь, развѣ нашли тѣло Карла Галлера?

— Нѣтъ, и потому то вы безъ страха и рѣшились употребить его паспортъ... Но, не безпокойтесь, рано или поздно тѣло найдется. Безъ сомнѣнія, вы зарыли его въ какомъ нибудь отдаленномъ мѣстѣ, можетъ быть — въ глубинѣ непроходимаго лѣса... Послушайте, на вашемъ мѣстѣ я бы лучше сознался во всемъ! Ахъ! еслибъ бѣдный Карлъ Галлеръ существовалъ еще, какую бы чудную печальную симфонію сочинилъ онъ на свое приключеніе! Сначала миворный акордъ виолончели и баса, съ вѣсколькими ударами турецкаго барабана... Бумъ! бумъ!.. Потомъ звуки треугольника, дзингъ! дзингъ!.. На этомъ фонѣ (бургомистръ разгорячился) рисуется нѣжный звукъ кларнета; Таррира, тара, та ти, та та... Далѣе соло скрипокъ (тутъ онъ началъ насвистывать музыкальную фразу скрипокъ). Входитъ на сцену жертва, печально срывая цвѣты (положимъ, что дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ уединенномъ уголкѣ), пѣніе гобоевъ возвѣщаетъ приходъ жертвы (бургомистръ подражаетъ полному звуку гобоя). Наконецъ показывается страшный убійца, убійца этотъ—вы! громкая интродукція трубъ: та та ра та, та ра та ра!... что вы скажете объ этой музыкальной идее?

— Государь мой! вскричалъ Карлъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія—неудобно ли вамъ объяснить мнѣ коротко, чего вы хотите?

— Отправить васъ, подъ хорошимъ присмотромъ въ Гольцелленъ, отвѣчалъ бургомистръ хладнокровно и ударяя тактъ своею тростью, какъ бы управляя невидимымъ оркестромъ.

— Хорошо, — сказалъ Карлъ — пусть исполнится воля рока!
 Скоро въ Гольцеролленѣ разнеслась вѣсть, что убійца Карла схваченъ въ Мангеймѣ, гдѣ онъ имѣлъ дерзость проживать съ паспортомъ своей жертвы. Наконецъ злодѣй привезенъ въ Гольцеролленъ, все народонаселеніе бросается къ нему навстрѣчу, но каково же общее удивленіе, когда видятъ въ жалкомъ экипажѣ и съ колодками на ногахъ, не Станса, а самого Карла Галлера, славу Гольцероллена!

Подымается тысяча восклицаній, освобожденный преступникъ съ триумфомъ отнесенъ въ магистратъ и тамъ цѣлую недѣлю даются въ честь его праздники!

Въ продолженіи этого времени, вслѣдствіе необходимаго присутствія на безчисленномъ множествѣ званныхъ обѣдовъ, у Карла сдѣлалось воспаленіе въ желудкѣ и онъ слегъ въ постель, больной, измученный, въ отчаяніи и безъ силъ бороться далѣе съ судьбою.

Въ то время, какъ Галлеръ находился въ такомъ грустномъ положеніи, вѣсть о его торжествѣ долетѣла до слуха Станса, который жилъ во Франкфуртѣ. Бездѣльникъ этотъ, забывавшій своего паденія и палочныхъ ударовъ, озлоблялся еще болѣе и сталъ издавать журналъ, который выходилъ по два раза въ мѣсяцъ и стараніями негодяя разошелся во множествѣ въ Гольцеролленѣ. Въ этомъ-то журналѣ, названномъ Тевтоническою Лирою, появились клеветы и пасквили на молодого Галлера: такъ Стансъ увѣрялъ, наприимѣръ, что Карлъ укралъ у него сочиненія; что Карлъ носить парикъ; что у него фальшивые зубы, которыми онъ кусаетъ всѣхъ честныхъ людей; что у него чесотка; что онъ каждый вечеръ напивается пьянъ; что онъ вообще дурнаго поведенія, что если онъ когда нибудь женится, то его ожидаетъ участь Менелая; наконецъ, что Стансъ нѣсколько разъ билъ его палкою, съ намѣреніемъ отучить отъ дерзости, но не успѣлъ въ этомъ.

Вотъ образчикъ идей и стиля Станса — тѣня великаго Галлера.

— Галлеръ! о! мой учитель! что сказала бы твоя великая дума, еслибъ призывая, по несчастью, къ жизни, она была свидѣтельницею поступковъ твоего сына? Уваженіе, которое питаю я къ твоей памяти, запрѣщало мнѣ, до сихъ поръ гово-

рять, но оно же повелѣваетъ мнѣ, въ настоящую минуту, прервать это молчаніе.

— Сколько разъ, во время нашихъ дружескихъ бесѣдъ, гуляя со мною по саду, ты упирался на мою руку, поддерживавшую твои слабые шаги и говорилъ мнѣ: Стансъ — другъ мой, Стансъ—сынъ мой, потому что если ты не сынъ мнѣ по крови, то сынъ по душѣ, я оставляю тебя наслѣдникомъ моего гевія, я тебѣ поручаю поддержать мою славу. Боюсь, чтобы недостойный преемникъ моего имени, ослѣпленный необузданнымъ и глупымъ самолюбіемъ, не помрачилъ моей славы своими глупыми и жалкими произведеніями. Не оставь его твоими совѣтами; не забывай, что орелъ, парящій въ облакахъ, даетъ иногда жизнь ничтожному воробью!

— Я повиновался твоей послѣдней волѣ, мой великій учитель! И хотя за мое самоотверженіе мнѣ заплатили самую черною неблагодарностью, я не жалю о томъ, что сдѣлалъ!— Уважаемая тѣнь твоя, съ высоты недосыгаемой, улыбается мнѣ и нашептываетъ самые сладкіе напѣвы.

VI.

— Увы! говорилъ Карлъ—я никогда не читалъ статей г. Шанделя, но не думаю, чтобы онъ писалъ извѣсти, подобныя статьямъ Тевтонической Лиры.

Что ни дѣлалъ Карлъ, всё усилія его были напрасны: и каждый мѣсяць, 1-го и 15 числа, номеръ Тевтонической Лиры лежалъ на столѣ... Карлъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Жители Гольцероллева овладѣли имъ совершенно. Безпокойный и раздражительный, какъ вообще всё артисты, Карлъ былъ задѣтъ за живое нападками Станса и чтобы устоять противъ нихъ, счелъ нужнымъ обратиться къ общему сочувствію.—Изъ опасенія навлечь на себя чей либо гнѣвъ, онъ принималъ самыя непріятныя приглашенія.

Какъ часто избранныя натуры становятся жертвами самыхъ мелкихъ, самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ.

Восторженный господинъ не разставался съ Карломъ, онъ заставлялъ его одѣваться, ѣздить на балы и насильно сажалъ

за фортопьяно. День и ночь заставляли Карла на улицѣ въ лакированныхъ башмакахъ, отправляющимся на даваемый въ честь его обѣдъ или праздникъ. Карлъ не могъ даже отказаться отъ романтическихъ приключеній, не смотря на совершенное примиреніе съ Еленою, которую любилъ попрежнему. Однажды, выходя съ бала, гдѣ порядочно проскучалъ, Карлъ сильно простудился.

— Слава Богу! сказалъ онъ, наконецъ я избавлюсь отъ жизни моднаго челоуѣка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ ему докторъ, старый ученый, искренній другъ покойнаго отца,—я васъ спасу.

— Какъ вы понимаете слово *спасу*?

— Вы не умрете—я спасу васъ отъ болѣзни и смерти!

— О! послѣ этого я вижу, вскричалъ несчастный Карлъ, что вы не другъ мнѣ.

— Старый докторъ, вѣроятно, вылечилъ бы больного; но изъ Мангейма пріѣхалъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ Ипократа—Присницъ, который, по собственнымъ словамъ его, не хотѣлъ позволить никому лечить славнаго артиста Моцарта Гольдеролленскаго. Онъ былъ присланъ Мангейскимъ бургомистромъ, радовавшимся случаю заглавить сколько нибудь ошибку того дня, когда по его приказанію Галлеръ очутился въ колодкахъ.

Гидропатъ пріѣхалъ съ большимъ шумомъ, поссорился со старымъ докторомъ и выгналъ его, а самъ прописалъ больному столько воды, что тотъ почувствовалъ приближеніе послѣдней минуты.

Когда Карлъ почти уже умиралъ, дверь въ комнату отворилась и глазамъ умирающаго предсталъ Стансъ.

— Не сонъ ли это? произнесъ умирающій—ты, здѣсь?

— Да, отвѣчалъ Стансъ—это я, полный раскаянія и стыда.

— Вонъ, негодяй! и Карлъ поднялся на постели—Вонъ! повторилъ онъ задыхаясь.

— Я, точно негодяй, я клеветникъ, я послѣдній и ничтожнѣйшій изъ людей. Но ты никогда не поступишь со мною такъ, какъ я самъ съ собою поступаю...

И съ этими словами Стансъ, рыдая, бросился къ Карлу, умолялъ о прощеніи, котораго не считалъ себя достойнымъ; рвалъ на себѣ волосы и увѣрялъ что застрѣлится, если

прежній другъ и благодѣтель оттолкнетъ его искреннее раскаяніе. Старая Гертруда, ухаживавшая за больнымъ, горячо плакала, и, не будучи въ силахъ выдержать такой трогательной сцены, вышла изъ комваты.

— О! мой отецъ! прошепталъ Карлъ—въ послѣднія минуты ты простишь Шанделя...

Смерть приближалась; Карлъ, уже изнемогая, не имѣлъ силы вырвать свою руку изъ овладѣвшихъ его рукъ Стауса и испустилъ послѣднее дыханье.

Стансъ обыскалъ ящики, наскоро связалъ найденныя имъ ноты, и въ ту же минуту уѣхалъ въ Франкфуртъ, гдѣ и издалъ послѣднія произведенія Карла Галлера подъ своимъ именемъ и счумѣлъ такъ искусно воспользоваться этимъ новымъ усѣхомъ, что вскружилъ голову богатой и романической вдовѣ, на которой женился и которую билъ черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы.

На погребеніи Карла присутствующихъ было немного. Въ послѣднее время Карла Галлера находили слишкомъ причудливымъ, тяжелымъ, скучнымъ... Извѣстность его падала—смерть пришла въ пору.

ЦВѢТОЧНИЦА ВЪ ПАЛЕ-РОМЛѢ.

До революціи 1789 г. Парижскія цвѣточницы составляли многочисленный и богатый цехъ, управляемый начальниками, принявшими присягу на это званіе. Срокъ ученія для поступающихъ въ это заведеніе полагался четырехлѣтній; послѣ того онѣ должны были служить цвѣточницами 2 года. Патентъ на это званіе стоилъ 30 ливровъ, а право на мастерство 500 ливровъ. Женщины, посвящавшія себя на это ремесло, обыкновенно были молоденькія и хорошенькія; многія хроники 18 столѣтія считали нужнымъ передать потомству имена нѣкоторыхъ продащицъ цвѣтовъ, предшественницъ Фаншоны Рылейщицы.

Знаменитѣйшая изъ этихъ красавицъ, въ короткой юбочкѣ и шелковыхъ башмачкахъ, была Нанета Доле, отъ которой

въ 1789 году была безъ ума вся знатная молодежь, посѣщавшая Пале-Рояль. Исторія этой цвѣточницы, составленная Бергенемъ, Парижскимъ префектомъ, и представленная имъ г-жѣ Помпадуръ, была самой свѣжей идилліей среди тысячи соблазнительныхъ исторій, царствованія Людовика XIV.

Въ то время, въ улицѣ Менстриеръ, жило многочисленное семейство, весьма уважаемое въ околдкѣ, богатое болѣе добродѣтелями, чѣмъ деньгами. Отецъ семейства Андрей Лолье, былъ привратникомъ въ одномъ казенномъ заведеніи; а мать рыбной торговкой. Унихъ было 16 человекъ дѣтей, и Нанета, младшая изъ нихъ, была такъ хороша, остроумна и граціозна, что вскорѣ сдѣлалась любимицею всего околodka.

Однажды ея мать, любясь своею дочерью, которой только что исполнилось 12 лѣтъ, сказала ей: «Нанета ты будешь первая красавица изъ всѣхъ рыбныхъ торговкокъ».

— Матушка, я хочу быть цвѣточницей.

— Ты дура, закричала на нее грубо старая торговка, и не понимаешь что говоришь! Цвѣточница!.. На хорошую дорогу приведетъ тебя это ремесло, нечего сказать! Выкинь изъ головы этотъ вздоръ; ты будешь рыбной торговкой и ничѣмъ больше.

На другой день Нанета скрылась изъ дому и пропадала цѣлые три года, всѣ попытки отыскать ее были напрасны и бѣдные родители отчаявались уже когда либо увидѣть свою Нанету, какъ вдругъ узнали, что всѣ 3 года со времени ея побѣга, она пребыла въ монастырѣ Кармелитокъ, находившемся на улицѣ Булуа.

— Зачѣмъ ты скрылась въ монастырь, спрашивала у ней мать, почти задушая дочь свою въ объятіяхъ отъ радости. Зачѣмъ ты насъ оставила?

— Я не могу вамъ сказать этого, я дала клятву не открывать ничего. Напрасно священникъ де Сенльё вмѣстѣ съ родителями уговаривалъ ее открыться имъ; дѣвушка молчала.

— Нанета, сказалъ священникъ, тебѣ минуло 15 лѣтъ, родители твои бѣдны; ты не должна вступать въ монастырь Кармелитокъ, но тебѣ надо избрать какое-нибудь выгодное ремесло.

— Батюшка, я хочу быть цвѣточницею.

— Ремесло не прочное и опасное, дочь моя.

— Батюшка, всякимъ путемъ можно дойти до неба, отвѣчала Нанета, съ энергіею необыкновенною въ молодой дѣвушкѣ ея лѣтъ.

Я не позволю, сказала ея мать, ты будешь рыбной торговою; я уже стара, и уступаю тебѣ свою калку.

— Магущка, или я буду цвѣточницею, или оставлю васъ навсегда...

Эта угроза обезоружила родителей и они позволили ей продавать цвѣты. Достойный священникъ удовольствовался только тѣмъ, что увѣщевалъ ее быть честною и благоразумною.

— Будьте покойны, батюшка, отвѣчала съ улыбкою дѣвушка; я буду честно вести себя.

— Черезъ нѣсколько дней Нанета явилась въ саду Пале-Рояля. Она сдѣлалась цвѣточницею, но какою цвѣточницею, пишетъ Г-нъ Бертенъ въ своей запискѣ г-жѣ Помпадуръ: шелкъ, газъ, кружева, составляли нарядъ ея; блестящія драгоценныя вещи украшали ея шею и руки. Корзинка, въ видѣ раковины, вызолоченная и подбитая голубымъ атласомъ, была надѣта на голубой шарфъ, обрисовывающій самую прелестную, тонкую талію, башмаки изъ тонкой кожи, застегнутые пряжкою, заключали въ себѣ красивѣйшую ножку.

При появленіи Нанеты раздавался крикъ удивленія; знатныя дамы, молодые люди окружали ее и платили по лундору за каждый ея букетикъ. Словомъ, всѣ восхищались прекрасною Нанетою, даже при дворѣ говорили о ней какъ объ очаровательной неподражаемой цвѣточницѣ.

— Маркизь Лувуа, графъ де-Шартръ сдѣлали ей самыя блестящія предложенія, но цвѣточница, всегда веселая, иногда насмѣшливая, умѣла удалить отъ себя этихъ вѣтренныхъ повѣсь и такимъ образомъ, несмотря на злословіе и крайнюю нескромность вѣка, она по-справедливости заслужила названіе неврпстушной.

Нанета отправляла свое ремесло съ особеннымъ великолѣпіемъ; пять или шесть лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ слѣдовали за нею издали и приближались только тогда, когда нужно было наполнять ея корзину свѣжими букетами. Въ теченіе трехъ лѣтъ она составила себѣ состояніе, которое давало 50,000 ливровъ ежегоднаго дохода; она обогатила своихъ братьевъ и сестеръ; въ толпѣ, слѣдовавшей всегда за нею,

часто слышался вопросъ: неужели же, между такимъ множествомъ искателей, она не нашла себѣ по сердцу никого? Но сердце ея было несвободно, однакожъ это была тайна, которую она такъ тщательно хранила, что никто изъ праздныхъ обитателей Пале-Рояля не смѣлъ ни однимъ словомъ очернить ея добродѣтель.

Между молодыми людьми, которые проводили не мало времени въ саду Пале-Рояля, былъ одинъ, лицо котораго казалось всегда печально и озабочено; одѣвался онъ просто, ни малѣйшаго бантика не было на его галстукѣ, ни на рукавкѣ его шпаги. Показываясь въ саду, Нанета должна была проходить всякій разъ мимо его. Онъ бралъ всегда букетъ въ ея корзинкѣ за 12 су, бросалъ кроткій и печальный взоръ на цвѣточницу и удалялся вздыхая. Нанета дала бы 10 т. ливровъ, чтобы только узнать имя этого молодаго человѣка.

Случай помогъ ей въ этомъ: однажды вечеромъ, послѣ долгой ходьбы, она сѣла на садовую скамью; тутъ же вскорѣ заняли мѣсто Маркизь Лувуа и графъ де Шартръ. Какъ ни тихо они бесѣдовали, однакожъ Нанетѣ удалось вслушаться отчасти въ ихъ разговоръ. Она узнала, что задумчивый молодой человѣкъ былъ князь Куртней; отецъ его, умирая оставилъ ему одни только долги и вообще онъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ прилично показаться въ Версали.

Она поспѣшно встала и взяла свою корзинку.

«Куда бѣжишь дикая лань! сказалъ ей Маркизь Лувуа; развѣ наше присутствіе тебя пугаетъ?»

— Я такъ много ходила сегодня, что мнѣ хочется пораньше воротиться домой.

— Гдѣ поселилась теперь твоя добродѣтель, сказалъ де-Шартръ.

— Чортъ — чортъ возьми, любезный графъ, сказалъ Лувуа, для нея болѣе нѣтъ мѣста во дворцахъ, она теперь скрывается въ хижинѣ.

— О, нѣтъ, — вскричалъ де Шартръ, Нанета имѣетъ такой домъ, который по своему великолѣпію не уступаетъ дому жены главнаго фермера.

Между тѣмъ Нанета, прійдя домой, отказала всѣмъ своимъ служителямъ, удалила горничную и осталась одна въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ она все время остающаеся у ней отъ тор-

говли цвѣтами употребляла на изученіе музыки, танцевъ, литературы, исторіи.

Боже, Боже мой! сказала она, глубоко вздохнувъ, неужели я, бѣдная, простая дѣвушка, люблю князя Куртней? О! еслибы я могла сдѣлаться достойною его;—нѣтъ, нѣтъ, какъ я глупа!!.. мнѣ, дочери рыбной торговки, быть княгинею Куртней, это невозможно.

Она сѣла въ кресла, отерла слезы и долго оставалась въ глубокой задумчивости.

— Князь Куртней бѣденъ, вскричала она вдругъ, бѣденъ!.. Ахъ, еслибы узнать, гдѣ живетъ онъ...

— Въ гостиницѣ Карнавалеъ, въ улицѣ Св. Екатерины, сказалъ молодой человѣкъ, который на цыпочкахъ вошелъ въ комнату Нанеты и слышалъ послѣднія ея слова.

— Это ты Марсель? сказала Нанета.

— Да, моя прелестная сестрица, сказалъ молодой человѣкъ. Я сей-часъ иду къ князю Куртней, не хочешь ли послать ему букетъ изъ лучшихъ твоихъ цвѣтовъ?

— Нѣтъ, мой добрый Марсель, я не посылаю букетовъ молодымъ кавалерамъ; но ты случился здѣсь кстати, и я прошу тебя, отнеси къ князю... письмѣ.

Такъ пиши же скорѣе, Нанета: мнѣ некогда долго дожидаться.

И Нанета написала слѣдующія строки:

Любезный князь!

Будучи близкой вашей родственницею и уже въ преклонныхъ лѣтахъ, я страдаю, видя, что вы живете не по своему званію. Вы бѣдны, я богата; позвольте-же, по нашему родству съ вами, предложить вамъ мой излишекъ, который для васъ будетъ необходимъ. Каждый мѣсяць перваго числа вамъ будутъ доставлять отъ меня 4000 ливровъ. Теперь же посылаю вамъ 80 тысячъ ливровъ, которыхъ я думаю будетъ достаточно на первое обзаведеніе.

Ваша родственница...

Черезъ нѣсколько часовъ князь получилъ деньги, отъ которыхъ на первый разъ думалъ уже отказаться.

— Куртней! вскричалъ Маркизь Лува, присутствовавшій при этой сценѣ, ты слишкомъ далеко простираешь свою деликатность! прими это! Кто знаетъ, можетъ быть, тебѣ платятъ священный долгъ! съ тобою очень дурно поступили родные, по смерти отца твоего.

Президентъ Монтескѣ и графъ Броссъ присоединили свои увѣщанія, и князь Куртней принялъ благодареніе неизвѣстной ему родственницы.—Вскорѣ онъ показался въ блестящемъ экипажѣ. Покровительница его каждый мѣсяцъ доставляла ему обѣщанную сумму. Князь замѣтилъ, что самыя знатныя дамы стали занескивать въ немъ, тогда какъ прежде едва замѣчали его; но князь, нечувствительный ко всѣмъ ласкательствамъ, старался удалиться отъ короткихъ связей; онъ былъ несвободенъ: сердце его принадлежало прекрасной цвѣточницѣ.

Всякій день онъ ходилъ въ Пале-Рояль, приближался къ Нанетѣ, бралъ букетъ изъ ея корзинки, платилъ 6 ливровъ за каждый, и удалялся тахонько, еще болѣе влюбленнымъ нежели наканунѣ.

Сердце Нанеты наполнялось пріятнѣйшими мечтами при видѣ князя, и она всякій разъ говорила себѣ: онъ любитъ меня.

Цѣлый годъ прошелъ такимъ образомъ,—годъ благополучія и неизъяснимыхъ мечтаній для князя и цвѣточницы. Въ одинъ прекрасный вечеръ, сидя на скамейкѣ, она услышала разговоръ двухъ молодыхъ людей, повторявшихъ безпрестанно имя Куртней; изъ словъ ихъ она узнаетъ, что князь отказался отъ руки дѣвицы де-Краонъ.

Это безразсудно! подумала Нанета, быстро удаляясь; князь отказывается отъ такой блестящей партіи; что могу я предложить ему въ замѣнъ такой жертвы...

Нанета заперлась въ своей комнатѣ, бросилась на диванъ и болѣе получаса пребыла въ крайней нерѣшимости.

— Какъ я глупа! вскричала она; нужно дѣйствовать за двоихъ; напишу сей-часъ же къ князю. И вотъ что она написала:

«Любезный родственник!»

Зачѣмъ вы отказались отъ руки дѣвицы де-Краонъ, въ ней все соединено: богатство, знатность, почести. Я переведу на ваше имя капиталъ, съ котораго вы получаете отъ меня ежегодные проценты. Примите также отъ меня и брилліантовый нарядъ для вашей невѣсты, который прилагаю при деньгахъ.

Если вы согласны на этотъ бракъ, мой любезный родственникъ, то носите въ продолженіе восьми дней гвоздику въ петлицѣ вашего платья; если же не хотите жениться на дѣвицѣ де-Краонъ, то, вмѣсто гвоздики, носите розу.»

Господинъ Ботрю, сказала Нанета своему повѣренному, съ завтрашняго дня прошу васъ приступить къ продажѣ моихъ домовъ и другихъ владѣній за 800 тысячъ ливровъ.

— Сударыня, у васъ останется только 30000 ливровъ въ годъ доходу.

Дѣлайте то, что я вамъ говорю, господинъ Ботрю; все-таки я буду слишкомъ богата для цвѣточницы.

Черезъ три дня послѣ того, князь получилъ ящичекъ, въ которомъ заключались 80 т. ливровъ и великолѣпный брилліантовый дамскій уборъ.

— Никогда я не чувствовала себя такъ счастливою, какъ теперь, вскричала цвѣточница; князь можетъ жениться на дѣвицѣ де Краонъ.

— Пойдемъ въ Пале-Рояль!.. Боже мой! если я увижу гвоздику въ петлицѣ его платья, я умру съ горя.

И вотъ Нанета надѣваетъ лучшіе свои наряды, и отправляется въ Пале Рояль, надѣваетъ веселую пѣсенку. Она употребляла чрезмѣрные усилія, чтобъ казаться беззаботною, но блѣдность ея лица, лихорадочная дрожь показывали волненіе ея души.

Вотъ уже она въ саду; какъ и всегда, толпа слѣдуетъ за нею; золотые дуиндоры дождемъ сыпятся въ ея корзиночку. Нечувствительная къ ласкательствамъ вельможъ, къ улыбкамъ знатныхъ дамъ, Нанета встревоженными взглядами ищетъ повсюду князя Куртней. Наконецъ она видитъ его; въ петлицѣ его платья вѣтъ ни гвоздики, ни розы. Онъ приближается къ Нанетѣ, она подаетъ ему букетъ.

«Ни гвоздики, ни розы, сказалъ князь, разсматривая букетъ!»

— Князь, сказала Нанета, трепещущимъ голосомъ, который же изъ этихъ двухъ цвѣтковъ желаете вы имѣть?

— Подарите мнѣ розу, сказалъ князь.

Это открытіе, слишкомъ ясное, чтобы цвѣточница не могла понять его, потрясло необыкновеннымъ образомъ бѣдную дѣвочку; она упала въ обморокъ на руки князя Куртней. Толпа бросилась къ ней; вся знатная молодежь желали имѣть счастье отнести на своихъ рукахъ прелестную Нанету въ ея домъ.

Пустите, господа! вскричалъ князь, звонкимъ голосомъ, благодарю за ваше доброе намѣреніе, время слишкомъ легко, можно и одному донести его.

Черезъ четверть часа князь уложилъ Нанету на диванъ въ ея домъ, находящемся въ улицѣ Жанъ-Жакъ-Руссо.

Обморокъ продолжался нѣсколько часовъ сряду. Нанета, прійдя въ себя, невольно окинула глазами всю комнату.

— Его нѣтъ! сказала она тихимъ голосомъ; стало-быть это былъ сонъ!

Мать, сестры, братъ Марсель стояли въ ногахъ ея кровати, и наблюдали за малѣйшимъ ея движеніемъ.

Что такое случилось!.. спросила она ихъ? отчего вы смотрите на меня со слезами?

Марсель разсказалъ ей всю сцену ея обморока, присовокупивъ, что князь Куртней принесъ ее на своихъ рукахъ, отказавшись отъ всякой другой помощи.

— Марсель! сказала Нанета съ смущеніемъ, ты сходишь поблагодарить его отъ меня.

— О! о! сестра, онъ самъ придетъ освѣдомиться о твоёмъ здоровьи; онъ два раза уже присылалъ своего лакея.

Пріятная улыбка освѣтила лицо Нанеты, щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ, тайное, неизъяснимое счастье наполняло ея юное сердце.

Придетъ ли князь? Какъ ты думаешь Марсель, спросила Нанета.

Я даже увѣренъ въ этомъ... да вотъ, кажется, и онъ, я узнаю его голосъ. Ну, Нанета, я оставляю васъ вдвоемъ, съ нимъ можно остаться: онъ не такъ дерзокъ, какъ другіе.

— Князь Куртней въ залъ и ожидаетъ позволенія видѣться съ вами; доложила вошедшая горничная.

— Приси, сказала цвѣточница, опускаясь въ кресла.

При входѣ князя Куртней, она хотѣла-было встать, но, будучи не въ силахъ удержаться, упала опять на кресла и закрыла лицо руками.

Князь всталъ на одно колѣно, и приложивши съ нѣжностію къ своимъ губамъ руки прелестной Нанеты, сказалъ смущеннымъ голосомъ:

— Я угадалъ отрадную для меня тайну вашего сердца; я принимаю ваши благодаренія; благодарю васъ и прошу довершить ихъ.

— Князь! что я могу сдѣлать для васъ!

— Вы любите меня, я это знаю, прекрасная Нанета! отдайте мнѣ вашу руку.

— Мнѣ быть княгинею Куртней!.. нѣтъ! нѣтъ!

— Если вы мнѣ откажете, я буду несчастнѣйшей изъ людей.

— Князь, подождите до завтра, я пришлю вамъ отвѣтъ.

Въ этотъ день Нанета не показывалась въ Пале-Рояль; цѣлый день провела она запершись въ своей комнатѣ; что происходило въ глубинѣ ея сердца, этого мы не знаемъ; но борьба, вѣроятно, была слишкомъ продолжительная и жестокая.

На другой день она встала очень рано, съ видомъ покойнымъ и твердымъ.

Боже мой! какая тягостная жертва! вскричала она, подходя къ маленькому столику.

Долго оставалась она неподвижною, закрывъ лицо руками, она плакала, наконецъ, успокоясь отъ волненія, она рѣшилась и торжественно проститься съ Куртней. Вотъ какое письмо она писала къ нему:

Князь.

Бракъ со мною для васъ невозможенъ. Насъ разделяетъ общественное наше положеніе, и сколько бы вы ни любили меня, я отказываюсь отъ васъ. Когда вы получите это письмо, цвѣточница Нанета оставитъ свѣтъ навсегда. Хотя въ воспоминаніе обо мнѣ, оставьте у себя ту сумму, которую вы получили отъ имени родственницы вашей.

Близкій вашъ родной думалъ заплатить этими деньгами за преступленіе, котораго тайну я общала хравить вѣчно. Прощайте! думайте почаще о той, которая и въ монастырѣ, куда

я заключу себя, будетъ возносить къ Богу всегдашнія молитвы объ васъ.

Нанета, цвѣточница.

Нанета запечатала письмо, велѣла позвать нотаріуса, укрѣпила за своими родными все, что она имѣла, и вышла изъ дому тихонько отъ всѣхъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Парижскій Архіепископъ отвезъ Нанету Долье въ монастырь.

Князь Куртней, получивъ это извѣстіе, чуть съ ума не сошелъ отъ горести: онъ побѣжалъ въ домъ Нанеты. Угрозы, просьбы, все было напрасно; родные ея сами не знали, куда она удалилась.

Съ этого времени князь Куртней, казалось, покорился своему несчастію: онъ всякой день, по обыкновенной привычкѣ, являлся въ Пале-Рояль, обѣгалъ всѣ аллеи, ища вездѣ прелестную цвѣточницу, которую никогда уже не долженъ былъ видѣть. Наконецъ друзья уговорили его показаться въ Версали. Тамъ онъ былъ очень хорошо принятъ; вскорѣ засыпали его предложеніями выгодныхъ блестящихъ партій.

Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не женюсь, говорилъ онъ съ печальною улыбкою. О, батюшка! говорилъ онъ самъ себѣ, ты обезчестилъ наше родословное дерево!..

Тайнственность этихъ словъ умерла вмѣстѣ съ прелестною цвѣточницею.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

ЖЕРТВА МОЩЕНІЯ.

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Переводенная съ французскаго

ДМИТРИЕМЪ ЛЕНСКИМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЭДУАРДЪ РОБЕРВИЛЬ	Г. Леонидовъ.
ЖЮЛЬЕТТА, сестра его.	Г-жа Рыкалова.
ГЕНРИХЪ МЕЛЬКУРЪ.	Г. Самаринъ.
АНДИОЛЬ, двоюродный братъ Эдуарда.	Г. Ленскій.
БЕРНАРЪ, шкиперъ.	Г. Щепкинъ.
МАРИАННА, управительница замка.	Г-жа Кашина.
ГОСТЬ.	Г. Черкасовъ.
ГОСТИ, слуги.	

Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ Робервиль, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тулона.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляет комнату въ замкѣ. Дверь всерединѣ, на первомъ планѣ направо окно; за окномъ потаенная дверь. Нальво каминъ съ часами и вазами; потомъ другая дверь, которая ведетъ во внутренность замка. Подлѣ камина диванъ, столъ и на немъ все нужное для письма.

I.

МАРИАННА, потомъ ЖЮЛЬЕТТА.

МАРИАННА, *чиститъ мебель и убираетъ комнату.* Пострѣлъ ихъ возьми съ ихъ дурацкой охотою! весь замокъ вверхъ дномъ поставили: ничего не найдешь на своемъ мѣстѣ!.. накурять, напыются, нашумять, и не убьютъ ни одного зайца!.. Вездѣ собаки на-таскаютъ тебѣ всякой гадости, перепортятъ всю мебель... (*вытирая кресло*). Ну, вотъ скажите пожалуйста, на что это похоже?..

ЖЮЛЬЕТТА, *входя, не видитъ Марианны.* Они еще все на охотѣ .. Стало быть я успѣю... (*остановясь*). Ахъ, это ты, Марианна! Что ты тутъ дѣлаешь?

МАРИАННА, *съ сердцемъ.* Какъ видите, сударыня!.. Стараюсь сколько-нибудь все привести въ прежній порядокъ.

ЖЮЛЬЕТТА. Напрасный трудъ: эти господа охотники къ вечеру опять сюда пожалуютъ... (*улыбаясь*). Лакомитесь настрѣляною дичью...

МАРИАННА. Дичью?.. ну, такъ имъ придется умереть съ голоду!

ЖЮЛЬЕТТА. Не мудрено; и потому я на всякій случай приказала приготовить хорошій ужинъ.

МАРИАННА. Вотъ ужъ это совершенно лишнее! зачѣмъ попусту тратиться?.. Вамъ ужъ 19 лѣтъ, мамзель Жюльетта; вы умная и разсудительная барышня... Подумайте, ну что сказалъ бы покойный вашъ батюшка, храбрый полковникъ Робервиль, еслибъ былъ живъ?.. Вѣдь онъ купилъ этотъ старый закокъ, въ глухомъ лѣсу.

и въ шести миляхъ отъ Тулона, собственно затѣмъ, чтобъ не видать людей и никого къ себѣ не принимать.

Жюльетта. Батюшка конечно извинялъ бы насъ, моя добрая Марианна. Изъ любви къ нему и уваженія къ его памяти, мы съ братомъ не хотѣли покинуть этихъ мѣстъ, свидѣтелей нашихъ дѣтскихъ игръ и взаимной привязанности; мы здѣсь совершенно счастливы, и что можетъ быть пріятнѣе, когда братъ и сестра живутъ неразлучно и любятъ другъ друга? Мы точно мужъ и жена.. или даже еще лучше, потому что не знаемъ ни ссоръ, ни ревности. Эдуардъ любить повеселиться, быть въ обществѣ... Чтожъ? въ его лѣта это очень свойственно, и наше состояніе позволяетъ ему принимать къ себѣ своихъ друзей; я даже нахожу, что онъ прекрасно дѣлаетъ, и если это доставляетъ ему удовольствіе, то и я больше ничего не желаю.

Марианна, съ чувствомъ. О! да про васъ что и говорить! вы добрейшая душа, настоящій портретъ вашей матушки!..

Жюльетта, смѣясь. Знаю, знаю!.. Ты моя вѣчная баловница—и ужъ привыкла видѣть во мнѣ только одно хорошее!.. Но, Эдуардъ, мой братъ, право, въ тысячу разъ лучше меня, Марианна! Посмотри... какъ онъ добръ! какъ любитъ меня!..

Марианна. Что правда, то правда!.. бѣшеная голова, но сердце тоже на рѣдкость!.. я охотно готова простить ему все его дурачества, еслибъ только между этими повѣсами, которыхъ онъ безпрестанно къ себѣ приглашаетъ, нашелся хоть одинъ порядочный женихъ для васъ.

Жюльетта, въ замѣшательствѣ. Женихъ!.. Полно, Марианна!.. Я объ этомъ и не думаю!

Марианна. Напрасно; вѣкъ оставаться дѣвушкою — немного радости; я это по себѣ знаю... Хоть бы подъ старость то привелось помянуть вашихъ малютокъ, какъ прежде я самихъ васъ нянчила!.. Но сколько я ни приглядывалась здѣсь ко всемъ молодымъ господамъ, что у насъ бываютъ, ни одинъ изъ нихъ вамъ не годится!

Жюльетта, улыбаясь. Неужели?..

Марианна. Право такъ! Даже и самъ Просперъ Андіоль, который прикидывается любезникомъ, потому что побывалъ одинъ разъ въ Парижъ, болтаетъ и трубитъ въ рогъ такъ, хотъ уши зажди!.. Вотъ надобль-то! мочи нѣтъ!

Жюльетта. Однакожъ совсѣмъ тѣмъ ко мнѣ онъ очень ласковъ, внимателенъ!

МАРИАННА. Да! ласковъ, какъ кошка; но я знаю, куда онъ лапки-то запускаетъ... я ему сейчасъ ихъ отшибу!

ЖЮЛЬЕТТА. Ну, не сердись, Марианнушка!.. Подумай лучше о томъ, что наши гости скоро возвратятся, а у тебя еще ничего не приготовлено...

МАРИАННА. Ахъ, Боже мой, и въ самомъ дѣлѣ! Надобно еще выдать бѣлье, серебро и вино... Ужъ такой вародецъ: безъ вина, какъ безъ воды!.. Да вы не безпокойтесь: у меня все будетъ мгномъ готово!

(Уходитъ).

II.

ЖЮЛЬЕТТА, одна. Добрая Марианна!.. и я не смѣю ей отккрыться, потому что дала слово!.. Наконецъ, я одна, и могу кончить мое письмо!.. двадцатый разъ я за него принимаюсь и до сихъ поръ не придумаю, какъ бы его переслать!.. Но все равно, перечту съ-изнова: (садится къ столу и вынимаетъ спрятанное на груди письмо). Я дрожала всякую минуту, когда бралась за перо... (перечитываетъ письмо). «Вотъ ужъ три мѣсяца, Генрихъ, какъ я не имѣю о тебѣ никакого извѣстiя!.. Я тебя не обвиняю, но мнѣ грустно!.. Я не знаю, гдѣ ты теперь и что съ тобою дѣлается?.. Ахъ, какое мученiе любить моряка!.. Каждый порывъ вѣтра приводитъ меня въ трепеть!.. Какъ ни стараюсь быть веселою, но тяжело притворяться!.. Ты пишешь мнѣ о развлеченiяхъ и удовольствiяхъ, которыми я окружена!.. Твоя правда! въ меня влюбленъ Просперъ Андiоль... Онъ, бѣдненькой, ничего не подозрѣвая, помогаетъ нашей перепискѣ и пересылаетъ мои письма къ г-жѣ Бернаръ; а г-жа Бернаръ, чрезъ курьера, по Тулонской дорогѣ, получаетъ отъ тебя твои и пересылаетъ ихъ ко мнѣ, вмѣстѣ съ платьями и прочими модными новостями... Что ты на это скажешь?.. Не правда ли умно придумала провинциалка? Однакожь, между-тѣмъ все-таки братъ мой нерѣдко подсмѣивается надъ моимъ мнимымъ кокетствомъ, за что я именно вамъ, сударь, обязана — и никогда вамъ этого не прощу! (нѣжно). Для чего скрывать нашу тайну отъ добраго Эдуарда?.. для чего запрещать мнѣ проносить при немъ ваше имя?.. Къ чему эта таинственность?.. Боже мой! я ничего не понимаю, кромѣ одного только,

«что я виновата передъ братомъ, и что моя тетушка, одобряя нашу «любовь, была еще насъ безразсуднѣе... Но, другъ мой, повторяю, «я не виню тебя и не раскаяваюсь... (беретъ перо и пишетъ). «Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ, не думай этого!.. Я твоя навсегда... «Моя жизнь принадлежитъ тебѣ, и если ужъ суждено намъ раз- «статься...» (останавливается). Что это?.. такъ точно!.. лоша- «динный топотъ!.. Они прѣехали съ охоты!.. (проворно складываетъ «письмо и прлечетъ). Какая досада!.. Не дають кончить!.. поста- «раюсь вечеромъ найти свободную минуту!..

III.

ЖЮЛЬЕТТА, ЭДУАРДЪ, МАРИАННА и ГОСТИ. (Всѣ мужчины въ охотничьемъ платьѣ; слуги принимаютъ ружья).

Жюльетта, идя къ нимъ навстрѣчу. А! наконецъ вы возвратились!..

Эдуардъ. Спасаясь отъ бури и дождя, покрытые... и пылью!..

Марианна. И ужъ вѣрно опять съ пустыми руками?..

Эдуардъ. Чтожъ дѣлать!.. Когда дичь въ руки не дается!..

Одинъ изъ гостей. И летитъ отъ насъ за тридцать земель!..

Эдуардъ, Жюльеттѣ. Здравствуй, сестра!.. ты сегодня что-то очень разбѣяна; даже не хочешь поцѣловать меня въ утѣшеніе!

Жюльетта. Вотъ ужъ не правда! (цѣлуя его). Ахъ, какъ же ты измучился... (утираетъ ему лицо).

Эдуардъ. И есть отчего!.. мы скакали во весь опоръ, несмотря на рвы и пропасти!..

Марианна. Ну, долго ли такъ ушибиться!..

Эдуардъ. А чтожъ за бѣда? все же лучше, чѣмъ промокнуть до костей... (смотря въ окно). Взгляните-ка, какая погода!.. Дождь такъ и льетъ!..

Всѣ, смотря въ окно. Ужасъ!.. ни на что не похоже!..

Жюльетта. И громъ и молнія!.. я боюсь!..

Эдуардъ. Ничего!.. вспрыснетъ, и пройдетъ!.. Какая ты нынче стала пугливая, Жюльетта!.. совсѣмъ не то, что прежде... (улыбаясь). Впрочемъ, я понимаю причину: ты боишься за своего вѣж-

наго Андюля!.. ха! ха! ха!.. Селадонь! точно Аркадскій пастушокъ, верхомъ на лошади!.. (*оборачиваясь*). Да гдѣ-же онъ?.. Что съ нимъ случилось?.. Ужъ не увязъ ли гдѣ-нибудь въ болотѣ?

Жюльетта, *съ участіемъ*. Бѣдненькой!.. Ну, если онъ пропадетъ?

Эдуардъ. Не бойся, отыщется!

Маріанна, *сквозь зубы*. Съ собаками!..

Одинъ изъ гостей. О, нѣтъ, онъ себѣ на умѣ!.. Когда Эдуардъ намъ закричалъ «впередъ! во весь галопъ!» — онъ тотчасъ повернулъ коня и отправился шагкомъ навстрѣчу къ своему жокею, который показался издали, на большой дорогѣ...

Жюльетта, *скоро*. Изъ Тулона?

Одинъ изъ гостей. Не могу вамъ сказать навѣрное, а кажется изъ Тулона, потому что везъ огромный картонъ.

Жюльетта, *восторону съ радостью*. Это съ посылкой и письмами отъ г-жи Бернаръ!..

Эдуардъ. Какова кокетка? Улыбнулась! вотъ что значать модныя тряпки!..

Жюльетта. И конечно!.. Но, послушайте, господа, это мой охотничій приборъ... всякому свое, не правда ли?

Эдуардъ. Совершенно справедливо!.. Теперь же оно очень кстати: сегодня ты должна быть во всемъ блескѣ!

Жюльетта. Почему?

Эдуардъ. Я готовлю тебѣ сюрпризъ!

Жюльетта. Сюрпризъ?

Эдуардъ. А ты послѣ сдѣлай видъ, что будто ничего и не знала... Сегодня я пригласилъ сюда всѣхъ знакомыхъ дамъ, сестеръ и женъ нашихъ друзей, у насъ будетъ ужинъ... и потомъ балъ на всю ночь!

Жюльетта. Балъ?

Маріанна, *вскрикивая*. Этого только не доставало!

Эдуардъ, *сестрѣ съ нѣжностію*. Да! мы будемъ праздновать драгоценный для меня день, — день твоего рожденія, добрая моя Жюльетта!..

Маріанна. Какъ! Что вы говорите?..

Жюльетта, *съ чувствомъ*. Эдуардъ!.. И ты его вспомнилъ?..

Маріанна, *съ радостью*. А, вотъ это другое дѣло!.. Теперь пусть хоть весь замокъ пойдетъ вверхъ коромысломъ: я сама еще могу!

Эдуардъ. И прекрасно! Распорядись же все́мъ поскорѣе!.. прикажи освѣтить залу, убрать комнаты... чтобъ вездѣ, вездѣ были огни!..

Маріанна, уходя, въ восторгѣ. Огни и цвѣты... понимаю!

Одинъ изъ гостей, **Маріаннѣ.** Это ужъ наше дѣло!.. мы весь цвѣтникъ опустошимъ!

Жюльетта. Но, послушай, Эдуардъ, вѣдь ты, право, сумасшедшій!.. Какой же балъ, когда у насъ ничего не приготовлено?..

Эдуардъ. Тѣмъ веселѣе, когда это дѣлается экспромтомъ, а не по-заказу!.. Слѣпые и глухіе виртуозы изъ сосѣдей деревни замѣнять намъ оркестръ, а ветчина, котлеты и цыплята — великолѣпный ужинъ... Ну, а шампанское и фрукты у насъ и безъ того не перевозятся. Чогожь тебѣ больше? Что же касается до танцоровъ... (*показывая на входящаго Андюля, совсѣмъ мокрого*)... такъ вотъ одинъ ужъ и готовъ!.. Хоть выжми!..

IV.

Тѣ же и АНДЮЛЬ.

Андюль, отряхивая шляпу въ глубинѣ. Такъ и есть!.. все на меня вылилось!

Всѣ, смѣясь, *окружаютъ его.* Несчастный Андюль! ха, ха, ха!..

Жюльетта. Ахъ, бѣдненькій!.. Мнѣ васъ очень жаль!

Андюль, улыбаясь. Ничего-съ, все пустое!.. меня только пробило насквозь, вотъ и все!

Эдуардъ. Полно!.. ты шутишь; дождя совсѣмъ нѣтъ!

Андюль, Надѣюсь, что теперь нѣтъ, онъ весь въ меня влился!.. Я думалъ, что на мои плеча прорвался весь Ніагарскій водопадъ, или лопнула плотина!

Одинъ изъ гостей. Онъ точно изъ ванны!..

(*Всѣ смѣются.*)

Андюль. И вамъ нестыдно, господа, смѣяться надъ несчастнымъ случаемъ?.. Вы не краснѣете?..

Эдуардъ. За тебя, что ты позеленѣлъ-то?.. ха, ха, ха!..

Жюльетта. Перестаньте смѣяться!..

Андіоль. Это безчеловѣчно, господа! Представьте, мамзель Жюльетта, что они со мною сдѣлали!.. Мы условились, что они дадутъ мнѣ знакъ, когда нападутъ на дичь, потому что я не много близорукъ съ моей послѣдней пѣздки въ Парижъ...

Эдуардъ. Какъ, послѣдней? да ты только одинъ разъ тамъ и былъ?

Андіоль. Ну, да!.. Это-то и была моя послѣдняя пѣздка! Но, послушайте... я шелъ по болоту, пѣсь на-вѣтеръ, ружье на плечо, какъ вдругъ слышу, мнѣ кричатъ: «тебѣ, тебѣ, стрѣлай!» — Куда, куда? — «тамъ, тамъ!» — Гдѣ? — «Вотъ тутъ въ кустахъ сидитъ отличный фазанъ, весь золотой!» — Я смотрю, и вижу въ самомъ дѣлѣ передъ собою что-то въ родѣ фазана; прицѣливаюсь — пафъ! вдругъ изъ кустовъ раздался пронзительный визгъ, — и чтожъ?.. я подстрѣлилъ мою собаку, моего вѣрнаго Кастора!

(*Всѣ смѣются.*)

Жюльетта. Бѣдный Андіоль!..

Эдуардъ. Бѣдный Касторъ!.. ха, ха, ха!..

Андіоль. Смѣйтесь, господа, смѣйтесь; но, право, такія шутки никому не годятся!

Жюльетта. Полноте, господа, перестаньте! пора имѣть и жалость къ несчастному охотнику. (*Андіолю*). Мнѣ сказали, что вы получили мой картонъ?

Андіоль, *съ любезностію*. Онъ у васъ въ комнатѣ, цѣль и невредимъ. я берегъ его, какъ глазъ; самъ все пересмотрѣлъ — и все въ исправности.

Жюльетта, *съ безпокойствомъ*. Какъ, вы смотрѣли?.. (*встопону*). Ахъ, какая досада!.. (*ему*). Но, г-жа Бернаръ, вѣроятно, вамъ говорила...

Андіоль. Эта посылка не отъ г-жи Бернаръ...

Жюльетта. Не отъ нея?..

Андіоль. Г-жа Бернаръ очень дурно исполняетъ ваши порученія: я цѣлый мѣсяцъ посылалъ къ ней въ Тулонъ, и она всякій разъ отвѣчала: «у меня нѣтъ ничего новаго для мамзель Жюльетты; я еще не получала!» — Это наконецъ вывело меня изъ терпѣнія! Г-жа Бернаръ, какъ видно, модистка прошлаго столѣтія; у нея въ магазинѣ все одно старье... и я, не говоря вамъ ни слова, рѣшилъ написать въ Марсель, — откуда мнѣ и прислали, что ни есть лучшаго, и въ самомъ послѣднемъ вкусѣ: ленты, чепчики, косыночки, все это такъ мило, прелесть! такъ легко, нѣжно, точно пухъ!..

Жюльетта, *печально*. Такъ это изъ Марсели?

Андіоль, съ *довольнымъ видомъ*. Вѣдь я хорошо догадался, не правда ли?

Жюльетта. Конечно! (*всторону*). Кто его просилъ!..

Эдуардъ, *грясь у камина*. Молодецъ Андіоль! великій мастеръ угождать дамскимъ особамъ!

Андіоль, съ *увѣренностью*. Привычка!.. Смѣтливость!..

Жюльетта, *всторону*. Да, удивительная!.. (недаромъ говорить: услужливый дуракъ опаснѣе врага)!..

Эдуардъ, *Жюльеттѣ*. Жюльетта! чтожь ты не благодаришь Андіоля за его лестное вниманіе?

Жюльетта, *Андіолю съ принужденіемъ*. Я очень, очень вамъ благодарна, хотя, признаюсь, ожидала нѣкоторыхъ вещей изъ Тулона, которыхъ ни что не можетъ замѣнить, — даже всѣ ваши прелестныя Марсельскія новости.

Андіоль. А можетъ-быть вы эти вещи и найдете тамъ въ картонѣ, поищите хорошенько.

Жюльетта. Нѣтъ, я увѣрена, что ихъ тамъ нѣтъ!.. Одна только г-жа Бернаръ могла ихъ прислать... Конечно, это капризь, ребячество, но мнѣ все-таки немножко досадно...

Андіоль. Помилуйте, стоять ли это того, чтобы досадовать!.. Извольте, для васъ я опять пошлю въ Тулонъ!..

Жюльетта. Неужели?

Андіоль. И нынѣшнимъ же вечеромъ!..

Жюльетта. Ахъ, какъ вы милы! я, просто въ васъ влюблена!..

Эдуардъ. Bravo, Андіоль!.. Формальное признаніе!..

Жюльетта. Да, я при всѣхъ объявляю!.. И чтобъ доказать, сколько я вамъ признательна, бѣгу сію-же минуту и надѣну ваши прелестныя обновки. — Но, прежде, господа, неужгодно ли вамъ пойти со мной... я покажу вамъ ваши комнаты и похлопочу, чтобъ вы здѣсь не умерли съ голоду!..

Всѣ гости. Съ удовольствіемъ! мы совершенно въ вашемъ распоряженіи!..

(*Уходятъ съ Жюльеттой*).

V.

ЭДУАРДЪ и АНДИОЛЬ.

Андиоль, *всторону*. Однако не мѣшаетъ и мнѣ пойти переодѣться и обсушиться. (*Хочетъ уйти.*)

Эдуардъ, *удерживая его*. Послушай, Просперъ! мнѣ нужно съ тобой поговорить объ одномъ дѣлѣ...

Андиоль. Съ удовольствіемъ, мой другъ, я сейчасъ возвращусь!..

Эдуардъ. Постой! Еще успеешь заняться своимъ туалетомъ!.. Это дѣло касается до моей сестры.

Андиоль. О! если такъ, говори... Я слушаю. (*всторону*). Пари держу, что къ вечеру у меня будетъ насморкъ!

Эдуардъ. Послушай, Андиоль!.. Хотя я показываю, что будто ничего не вижу, однакожь между тѣмъ я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени ты сталъ необыкновенно услужливъ и внимателенъ къ Жюльеттѣ...

Андиоль, *декламируя*. «Нельзя же иначе... я истинный Француз!» (*всторону*). Какъ бы еще не схватить коклюша!..

Эдуардъ. Если ей что-нибудь нужно, она всегда къ тебѣ одному обращается — и безпрестанно дѣлаетъ тебѣ разныя порученія... даже у васъ съ нею есть свои секреты...

Андиоль. О, да... секреты есть, такъ, о пустякахъ... (*всторону*). Я теперь въ моемъ мокромъ платьѣ точно рыба въ водѣ!

Эдуардъ. О пустякахъ!.. Полно притворяться!.. Признайся лучше, что ты, просто, — въ нее влюбленъ!..

Андиоль. О, нѣтъ, клянусь тебѣ!..

Эдуардъ. Но вѣдь я на это несколько не сержусь!

Андиоль. Въ самомъ дѣлѣ? (*всторону*). Сапоги у меня такъ и хлопаютъ!..

Эдуардъ. Ты славный малой, хоть иногда бываешь смѣшонъ немножко... извини, я говорю съ тобой откровенно, подружески...

Андиоль. Помилуй, что за церемонія!..

Эдуардъ. Но у тебя сердце доброе, благородное... и къ тому же ты къ намъ такъ привязанъ... и если Жюльетта дѣйствительно тебѣ нравится...

Андиоль. Нравится?.. Я ее обожаю... съ ума отъ нея схожу...

Готовъ даже броситься въ огонь... (*всторону*). Особливо теперь, чтобъ отогрѣться...

Эдуардъ. И такъ, Просперъ—руку! Какъ-скоро сестра согласна, между нами кончено!..

Андіоль. Возможно ли ?.. о, добрый Эдуардъ, я буду твоимъ братомъ, я буду мужемъ Жюльетты?.. Вѣрить ли моему счастью!.. Ты могъ найти для нея партію въ милліонъ разъ лучше.

Эдуардъ. Я хотѣлъ найти ей друга и руководителя... Не стану тебѣ говорить о приданомъ. При жизни — половина, а по смерти все мое имѣніе—ваше. Вы мои наследники, это рѣшено... другихъ мнѣ ненадо.

Андіоль. Помилуй, Эдуардъ, ты самъ еще такъ молодъ, что...

Эдуардъ. Нѣтъ, у меня есть предчувствіе, что я недолговѣченъ.

Андіоль. Ты недолговѣченъ ?.. при твоёмъ здоровьѣ!.. Да ты проживешь Аридовы вѣки!

Эдуардъ, *разсыпано*. Не думаю ? несмотря на то, что я кажусь веселъ, шучу и рѣзвлюсь, какъ дитя, — одна мысль не оставляетъ меня ни на минуту... (*Оглядываясь*). Послушай, Андіоль ! мы съ тобой почти породнились, и то, что я тебѣ скажу, можетъ показаться тебѣ страннымъ и непонятнымъ... Есть на свѣтѣ одно существо, которое я давно стараюсь отыскать... но никакъ и нигдѣ не могу съ нимъ встрѣтиться... Я вовсе не знаю этого человѣка, и съ роду его не видалъ, но когда мы съ нимъ сойдемся — одинъ изъ насъ останется на мѣстѣ!

Андіоль, *отскакивая отъ него*. Что за вздоръ! Эдуардъ, сдѣлай одолженіе... К чему такія шутки!

Эдуардъ. Я не шутя говорю.

Андіоль. И ты вовсе его не знаешь?

Эдуардъ. Да.

Андіоль. И никогда не видалъ?

Эдуардъ. Ни разу.

Андіоль. Перестань дурачиться, развѣ это возможно? тутъ нѣтъ здраваго смысла!.. Если ты никогда не видалъ этого человѣка, то какъ же ты его узнаешь? и если ты съ нимъ незнакомъ, то за что же вы будете драться? Эти вещи случаются только между искренними пріятелями.

Эдуардъ. Конечно, въ твоихъ глазахъ это похоже на сумазбродство... но когда представится къ тому случай, я надѣюсь, что ты не откажешься быть моихъ секундантомъ?

Андрею. Твоимъ секундантомъ?.. Съ удовольствіемъ, мой другъ... Но послушай, Эдуардъ, хотя я очень благодаренъ тебѣ за твою откровенность, но все-таки мнѣ бы хотѣлось узнать подробнѣе всѣхъ обстоятельствъ... ты не подумай, чтобъ я струсилъ участвовать въ этомъ дѣлѣ... Въ послѣднюю мою поѣздку въ Парижъ, я показалъ... что... Но ты разтолкуй мнѣ сперва...

Эдуардъ. Ты все узнаешь...

Андрею. Со всеми подробностями?

Эдуардъ. Постлѣ .. когда будешь моимъ зятемъ.

Андрею. Правда, правда, — тогда гораздо лучше (*всторону*). А теперь у меня душа ушла въ пятки!.. (*Ему*). Послушай, Эдуардъ, я пойду переодѣться; позволь мнѣ переодѣться! я, право, простужусь!

Эдуардъ, *улыбаясь*. Ступай, ступай, мокрая курица, а я между-тѣмъ переговорю съ сестрой...

Андрею. Да, пожалуйста... распиши ей меня покраснорѣчивѣе... расхвали мои достоинства, сдѣлай милость!.. Однимъ словомъ, скажи все, что знаешь, а я пойду заняться моимъ туалетомъ... (*Всторону*). Чтобъ избавиться отъ воспаления въ груди...

(*Уходитъ*).

VI.

Эдуардъ, *одинъ*. Въ самомъ дѣлѣ, онъ славный малой, и если Жюльетта къ нему расположена, то я напередъ увѣренъ, что онъ будетъ хорошимъ мужемъ... Правда, онъ не совсемъ дальняго ума, но желать этого достоинства въ мужѣ, по-моему, было бы желать излишняго... но, вотъ и она!..

VII.

ЭДУАРДЪ и ЖЮЛЬЕТТА, просто, но со вкусомъ одѣтая.

Эдуардъ. Наконецъ вотъ и вы, прелестная хозяйка!.. Кончились ли ваши распоряженія и хлопоты? (*Смотря на ея туалетъ*). Ого, что за нарядъ!.. Въ чемъ, кажется, ничего не забыто...

Жюльетта, *весело*. Конечно, чтобъ тебѣ понравиться.

Эдуардъ. Мнѣ?.. мнѣ одному?

Жюльетта. Да, — и другимъ немного.

Эдуардъ. Я этому не совсѣмъ вѣрю, Жюльетта... Но, какъ разговоръ нашъ начался этимъ вопросомъ, то мы и будемъ его продолжать... (*Серьезно*). Подойди сюда, Жюльетта... (*Сажая ее подлѣ себя*). Сидь здѣсь, мнѣ нужно съ тобой серьезно поговорить.

Жюльетта. Серьезно? это новое.

Эдуардъ. Я хочу исполнить обязанности отца семейства.

Жюльетта, *смѣясь*. Какой важный видъ!

Эдуардъ, *серьезно*. Ты помнишь, что говорить онекунъ Арнольдъ въ Мольеровой комедіи: «Школа Женщинъ:»

«Ну, подойди-жь; дошьешь потомъ свою обновку,

Оборотись ко мнѣ и подними голову.

«Ну слушай же: и все, что буду говорить,

«Ты это вназустъ старайся затвердить...»

Жюльетта, *смѣясь*. Далѣе.

Эдуардъ, *продолжая*. Правило первое:

«Мнѣ этихъ волокитъ извѣстны всѣ уловки,

«По виду, такъ они и вѣжливы и ловки,

«Любезны, вкрадчивы, разряжены всѣ въ пухъ, —

«Да въ нихъ-то и найдешь всегда притворства духъ!»

Жюльетта. Но, братецъ, я не понимаю...

Эдуардъ. Не стыдно ли тебѣ отъ меня таиться? отъ меня, твоего лучшаго друга и брата?.. Если тебѣ кто нибудь понравился, я не вижу тутъ ничего худаго, и очень радъ составить твое счастье...

Жюльетта. Какъ, неужели?

Эдуардъ, *съ нѣжностію*. Развѣ это не есть самый пріятнѣйшій для меня долгъ, завѣщанный мнѣ покойнымъ батюшкой?.. Успокойся, моя милая Жюльетта, не скрывай отъ меня ничего, я угадаю твою тайну.

Жюльетта, *съ радостію*. Что ты говоришь?

Эдуардъ. И далѣ слово Андіолу...

Жюльетта, *вставъ*. Андіолу!..

Эдуардъ, *тоже встаетъ*. Онъ, бѣдняжка, съ ума сходитъ отъ радости... и такъ какъ ты его предпочитаешь всѣмъ другимъ...

Жюльетта, *скоро*. Нисколько, я объ немъ и не думаю!..

Эдуардъ. Кчему притворяться?..

Жюльетта, *съ сердцемъ*. Клянусь тебѣ, Эдуардъ!.. И мнѣ досадно, что ты не вѣришь! Андіоль очень милый и любезный молодой человѣкъ, — я люблю его, какъ родственника, какъ друга, но никакъ не больше... и, сказать тебѣ правду, я... (*Спохватясь*). Я даже вовсе не хочу идти замужъ.

Эдуардъ, *съ удивленіемъ*. Что?. не хочешь?

Жюльетта. Нѣтъ, не хочу, Эдуардъ; я такъ счастлива здѣсь!

Эдуардъ. Ну, ну, ну!.. Всѣ дѣвушки такъ говорятъ сначала, а потомъ сидятъ да охаютъ!.. Притомъ же мнѣ и нельзя всегда быть съ тобою вмѣстѣ... не нынче, — такъ завтра мы можемъ разстаться.

Жюльетта. Разстаться!

Эдуардъ. Вспомни... Я одинъ у тебя на свѣтѣ; ну, если и меня не будетъ?

Жюльетта. Какъ! что это значить?

Эдуардъ. Наша жизнь такъ непрочна; встрѣтится какой-нибудь несчастный случай...

Жюльетта. О нѣтъ! Не пугай меня, Эдуардъ!..

Эдуардъ. Положимъ, что это одно предположеніе!

Жюльетта, *смотря на него*. Нѣтъ! Я вижу по глазамъ, что ты отъ меня скрываешь... тебѣ угрожаетъ опасность... говори, говори скорѣе... я хочу все знать!

Эдуардъ, *стараясь ее успокоить*. Жюльетта!

Жюльетта, *не слушая его*. Я хочу все знать, Эдуардъ!.. Безъ причины ты не сталъ бы такъ обо мнѣ заботиться и слышать выдавать меня замужъ! Говори... я требую, я прошу тебя!..

Эдуардъ, *неохотно*. Если ты непременно этого хочешь — изволь! Я все скажу!.. Впрочемъ, эта тайна принадлежитъ и тебѣ, также, какъ и мнѣ...

Жюльетта. Тайна?..

Эдуардъ. Я долго скрывалъ ее отъ тебя, по волѣ нашего покойнаго отца, и даже никто изъ нашего семейства не знаетъ объ ней; но не раздѣлять съ тобой завѣтнаго чувства души — было бы упрекомъ на моей совѣсти... Я увѣренъ, что и ты сама не утаила

бы ничего отъ твоего друга и брата... не правда ли?.. И такъ, я скажу тебѣ все!

Жюльетта, *съ увлеченіемъ*. Говори, Эдуардъ... а послѣ и я тебѣ также все скажу!..

Эдуардъ. Ты?

Жюльетта, *опустивъ глаза*. Да!.. я дала клятву молчать... но теперь ужъ ни что меня не удержитъ!..

Эдуардъ. Говори скорѣе!..

Жюльетта. Ты не будешь бранить меня, не правда ли?.. Годъ тому назадъ, когда мы были съ тобой въ Гренобль у тетушки и ты отъ насъ уѣхалъ... я встрѣтила!..

Эдуардъ. Ну!

Жюльетта, *улыбаясь и съ нервительностію*. Петь!.. не могу!.. Начни ты прежде: твоя откровенность придастъ мнѣ смѣлости!..

Эдуардъ. Пожалуй! я подамъ примѣръ; хотя ужъ начинаю раскаиваться, что началъ съ тобою этотъ разговоръ!.. Мое объясненіе можетъ опечалить тебя на цѣлый день!..

Жюльетта. Ты общалъ мнѣ — и я слушаю.

Эдуардъ, *помолчавъ*. Ты не помнишь нашей матушки, Жульетта, ты была еще ребенкомъ; но, по-крайней-мѣрѣ, можешь ли ты припомнить нашего бѣднаго отца?

Жюльетта. О!.. Его черты не выдуть никогда изъ моей памяти!.. Взглядъ благородный, кроткій... но такой задумчивый и печальный, что у меня даже у маленькой сердце надрывалось, глядя на него... Что такое съ нимъ было?

Эдуардъ, *въ помолоса*. Онъ изнывалъ отъ стыда и отчаянія!..

Жюльетта. Какъ!..

Эдуардъ. Его сердце было поражено воспоминаніемъ объ обидѣ, за которую онъ не могъ отмстить!.. Онъ умеръ обезчещеннымъ!..

Жюльетта, *бросаясь къ нему на грудь*. О Боже!..

Эдуардъ, *съ горестію*. Обезчещеннымъ въ глазахъ своихъ товарищей!.. Тогда-какъ онъ былъ образецъ мужества и благородства... тогда-какъ онъ грудью заслужилъ чинъ полковника — и кровью платилъ за каждую награду и за всѣ наши победы!..

Жюльетта. Батюшка!.. добрый, несчастный батюшка!..

Эдуардъ. Накаунтъ сраженія при Ватерлоо, Англичане заняли редутъ, который приказано было моему отцу взять!.. Англичане упорно держались; наши дрались какъ львы, но редутъ не былъ взятъ... и, едва отецъ мой возвратился на свое мѣсто, какъ бив-

ший тутъ его генераль , съ запальчивостію закричалъ ему : « что это « значить , государь мой , что я вижу васъ здѣсь ? Вы смѣли явиться « передо мной , тогда какъ релуть еще въ рукахъ непріятеля ? » — « Больше половины моего отряда лежитъ на мѣстѣ , генераль » , отвѣчалъ отецъ . . . « каждый изъ моихъ солдатъ дрался какъ герой ; но непріятелей по двадцати человѣкъ на каждого изъ насъ ! » — « Если солдатъ « знаетъ свое дѣло , то тѣмъ больше долженъ знать полковникъ ! » — « Генераль ! » — « Да , сударь , ваше присутствіе здѣсь обвиняетъ васъ ! . . . « Когда вамъ дано порученіе , то вы должны его исполнить , или умереть « на мѣстѣ ! . . . Вы недостойны носить ваши эполеты » — и сорванный эполетъ моего отца полетѣлъ на нѣсколько шаговъ ! . . .

Жюльетта , вскрикивая . Боже ! . . .

Эдуардъ . Его шпaga была уже на груди злодѣя , но его обезоружили и посадили въ крѣпость . . . Въ оправданіе себя , отецъ послалъ свой настрѣленный мундиръ и просилъ объ удовлетвореніи , но ему на это не отвѣчали — и его полкъ былъ порученъ другому . Генераль написалъ письмо къ Императору — и , вѣроятно , оклеветалъ его . . . Наконецъ отца выпустили изъ крѣпости . . . и онъ бросился искать гнуснаго клеветника . . . Но злодѣя уже не было : въ сраженіи при Ватерлоо онъ нашелъ смерть , слишкомъ для него почетную ! . . . (*Сжимая руку Жюльетты*). Каково было положеніе нашего отца ! . . . Этотъ извергъ унесъ съ собой въ могилу его честь , его жизнь и лишилъ возможности отмстить за обиду ! . . . Но послѣ его остался сынъ , преемникъ его имени ; и батюшка , терзаемый стыдомъ и отчаяніемъ , жилъ только одною надеждою когда-нибудь расплатиться съ сыномъ за оскорбленіе отца ! . . . Но несчастный страдалецъ однакожъ недолго жилъ этою утѣшительною надеждою ; — горе состарѣло его преждевременно . . . (*Беретъ за руку Жюльетту , которая отираетъ слезы*). И въ послѣднюю свою минуту онъ подаль мнѣ знакъ приблизиться къ его постели и съ умирающимъ взоромъ , котораго я никогда не забуду , сказалъ мнѣ : « Эдуардъ , сынъ мой ! ты знаешь причину моей смерти ; умирая , я « возлагаю на тебя двѣ обязанности : счастье сестры твоей — и мщеніе « за мое имя ! »

Жюльетта , скоро . И ты отмстилъ ? . . .

Эдуардъ . Въ продолженіе многихъ лѣтъ я напрасно и безуспѣшно отыскивалъ моего врага . . . Неумолимая судьба отдаляла его отъ меня . Въ послѣдній разъ я надѣялся застать его въ Парижѣ . Приѣзжаю — и узнаю , что онъ наканунѣ отправился съ эскадрой въ Мексику . . .

Жюльетта , съ беспокойствомъ . Съ эскадрой ? . . .

Эдуардъ. Но теперь, слава Богу, экспедиція кончилась! Онъ долженъ возвратиться, — и едва только ступить на берегъ Франціи, едва только Генрихъ Мелькуръ...

Жюльетта, съ изумленіемъ. Генрихъ Мелькуръ!..

Эдуардъ. Это его имя..

Жюльетта, съ ужасомъ. Его имя!..

Эдуардъ. Да, онъ сынъ генерала Мелькура!

Жюльетта, восторону, въ изнеможениі. О Боже мой!

Эдуардъ, замѣчая ея смущеніе. Что это значить?.. Развѣ ты его знаешь?..

Жюльетта, твердымъ голосомъ. Я?.. нѣтъ... Я въ первый разъ слышу это имя.. (Восторону). Ахъ, Генрихъ!.. Онъ долженъ умереть... и я его жена!

Эдуардъ, подходя къ ней. Жюльетта! Что съ тобой? Отъ чего ты такъ встревожена!.. Я сожалею, что началъ тебѣ рассказывать...

Жюльетта, съ замѣшательствомъ. О! нѣтъ! Это ничего, пройдетъ... (Восторону). Такъ вотъ для чего онъ требовалъ моего молчанія!.. (Заливаясь слезами). О, я несчастная!..

Эдуардъ, беретъ ея руку. Успокойся, Жюльетта, ты напрасно такъ испугалась; теперь я не скажу тебѣ болѣе ни слова...

Жюльетта, стараясь придти въ себя. Нѣтъ, Эдуардъ, я спокойна, я не плачу... Окончаніе твоего рассказа поразило меня такъ неожиданно... я испугалась за твою жизнь... за того молодого человѣка... Можно ли обвинять его?.. Оскорбленіе было сдѣлано такъ давно... можетъ быть, генераль послѣ самъ раскаялся..

Эдуардъ. А рапортъ къ Императору, ложный рапортъ, обезчестившій нашего отца!.. Онъ до сихъ поръ существуетъ; я имѣю вѣрныя объ этомъ свѣдѣнія, отъ храбраго полковника Дермильи, бывшаго товарища покойнаго батюшки!.. Но я достану, я уничтожу этотъ рапортъ!.. Мнѣ мало одного мщенія!.. Я долженъ возстановить добрую славу моего отца въ глазахъ его старыхъ сослуживцевъ... Я уничтожу гнусную на него клевету!

Жюльетта, въ волненіи. Но развѣ этотъ молодой человѣкъ долженъ отвѣчать за проступки своего отца?

Эдуардъ. Онъ носитъ его имя — и отвѣчаетъ мнѣ за мое!

Жюльетта, восторону. Боже мой! Какъ сдѣлать, чтобъ они никогда не могли встѣтиться?

Эдуардъ. Но перестань, Жюльетта, не тревожь своего воображенія напраснымъ страхомъ... ты ужъ заранѣе видишь меня мертвымъ... Ребенокъ!.. успокойся, я умѣю устоять противъ пули моего

рага... (*Весело обнимая ее*). Чтобъ разсѣять твои мрачныя мысли, прошу теперь разсказать мнѣ твою исторію, которая ужь вѣрно будетъ веселѣе моей...

Жюльетта, припоминая. Исторію?.. Какую исторію?

Эдуардъ. Ну, эту великую тайну, что ты давеча начала-было разсказывать... Помнишь?.. Когда ты оставалась у тетушки въ Греноблѣ...

Жюльетта, вѣтъ себя. Нѣтъ, нѣтъ!.. ни за что! (*Всторону*). Скорѣй умру!

VIII.

Тѣ же и **АНДИОЛЬ**, у среднихъ дверей, и въ бальномъ платьѣ.

Андиоль, всторону. Вотъ и я!.. переодѣлся съ ногъ до головы! (*Увидя ихъ*). И кажется пришелъ очень кстати... Вѣрно разговоръ обо мнѣ!

Эдуардъ, Жюльеттѣ. Почему же? развѣ ты какъ нибудь забывала?.. Если хочешь, я тебѣ напомню... мы говорили объ Андиолѣ.

Андиоль, всторону. Ну, такъ и есть!

Эдуардъ. Ты еще что-то вдругъ вскрикнула...

Андиоль, всторону. Вскрикнула!.. Добрый знак!..

Эдуардъ. И вѣроятно оттого, что женщины не любятъ, когда ихъ угадываютъ.

Андиоль, всторону. Вотъ злодѣй! Какъ онъ хорошо знаетъ женщинъ!..

Эдуардъ. Ты начала: «Въ Греноблѣ, у моей тетушки, я встрѣтила»... А какъ у меня очень хорошая память, то я тотчасъ вспомнилъ, что Андиоль прїѣзжалъ тогда къ вамъ...

Андиоль, всторону. И не одинъ разъ!..

Эдуардъ. И стало изъ этого нетрудно заключить... Ну, полно, Жюльетта, мы теперь одни, признайся!..

Андиоль, всторону. Милочка!.. меня даже въ краску бросило!..

Жюльетта, старалась кончить разговоръ. Да... да... признаюсь... я послѣ все разскажу...

Андиоль, бросаясь къ ея ногамъ. Какое счастье!.. Неужели!

Жюльетта, всторону. Онъ былъ тутъ!..

Андиоль. Могу ли я вѣрить?

Жюльетта. Но, я ничего не сказала..

Эдуардъ, смѣясь. Это безподобно!.. Ну, братъ Просперъ, ловокъ же ты! повалился въ ноги, не дождавшійся полного признанія!

Андиоль, съ жаромъ. К чему мнѣ признаніе, когда я все видѣлъ, все слышалъ,—и теперь на седьмомъ небѣ!.. Такъ, прелестная сестрица, теперь ничто не можетъ помѣшать объявить вамъ... (*Слышенъ звонокъ на лестницѣ*). Какая досада!.. помѣшали! (**Жюльетта**). Но это все-равно, я вамъ клянусь!.. (*Звонокъ сильнѣе*). Опять!.. точно нарочно!.. Кто бы это былъ?..

Эдуардъ. Вѣрно наши дамы съѣзжаются къ балу...

Андиоль, вставая, всторону. Чортъ ихъ поberi!

Жюльетта, всторону. Гости... балъ... въ такую минуту!.. Это ужасно!..

IX.

Тѣ же и **МАРИАННА.**

МАРИАННА. Г. Эдуардъ, г. Эдуардъ!..

Эдуардъ. Что тамъ такое?

МАРИАННА. Какой-то путешественникъ, верхомъ, проситъ укрыться отъ грозы.

Эдуардъ. Путешественникъ?..

Андиоль. Погоди немного, Эдуардъ!.. Будь осторожнѣе! я тебѣ не советую его принимать. Я не очень вѣрю заблудшимъ путешественникамъ... Нынче столько развелось мошенниковъ...

Эдуардъ. Что за вздоръ! какой мошенникъ рѣшится идти въ замокъ, гдѣ столько народа? По сосѣдству же нѣтъ нигдѣ другаго пристанища, такъ очень естественно... и, можетъ-быть, еще этотъ путешественникъ премилый человекъ, такъ сама судьба посылаетъ намъ еще одного танцора!.. Каковъ онъ собой, Марианна?

МАРИАННА. Я не очень его разсматривала; но одѣтъ онъ по морскому.

Жюльетта, *всторону*. Морякъ!.. О Боже мой!.. Что, еслибъ это былъ онъ?..

Эдуардъ. Морякъ? ну, такъ навѣрно добрякъ и весельчакъ! (Марианнѣ). Проси его!

(Марианна уходитъ).

Андіоль. Въ самомъ дѣлѣ онъ займетъ насъ!.. Моряки масте-ра рассказывать страшныя исторіи о буряхъ, кораблекрушеніяхъ.

(Жюльеттѣ). Вы любите слушать страшное?

Эдуардъ. Нѣтъ, она любить смѣшное!

Жюльетта, *всторону*. Какъ сердце бьется!..

Эдуардъ. Но вотъ и онъ!..

Жюльетта, *взглянувъ всторону*. Незнакомый!.. Я отдыхаю!..

Х.

Тѣ же, БЕБНАРЪ и МАРИАННА.

МАРИАННА, показывая на Эдуарда. Вотъ г. Робервиль.

Бернаръ, *подходя*. Простите, что осмѣлился, не имѣя че-сти... Но мнѣ некуда было укрыться... вашъ замокъ первый мнѣ попался...

Эдуардъ, *радушно*. О, да, наша сторона самая пустынная... и я очень радъ случаю предложить скромное убѣжище человѣку храброму и любезному...

Бернаръ. О! что касается до любезности, то извините, это не по моей части. Между мачтами нескоро выучишься учтивостямъ. Храбрость, дѣло другое, въ ней мнѣ не отказываютъ, хоть и это по-моему небольшое достоинство... нынче все храбры...

Андіоль. А трусы-то?..

Бернаръ, *смотря на него*. Не вѣрю, чтобъ они были...

Андіоль, *раскланиваясь*. Благодарю за вниманіе!

Жюльетта, *съ участіемъ*. Вы служите въ морской службѣ?..

Бернаръ, *всторону, быстро взглянувъ на нее*. Это она! (Громко). Такъ точно, сударыня! Я Жозефъ Бернаръ...

Жюльетта, *вздрыгнувъ*. Бернаръ!..

Андіоль. Вотъ! Фамилія вашей модистки!..

Жюльетта, тихо ему. Молчите!

Андиоль. Впрочемъ фамилія самая обыкновенная!.. я знаю многихъ Бернарровъ...

Бернаръ, поглядывая на **Жюльетту**. Я шкиперъ на фрегатѣ «*Дорада*» и вотъ ужъ 20 лѣтъ!

Жюльетта, встору, съ радостью. На «*Дорадѣ*» — тамъ же, гдѣ и онъ!.. Это онъ его прислалъ...
Эдуардъ, встору. Онъ служить въ одной эскадрѣ съ Генрихомъ Мелькуромъ и я могу отъ него узнать...

Андиоль. «*Дорада?*» Что за прозваніе! и кто ихъ даетъ?..

Бернаръ. Да, сударь, *Дорада*!.. Одинъ изъ нашихъ лучшихъ фрегатровъ, легкій, быстрый, неудовимый!.. Онъ перегоняетъ на бѣгу «*Саламандру*» и «*Ласточку*». А въ дѣлѣ... непріятельской корабль и носу не показывай!.. Мексиканцы *Дораду* нескоро забудутъ!..

Эдуардъ. Вы были съ эскадрой въ Мексикѣ?

Бернаръ. Теперь оттуда.

Андиоль. И тоже дрался?

Бернаръ, смотря на него гладнокровно. Нѣтъ, сидѣлъ за печкой, сложа руки.

Андиоль, смѣясь. Эге! да онъ шутникъ!.. Люблю такихъ людей.

Эдуардъ, тихо, **Бернару**. Вы знаете Г-на Мелькура?

Бернаръ. Моего храбраго лейтенанта? Ктожь его не знаетъ?..

Эдуардъ, тихо. Онъ также возвратился съ вами?

Бернаръ, протяжно. Нѣтъ... онъ тамъ покуда остался.

Эдуардъ. Но вѣроятно его ожидаютъ, и вы можете мнѣ сказать... (*Видя, что Жюльетта къ нимъ подходитъ*). Тише! мы поговоримъ послѣ...

Андиоль, потирая руки. Какъ бы мнѣ хотѣлось побывать въ дѣлѣ!.. Вотъ, я думаю, жарко-то!

Бернаръ. Тепленько!.. Мексиканцы кровавый потъ утирали!..

Жюльетта. Когда же вы оставили эскадру?

Бернаръ. На другой день послѣ сраженія, — по случаю небольшой царапины, и возвратился на пакетботѣ, который везъ депеши... И такъ-какъ одинъ изъ моихъ товарищей далъ мнѣ довольно важное порученіе въ ближайшемъ отсюда замкѣ...

Жюльетта, встору. Онъ ко мнѣ прислалъ!..

Бернаръ. То я едва успѣлъ поцѣловать мою жену, съ которою не видался болѣе полутора года... и въ ту же минуту отправился

лавировать на проклятой лошади, которая так меня растрясла, что я захворал морскою болѣзнію, чего отъ роду со мной не бывало!.. Правда, нашъ братъ и не привыкъ въ сѣдло садиться. Къ тому же я сбился съ пути и попалъ въ болото... и вотъ бы хорошо было, слибъ, уцѣлѣвши въ океанѣ, я утонулъ въ грязи!..

Андіоль. Морякъ въ грязь лицомъ себя не ударить!

Бернаръ. Однакожъ мнѣ кажется я заѣхалъ къ вамъ не во время?

Эдуардъ. Почему вы такъ думаете?

Бернаръ. Я слышалъ, что у васъ будутъ гости... и все эти приготовления...

Эдуардъ. Ничего!.. все свои люди... короткіе пріятели... и вы никакъ не можете быть лишнимъ; однимъ приборомъ больше, — вотъ и все!

Андіоль. Мы будемъ пить за ваше здорье, — за здорье побдителя Мексика, новаго Фернандо Кортеса!.. О!.. я обожаю морскую службу! въ послѣднюю мою поѣздку въ Парижъ, я тамъ очень часто бывалъ... въ Школѣ Плаванія!..

Бернаръ. Это и видно, что вы рождены быть морякомъ.

Андіоль, Эдуарду. Онъ лихой!.. то-то мы наговоримся объ морѣ!

Эдуардъ. Да! да!.. но прежде надобно позаботиться отвезти комнату г-ну моряку...

Маріанна, *вбѣгая*. Г-нъ Эдуардъ, г-нъ Эдуардъ! Еще три кареты пріѣхали!..

Андіоль. Это вѣрно наши дамы!..

Эдуардъ. Андіоль, ступай скорѣй ихъ принять!..

Андіоль. Сейчасъ, только натяну перчатки!..

Эдуардъ, Бернару. Извините, г-нъ Бернаръ, что я васъ оставляю... Какъ хозяинъ дома, я долженъ все распорядиться; но я скоро возвращусь... Маріанна, проводи г-на Бернара въ его комнату.

(Уходитъ съ Андіолемъ).

XI.

ЖЮЛЬЕТТА, БЕРНАРЪ и МАРИАННА.

Маріанна, *вбѣгая*. Проводи! а куда я его провожу? все комнаты заняты...

Жюльетта, *подходя къ Бернару въ помолоса*. Наконецъ мы одни!.. Я этого ждала!..

Бернаръ, *въ замѣшательствѣ*. Да... и я... тоже...

Жюльетта, *тихо ему*. Я знаю, вы другъ Генриха... Мы такъ много обязаны доброй г-жѣ Бернаръ за ея участіе въ нашей перепискѣ...

Маріанна, *перебирая ключи*. Остается только одна, зеленая...

Жюльетта, *едва отвѣчая ей*. Хорошо, — все равно... зеленая!..

Маріанна. Но тамъ помѣстился г-нъ Андюль... Этотъ молодецъ забираетъ все, что получше.

Жюльетта. Помѣсти въ другія... (*Бернару тихо*). У васъ есть письмо?

Бернаръ, *совсѣмъ растерявшись*. Нѣтъ; — не было времени писать...

Жюльетта, *тихо*. Понимаю; онъ сказалъ вамъ на словахъ... или можетъ быть онъ самъ здѣсь... не правда ли?.. Онъ возвратился?

Бернаръ, *въ волненіи*. Нѣтъ, нѣтъ, сударыня... его нѣтъ... и я не знаю...

Жюльетта, *удивясь*. Что это значить?.. вы едва отвѣчаете; не ранень ли онъ?

Бернаръ. Ради Бога, успокойтесь!..

Жюльетта. Отвѣчайте... умоляю васъ!..

Бернаръ. Замолчите... идуть! (*Всторону*). Ахъ!.. лучшебъ мнѣ совсѣмъ ее не видать!

ХІІ.

Тѣ же, ЭДУАРДЪ, потомъ АНДЮЛЬ.

Эдуардъ. Жюльетта, тебя ожидаютъ наши дамы... Посмотри, какъ тамъ все убрано, прелесть!.. Вездѣ цвѣты, букеты, корзинки...

Жюльетта, *смотря на Бернара, всторону*. И я не могу говорить съ нимъ!..

Эдуардъ. Ступай же мой другъ... Сейчасъ за столъ садятся... дамы лишь только узнали, что послѣ ужина будутъ танцы, такъ вотъ и торопятся поскорѣе... А! кстати, куда же вы помѣстили г-на Бернара?

Жюльетта, съ замѣщательствомъ. Не знаю, — Марианна мнѣ говорила...

Марианна, грубо. Я говорила — и теперь говорю, что не знаю гдѣ помѣстить... Все занято, и нѣтъ ни одной постели!..

Эдуардъ. Такъ отведи мою!..

Бернаръ. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, и я не согласенъ...

Эдуардъ. Я не буду спать цѣлую ночь...

Бернаръ. Все равно!.. Я скорѣй готовъ отправиться... (*Встопрону*). И теперь это было бы гораздо лучше..

Эдуардъ, удерживая его. Отправиться?.. въ такую глухую ночь?..

Жюльетта. Нѣтъ, это невозможно!.. вы не захотите насъ обидѣть!.. Братецъ, я вотъ что придумала... Здѣшняя комната совсѣмъ лишняя...

Эдуардъ. Но здѣсь только одинъ диванъ!..

Бернаръ. Больше мнѣ ничего и ненадо... и, если вы позволите...

Антіоль, останавливаясь въ глубинѣ, съ салфеткой въ рукахъ. Гости спрашиваютъ хозяевъ, любезныхъ хозяевъ дома!.. г-нъ адмиралъ, ступайте же къ намъ; для васъ приготовлена цѣлая батарея шампанскаго... (*Марианнѣ*). Марианна, принеси намъ еще мадеры...

Марианна, уходя съ досадой. Теперь принеси мадеры, — кого слушать!

(*Входитъ Жюльетта*)

(*Уходитъ*).

Эдуардъ. Я надѣюсь, что вы отуживаете съ нами?

Бернаръ. Благодарю, я давеча на дорогѣ закусилъ... Мнѣ бы хотѣлось только немного уснуть...

Антіоль. Что такое?.. Морякъ хочеть спать?..

Бернаръ. Какъ и всякій, государь мой, когда спать хочется.

Антіоль. Но все таки ложиться спать въ такое время...

Бернаръ. Если мнѣ назначена эта комната, то я прошу васъ обо мнѣ не беспокоиться, а заняться вашими гостями... я здѣсь распоряжусь по-своему, по-походному... и потому прошу васъ всѣхъ вонъ, безъ церемоніи!.. (*Антіолу*). Маршъ!..

Эдуардъ, смѣясь. И прекрасно!.. распоряжайтесь какъ вамъ

будетъ угодно; здѣсь все къ вашимъ услугамъ... Я боюсь только, чтобъ наше шумное веселье не обезпокоило вашего сна...

Андіюль. Мы будемъ танцовать подъ сурдину!..

Бернаръ. Не безпокойтесь, меня и пушками не скоро поднимете!..

Жюльетта, *съ безпокойствомъ*. Но завтра, до вашего отъезда, мы съ вами увидимся, — не правдали?

Бернаръ. Не думаю, сударыня... мнѣ будетъ жаль такъ рано васъ тревожить...

Жюльетта, *всторону*. Боже мой! Чтобы ни было, мнѣ нужно съ нимъ говорить...

Эдуардъ. И такъ, доброй ночи, любезный гость!.. (*Жюльетта, взявъ ее за руку*). Пойдемъ, Жюльетта, но что съ тобой? ты такъ блѣдна!..

Жюльетта, *притворно улыбаясь*. Такъ, ничего... голова немножко болитъ...

Андіюль. Отъ галопы пройдетъ!.. (*Предлагая ей руку*). Не угодно ли, любезная сестрица?

Жюльетта, *подаетъ ему руку, всторону*. Какое мученіе!..

Эдуардъ. Прощайте, г-нъ Бернаръ!

Андіюль. Прощайте, морякъ! Желаю вамъ доброй ночи... или, по вашему по-морскому, затишья!..

Бернаръ. Прощайте, желаю веселиться!

(*Всѣ уходятъ*).

ХІІІ.

Бернаръ, *одинъ*. *На столѣ* *лажна* (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). Уфъ!.. я ужъ думалъ, что мнѣ никакъ не выпутаться!.. И они же еще желаютъ мнѣ доброй ночи!.. Побывали бы они на моемъ мѣстѣ!.. Тысяча бомбъ и гранатъ!.. Милліонъ чертей съ дьяволами!.. Хоть этимъ отвести душу... я ужъ такъ давно не черкался!.. Проклятые Мексиканцы, чтобъ васъ всѣхъ до одного акулы сожрала!.. Ужасное порученіе, какъ подводный камень при-

валило къ сердцу!.. Но могъ ли я отказаться отъ этого порученія!.. Просьба товарища и друга — священна; а я любилъ его, какъ роднаго сына... къ тому же я думалъ, что это совѣмъ нетрудно, сказать: «Что дѣлать, сударыня? Несчастье можетъ со всякимъ случиться!» — Какъ бы не такъ!.. Пришелъ сюда — и съѣлъ на-мель, какъ разбитый корабль, языкъ рулемъ повернуло назадъ — и всѣ мои разсужденія унесло на вѣтеръ!.. чувствую, что на зѣмлѣ я не мастеръ говорить и дѣлаюсь глупъ, какъ рыба... А жаль мнѣ эту бѣдную женщину!.. Она умретъ непременно при моемъ извѣстїи; она не перенесетъ такого удара... Вѣдь видишь, какая жиденькая!.. того гляди переломится!.. Вотъ если бы это была г-жа Бернаръ, дѣло другое... та выдержитъ!.. Какъ бы мнѣ ее поискуснѣе приготовить... (*Идетъ запереть дверь*). На всякой случай, надобно запереть дверь; а то, пожалуй, она опять придетъ меня допрашивать, а я еще ничего не придумалъ.. Надобно же какъ-нибудь порѣшить!.. Развѣ пойти къ ней, да прямо на-бѣло хватить?.. (*Съ силою*). Нѣтъ, чувствую, что у меня духа не хватить!.. Я самъ расхныкаюсь, хуже деревенской бабы!.. нѣтъ, лучше нанишу!.. (*Указывая на письменный столъ*). Прекрасно! тутъ же все есть: бумага и перья... Завтра, рано поутру и отсюда уѣду, оставлю мое письмо у старушки... и не буду свидѣтелемъ... (*Садится къ столу*). Какъ меня изломала эта сухопутная качка, чортъ ее поberi!.. Сонъ такъ и клонить... съ чего бы начать?.. (*Пишетъ*). «Сударыня! Вооружитесь трердостью!»... (*Про себя*). Постепенно стану причаливать.. Чтobъ не треснуться объ-берегъ!.. (*Говоритъ самъ съ собою, протирая глаза*). Какая досада! глаза такъ и слипаются!.. (*Пишетъ*). «Вы его больше не увидите»... (*Про себя*). Я самъ ничего не вижу, что я пишу!.. (*Пишетъ*). «Генрихъ, нашъ «любезный Генрихъ... поручилъ мнѣ объявить вамъ, что...» (*Про себя*). Нѣтъ!.. никакъ не могу!.. въ глазахъ рябитъ, огонь мелькаетъ!.. Невольно канана-то тяжесть... какъ-будто нагрузили... (*Музыка въ оркестръ. Перо падаетъ, онъ опускается въ кресла и засыпаетъ, говоря*). Но, я не усну... ни за что не усну!.. Развѣ только такъ прикурну... минуточку... чтobъ освѣжиться и собраться съ мыслями!.. а спать... не буду... Нѣтъ! (*Сосвѣсьмъ засыпаетъ*). Генрихъ!.. (*Въ полголоса*). Ахъ, разбойники Мекси....

XIV.

БЕРНАРЪ спитъ ; ЖЮЛЬЕТТА. входитъ черезъ потаенную дверь и медленно приближается къ Бернару. Музыка продолжаетъ.

Жюльетта. Нѣтъ силъ переносить это сомнѣнiе !.. Ахъ!.. (Остаеться). Онъ спитъ... Боюсь, чтобъ его не забыть... Однакожь, я должна узнать непременно...

Бернаръ, во снѣ. Генрихъ!..

Жюльетта, съ безпокойствомъ. Генрихъ ?.. Боже мой, что онъ говоритъ ? (Прислушивается). Опять заснулъ ! это что ?.. Начатое письмо !.. Ко мнѣ, безъ сомнѣнiя, ко мнѣ... Еслибъ я могла!.. (Беретъ письмо и читаетъ). «Вооружитесь твердостью... «вы его больше не увидите!» (Пронзительно вскрикиваетъ). Ахъ!.. (Музыка перестаетъ).

Бернаръ. Что такое ?.. Кто здѣсь ?.. Сударыня !.. Это вы ?

Жюльетта, неподвижно. Сжальтесь ?.. Скажите.. онъ умеръ ?..

Бернаръ. Но послушайте!..

Жюльетта. Скажите мнѣ !.. Я хочу знать !.. онъ умеръ, не правда ли ?

Бернаръ. Ради Бога!..

Жюльетта, съ притворнымъ спокойствiемъ. Не бойтесь .. я спокойна... мнѣ нечего бояться, не правда ли ?.. Но ради Бога, говорите, что значитъ это письмо ? Живъ ли онъ ?.. Увижу ли я его ?.. Отвѣчайте, заклинаю васъ!..

Бернаръ, послѣ минутнаго молчанiя. Что дѣлать?. Не могу васъ обманывать!..

Жюльетта, судорожно, сжимая письмо. О, я васъ понимаю!..

Бернаръ, поддерживая ея. Придите въ себя!..

Жюльетта. Ничего... ничего... я спокойна; я васъ слушаю!..

Бернаръ, со страхомъ, смотря на нее. Несчастливая! Это спокойствіе меня въ дрожь бросаетъ!..

Жюльетта. Говорите, говорите мнѣ объ немъ... (*Опирается на кресло*). Я хочу все знать!

Бернаръ, растроганный. Боже! подкрѣпи ее!.. такъ и быть... извольте... Передъ самымъ сраженіемъ, Генрихъ пришелъ ко мнѣ на палубу и завелъ рѣчь о васъ... Онъ отъ меня ничего не скрывалъ, потому что зналъ на опытъ мою къ нему преданность — и подлѣ меня получилъ первую рану, что у насъ моряковъ никогда не забывается!.. Онъ былъ очень печаленъ. «Мой добрый Бернаръ, сказалъ онъ мнѣ, — ты будешь смѣяться надъ моею слабостью, но въ первый разъ въ жизни томить меня какое-то страшное предчувствіе»... Э! полноте, капитанъ, отвѣчалъ я, — «выкиньте этотъ вздоръ изъ головы» — «но я боюсь не за себя,» отвѣчалъ Генрихъ, «я боюсь за нее!»

Жюльетта. Боже!

Бернаръ, продолжая. «Еслибъ ты зналъ, какъ я люблю ее, и какъ она будетъ страдать, если со мною случится какое несчастье!.. Обѣщай мнѣ, Бернаръ, какъ другъ, что ты ее обо всемъ уведомишь... Скажи ей, чтобъ она меня простила за то, что я скрывалъ отъ нея ненависть ко мнѣ ея брата... Я слишкомъ много ее любилъ — и не могъ отъ нея отказаться... я надѣялся, что бракъ нашъ съ нею погаситъ эту вражду... Скажи, что я любилъ ее одну во всемъ мірѣ, и умирая, послѣднее мое желаніе, послѣдняя моя воля»... (*Видитъ, что Жюльетта стоитъ, какъ окаменѣлая*). Боже мой, сударыня! Что съ вами?.. Я не знаю продолжать ли мнѣ?

Жюльетта, съ неподвижнымъ взоромъ и дѣлая знакъ. Продолжайте, продолжайте...

Бернаръ. Я пожалъ ему руку... Дали знакъ къ сраженію. Генрихъ былъ первымъ вездѣ... Картечь и ядра посыпались на палубу!.. Генрихъ твердо и неустрасимо командовалъ какъ-будто маневромъ... Я не оставлялъ его ни на минуту — я готовъ былъ отдать мою жизнь, чтобъ только сохранить его... Какъ вдругъ дано приказаніе сдѣлать высадку... Генрихъ бросился первый, — въ одной рукѣ нашъ флагъ, въ другой шпага; онъ бѣжалъ, опрокидывая все передъ собою; но въ ту самую минуту, когда онъ только-что водрузилъ флагъ нашъ, на вершинѣ крѣпости, — я вижу непріятельскій солдатъ прицѣлился. . и... (*Смотритъ на Жюльетту и замѣ-*

часть неподвижность ея взора). Сударыня... сударыня!.. ради Бога... Скажите хоть слово!..

(Вдали слышна бальная музыка).

Жюльетта, едва говоря. Не могу!.. Душно!.. Задыхаюсь!..

Бернаръ, смотря на нее. Творецъ Небесный!.. и нѣтъ ни кого!.. (Кричитъ). Помогите!.. Помогите!..

Жюльетта, съ помъшательствомъ. Не зови ихъ, не зови!..

Бернаръ. Но, какъ же вы?..

Жюльетта. Они его увидятъ!.. Они убьютъ его!..

Бернаръ, виль себя. Ахъ! все погибло!.. Эта блѣдность... Этотъ неподвижный взглядъ!.. А тамъ балъ!.. веселье!.. (Кричитъ). Помогите, помогите, Маріаина! Г. Робервиль!..

Жюльетта, съ ужасомъ, упавая на колъни. Братъ!.. мой братъ!.. Нѣтъ, нѣтъ!.. не пускайте его... ради Бога, не пускайте!.. Онъ убьетъ его!.. Онъ убьетъ!.. Сжальтесь! Защитите!.. (Какъ бы говоря своему брату). Эдуардъ! братъ!.. Сжалься!.. Ты зналъ, что онъ здѣсь!.. Но ты его не убьешь, не правда ли?.. Братъ, пощади сестру свою!.. Не убивай его!..

(Показываетъ видъ, какъ бы кого прячетъ, и съ умоляющимъ взоромъ смотритъ на Бернара).

Бернаръ, съ ужасомъ. Несчастная! Она лишилась разсудка!.. Боже мой!.. Что я надѣлалъ?..

(Смотритъ на нее съ ужасомъ и сожалѣніемъ. Занавѣсъ опускается).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ входъ въ паркѣ близъ замка. Налѣво отъ зрителей стеклянная дверь въ павильонъ, примыкающій къ главному корпусу. Направо садовая скамья около цвѣтника. Въ глубинѣ сцены терраса, съ которой вдали видно море.

(Звѣзды.)

I.

БЕРНАРЪ и МАРИАННА.

БЕРНАРЪ, тихо стучится въ деревянную дверь. Марианна!
МАРИАННА, показываясь въ дверяхъ. Это вы, г. Бернаръ?

БЕРНАРЪ. Что, какова она?

МАРИАННА. Все то же! Бываютъ минуты, когда узнаешь насъ, а потомъ вдругъ опять заговорить несвязно... наказалъ насъ Господь совсѣмъ неожиданно!

БЕРНАРЪ. А доктора?

МАРИАННА. Толкутся около и бормочать что-то межъ собою.

БЕРНАРЪ. А Эдуардъ?

МАРИАННА. Охъ! ужъ и не спрашивайте!.. онъ кажется самъ на волосокъ отъ сумасшествія!.. Съ какимъ отчаяніемъ глядитъ онъ на всѣхъ! безпрестанно беретъ сестру за руки!.. а она, то улыбнется, то вдругъ оттолкнетъ его, — какъ будто чего испугается!..

БЕРНАРЪ. Обо мнѣ она не вспоминала?

МАРИАННА. То и дѣло зоветъ васъ къ себѣ! Даже въ безпамятствѣ!.. Удивительно!.. вѣдь какись она никогда прежде васъ не видала!..

БЕРНАРЪ. Большимъ мало ли что грезится!.. (всторону). Страдалица! она знаетъ, что я одинъ могу съ ней говорить о Генрихѣ!.. (вслушавъ). Нельзя ли мнѣ видѣть г-на Робервиля?.. я хочу съ нимъ проститься.

МАРИАННА. Проститься!.. какъ, г. Бернаръ? вы хотите насъ оставить?..

БЕРНАРЪ. Чтожъ дѣлать?.. вотъ ужъ цѣлыхъ три дня, какъ я

стою здѣсь съ опущенными парусами ; надо и дома побывать , а то что жена скажетъ?

МАРИАННА. О, нѣтъ, г. Бернаръ, пожалуйста не спѣшите!.. да безъ васъ куда мы всѣ родимся?.. вѣдь вы только одни еще въ своемъ умѣ... *(прислушиваясь)*. Слышите?.. Г. Эдуардъ меня кличетъ... сейчасъ бѣгу и принесу вамъ извѣстіе... Нѣтъ, не уѣжайте, г. Бернаръ! ради Бога, не уѣжайте! вы не можете покинуть насъ въ такомъ положеніи!

(Уходитъ).

II.

БЕРНАРЪ, *одинъ*. Чортъ возьми! я и самъ знаю, что не могу!.. это-то меня и бѣситъ!.. я какъ на мертвомъ якорѣ — ни съ мѣста!.. тысяча бомбъ! развѣ можно мнѣ бросить бѣдняжку на произволь судьбы!.. *(взглянувъ на небо)*. Нѣтъ! Генрихъ мнѣ этого не проститъ!.. Да я и самъ себя не прошу!.. теперь ужъ я и недавно весь ему принадлежу—и тѣломъ и душою!.. *(съ умиленіемъ)*. Онъ далъ мнѣ случай видѣть, до чего она его любила!.. какъ блестятъ у ней глаза, когда я, чтобъ ее успокоить, начну увѣрять, что будто бы онъ воротился и ѣдетъ сюда!.. да тутъ, дьяволъ побери, никакая морская собака отъ слезъ не удержится!.. *(топнувъ ногою)*. И послѣ этого толкуютъ еще!.. лихая молодежь гибнетъ, а старая, изломанная мачта, какъ я напримѣръ — торчитъ себѣ по-прежнему!.. *(вдругъ, какъ будто самъ себя испугавшись)*. Э!.. что я вру, безумецъ?.. *(смотря на небо)*. Тотъ Кормчій цѣлые вѣка управляетъ кораблемъ, стало-быть знаетъ лучше тебя что дѣлаетъ!.. а ты смирно!.. молчи знай — и кури себѣ свою трубку!.. *(закуриваетъ трубку)*. Что-то думаетъ обо мнѣ жена?.. Вотъ ужъ три дня какъ я воротился, и не провелъ съ ней часу по моему прихвѣдѣ!.. Впрочемъ я никогда и не приучалъ ее обо мнѣ задумываться... Еслибъ все еще были влюблены другъ въ друга... ну, такъ!.. но, благодаря Бога, вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ мы совершенно выздоровѣли отъ этой болѣзни!.. *(входитъ Эдуардъ)*. А!.. г. Эдуардъ!

III.

БЕРНАРДЪ, ЭДУАРДЪ.

БЕРНАРДЪ, *быстро идетъ къ нему навстрѣчу*. Что наша больная?..

ЭДУАРДЪ, *убитый горестью*. Теперь покойнѣе.

БЕРНАРДЪ. А доктора что говорятъ?

ЭДУАРДЪ, *со вздохомъ*. Ничего!..

БЕРНАРДЪ, *сквозь зубы*. Можетъ быть это лучший рецептъ.

ЭДУАРДЪ. Вся ихъ надежда... время... развлеченіе!

БЕРНАРДЪ. Да... и путешествіе... воды!.. Это ихъ конекъ, когда ужъ не за что взяться!

ЭДУАРДЪ. Они спрашивали меня о причинѣ такого внезапнаго помѣшательства... я не зналъ, что отвѣчать, и прибѣгаю къ вамъ, г. Бернардъ... вы одни можете ее объяснить...

БЕРНАРДЪ, *всторону*. Ну... пошли распросы!..

ЭДУАРДЪ. Въ первыя минуты я не могъ спохватиться и спросить у васъ... но, согласитесь, вы должны мнѣ растолковать...

БЕРНАРДЪ, *въ замѣшательствѣ*. Какъ-же, разумѣется!.. (*хочетъ идти*). Можетъ быть вы не любите табачнаго дыма? я отойду.

ЭДУАРДЪ, *его удерживая*. Послушайте, г-нъ Бернардъ!.. вы честный человекъ!..

БЕРНАРДЪ. Смѣло подписывайтесь обѣими руками!..

ЭДУАРДЪ. Но вы вошли къ намъ въ домъ совсѣмъ подъ другимъ предлогомъ!.. Сестра моя никогда васъ не знала — и вдругъ, послѣ разговора съ вами наединѣ — сошла съ ума! Я не сержусь на васъ, вы видите... но я братъ ея, я имѣю право спросить у васъ, отчего вдругъ случилось такое несчастье!.. что вы ей сказали?..

БЕРНАРДЪ. Имѣете полное право... и на вашемъ мѣстѣ я безъ всякихъ церемоній выбросилъ бы Бернара за окно, да и концы въ воду!..

ЭДУАРДЪ, *начиная сердиться*. Что вы сестрѣ сказали?

БЕРНАРДЪ, *закрывая трубку*. Вы... непременно хотите знать?.. Будь по вашему!.. Чтожъ! вѣдь рано или поздно, надобно же открыть вамъ всю истину!..

Эдуардъ, *въ нетерпѣннѣи*. Говорите!

Бернаръ, *всторону*. Осторожьтѣ, Бернаръ!.. Спусти лоть прежде... не попади на подводный камень! (*береть Эдуарда за руку и смотритъ на него съ участіемъ*). Г. Эдуардъ! я вижу, вы тоже славный, благородный малой!.. и мнѣ больно не хотѣлось бы васъ огорчать!..

Эдуардъ. Ради Бога! говорите!..

Бернаръ. Слушайте!.. Годъ тому назадъ, когда вы въ послѣдній разъ ѣздили въ Парижъ, а сестрица ваша оставалась гдѣ-то у одной своей родственницы... встрѣтила она тамъ... молодого человека...

Эдуардъ. Молодого человека?..

Бернаръ. Который не уступитъ вамъ ни въ чемъ, что касается до чести и души!.. и если кто заслуживалъ быть любимымъ, такъ это именно онъ!

Эдуардъ. Понимаю... но если намѣренія его были благородны, зачѣмъ же онъ прямо ко мнѣ не обратился?..

Бернаръ, *колеблясь*. Зачѣмъ! зачѣмъ!.. вотъ тутъ-то и запятая!.. видно что-нибудь ему мѣшало... какія-нибудь... эдакія особенныя неудовольствія... фамильная вражда...

Эдуардъ, *пораженный*. Что я слышу?.. О! нѣтъ, быть не можетъ!.. Его имя, сударь, его имя?..

Бернаръ, *посль минутнаго молчанія*. Генрихъ Мелькуръ...

Эдуардъ. Мелькуръ!..

Бернаръ. Да!.. тотъ, когд вы ненавидите совершенно не зная!..

Эдуардъ, *въ бѣшенствѣ*. И его любить сестра моя!.. О! позоръ и посяраженіе!

Бернаръ, *живо*. Зачто-жъ обвинять ее?.. Развѣ она знала ваши отношенія?..

Эдуардъ, *останавливаясь*. Нѣтъ... она ихъ не знала! И теперь-то я понялъ ея отчаяніе, когда я рассказывалъ ей.. (*съ возрастающимъ бѣшенствомъ*). А онъ!.. онъ зналъ, что вѣчная пропасть раздѣляетъ насъ—и не побоялся обмануть бѣдной дѣвушки, не устыдился воспользоваться ея неопытностію!.. Онъ можетъ быть даже надѣялся получить ея руку?..

Бернаръ. А почему жъ бы и не такъ, смѣю спросить?

Эдуардъ, *внп себя*. Никогда! одна его дерзкая надежда есть ужъ для меня новое оскорбленіе!.. Но въ этотъ разъ онъ отъ меня не спасется!.. Гдѣ онъ?.. гдѣ?..

БЕРНАРЬ, *хладнокровно*—и указывая на небо. Тамь!..

ЭДУАРДЪ. Онъ умеръ!..

БЕРНАРЬ. Смертію храбрыхъ, при взятіи крѣпости... и вотъ съ какою вѣстію спѣшилъ я къ вашей сестрѣ!.. Теперь, если вы все еще хотите метить, требуйте его отъ волнъ морскихъ—и дай Богъ, чтобъ онѣ васъ послушались!..

ЭДУАРДЪ, *послѣ молчанія*, *убитый тоскою*. Такъ опять судьба мѣшаетъ нашему мщенію!..

БЕРНАРЬ. Пора бы вамъ забыть о немъ!

ЭДУАРДЪ. Забыть!..

БЕРНАРЬ. Конечно!.. что за дьявольщина!.. кчему эта старая ненависть, которая переходитъ отъ отца къ сыну, какъ наслѣдство, какъ поле, съ тѣмъ, чтобъ наслѣдникъ всегда удобрялъ его и вновь засѣивалъ?.. Ахъ! будь проклята эта жатва и поле несчастій, гдѣ урожаи одной вражды и злобы!.. я увѣренъ, что еслибъ бѣдная сестра ваша въ слезахъ упала передъ вами на колѣни,—вы бы сжа-лились и помирились...

ЭДУАРДЪ. Никогда!..

БЕРНАРЬ. Полноте!..

ЭДУАРДЪ. Ни за что на свѣтѣ!..

БЕРНАРЬ. Вы бы согласились на ихъ свадьбу!..

ЭДУАРДЪ, *въ изступленіи*. Нѣтъ, говорю — я!..

БЕРНАРЬ, *всторону*. Тысяча бомбъ!.. Еслибъ онъ зналъ...

ЭДУАРДЪ. Сестрѣ моей носить имя того, кто насъ обезчестилъ!.. мнѣ — слышать безпрестанно подлѣ себя это живое доказательство моей низости!.. Но вы стало-быть всего не знаете; вы не знаете, что это роковое имя свело въ могилу моего отца—и теперь губить мою сестру въ лицѣ этого мерзавца!..

БЕРНАРЬ, *запальчиво*. Милостивый государь! Онъ былъ моимъ другомъ!

ЭДУАРДЪ. Что мнѣ за дѣло!

БЕРНАРЬ. Оскорблять его память...

ЭДУАРДЪ. Зачѣмъ онъ самъ ее запятналъ!..

БЕРНАРЬ. Запятналъ!.. Еслибъ онъ былъ живъ...

ЭДУАРДЪ. О!.. еслибъ онъ былъ живъ!.. я бы сказалъ ему...

БЕРНАРЬ, *съ жаромъ*. Такъ я еще не умеръ!.. и хоть у меня ужъ сѣдые волосы...

ЭДУАРДЪ, *не слушая его*. Я бы сказалъ ему, что онъ — подлець!..

БЕРНАРЬ, *съ силою*. Государь мой!..

Эдуардъ, *съ простью*. Да, презрѣнный подле... *ахъ!*

Бернаръ, *схвативъ его за руку*. Повторяю вамъ, онъ былъ моимъ другомъ!.. а теперь его нѣтъ на свѣтъ... покойника грѣшно и стыдно оскорблять!..

Эдуардъ, *останавливается и закрываетъ лицо*. Ахъ!..

Бернаръ. Я не меньше другаго умѣю мстить за честь свою и не боюсь за нее умереть... Но за гробомъ — нѣтъ мести!.. Самъ Богъ велитъ прощать врагамъ отжившимъ!..

Эдуардъ, *разстроенный*. Умоляю васъ! г. Бернаръ!.. Вашу руку!..

Бернаръ. Вотъ она!.. это дѣло другое... моряки зла не помнятъ! Не будемъ говорить о томъ, въ чемъ никогда не сойдемся! Вы несчастливы!.. можетъ быть я гожусь вамъ на что-нибудь... располагайте мной! я въ вашей командѣ!

Эдуардъ, *съ чувствомъ*. Я не ошибся!.. участіе, которое вы принимаете въ бѣднѣ Жюльеттѣ, удвоиваетъ мое къ вамъ уваженіе.

Бернаръ. Будемъ говорить только объ ней... Ну, что вы хотите съ ней дѣлать?

Эдуардъ. Увезти ее далеко отсюда... можетъ быть перемѣна мѣста, другой климатъ!.. Я продамъ этотъ замокъ, который прежде такъ любилъ, а теперь ненавижу! Андюль обѣщала мнѣ похлопотать о продажѣ; однако его все что-то еще нѣтъ... вѣрно и онъ оставилъ меня, какъ и другіе!.. Чтожъ дѣлать! я одинъ принесу себя въ жертву моей Жюльеттѣ! (*беретъ его за руку*). До нашего отъѣзда, надѣюсь, вы насъ не оставите? Сами видите, какъ ваше присутствіе необходимо для сестры!.. Вы не откажете намъ въ состраданіи... не правда ли?

Бернаръ. Душою бы радъ... но жена моя...

Эдуардъ. Вы должны остаться, или я подумаю, что вы все еще на меня сердитесь!..

Бернаръ. О! въ такомъ случаѣ остаюсь... хоть до втораго пришествія.

IV.

Тѣ же, МАРИАННА.

МАРИАННА. Извините, сударь...

Эдуардъ, *болзливо*. А! Марианна?.. Что съ сестрою?..

МАРИАННА. Нѣтъ, ничего, — она спитъ! — какой-то крестьянскій мальчикъ два раза приходилъ и спрашивалъ г-на Бернара.

БЕРНАРЪ. Меня?.. я здѣсь никого не знаю...

МАРИАННА. Мы его отослали.. но чрезъ нѣсколько времени онъ опять пришелъ — и отдалъ мнѣ эту записку...

БЕРНАРЪ, беретъ ее. Записку?..

МАРИАННА. Васъ ждутъ въ трактирѣ подь вывѣскою: «Добраго Лоцмана» за милю отсюда.

БЕРНАРЪ, открывая записку. Да! въ трактирѣ «Добраго Лоцмана» гдѣ я въ послѣдній разъ такъ дурно обѣдалъ! (*Смотритъ на адресъ*). Я угадалъ! это отъ жены!

ЭДУАРДЪ. Отъ вашей супруги?..

БЕРНАРЪ, читая. «Г-ну Бернару, въ замкѣ Робервилъ. Весьма нужное». Ну такъ! не утерпѣла! извините, я сейчасъ къ ней съѣзжу.

ЭДУАРДЪ. Да лучше привезите ее съ собой.

БЕРНАРЪ. И! вотъ! кчему это? я только вымою ей голову, чтобъ она впередъ за мной не посылала и не изволила ревновать... (*Марианнѣ*). Гдѣ этотъ мальчикъ?

МАРИАННА. Онъ ту-жъ минутоу опять ушолъ.

БЕРНАРЪ. Ну-какъ я заблужусь?

ЭДУАРДЪ. Васъ проводятъ!.. Поѣзжайте верхомъ, на моей лошади.

БЕРНАРЪ. Нѣтъ ужъ начто же!.. меня и въ тотъ разъ всего изломало.. Позвольте ужъ лучше пѣшкомъ отправиться!

ЭДУАРДЪ. Проселочной дорогой! (*Показывая пальцею*). Гораздо ближе... Домникъ вамъ укажетъ.

МАРИАННА, уходя. Я сейчасъ велю ему одѣться!..

ЭДУАРДЪ, подавая ему руку. Не опоздайте!.. вечеромъ опять доктора соберутся.

БЕРНАРЪ. Не беспокойтесь!.. вѣдь я къ женѣ... а съ ней не засидишься... (*всторону, въ то время, когда Эдуардъ садится на скамью, справа*). Мнѣ же еще кой-что надо ему поразсказать!.. (*Смотря на него*). Пока съ него довольно... а завтра доберусь и до ихъ свадьбы... Шквалъ будетъ хоть куда... ну да все равно, громъ и молнія!.. Жюльетта вдова Генриха, — и во что-бы-то ни стало должна носить его имя!.. (*Уходитъ въ ту же сторону, куда ушла Марианна*).

V.

ЭДУАРДЪ, одинъ.

Она любила его!.. какой злобный рокъ сблизилъ ее съ человѣкомъ, котораго она должна бы ненавидѣть! (*останавливаясь*). И его ужъ нѣтъ!.. Онъ умеръ... умеръ! въ то время, когда я готовъ былъ однимъ ударомъ отмстить за отца моего—и кровью сына смыть пятно безчестія! Цѣлый годъ старался отыскать этотъ ложный рапортъ генерала Мелькура, это несправедливое письмо къ Императору... Храбрый Эрмильи увѣдомляетъ меня, что наконецъ онъ нашелъ письмо и чрезъ часъ, черезъ два оно будетъ въ моихъ рукахъ!.. А я до сихъ поръ не могъ сдержать клятвы!.. Нѣтъ, не хочу его видѣть, не стану его читать. Оно будетъ мнѣ вѣчнымъ стыдомъ и упрекомъ!..

VI.

ЭДУАРДЪ, АНДІОЛЬ, въ утреннемъ костюмѣ входятъ съ правой стороны.

Андіоль, *говоритъ въ кулису*. Позвольте на минуту съ вами разстаться.

Эдуардъ, *подымая голову*. Андіоль! я думалъ, что и ты меня забылъ!

Андіоль. Фу!.. какъ это можно!.. забывать друзей въ такомъ горестномъ положеніи, — и потому только, что ужъ я не могу быть твоимъ зятемъ?.. Полно, Эдуардъ! я очень хорошо себя знаю... моей головы и на одного—то меня иногда не хватаетъ; а еслибъ еще пришлось ей думать за двоихъ — то ужъ она рѣшительно никуда бъ не годилась!.. Андіоль все-таки твой двоюродный братъ и лучший другъ!.. Сейчас рыскалъ я по конторамъ журналовъ и велѣлъ публиковать о продажѣ замка; оттуда забѣжалъ въ типографію для особыхъ объявленій; а потомъ былъ на почтѣ, захватилъ для тебя цѣлую пачку писемъ; ты ихъ найдешь на бюро...

Эдуардъ, *подавая ему руку*. И я смѣлъ въ тебѣ усумниться! Прости меня... несчастіе доводитъ до несправедливости!..

Андіоль, *сжимая руку*. Бѣдный Эдуардъ!.. Перестань же, сдѣлай милость!.. (*горестно*). Ну, что, нѣтъ никакой перемѣны?.. Она все безъ памяти?.. (*вздохъ Эдуарда*). Какое несчастіе! Одинъ изъ докторовъ сейчасъ мнѣ встрѣтился и сказалъ что нѣтъ никакой надежды!.. (*движеніе Эдуарда*). Ахъ, я болванъ!.. что я надѣлалъ!.. (*перемѣнная тонь*). Такъ ты, Эдуардъ, рѣшительно хочешь продать замокъ?

Эдуардъ. Какъ можно скорѣе! чтобъ увезти ее отсюда.

Андіоль. Ну, кажется, я нашелъ покупателя!..

Эдуардъ. Въ самомъ дѣлѣ?..

Андіоль. Сначала я думалъ, не кушитъ ли его молодой Шампньоль; онъ искалъ землю; но онъ уѣхалъ въ Драгиньянъ. Когда я въ досадѣ возвращался сюда, пришла мнѣ ечастливая мысль зайти въ грязный трактиръ *«Добраго Лоцмана»*, признаться, я не хотѣлъ завтракать... въ минуты горести пропадаетъ аппетитъ... Однако въдъ нужно же поддержать свои силы; я спросилъ раковъ: легкое кушанье!.. и встрѣтилъ тутъ одного господина...

Эдуардъ, *разсыпнно*. Своего знакомаго?

Андіоль. Нѣтъ! къ сожалѣнію, я не имѣлъ чести быть съ нимъ знакомымъ.. Человѣкъ пріятной наружности, съ ленточкой Почетнаго Легіона... на блѣдномъ лицѣ его выражалось страданіе души!.. Передъ нимъ стоялъ роскошный завтракъ, однако онъ ничего не ѣлъ... Я принялся за своихъ раковъ, какъ вдругъ хозяинъ трактира громко спросилъ меня: «Правда ли, г-нъ Андіоль, что продается замокъ Робервиль?»— Правда, другъ мой; не хочешь ли кушитъ? — «Замокъ Робервиль!» сказалъ блѣдный незнакомецъ. «А развѣ вы его знаете?» — «Нѣтъ; но слыхалъ объ немъ». — Вы здѣшній? — «Нѣтъ; но мнѣ доктора совѣтуютъ полечиться здѣшнимъ воздухомъ, и потому я иду купить»... Я думаю: слава Богу, нашелъ покупателя; не подадимъ вида, что спѣшимъ продать... и давай ему хвалить землю и строенія... Онъ нарочно все о владѣльцахъ, чтобъ знаешь, показать, что не интересуется... а я твержу свое—и искуснымъ образомъ предлагаю ему отправиться вмѣстѣ осмотрѣть имѣніе... онъ идетъ на штуку и охотно соглашается; я раздѣлываюсь съ трактирщикомъ и... (*Вспомнивъ, вскрикиваетъ*). Ахъ, я забылъ взять сдачу... ну, да пусть служанкѣ останется на водку!.. И вотъ я привезъ его сюда.

Эдуардъ. Гдѣ же онъ?

Андіоль, *показывая направо*. У воротъ.

Эдуардъ. У воротъ!.. очень вѣжливо!

Андіоль. Надобножь было прежде сказать тебѣ...
Эдуардъ, *хочетъ идти*. Ступай, ступай... введи его скорѣе, или я самъ...

Андіоль. Не безпокойся!.. вотъ онъ! (*Зоветъ*). Милостивый государь!.. Милостивый государь!.. потрудитесь... (*Тихо Эдуарду*).
Погоди говорить... пусть онъ начнетъ первый.

УП.

Тѣ же, ГЕНРИХЪ, въ простомъ костюмѣ, во фракѣ.

Андіоль, *рекомендуя Эдуарда*. Рекомендую вамъ моего двоюроднаго брата.

Эдуардъ. Милостивый государь!.. (*Кланяются*).

Генрихъ. Извините, что не имѣя удовольствія бытъ съ вами знакомымъ, я исмѣлился...

Эдуардъ. Напротивъ, я тысячу разъ прошу извиненія...

Андіоль. Господа, оставимте церемоніи! (*Эдуарду, указывая на Генриха*). Имъ угодно осмотрѣть замокъ; положимъ, ты еще не совсѣмъ рѣшился его продать... однако, если дадутъ хорошую цѣну...

Генрихъ. Я бы очень желалъ сойтись съ г-мъ Робервилемъ.

Эдуардъ. Только бы замокъ вамъ понравился, а въ цѣнѣ мы сойдемся. Я во что-бы-то ни стало спѣшу уѣхать отсюда.

Андіоль, *тихо*. Ну такъ! Отдай лучше даромъ за скорымъ отъѣздомъ!.. Хорошо торгуется!.. (*Громко*). То есть: онъ точно уѣзжаетъ, но по причинамъ, совершенно постороннимъ... (*Генриху*). Мѣстоположеніе и домъ удивительные... и я увѣренъ, что вы, какъ человѣкъ деликатный и благородный, не захотите воспользоваться обстоятельствами...

Генрихъ. О! совсѣмъ напротивъ, сударь...

Андіоль. Сейчасъ видно, что вы не такихъ правилъ... Открытая фізіономія!.. Двѣсти десятинъ земли, каменные стѣны!.. Я, помнится, гдѣ-то васъ видалъ?.. (*Продолжая*). Четырнадцать комнатъ чистыхъ... Замокъ, не скоро найдешь!.. Черты вашего лица... все изъ тесанаго камня, даже и принадлежности...

Эдуардъ. Зачѣмъ хвалить? Лучше они сами посмотрятъ и увидать...

ГЕНРИХЪ, *скоро*. Я только-что хотѣлъ васъ просить объ этомъ. (*Всторону*). Вѣрно, я съ ней встрѣчусь и успѣю сказать хоть слово!..

ЭДУАРДЪ, *Генриху*. И такъ, не угодно ли?

АНДИОЛЬ, *Эдуарду*. Ужъ это мое дѣло... а ты себя не разстройвай... (*Тихо Генриху*). Онъ въ горѣ; знаете... семейное несчастье...

ГЕНРИХЪ, *тихо, съ безпокойствомъ*. Несчастье?.. (*Всторону*). Онъ страшить меня!

АНДИОЛЬ. Вы хотите купить съ мебелью?.. Не такъ ли?

ГЕНРИХЪ, *тихо*. Да... но...

АНДИОЛЬ. И гораздо лучше, — самимъ не безпокоиться!..

ГЕНРИХЪ, *тихо*. Вы говорите...

АНДИОЛЬ, *тоже*. Дорогой все вамъ расскажу... (*Тихо Эдуарду*). Дѣло сладится и безъ тебя: онъ не будетъ торговаться... (*Громко*). А ты между тѣмъ готовь планъ и купчую. Можетъ быть они захотятъ взглянуть...

ЭДУАРДЪ. Съ удовольствіемъ, лишь бы кончить поскорѣе! А что до цѣны и условій платежа, — я заранѣе на все согласенъ.

АНДИОЛЬ, *про себя*. Именно!.. я зналъ, что онъ какъ-нибудь да испортитъ!.. (*Эдуарду*). Да уйди ты пожалуйста!.. (*Громко*). А мы и забыли предложить имъ подтвердить себя съ дороги!..

ЭДУАРДЪ, *Генриху*. Это правда; извините, что я прежде не догадался... но я теперь въ такомъ разтерянномъ состояніи... (*Схватясь*). Сю минуту достану вамъ бумаги и велю подать что-нибудь... освѣжиться...

(*Уходитъ*).

ГЕНРИХЪ, *хочетъ удержать его*. Благодарю васъ, — не трудитесь...

АНДИОЛЬ. Помилуйте!.. съ дороги! Я и самъ не прочь! А между-тѣмъ я сбѣгаю за ключами... велю отпереть всѣ комнаты!.. Если хотите отдохнуть... Садъ, или библіотека... (*Показывая на павильонъ*). Все къ вашимъ услугамъ! Я мигомъ ворочусь! (*Всторону*). Какой чудесный человѣкъ!.. Умница!.. и какъ говорить пріятно!.. (*Генриху*). Я не заставлю дожидаться!..

(*Уходитъ*).

VIII.

ГЕНРИХЪ, *одинъ*. Несчастіе!.. дрожу при одномъ этомъ словѣ— и не смѣю произнести имя Жюльетты!.. Если это роковое извѣстіе ужъ дошло до нея!.. Все какъ-будто нарочно возстаетъ противъ меня! (*Вынимая письмо*). Какъ я передамъ ей письмо, которое приготовилъ сегодня утромъ! Некому довѣрить его!.. Думалъ я Бернара обогнать и встрѣтиться съ нимъ въ Тулонѣ, но Бернаръ ужъ уѣхалъ оттуда... Надѣялся увидать его въ трактирѣ «Лоцмана» — посылалъ отыскивать, опять все напрасно!.. Шестъ часовъ провелъ я въ мучительномъ и бесполезномъ ожиданіи какого нибудь извѣстія, и больше ужъ не могъ владѣть собою!.. Какая бы ни угрожала мнѣ здѣсь опасность... Я долженъ видѣть Жюльетту и успокоить ее!.. Можетъ быть, прежде чѣмъ они ко мнѣ воротятся, я, гуляя по замку, какъ нибудь ее увижу.. (*Смотритъ въ глубину сцены*). Теперь же никого нѣтъ.. (*Показывая на стеклянную дверь съ лѣвой стороны*). Здѣсь бібліотека?.. вѣрно изъ нея есть сообщеніе...

(*Музыка. Въ то время, какъ онъ хочетъ войти, дверь отворяется и выходитъ Жюльетта*).

IX.

ГЕНРИХЪ, ЖЮЛЬЕТТА. Жюльетта, одѣтая просто, останавливается на порогѣ.

ГЕНРИХЪ, *замѣтивъ ее*. Что я вижу?..

ЖЮЛЬЕТТА, *слушая въ сторонѣ*. Тсъ!.. не шумите!..

ГЕНРИХЪ, *съ радостью*. Это она!

ЖЮЛЬЕТТА, *также*. Маріанна думала, что я сплю... ушла... и я сводяна!

(*Тихо затворяетъ дверь*).

ГЕНРИХЪ, *самъ съ собой*. Боже, Благодарю тебя!..

(*Идетъ къ ней*).

Жюльетта, *видя его*. Опять кто-то преследует меня!.. Смотри за мной!.. это несносно!

Генрихъ, *въ восторгъ*. Жюльетта!

Жюльетта, *смотря на него пристально*. Кто вы?.. Что вамъ угодно?..

Генрихъ, *удивясь*. Ты не узнаешь меня? Жюльетта!.. Это я, твой Генрихъ!..

Жюльетта, *судорожно*. Генрихъ!.. молчите! ахъ!.. молчите! Умоляю васъ... не называйте этого имени!.. если услышать!.. (*Въ полголоса*). Развѣ не знаете? У меня есть братья... нѣтъ! у меня два брата!.. они оба всегда со мной!.. Одинъ... добрый, меня любить... и я его люблю!.. а другой... Злой!.. Хочетъ его убить!.. Я не люблю его!.. Я его боюсь!..

Генрихъ, *смотритъ на нее съ ужасомъ*. Творецъ Всемогущій!.. Неужели ея разсудокъ?..

Жюльетта, *тихо, улыбаясь*. Когда его не будетъ, — слышите? (*Довѣрчиво*). Генрихъ придетъ сюда!.. Бернаръ мнѣ обѣщалъ!.. Я его увижу — и никто объ этомъ не узнаетъ... (*Въ полголоса, палецъ ко-рту*). Не говорите же никому!..

Генрихъ, *отчаянно*. О! несчастный!.. Я не ошибся! (*Беретъ ее за руку*). Жюльетта!.. и нѣтъ никакой возможности! (*Со слезами*). О! это ужасно!..

Жюльетта, *смотритъ на него*. Вы плачете?.. Какъ вы счастливы!.. а я не могу!.. (*Показывая на сердце и на голову*) Тутъ, ужасная тяжесть... а тутъ, какъ-будто все въ огнѣ!.. (*Съ улыбкой страданія*). Я даже боюсь, чтобъ не сойти съ ума!..

Генрихъ, *отчаянно*. И я живу еще!.. ахъ! Зачѣмъ я не умеръ!.. Зачѣмъ они спасли меня!..

Жюльетта, *пристально смотря на него*. Скажите мнѣ: онъ все еще тамъ?

Генрихъ, *дрожащимъ голосомъ*. Кто?

Жюльетта. Корабль!..

Генрихъ, *тоже*. Какой корабль?..

Жюльетта, *смотря передъ собою*. Его корабль! Тамъ, между двумя скалами... я не могу его видѣть.. Какой-то туманъ скрываетъ его отъ меня... а Бернаръ его видитъ, и говоритъ, что завтра онъ придетъ... Завтра!.. (*Въ отчаяннѣ*). И это завтра никогда не приходитъ!..

Генрихъ. Жюльетта! (*Про себя*). Еще есть надежда!.. (*Жюльеттѣ*). Именемъ неба, именемъ любви нашей умоляю тебя!..

Жюльетта!.. взгляни на меня!.. взгляни хорошенько!.. Бернаръ не обманулъ тебя!.. Тотъ, кого ты любишь, живъ!.. Онъ пришелъ къ тебѣ! Это я, твой Генрихъ, который спасенъ, но готовъ снова отдать жизнь свою, чтобъ только возвратить тебѣ разсудокъ, и который умереть у ногъ твоихъ, если ты его не узнаешь!..

Жюльетта, *недовѣрчиво, отходя прочь*. Генрихъ!.. Онъ?.. вы меня обманываете!..

Генрихъ. Что ты говоришь?..

Жюльетта. Вы меня обманываете, какъ и всѣ!.. Какъ я сама стараюсь обмануть себя!.. Я не сумасшедшая!.. Я не потеряла разсудокъ!.. Я знаю, что онъ умеръ; развѣ мнѣ не сказали!..

Генрихъ. Какъ?..

Жюльетта. Еслибъ я старалась объ этомъ забыть!.. (*Внимаетъ бумагу*) то эти роковыя строки напоминаютъ мнѣ; я ихъ безпрестанно перечитываю!.. и надѣюсь, что онъ скоро и меня убьютъ также!

Генрихъ, *взглянувъ на бумагу*. Рука Бернара!..

Жюльетта, *смутнымъ взоромъ пробѣгая написанное*. «Вооружитесь твердостью!.. вы его больше не увидите!..» (*Судорожно*). Видите, онъ умеръ, его нѣтъ!.. и мнѣ остается только умереть!..

Генрихъ, *поддерживая ее, ведетъ къ скамьѣ съ правой стороны*. Жюльетта!.. Жюльетта!.. и я никого здѣсь не имѣю!..

(*Заставляетъ ее сѣсть, и старается успокоить. Жюльетта нѣсколько минутъ сидитъ неподвижно и кажется о чемъ-то вспоминаетъ*).

X.

Тѣ же, БЕРНАРЪ, входитъ съ лѣвой стороны.

Бернаръ, *не видя Генриха*. Молодой человекъ, сказали мнѣ!.. и когда описали его примѣты!.. Сердце такъ и ёкнуло!..

Генрихъ, *оборотясь*. Бернаръ!..

Бернаръ, *вскрикиваетъ и остается неподвижнымъ отъ удивленія*. Онъ!.. Генрихъ!..

Генрихъ, *показывая на Жюльетту, дѣлаетъ ему знаки*. Тише!.. Осторожнѣ!..

Бернаръ, бѣжитъ къ нему и съ трудомъ можетъ говорить. О! нѣтъ!.. нѣтъ!.. нѣтъ!.. Я ничего не скажу! васъ ли я вижу?.. Дайте еще посмотрѣть на себя... дайте увѣриться!.. Генрихъ!.. (*Дотрогиваясь до него и цѣлуя руки*). Вы!.. Генрихъ!.. Слышь мой!.. Боже!.. благодарю тебя!.. (*Сжимая его въ объятіяхъ*). Когда ты упалъ, сердце замерло — я не выронилъ ни слезинки; а теперь... катются градомъ!..

Генрихъ, цѣлуя его. Другъ мой!..

Бернаръ, отирая слезы. Я тебя вижу!.. Скажи, какимъ чудомъ?..

Генрихъ, смотря на Жюльетту. Что я могу тебѣ говорить... въ эти ужасныя минуты!.. послѣ все узнаешь!.. Мексиканскій корабль принялъ меня едва живаго, безъ всякихъ чувствъ!.. Ахъ!.. Я бы проклялъ его... (*Показывая на Жюльетту*). Еслибъ зналъ, какой ударъ мнѣ готовится!..

Бернаръ, ударяя себя по лбу. И все я причину!.. Вѣрный исполнитель твоей воли... я поспѣшилъ... Глупое животное! Зачѣмъ я не подождать?..

Генрихъ. Я не виню тебя за твою дружбу и усердіе... Но, Бернаръ!.. посуди, какое адское мученіе! я здѣсь, я съ нею — и она не узнаетъ меня!.. Я ей говорю — и она меня не понимаетъ!..

Бернаръ. Не надо отчаиваться!.. Теперь, когда Богъ послалъ мнѣ утѣшеніе еще разъ увидѣть тебя, прижать къ груди моей, — теперь ужъ я не терню надежды и полагаюсь во всемъ на Его святую волю!.. Господь сохранилъ тебя — и ее сохранить!.. (*Весело показывая на Жюльетту*). Во-первыхъ, доктора отказались — ужъ это добрый знакъ!.. Мы вдвоемъ сдѣлаемъ больше, чѣмъ всѣ факультеты въ мірѣ!..

Генрихъ. Ахъ! еслибъ удалось ее спасти!..

Бернаръ, показывая на Жюльетту, которая приподнимаетъ голову. Вотъ!.. Она открыла глаза! (*Дѣлаетъ ему знакъ стать сзади*). Не показывайтесь!

Жюльетта, осматриваясь кругомъ. А!.. Это вы, Бернаръ?..

Бернаръ, нѣжнымъ голосомъ. Я... другъ мой!.. Я былъ тамъ, и сейчасъ лишь пришелъ сюда... Что вы ищете?

Жюльетта. Ничего!.. Странно... какой-то незнакомецъ, котораго я, кажется, сію минуту здѣсь видѣла... Но это одно воображеніе... Мечта... Со мной часто это бываетъ, не правдали?

Бернаръ. Нѣтъ, не мечта... въ самомъ дѣлѣ здѣсь былъ одинъ изъ моихъ друзей, котораго я ужъ не надѣялся больше увидѣть...

(Живо на ухо). И если вы общаете мнѣ быть поспокойнѣй, удерживаться отъ излишней радости...

Жюльетта, *вставая, умоляющимъ голосомъ*. Бернаръ, я угадала!.. Прошу васъ... не говорите... не напоминайте мнѣ!..

Бернаръ. Почему же?

Жюльетта. Тяжко... все надѣяться—и ждать!..

Бернаръ, *въ полголоса*. На этотъ разъ я клянусь вамъ...

Жюльетта, *сухо*. Нѣтъ... я вѣрю одному письму!.. (Показывая письмо, которое держитъ въ рукахъ). Оно не обманываетъ меня... Оно ясно говоритъ, что онъ умеръ!

Бернаръ, *тихо Генриху*. Проклятое письмо! Какъ уничтожить его дѣйствіе?..

Генрихъ, *тихо, вынимая письмо изъ кармана*. А! вотъ другое, которое я не могъ ей передать...

Бернаръ, *беретъ его*. О! какая мысль!..

Жюльетта, *пересматривая письмо*. Нѣтъ... Оно не обманываетъ меня!.. Оно...

Бернаръ, *тихо беретъ у ней письмо*. Какъ не стыдно! забрать себѣ въ голову одно и то же!

Жюльетта, *живо, бросаясь къ нему*. Письмо мое!.. Бернаръ!.. оно мое! зачѣмъ вы у меня его отняли!.. Отдайте,—я говорю вамъ!..

Бернаръ, *будто бы его отдаетъ, замявъ его письмомъ Генриха*. Ну вотъ! вы ужъ и разсердились!.. Успокойтесь!.. Боже мой!.. вотъ оно...

Жюльетта, *открывая его*. Я знаю его наизусть и сейчасъ увижу... (Бернаръ и Генрихъ оплаютъ другъ другу знаки и слушаютъ съ болзнію и волненіемъ, повторяя наизусть начало): «Вооружитесь твердостію!» (Останавливается). Здѣсь этого нѣтъ! (съ сильнымъ движеніемъ). Боже мой!.. Этотъ почеркъ?.. Бернаръ, что это значить?.. я знаю эту руку!..

Генрихъ, *всторону*. Волненіе усиливается!

Бернаръ, *всторону, удерживая Генриха*. Ни слова!

Жюльетта, *читая прерывающимся голосомъ*. «Милая Жюльетта, дай Богъ, чтобъ эти строки дошли до тебя прежде, чѣмъ «горестное извѣстіе успѣетъ нанести ударъ любви твоей! Я живъ и «люблю тебя еще больше, чѣмъ когда-нибудь».. (съ изступленіемъ). Бернаръ!..

Бернаръ. Что скажете?..

Жюльетта. Это отъ него!..

БЕРНАРЪ. Я вамъ говорилъ!..

ЖЮЛЬЕТТА. Я увижу его!..

БЕРНАРЪ, тихо. Даже сегодня!..

ЖЮЛЬЕТТА, задыхаясь отъ радости, хочетъ продолжать.
Хочу... и не могу! (рыдаетъ).

ГЕНРИХЪ, подходя къ ней. Великій Боже!..

БЕРНАРЪ, останавливая его. Погодите!.. плачеть!.. плачеть!..
Она спасена!..

ЖЮЛЬЕТТА, подымая голову. Я хочу знать!.. (кидается,
какъ-будто искать кого-нибудь, и вдругъ останавливается,
видитъ Генриха и смотритъ на него съ удивленіемъ).

БЕРНАРЪ, тихо Генриху. Ни съ мѣста!..

ЖЮЛЬЕТТА, (продолжаетъ смотреть на него).

ГЕНРИХЪ, Жюльетта!..

ЖЮЛЬЕТТА, вздрогнувъ. Мое имя!..

ГЕНРИХЪ, всторону. Творецъ!.. искра надежды!..

БЕРНАРЪ. Любовь лишила ее разсудка — любовь его и возвра-
тить!..

ГЕНРИХЪ, Жюльетта!..

ЖЮЛЬЕТТА. Его голосъ!.. Ахъ!.. нѣтъ!.. быть не можетъ!..
(На минуту закрываетъ глаза для того, чтобъ убѣдиться,
что это не видѣніе и падаетъ на скамью).

БЕРНАРЪ, смотритъ всторону и въ полголоса. Братъ идетъ
сюда!..

ГЕНРИХЪ. Бя братъ?..

БЕРНАРЪ. Уйдите!

ГЕНРИХЪ. Разстаться съ Жюльеттой!..

БЕРНАРЪ. Но... если она васъ узнаетъ при немъ?..

ГЕНРИХЪ, идетъ къ ней. Что бы ни было, — я не пойду отъ
нея!..

БЕРНАРЪ. По крайней мѣрѣ, — не открывайтесь!..

XI.

Тѣ же, ЭДУАРДЪ, входитъ съ лѣвой стороны.

ЭДУАРДЪ, въ глубинѣ сцены. Бумаги готовы, извольте...

БЕРНАРЪ, дѣлаетъ ему знакъ не подходить. Тсъ!.. тише!..

Эдуардъ, *останавливаясь*. Сестра!..

Бернаръ, *тоже*. Не подходите!..

Эдуардъ, *тихо*, Бернару. Что случилось?..

Бернаръ, *въ замѣшательствѣ*. Такъ, — что-то необыкновенное... (*всторону*). Хоть убей, не знаю что сказать!..

Генрихъ, *всторону*. Какое положеніе!..

Эдуардъ, Бернару. Узнаю ли я наконецъ?..

Бернаръ, *придумывая*. Странный припадокъ... новый пунктъ сумасшествія... Этотъ незнакомецъ... молодой человекъ, котораго я здѣсь нечаянно встрѣтилъ...

Эдуардъ. Ну?..

Бернаръ. Ей представилось, что онъ тотъ, о комъ она сожалѣть...

Генрихъ, *всторону*. Что я слышу?..

Эдуардъ. Генрихъ Мелькуръ?..

Бернаръ. Именно!..

Жюльетта, *смотря на Генриха*. Онъ еще здѣсь... Онъ не ушелъ!..

Бернаръ, *тихо Эдуарду*. Я не противорѣчилъ — и нарочно не хотѣлъ выводить ее изъ заблужденія; можетъ быть это средство намъ удастся!..

Эдуардъ, *тихо*. Ахъ! Еслибъ удалось!.. (*Генриху*). Государь мой! Дѣло идетъ о счастьи всей ея жизни; умоляю васъ именемъ Божіимъ, не разувѣряйте ее!..

Генрихъ, *всторону*. Ахъ!.. Еслибъ я могъ!..

Жюльетта. Нѣтъ!.. Это не мечта!.. Теперь я начинаю понимать!.. Но Боже мой! Бернаръ, отчего же онъ ужъ не говоритъ со мной? (*Генриху*). Говорите, говорите!.. я васъ слушаю; вашъ голосъ такъ пріятенъ моему сердцу!..

Генрихъ. Сударыня...

Жюльетта, *невидя брата, вставая*. Сударыня!.. развѣ вы забыли имя вашей Жюльетты!.. (*Печально*). Нѣтъ, — это не онъ!..

Генрихъ, *съ думой и постепеннымъ самозабвеніемъ*. Забыть имя Жюльетты!.. Нѣтъ!.. Это драгоценное имя никогда не выходило изъ моей памяти и сердца!.. Оно сохраняло меня во все время разлуки, и его я произнесъ первое, когда возвратился къ жизни!..

Жюльетта, *радостно*. О! теперь я убѣждена!.. (*Увидя*

Эдуарда.) Мой братъ!.. (*Заслоняетъ собою Генриха и старается его увезти.*) Спрячьтесь! Спрячьтесь!..

Эдуардъ, съ нѣжностію. Жюльетта! ты бѣжишь отъ меня!.. ты удаляешься отъ твоего брата!..

Жюльетта, стараясь улыbnуться. Я?.. Нѣтъ!..

Эдуардъ. Такъ ты не любишь меня?..

Жюльетта, идетъ къ нему. Я не люблю тебя?.. О! Эдуардъ!.. только зачѣмъ, жестокій, принуждена я тебя бояться?..

Эдуардъ. Но чѣмъ же я страшю тебя?.. Для чего, при моемъ приближеніи!..

Жюльетта, стараясь скрыть Генриха. И ты спрашиваешь!.. (*Читая во взорахъ Эдуарда.*) Да онъ его видѣлъ, и глядитъ безъ гнѣва!.. (*Живо.*) Эдуардъ, знаешь ли?.. вѣдь это Генрихъ!..

Бернаръ. Ну, разумѣется!.. (*Эдуарду.*) Скажите, что между вами все забыто!..

Жюльетта. Все забыто!.. Можетъ ли быть?..

Эдуардъ, нѣсколько колеблется. Да... да... Жюльетта.

Бернаръ, *Жюльеттѣ*. Слышите!..

Жюльетта. Ты больше не имѣешь къ нему ненависти?..

Эдуардъ. Изъ любви къ тебѣ, моя Жюльетта!..

Жюльетта. И ты оставилъ свое намѣреніе?

Эдуардъ. Клянусь тебѣ!.. ему нечего меня страшиться!..

Жюльетта, *глубоко тронутая*. Эдуардъ! Если это правда, — при мнѣ назови его братомъ!.. и дружески подай ему руку!..

Эдуардъ. Изволь, моя милая Жюльетта... (*подаетъ руку Генриху.*)

Генрихъ, *взявъ его за руку, съ душой*. Братъ мой!.. другъ и братъ — на всю жизнь!..

Эдуардъ, *смотря на Генриха*. Странно!.. Чужой человѣкъ! и говоритъ съ такимъ глубокимъ чувствомъ!..

Жюльетта, *бросаясь между ними и обнимая Эдуарда*. Эдуардъ!.. прости, прости, что я въ тебѣ сомнѣвалась и боялась тебя, такого добраго, нѣжнаго брата!.. Ну, можно ли, чтобъ ты желалъ моей смерти!.. А я бы не перенесла!.. Я бы умерла непременно!..

Генрихъ, *съ безпокойствомъ*. Жюльетта!..

Жюльетта, *улыбаясь*. О! теперь ужъ опасность миновала! теперь мнѣ хорошо! легко!.. И я опять счастлива!.. (*беретъ ихъ за руки.*) Прежде какая-то грозная туча носилась предо мной!..

она разсыялась... я вижу свѣтъ — и вновь оживаю!.. Вы оба возвратили мнѣ жизнь, радость, счастье и рассунокъ!..

Эдуардъ, *всторону*, *смотря попеременно на Жюльетту и на Генриха* Что я слышу! Это ужъ не безпамятство!.. Какое подозрѣніе!..

Жюльетта, *Генриху*. Теперь мы ужъ не разстанемся, неправда ли, Генрихъ? ты не будешь больше огорчать меня?

Генрихъ. Всю жизнь мою посвящу на то, чтобъ заставить тебя забыть прошедшее!..

Бернаръ, *издали дѣлаетъ знаки*, *Эдуардъ его удерживаетъ*. Гмъ, Гмъ!..

Генрихъ. И отереть тѣ слезы, которыя ты изъ-за меня проливала!.. Всегда съ тобою, — первое мое блаженство будетъ предупреждать твои мысли, желанія... (*цѣлуетъ ея руки*.) и никакая власть въ мірѣ не разлучитъ насъ другъ съ другомъ!..

Эдуардъ, *всторону*. Это онъ!..

Бернаръ, *всторону*. Ахъ, Боже мой!..

Жюльетта, *Эдуарду*. Что съ тобой?..

Эдуардъ, *съ принужденной улыбкой*. Ничего... однако другой на моемъ мѣстѣ могъ бы удивиться такому восторгу...

Генрихъ, *всторону*. Что я сдѣлалъ!..

Жюльетта, *улыбаясь*. Ахъ! да... (*Смотря на Эдуарда*.) Ему еще не все извѣстно... Онъ не знаетъ, до какой степени мы предъ нимъ виновны... но мы загладимъ нашъ поступокъ... (*Эдуарду*.) Я тебѣ сейчасъ скажу эту тайну, въ которой до сихъ поръ не смѣла открыться... (*про себя*.) Пойду, принесу ему нашъ свадебный контрактъ — и онъ немедленно его подпишетъ!.. (*Громко*.) Подождите меня здѣсь оба... я сейчасъ къ вамъ возвращусь! (*Убѣгаетъ*.)

ХII.

Тѣ же, кромѣ ЖЮЛЬЕТТЫ. (Эдуардъ идетъ сперва за нею, чтобъ увѣриться, что она ушла; въ это время Генрихъ и Бернаръ молча смотрятъ другъ на друга. Эдуардъ быстро подходитъ къ Генриху.)

Эдуардъ, *задышающимся голосомъ*. Вы Генрихъ Мелькуръ?..

Генрихъ. Милостивый Государь!..

Бернаръ, *всторону*. Ай! чортъ возьми!..

Эдуардъ, Вы Генрихъ Мелькуръ!.. моя ненависть васъ узнала... а ненависть не ошибется!..

Генрихъ. А если бъ это было и такъ?..

Эдуардъ. А!.. Это вы!..

Бернаръ. Господа! Г. Эдуардъ... позвольте... вы оба честные и благородные молодые люди... вспомните, — вы сію минуту общались!

Эдуардъ, *Бернару*. Г. Бернаръ!.. вы тоже обманули меня!..

Бернаръ. Повторяю вамъ...

Генрихъ. Одно слово!..

Эдуардъ. Довольно!.. вы, Генрихъ Мелькуръ, я... Эдуардъ Робервиль!.. пойдите!..

Бернаръ, *съ глубокимъ отчаяніемъ*. Все кончено!..

Генрихъ. Нѣтъ, государь мой!.. Чтобы вы обо мнѣ ни думали... и какъ бы вы меня ни оскорбляли, я никогда не рѣшусь на то, что противно моему сердцу — и ни подъ какимъ видомъ не буду съ вами драться!

Бернаръ. Да, тысяча бомбъ!.. Онъ не будетъ съ вами драться!..

Эдуардъ. Такъ я васъ заставлю!

Генрихъ. Нѣтъ, ни что въ мірѣ меня не заставитъ!.. Священные узы...

Эдуардъ, *съ презрѣніемъ*. А! вы хотите оградить себя любовью сестры моей... какъ нѣкогда отецъ вашъ оградилъ себя генеральскими эполетами!..

Генрихъ, *оскорбленный*. Мой отецъ!..

Эдуардъ. Да! онъ былъ такой же трусъ!..

Генрихъ. Трусъ!..

Эдуардъ, *съ силою*. Подлецъ!..

Бернаръ, *вскрикивалъ*. Г. Эдуардъ!..

Генрихъ, *бросаясь къ нему*. О! это ужъ слишкомъ!..

Эдуардъ, *сжимая его руку*. Наконецъ — вы согласны!..

ХІІІ.

Тѣ же и АНДЮЛЬ.

Андюль, *съ веселымъ лицемъ*. Проклятые ключи! Марианна насилу ихъ отыскала... ну что?.. сошлись? покончили?..

БЕРНАРЪ, *грубо*. Да, почти!.. они идутъ драться!..
АНДИОЛЬ, *испугавшись*. Драться!.. какъ драться?..
ЭДУАРДЪ, *тихо*. Ты обѣщала быть моимъ секундантомъ...
АНДИОЛЬ, *точно одурьлывъ*. Какъ?..
ЭДУАРДЪ, *Генриху*. А кто у васъ?..
ГЕНРИХЪ. Бернаръ.
БЕРНАРЪ. Есть!
АНДИОЛЬ. За что же у васъ вышло?..
ЭДУАРДЪ. О комъ я тебѣ говорилъ, — вотъ онъ!..
АНДИОЛЬ, *дрожжа отъ страха*. Неужели!..
ЭДУАРДЪ. Сходи за пистолетами!..
АНДИОЛЬ. Позволь однако...
ЭДУАРДЪ. Ты найдешь насъ у роши...
АНДИОЛЬ. Что день, — то горе!..
ЭДУАРДЪ. Мы пройдемъ другой дорогой...
АНДИОЛЬ. А лучше бы объясниться...
ЭДУАРДЪ, *толкая его*. Ступай — и помни, что ты мнѣ отвѣ-
чаешь, если ктонибудь насъ увидитъ!..
АНДИОЛЬ, *внѣ себя*. Онъ съ ума сошелъ! Онъ помѣшался, —
вслѣдъ за сестрою!.. и у меня тоже... голова кружится — и ноги
подкашиваются!.. (Эдуардъ на него взглядываетъ.) Иду!.. гово-
рить тебѣ, иду!.. Эдакой бѣшеной!.. (Уходитъ нальво. Жюльет-
та показала въ глубинѣ сцены въ срединѣ явленія, съ ужа-
сомъ слышала приказанія брата — и спряталась съ правой
стороны за деревьями.)

XIV.

ЭДУАРДЪ, ГЕНРИХЪ, БЕРНАРЪ, потомъ ЖЮЛЬЕТТА.

ЭДУАРДЪ, *Генриху*. Сюда, аллеей!.. а то изъ оконъ замка
насъ могутъ замѣтить... за мною!..

ГЕНРИХЪ. Я готовъ! (Идутъ вправо, Жюльетта вдругъ
появляется передъ ними.)

ЭДУАРДЪ, *въ изумленіи*. Сестра!..

ГЕНРИХЪ, *остановясь*. Жюльетта!..

БЕРНАРЪ, *всторону*. Слава Богу!..

ЖЮЛЬЕТТА, *послѣ минутной паузы*. Куда вы?.. (молчаніе.)
На дуэль?.. (съ жаромъ.) Не думайте обмануть меня, я все слы-
шала!..

Эдуардъ, *рѣшительно, и собирается идти. Идемъ!*

Жюльетта, *бѣжитъ къ Генриху и удерживаетъ его. Я не пушу!..*

Эдуардъ. Жюльетта!

Жюльетта, *съ силою. Нѣтъ!.. Онъ не пойдетъ!..*

Эдуардъ. Я долженъ отмстить за отца!..

Жюльетта. А я должна защищать мужа!

Эдуардъ, *пораженный. Мужа!..*

Бернаръ, *торжественно. Да... ея мужа... и вашего зятя!*

Генрихъ, *послѣ минутнаго молчанія. Видите, государь, что не изъ трусости я не соглашался съ вами на такой поединокъ!*

Эдуардъ, *убитый горестью. Ея мужъ!.. онъ!..*

Жюльетта. Вотъ тайна, которую я боялась тебѣ открыть! Тетушка сама способствовала нашему соединенію... возьми прочти этотъ свадебный контрактъ!..

Эдуардъ, *отталкивая ее. Оставь... оставь меня!..*

Жюльетта. Братъ!.. я не виновата!.. ты это знаешь! отчего жъ не хочешь подать руку моему Генриху?.. теперь должно исчезнуть воспоминаніе о прошедшемъ!

Эдуардъ. Исчезнуть?.. *(показывая письмо на конвертъ.)* А это письмо его отца, — письмо, погубившее честь нашей фамиліи!.. этотъ проклятый доносъ!.. Я сейчасъ его получилъ; вотъ онъ!

Жюльетта. Боже!..

Эдуардъ. Я думалъ, — нѣтъ крови, которая смоетъ пятно безчестія, — мой врагъ погибъ — и потому хотѣлъ уничтожить его, не читавши.

Генрихъ, *съ благородною гордостью. Если это письмо отъ моего отца, сударь, — я увѣренъ, что оно не можетъ заключать въ себѣ низости и клеветы, — и готовъ подтвердить въ немъ каждое слово.*

Эдуардъ, *хочетъ открыть письмо. А я..*

Жюльетта, *(взявъ его за руку и почти на колыняхъ.)* О!.. не читай его!.. Эдуардъ! на колыняхъ умоляю тебя! *(въ сильномъ волненіи.)* О! Боже мой!.. ты видѣлъ: отъ горести я лишилась разсудка... голова моя и теперь еще слаба.. я не знаю, какъ упрямъ ты!.. *(быстро.)* Сейчасъ ты называлъ его братомъ, слышишь ли?.. *(обоимъ.)* Нѣтъ!.. вамъ нельзя идти на дуэль!.. Это было бы убійство... *(показывая на Генриха.)* Онъ не будетъ защищаться... не правда ли, Генрихъ, вѣдь ты не будешь защищаться?..

и тогда, Эдуардъ, не онъ, а я буду жертвой твоего мщенія!.. да, я, сестра твоя, которую ты долженъ беречь!..

Эдуардъ, *тронутый*. О, мой отецъ!..

Жюльетта. Нѣтъ!.. батюшка не былъ бы такъ жестокъ, какъ ты!.. Еслибъ онъ могъ видѣть мою тоску, мое отчаяніе... еслибъ я сказала ему: «Батюшка!.. пожалѣйте дочь вашу; она умретъ если вы его не простите.. въ немъ все мое счастье... я люблю его, какъ васъ любила мать моя!.. убьете вы его — убьете и меня съ нимъ вмѣстѣ!.. *(задышающимся голосомъ и бросаясь на колѣна.)* Батюшка! именемъ этой святой любви покойной моей матери... заблинаю васъ, спасите меня!» *(рыдая.)* Ахъ! онъ сжалился бы надо мною, онъ не оттолкнулъ бы меня, — а подаль бы мнѣ руку и сказалъ: «пустъ его живетъ, дочь моя!.. мнѣ легче забыть обиду, чѣмъ сдѣлать твое несчастіе!..»

Эдуардъ, *совершенно разстроганный*. Жюльетта!.. О Боже мой!.. Боже мой!..

Жюльетта, *кидаясь къ нему на шею*. Ты плачешь!.. ты плачешь!..

Эдуардъ, *съ увлеченіемъ*. Кто можетъ тебѣ противиться! *(прижимаемая къ груди.)* Я побѣжденъ!.. и отецъ мой меня не осудитъ, — или пусть на мнѣ одномъ ляжетъ его проклятіе!..

Жюльетта. Братецъ!..

Бернаръ. Bravo, Г. Эдуардъ!..

Генрихъ, *Эдуарду*. Цѣлой жизни моей не достанетъ!..

Эдуардъ, *тихо отталкивая отъ себя его руку*. Пойдите, сударь!.. Я могъ пожертвовать моимъ мщеніемъ спасая сестру... но забыть имя, которое вы носите, жить съ вами подъ одною кровлею... называть васъ моимъ братомъ... это свыше силъ моихъ!.. я уѣзжаю отсюда — и навсегда!..

Генрихъ. Что вы говорите?

Бернаръ, *всторону*. Самъ сатана съ нимъ не сладитъ!..

Жюльетта. *горестно*. Ты оставляешь насъ!..

Эдуардъ. Я сдѣлалъ все, что могъ!.. не требуй отъ меня болѣе!.. *(Отдаетъ ей пакетъ)*. Истреби письмо и вспоминай иногда о своемъ братѣ! *(Уходя, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ)*.

Жюльетта, *сама съ собой и смощря на пакетъ*. Нѣтъ... надобно-жъ этому кончиться!.. *(украдкою открываетъ пакетъ и пробѣгаетъ нѣсколько строкъ)*.

Генрихъ, *Эдуарду*. И вы хотите разстаться съ своей родной... сестрою!...

ЭДУАРДЪ. Я требую отъ васъ только ея счастья, сударь... я слишкомъ дорого за него заплатилъ!.. Прощайте!..

БЕРНАРЪ. Г. Эдуардъ!..

ЖЮЛЬЕТТА, съ радостнымъ крикомъ. Что я вижу!.. (*читаетъ*). «Ваше Величество! въ минуту слѣпой запальчивости я оскорбилъ одного изъ достойнѣйшихъ офицеровъ, который оказалъ чудеса храбрости предъ моими глазами...»

ЭДУАРДЪ, возвращаясь и вырывая письмо. Что я слышу!.. (*продолжая читать*). «Государь! прошу Васъ, наградите полковника Робервиля генеральскими эполетами... или прикажите снять съ меня мой!.. Не только извиненіемъ, всею кровью моею я готовъ отвѣчать ему за мой проступокъ...» О Боже! .

ЖЮЛЬЕТТА, заглядывая въ письмо. А внизу приписка, другою рукою...

БЕРНАРЪ, читая изъ-за плеча Эдуарда. «Даю генеральскіе эполеты. Ненужно дузлей. Такіе люди, какъ Робервиль и Мелькуръ, рождены рука-объ-руку, а не другъ противъ друга. Наполеонъ... въ сраженіи подъ Ватерлоо.» (*Выткнувшись и отдавая честь*). Последняя награда, имъ подписанная!.. (*Эдуарду*). Вотъ вашъ вѣковой дипломъ!..

ЭДУАРДЪ, въ упоеніи восторга. Отцу моему возвращаютъ доброе имя — и самъ Императоръ!..

ГЕНРИХЪ, смотря на Эдуарда. Теперь?

ЭДУАРДЪ, бросаясь къ нему въ объятія. Другъ мой!.. братъ мой!..

ЖЮЛЬЕТТА, цалуя руки Эдуарда. О! какъ я счастлива!..

БЕРНАРЪ, бросая вверхъ шляпу. Вивать!.. Спускай паруса!.. мы въ пристани!..

XV.

Прежніе и АНДІОЛЬ.

Андіоль, блѣдный какъ полотно, дергаетъ Эдуарда за полу. Послушай!.. я ужъ цѣлый часъ тамъ дожидаясь...

ЭДУАРДЪ. Гдѣ тамъ?..

Андіоль. У роши съ пистолетами!..

Эдуардъ, весело. Съ пистолетами?.. брось ихъ въ воду!..

Андіоль. Что?..

Бернаръ, Андіолю. Вы взгляните!..

Андіоль, видя Эдуарда и Генриха въ объятіяхъ другъ у друга. Обнимаются!.. (отдыхая). Ну, отлегло отъ сердца!.. всегда бы такъ должны кончаться всѣ ссоры.. (Эдуарду). Стало-быть это не тотъ, съ кѣмъ ты хотѣлъ...

Эдуардъ. Нѣтъ, тотъ самый!

Андіоль, Бернару. Онъ предъ нимъ извинился?

Бернаръ. Нисколько.

Андіоль, удивясь. И они помирились?..

Генрихъ, пожимая руку Эдуарда. По-братски!..

Андіоль, А сестрица?

Бернаръ. Его жена!

Андіоль, удивясь еще болѣе. Чья жена?

Бернаръ, указывая на Генриха. Говорятъ вамъ — его!.. она ужъ опять въ своемъ разсудкѣ.

Андіоль, одурявъ совершенно и отходя въ сторону. Ну такъ, я ожидалъ! (махнувъ рукою). На всѣхъ поѣхало!.. Ахъ! Боже мой! Что съ нами будетъ?.. (смотритъ издали на группу персонажей, окружающихъ Жюльетту съ веселыми лицами). Бѣдвяжки!.. и какъ еще веселы!.. право, даже жалко!..

Жюльетта, Эдуарду и Генриху. Всегда... неразлучно!..

Всѣ. На всю жизнь!..

Андіоль, самъ съ собою. Да!.. да!.. всѣ они подъ пару другъ-другу!..

КОНЕЦЪ.

8028. 7083

ПАНТЕОНЪ

Состоитъ изъ **12** книжекъ, до **30** печатныхъ листовъ каждая, съ **12** номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ.» Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотоли-графическіе портреты*: русскихъ знаменитыхъ лицъ, писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ и проч.

ЦѢНА ЗА ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ:

Со всѣми бывшими приложеніями за 1852, 1853, 1854 и 1855 годы: — съ пересылкою 17 р. сер. за каждый годъ. Для подписчиковъ, желающихъ укомплектовать все изданіе, и взять всѣ годы вмѣстѣ — 50 р. с. за всѣ; за пересылку предлагается 5 р. с.

Имѣющіе нужду до Редакціи журнала «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю Ѳедору Алексѣевичу Кони, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ Лыткина.»